

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ и ПСИХОЛОГИИ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

П. Новгородцевъ. Кризисъ современ- наго правосознанія.	Критика и библіографія.
Л. Лопатинъ. Физикъ-идеалистъ. (Па- мяти Н. И. Шишкина).	I. Обзоръ книгъ. II. Библіографический листокъ.
В. Чижъ. Императоръ Павелъ I.	Извѣстія и замѣтки.
С. Сухановъ. О тревожно-мнительномъ характерѣ.	Психологическое Общество.
Н. Боровко. Воспріятіе рельефа.	Материалы для журнальной статис- тики.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.

1907.

Библиотека "Руниверс"

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Громомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVIII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга V (90).

НОЯВРЬ-ДЕКАБРЬ—1907 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пименовская ул., себ. домъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Cmp.

Кризисъ современаго правосознанія. (Продолженіе.) П. Новгородцева	433
Физикъ-идеалистъ. (Памяти Н. И. Шишкина.) (Продолжение.) Л. Лопатина	492
Императоръ Павель I. (Окончаніе.) В. Чиж	585
О тревожно-мнительномъ характерѣ. С. Суханова	679
Воспріятіе рельефа. Н. Боровко	690

Критика и библіографія.

I. Обзоръ книгъ.

William James. The Varieties of religious experience. A study in human nature. London. New York and Bombay. 1906. 12-е изд. XII + 534. А. Лазарева . .	709
Б. Шмидъ. Философская хрестоматія. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Пер. съ нѣм. Ю. А. Говсѣева подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Одесса 1907. П. Блонскаго	716
M. Ettlinger. Untersuchungen über die Bedeutung der Deszendenztheorie für die Psychologie. В. Зѣньковскій .	721
А. Ярошъ. Происхожденіе души и элементы познанія. Опыты параллелистического міросозерцанія. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. Г. Гордона	723
II. Библіографический листокъ.	

Ізвѣстія и замѣтки.

А. К. Шиманскій (Некрологъ). Н. Холоднаго	728
Московское Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ)	731
Материалы для журнальной статистики	735
Объявленія.	

Кризисъ современнаго правосознанія¹⁾.

VI.

Изученіе французской революціонной доктрины убѣдило насъ въ томъ, что уже здѣсь теорія народнаго суверенитета получила такое выраженіе, которое равносильно было отрицанію ея существа. Самая глубокая мысль ученія Руссо—идея о необходимости общаго признанія для утвержденія справедливыхъ законовъ—не была усвоена тѣмъ политическимъ направленіемъ, которое оказалось руководящимъ и для своего времени, и для послѣдующаго. Вместо этого возобладала и получила широкое распространеніе другая идея,—что подлинная народная воля выражается его представителями, лучшими и болѣе способными выразителями своего народа. Идея представительства по существу своему приводила къ признанію самостоятельности представительныхъ собраний, и на этомъ пути былъ возможенъ полный разрывъ съ началами народнаго суверенитета. Это и совершилось дѣйствительно въ позднѣйшей нѣмецкой теоріи, которая замѣнила идею народнаго суверенитета понятіемъ суверенитета государственного. Объединяя власть и народъ въ понятіи государства и покрывая этимъ болѣе обширимъ понятіемъ всѣ входящіе въ него элементы, нѣмецкая теорія не имѣла болѣе нужды говорить о народномъ суверенитетѣ. Идея суверенитета или верховенства, согласно этому воззрѣнію, неизбѣжно предполагаетъ государствен-

1) См. „Вопросы Фил. и Псих.“, кн. 89.

Вопросы философіи, кн. 90.

ную организацію, а государственная организація требуетъ установлениі полномочныхъ органовъ, выражаютъ волю цѣлаго. Эти органы представляютъ организованный въ государство народъ и являются юридическими выразителями его воли. Таковъ смыслъ господствующей нѣмецкой теоріи представительства. Однако, болѣе близкіе къ Руссо политические писатели не рѣшились отбросить его идею народной воли. Напротивъ, они провозгласили ее за основаніе того новаго политического воззрѣнія, которое лишь по внѣшности напоминало доктрину „Общественного договора“. За народомъ было признано значеніе высшей моральной санкціи, дѣйствительный же авторитетъ былъ перенесенъ на его представителей.

Въ сущности, въ этой новой формѣ, въ которой теорія народнаго суверенитета получила распространеніе, сохранилось только отвлеченнное признаніе старой идеи. Самое главное вѣрованіе Руссо,—что народная воля не нуждается для своего выраженія ни въ посредникахъ, ни въ представителяхъ, что подобно свѣту дня, она всегда и непосредственно даетъ о себѣ знать,—это вѣрованіе у позднѣйшихъ послѣдователей Руссо не встрѣчается. Въ этомъ и заключалось ихъ рѣзкое и коренное различіе отъ Руссо. Въ „Общественномъ договорѣ“ была высказана оригинальная и замѣчательная мысль о возможности утвердить политику на основѣ безошибочнаго и непогрѣшимаго, такъ сказать, автоматического дѣйствія общей воли. Послѣдователи Руссо идею *автоматическаю образованія общей воли* замѣнили идеей *психическаго труда* *исканій и борьбы за содержаніе общей воли*. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, самъ собою выдвинулся на первый планъ вопросъ *объ органахъ*, при посредствѣ которыхъ выражается воля народа,—вопросъ несущественный съ точки зренія Руссо, который вѣрилъ въ возможность непосредственнаго самообнаруженія народныхъ желаній.

Но для того, чтобы сохранить принципіальную связь съ идеей народнаго суверенитета, послѣдователи Руссо должны были сдѣлать одно допущеніе, въ извѣстной степени оправ-

дывавшее ихъ отступление отъ теоріи „Общественного договора“. Они должны были допустить, что устами своихъ представителей говорить самъ народъ, что органы, уполномоченные къ выражению народной воли, являются истинными глашатаями народной правды, что черезъ нихъ обнаруживается та самая постоянная и незыблемая общая воля, о которой говорилъ Руссо въ „*Contrat social*“. Сами представители, вошедши въ составъ Национального собрания, были всецѣло проникнуты этимъ взглядомъ. Они считали себя призванными найти и установить бесспорные истины, вытекающія изъ воли народа. Принимая декларацию правъ, они были убѣждены, что провозглашаютъ принципы простые и неоспоримые, которые всегда будутъ служить залогомъ „сохраненія конституціи и счастья всѣхъ“. Они стремятся оградить выработанную ими конституцію отъ случайныхъ искажений послѣдующаго времени и съ этой цѣлью включають въ нее постановленія, затрудняющія возможность ея пересмотра. Всѣ эти данные свидѣтельствуютъ о томъ, что мечтательная вѣра въ незыблемую правду общей воли, дающей прочныя основы политической жизни, была всецѣло перенесена на представительныя собрания. Въ этомъ отношеніи политический оптимизмъ эпохи получилъ извѣстное подкрѣпленіе и со стороны Монтескье, утверждавшаго, что народъ удивительно избираетъ своихъ представителей. Долго затѣмъ жили эти идеи, которыя нашли едва ли не самое простое и ясное выраженіе во введеніи къ переизданію *Moniteur'a*¹⁾: „нельзя конечно—говорится здѣсь—искоренить совершенно личный интересъ, потому что онъ данъ намъ самой природой и по несчастью возвращенъ всѣми нашими учрежденіями; но въ народномъ собрании онъ никогда не бываетъ очень опаснымъ, потому что согласуется здѣсь вслѣдствіе цѣлаго ряда соображеній съ интересомъ общимъ: а если онъ ему противорѣчитъ, то это является

¹⁾ Réimpression de l'ancien *Moniteur*, introduction historique.. Avant-propos de l'édition publiée en l'an IV, p. XXVIII (въ концѣ тома.).

столь наглядно и постыдно несправедливымъ, что личный интересъ стыдится обнаружить себя на глазахъ у всего народа. Нѣтъ человека, который могъ бы желать чего-либо иного кромѣ своего счастья, и это справедливо о совокупности лицъ, неменѣе чѣмъ объ отдѣльныхъ лицахъ. Если этой совокупностью является народъ и если представительство его образуется изъ депутатовъ, взятыхъ безразлично изъ всѣхъ классовъ, то единственный союзъ, который будутъ представлять депутаты, это—народъ, и результатъ сужденій такого собранія необходимо составить общее счастье". Это было то самое убѣжденіе, о которомъ Джонъ Стюартъ Милль разсказываетъ въ „Автобіографіи“, какъ о своей юношеской вѣрѣ, которую онъ раздѣлялъ со своимъ отцомъ. „Въ политикѣ, говоритъ Милль, мы питали почти безграничное довѣріе къ двумъ вешамъ: къ представительному правленію и къ полной свободѣ сужденій. Вѣра моего отца въ силу воздействиія разумныхъ основаній на человѣческую мысль—при наличности полной свободы такого воздействиія—была весьма велика: онъ думалъ, что все будетъ спасено, если народъ научится читать, если всѣ возможныя мнѣнія будутъ высказываться предъ нимъ словесно и письменно, и если онъ будетъ проводить воспринятая имъ мнѣнія посредствомъ выборовъ въ законодательное собраніе¹⁾“.

Въ этихъ словахъ хорошо выраженъ тотъ руководящій мотивъ, который со времени Национальнаго Собранія былъ положенъ въ основу теоріи представительнаго государства. Въ иной формѣ и съ иными предпосылками здѣсь повторяется та же идея Руссо о легкомъ нахожденіи общей воли, о ея справедливости и согласіи съ интересомъ всѣхъ и съ общимъ счастьемъ. Въ этомъ отношеніи паѳосъ „Общественнаго договора“ пережилъ его теоретическія основанія и сохранился у его послѣдователей послѣ того

¹⁾ John Stuart Mill, *Autobiography*. Third edition London. 1874. P. 106. Эта и предшествующая цитата вмѣстѣ съ другими однохарактерными выдержками приведены въ интересномъ сопоставленіи у d'Eichtal, *Souveraineté du peuple et gouvernement*. Paris, 1895. Pp. 159—163.

какъ они совершенно видоизмѣнили его доктрину. Мысль о томъ, что общая воля раскрывается въ рѣшеніяхъ представительныхъ собраний, составляетъ опору этой видоизмѣненной теоріи народнаго суверенитета. Но являясь связующимъ звеномъ между этой теоріей и основными предположеніями доктрины „Общественного договора“, указанная мысль вызываетъ, однако, цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній. Пока остается въ силѣ предположеніе, что народъ выражаетъ свою волю въ рѣшеніяхъ, исходящихъ отъ него непосредственно и съ ясностью несомнѣнно присущихъ ему убѣжденій, утвержденіе, что общая воля, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ народную правду, понятно и естественно. Но какъ только это предположеніе замѣняется другимъ, что за народъ говорять его представители, тотчасъ же возникаетъ вопросъ, возможно ли для представителей выражать волю народа съ такою же точностью, съ какой онъ самъ могъ бы выразить ее. Процессъ избранія, порядокъ голосованія, принятие рѣшений обезпечиваются ли для представительныхъ собраний неизмѣнную вѣрность ихъ народной волѣ? И какъ судить объ этой вѣрности, если сама народная воля есть загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать? На этотъ рядъ сомнѣній теорія представительного государства не только не можетъ отвѣтить, но при дальнѣйшемъ анализѣ только подтверждаетъ ихъ силу. Если бы кто захотѣлъ исходить изъ той мысли, что представительство вѣрно и совершенно отражаетъ волю народа, ему пришлось бы въ концѣ концовъ сказать, что эта задача ни для какого представительства въ мірѣ неосуществима и по существу невозможна. Съ этой точки зрењія представительную систему можно было бы подвергнуть самой жестокой критикѣ и отвергнуть ея правомѣрность. Но такой результатъ заставилъ бы насъ только усомниться въ правильности исходнаго начала. Представительное правленіе является неизбѣжнымъ достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ развитія, и отвергать его было бы столь же не-

мыслимо, какъ отрицать судъ, администрацію и другіе элементы правового порядка. Въ системѣ учрежденій правового государства оно является *не одной изъ формъ* его строенія, а *общимъ и необходимымъ элементомъ* его организаціи. Надо, слѣдовательно, предположить, что источникъ своей нравственной силы представительное государство почерпаетъ не въ предположеніи точнаго воспроизведенія народныхъ желаній, а въ какой-либо иной идеѣ; и мнѣ кажется, такой идеей является понятіе организаціи общественнаго мнѣнія при помощи созданія особыхъ органовъ для его выраженія. Задача правового государства заключается въ томъ, чтобы создать солидарность власти съ народомъ, но такъ какъ народная воля не является единой, опредѣленной и ясной и состоять изъ совокупности разнородныхъ и часто противорѣчивыхъ желаній, то для того, чтобы руководствоваться ею, надо ее организовать, съ цѣлью свести къ единству. Понятно, что эта организованная воля не можетъ отражать съ точностью всѣхъ желаній, которыя слышатся въ народѣ: въ лучшемъ случаѣ она даетъ только равнодѣйствующую этихъ желаній. И потому отношеніе къ ней народа во всей совокупности его элементовъ не есть отношеніе всеобщаго согласія и удовлетворенія, а только отношеніе признанія и примиренія, нерѣдко болѣе пассивнаго, чѣмъ дѣятельнаго. Съ болѣе высокой точки зрењія, такой порядокъ отношеній слишкомъ далекъ отъ идеала всеобщей гармоніи душъ, которая должна отличать совершенное общеніе, и съ этой точки зрењія представительное государство есть лишь этапъ на пути дальнѣйшаго развитія. Оно и можетъ быть понято и принято, какъ этапъ и ступень, какъ путь къ высшему и болѣе совершенному порядку отношеній.

Таковъ взглядъ, вытекающій изъ данныхъ современной практики и науки. По сравненію съ прежней теоріей представительства, которая видѣла въ немъ вѣнецъ развитія и конечный политическій идеаль, этотъ современный взглядъ можетъ показаться результатомъ разочарованія. Несомнѣн-

но, эта современная точка зрења не питаетъ прежнихъ иллюзій; но тѣмъ болѣе прочную почву создаетъ она для правового государства, ибо эта почва не мечтательная, а реальная. Не въ ореолѣ безусловнаго совершенства, а съ печатью временнаго явленія, подлежащаго дальнѣйшему развитію, предстаетъ здѣсь правовое государство. И тѣмъ вѣрнѣе охраняется оно отъ ударовъ, которые могутъ быть сдѣланы противъ него съ безусловной точки зрења. Для *современнаю* міра это—необходимый и неизбѣжный путь, и этимъ сказано все. Принципъ безусловнаго совершенства, правильно примѣненный, требуетъ только признанія, что это путь, а не конечная цѣль.

Высказанныя здѣсь положенія представляютъ рѣшительное отступленіе отъ ходачей теоріи народнаго суверенитета, какъ мы ее изложили. Намъ предстоитъ теперь доказать, что это отступленіе оправдывается фактами жизни и требованіями науки. Намъ предстоитъ выяснить, что и вторая форма теоріи народнаго суверенитета не выдерживаетъ критики и что на самомъ дѣлѣ представители народа не столько выражаютъ его волю, сколько направляютъ и организуютъ ее.

VII.

Представители народа являются точными выразителями воли народной, черезъ нихъ проявляющейся и господствующей въ государствѣ—таково исходное положеніе видоизмѣненной теоріи народнаго суверенитета. Но обдумывая это положеніе, мы снова чувствуемъ, какъ при свѣтѣ болѣе зрѣлаго политического опыта и углубленнаго размышленія съ разныхъ сторонъ опять возникаютъ сомнѣнія и затрудненія, крайне осложняющія основной тезисъ. По прежнему, какъ и во времена Руссо, оптимистические сторонники теоріи народнаго суверенитета склонны думать, что общественное мнѣніе есть ясная и легко уловимая величина. Но болѣе, чѣмъ когда-либо, опытъ новѣйшаго времени говоритъ, что общественное мнѣніе есть задача или загадка,

которую еще трудно выразить, чѣмъ разгадать. Въ 1858 г., въ первомъ издании своего трактата „О свободѣ“ Милль писалъ: въ политическихъ и философскихъ теоріяхъ, какъ и въ дѣйствіяхъ отдельныхъ лицъ, успѣхъ раскрывается такія ошибки и недостатки, которые при неудачѣ остались бы скрытыми отъ наблюденія... Когда демократическая республика распространилась на значительной части земного шара, выборная и ответственная форма правленія сдѣлалась предметомъ наблюденій и критики, которая отправляются отъ существующаго факта. И тогда-то пришли къ сознанію, что такія фразы какъ „самоуправление“ или „власть народа надъ самимъ собою“ не выражаютъ дѣйствительнаго положенія вещей. „Народъ“, который пользуется властью, не всегда тотъ же самый народъ, на который власть простирается; и такъ называемое „самоуправление“ не есть управление каждого самимъ собою, а каждого—всѣми остальными. Къ тому же народная воля на практикѣ представляеть собою волю болѣе многочисленной или болѣе дѣятельной части, волю большинства или тѣхъ, кому удастся заставить признать себя за большинство“ ¹⁾.

Эти замѣчательныя слова мыслителя, вышедшаго изъ школы Бентами, столь горячо отстаивавшей идею народовластия, указываютъ самую слабую сторону теоріи народнаго суверенитета. Народная воля на практикѣ можетъ яляться даже не волей большинства, а волей тѣхъ, „кому удастся заставить принимать себя за большинство“. Но то, что еще Милль констатировалъ, какъ практику демократическихъ республикъ, не есть простая случайность: это естественное послѣдствіе чрезвычайно сложнаго сочетанія условій, которыя лишь отчасти поддаются исправленію, въ большинствѣ же случаевъ представляютъ непреодолимыя препятствія для достиженія идеального результата.

Говоря объ отраженіи въ законахъ чистой народной во-

¹⁾ John Stuart Mill, On liberty. The second edition, London, 1859, pp 11—12.

ли, Руссо имѣлъ въ виду чистоту источника этой воли. Постѣдующая практика выдвинула на первый планъ вопросъ объ органахъ для выраженія общей воли и объ ихъ цѣлесообразномъ устроеніи. Но политическій опытъ удостовѣряетъ насъ, что какъ непосредственный источникъ общей воли—общественное мнѣніе народа, такъ и органы его—различные представители и выразители этого мнѣнія, по самой природѣ своей исключаютъ возможность точного и яснаго выраженія общей воли. Нашъ дальнѣйшій анализъ и будетъ направленъ къ тому, чтобы разъяснить это положеніе. Мы начнемъ съ источника общей воли, съ общественного мнѣнія народа. То, что не разъ уже намъ приходилось высказывать,—что общественное мнѣніе „не есть готовый фактъ, а лишь задача или руководящая норма, которая въ своемъ положительному содержаніи нерѣдко оказывается загадкой, уравненiemъ со многими неизвѣстными, таинственной и неопределенной величиной“,—это слѣдуетъ теперь разъяснить путемъ болѣе точного изученія понятія общественного мнѣнія.

Идеальнымъ выраженіемъ общественного мнѣнія слѣдовало бы признать, если бы каждый членъ общества могъ принять участіе въ его образованіи, самостоятельно и свободно внося въ него свою долю опыта и размышенія. Извѣстіе взаимодѣйствія такихъ свободныхъ и зрѣлыхъ мнѣній могло бы сложиться общее мнѣніе, прочное по своей основе и авторитетное по своему содержанію. „Ортодоксальная демократическая теорія,—замѣчаетъ Брайсъ,—предполагаетъ, что каждый гражданинъ продумалъ или долженъ былъ продумать для себя извѣстная мнѣнія, т.-е. долженъ имѣть опирающейся на аргументы определенный взглядъ на то, въ чемъ нуждается страна, какія начала должны быть примѣнены къ управлению ею и въ руки какихъ людей слѣдуетъ вверить правительственную власть“¹⁾). При та-

1). Bryce, The american commonwealth. New York, 1903 Vol II, p. 250. По вопросу объ общественномъ мнѣніи см. въ особенности соответствующей отдѣль книги Брайса въ его трудахъ объ „Американской республикѣ“

комъ предположеніи и общественное мнѣніе, слагающееся изъ мнѣній отдельныхъ гражданъ, имѣло бы особую цѣнность. Но тотъ же Брайсъ, изучавшій общественное мнѣніе въ странѣ, въ которой оно, по его словамъ, столь могущественно, какъ нигдѣ, и болѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ быть хорошо изучено, свидѣтельствуетъ на основаніи своихъ наблюденій, что, лишь небольшая часть взглядовъ, которыми располагаетъ средній человѣкъ, когда онъ идетъ подавать свой голосъ, выработана имъ самимъ; достаточно сдѣлать опытъ ознакомленія съ выраженіемъ общественна-го мнѣнія, „чтобы убѣдиться, какъ однообразны мнѣнія во всѣхъ классахъ народа, какъ мало въ идеяхъ каждого ин-дивидуального и самостоятельно выработанного и какъ мало прочности и существенного содержанія въ политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ девятнадцати человѣкъ изъ двад-цати. При внимательномъ анализѣ этихъ воззрѣній окажет-ся, что они состоятъ изъ двухъ или трехъ предразсудковъ, изъ двухъ или трехъ предубѣжденій въ пользу какого-ни-будь вождя или какой-нибудь фракціи политической партіи, изъ двухъ или трехъ фразъ, заключающихъ въ себѣ такіе аргументы, которые повторяются безъ предварительной провѣрки“.¹⁾ То заключеніе, къ которому приходитъ Брайсъ на основаніи продолжительного изученія проявле-ній общественаго мнѣнія въ Америкѣ, не представляеть чего-либо новаго для политической науки. Задолго до него Гольцендорфъ, посвятившій специальный трактатъ изученію общественаго мнѣнія, точно также утверждаетъ, что боль-шая часть людей, стоящихъ на низшихъ или среднихъ ступеняхъ развитія, охотно усваиваютъ тѣ взгляды на об-щественные дѣла, которые имъ всего чаще приходится

(*The American commonwealth. Vol. II Public opinion*). Указанный отдельъ пред-ставляетъ собою едва ли не самое замѣчательное изъ всего, что было написано по этому предмету. Съ выводами Брайса, сдѣланными на основаніи продолжительныхъ наблюденій надъ американской дѣйствительностью, очень интересно сопоставить во многихъ основныхъ пунктахъ совпадающія съ ними заключенія Гольцендорфа, представляющія плодъ болѣе отвлеченныхъ занятій.

¹⁾ Bruse, *ibid.*, pp. 249—250 пер., ч. 3, стр. 6.

слышать вокругъ себя или которые высказываются всего громче. Нерѣдко мнѣніе почему-либо представляющееся общимъ, дѣлается такимъ и на самомъ дѣлѣ, и каждый тѣмъ скорѣе пристаетъ къ нему, чѣмъ болѣе сознаетъ трудность выработать личными усилиями самостоятельное политическое убѣжденіе¹⁾.

Тѣ выводы, къ которымъ Гольцендорфъ и Брайсъ пришли на основаніи специальныхъ изслѣдований и наблюдений, могутъ быть пропрѣнены каждымъ при помощи данныхъ своего опыта. Къ этому явленію пассивнаго воспріятія чужихъ идей и покорнаго подчиненія извѣти приходящимъ взглядамъ можно относиться такъ или иначе; но нельзя не признать его вполнѣ естественнымъ, вытекающимъ изъ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ условій человѣческой жизни. Политика, какъ общее дѣло, можетъ быть признана обязанностью каждого, но для того, чтобы выполнить эту обязанность во всю мѣру возлагаемыхъ ею на человѣка задачъ, нужны не только чувство долга, не только специальный интересъ, но еще и специальная способности. Политика ставитъ предъ нами не только простые и ясные вопросы, отвѣтъ на которые тотчасъ же готовъ въ умѣ каждого, но также и проблемы величайшей сложности, для рѣшенія которыхъ требуются извѣстныя специальные познанія. Съ дру-

1) Гольцендорфъ, Роль общественного мнѣнія въ государственной жизни. Переводъ А. Ф. Анненскаго. Спб. 1881, стр. 97—98. Въ недавнемъ сочиненіи Дайси, посвященномъ конкретному вопросу о развитіи общественного мнѣнія въ Англіи, находитъ для себя новое подтвержденіе мысль о томъ, что общественное мнѣніе слагается подъ влияніемъ нѣкоторыхъ передовыхъ вождей общества. Дайси находитъ даже возможнымъ связывать цѣлые эпохи въ развитіи общественного мнѣнія съ именами нѣкоторыхъ выдающихся мыслителей, какъ напр., Блекстона и Бентама. Съ другой стороны онъ отмѣчаетъ, что господство демократіи вовсе не приносить съ собою такого коренного измѣненія законовъ, какого можно было бы ожидать отъ подчиненія ихъ верховенству народной воли. Это наблюденіе показываетъ, что народная воля и общественное мнѣніе не представляютъ собою ясныхъ политическихъ началь, способныхъ непосредственно и положительно опредѣлять законодательную дѣятельность. См. Dicey, Lectures on the relation between law and public opinion in England. London 1905. См. особ. lectures II и III.

гой стороны, сколь ни представляется важной обязанность гражданина, заставляющая внимательно и вдумчиво относиться къ политическимъ вопросамъ, но въ душѣ человѣка политическому интересу противопоставляются какъ глубоко захватывающіе личные интересы и предпріятія, такъ и высшіе и могущественные идеальные интересы,—религіозные, научные, художественные. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и въ самой политикѣ люди, не участвующіе въ ней непосредственно, гораздо болѣе интересуются общими цѣлями и программами началами, чѣмъ тактическими средствами и пріемами. Энтузіазмъ, который политика вызываетъ въ человѣкѣ, относится къ высшимъ и конечнымъ ея задачамъ, а не къ практическимъ способамъ ихъ осуществленія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности достижение поставленныхъ цѣлей нерѣдко совершается посредствомъ сложной совокупности тактическихъ ходовъ, въ которыхъ можетъ проявляться большое искусство политиковъ по призванію, но которые мало занимаютъ общество въ цѣломъ. Необходимость взаимодѣйствія или борьбы съ другими политическими силами создаетъ для каждой дѣйствующей группы потребность въ тактикѣ. Въ этомъ заключается будничная сторона политики, необходимая какъ средство, какъ черновая работа, но расхолаживающая тѣхъ, кто увлекается высокими политическими задачами.

Неудивительно, что при этихъ условіяхъ только немногие дѣятельно участвуютъ въ образованіи того общественаго мнѣнія, которое имѣеть въ виду политику во всемъ объемѣ ея цѣлей и средствъ: девятнадцать людей изъ двадцати, какъ говорить Брайсъ, не создаютъ, а только воспринимаютъ и распространяютъ общественное мнѣніе; но двадцатый человѣкъ, занимаясь преимущественно общественными дѣлами, создаетъ общественное мнѣніе и руководить имъ. На этомъ основано влияніе выдающихся политиковъ, талантливыхъ журналистовъ, распространенныхъ органовъ прессы, которымъ принадлежитъ руководящее значеніе въ образованіи общественного мнѣнія.

Такимъ образомъ роль широкихъ общественныхъ круговъ въ политической жизни имѣеть въ общемъ характеръ пассивнаго согласія съ получающими господство идеями. Иногда это даже не столько явное одобреніе, сколько отсутствіе рѣшительного протеста; это именно то пассивное признаніе (*Anerkennung*), въ которомъ нѣмецкій юристъ Бирлингъ хотѣлъ видѣть послѣднюю опору правового порядка вообще. Само собою разумѣется, что и для пассивнаго воспріятія и признанія есть свой предѣлъ: общество нельзя убѣдить въ чемъ угодно; его можно склонить только къ тому, что соотвѣтствуетъ его болѣе глубокимъ потребностямъ и инстинктамъ. Великіе политические дѣятели отличаются только тѣмъ, что они умѣютъ отгадывать скрытая тенденціи общественной мысли и въ соотвѣтствіи съ поставленными цѣлями ослаблять или усиливать ихъ проявленіе. Однако и самые выдающіеся изъ нихъ—вспомнимъ изъ недавняго прошлаго примѣры Гладстона и Гамбеты—испытывали на себѣ вліяніе этихъ тенденцій, лишь только они ошибались въ учетѣ ихъ дѣйствительной силы.

Изъ всего сказаннаго вытекаютъ и дальнѣйшія чрезвычайно важныя свойства общественного мнѣнія. Будучи по способу своего образованія гораздо болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ, общественное мнѣніе, во-первыхъ, не можетъ быть прочнымъ и устойчивымъ, во-вторыхъ, не можетъ быть опредѣленнымъ и яснымъ и въ-третьихъ, не можетъ охватывать область политическихъ вопросовъ во всей полнотѣ ихъ практической постановки. Для того, кто захотѣлъ бы найти въ немъ твердую почву для рѣшеній, оно во всякомъ случаѣ окажется недостаточнымъ, и безъ другихъ, болѣе прочныхъ критеріевъ, оно скорѣе разочаруетъ, чѣмъ поддержитъ того, кто вздумалъ бы съ нимъ не только считаться, но и во всемъ сообразоваться.

Общественное мнѣніе не можетъ быть прочнымъ и устойчивымъ, если оно вытекаетъ не изъ глубины убѣждений

каждаго, а изъ пассивнаго присоединенія къ распространяющимся идеямъ. При постоянной борьбѣ влиятельныхъ идей и программъ, при неизбѣжной перемѣнѣ событий и настроений, способность къ пассивному воспріятію влечетъ за собой постоянные колебанія и повороты въ умахъ, и въ болѣе сложныхъ условіяхъ жизни это наблюдается въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ въ обстановкѣ простого государственного быта. Какъ вѣрно разъясняетъ Гольцендорфъ, „съ расширеніемъ круга предметовъ, на которые обращается наше вниманіе, съ усилившимся раздѣленіемъ труда въ духовной области, вынуждающимъ единичныя личности останавливаться преимущественно на извѣстныхъ задачахъ, съ увеличившемся быстротою въ смѣнѣ господствующихъ надъ нами впечатлѣній вѣшняго міра,—и общественное мнѣніе потеряло часть своей устойчивости и постоянства. Вмѣстѣ съ этимъ уменьшилась и вѣроятность его усилий тамъ, где нужна настойчивая дѣятельность. Общественное мнѣніе теперь созрѣваетъ быстрѣе, но зато быстрѣе и увѣдаетъ. Нерѣдко оно совсѣмъ улетучивается въ короткій промежутокъ времени“¹⁾.

Отсюда становится понятнымъ, насколько трудно выяснить содержаніе общественного мнѣнія. Въ этой трудности Брайсъ справедливо усматриваетъ одну изъ слабыхъ сторонъ управления, руководствующагося общественнымъ мнѣніемъ. „На Западѣ народныя массы громко высказываютъ то, что думаютъ. Но ихъ голоса такъ оглушительны, что нелегко разобрать, какія мнѣнія высказываются большинствомъ и какія меньшинствомъ. Органы общественного мнѣнія чрезвычайно многочисленны и каждый изъ нихъ выдаетъ свои собственные мнѣнія за мнѣнія народа. Подобно всѣмъ другимъ цѣннымъ предметамъ и общественное мнѣніе под-

¹⁾ Гольцендорфъ, пит. соч., стр. 88—89, стр. 95. Это относится, конечно, къ отдельнымъ и конкретнымъ проявленіямъ общественного мнѣнія, а не къ тѣмъ болѣе постояннымъ его основамъ, которыя находятся въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и о которыхъ Дайси говоритъ, что онѣ измѣняются лишь медленно и постепенно (Dicey, o. с., р. 27).

вергается различнымъ поддѣлкамъ¹⁾). При отсутствіи определенного, яснаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія, при наличии въ немъ разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ течений, при постоянной возможности колебаній и перемѣнъ въ общественныхъ настроеніяхъ узнать, чего именно хочетъ общество, чего хочетъ народъ—дѣло чрезвычайно трудное. Здѣсь именно нужно творчество и искусство; надо, какъ говорилъ Гегель, не только прислушиваться къ тому, что говорятъ здѣсь и тамъ, надо понимать „внутреннюю природу и существо своего времени“. Чтобы имѣть дѣйствительное право говорить отъ имени народа, надо понимать его подлинныя нужды и стремленія. Но рѣшающее значеніе имѣютъ здѣсь не случайные толки и слухи, а дѣйствительное ознакомленіе съ нуждами и стремленіями народа, руководимое высшими началами политической мысли.

Мы замѣтили выше, что общественное мнѣніе не можетъ служить единственнымъ основаніемъ для рѣшенія политическихъ вопросовъ. И это зависитъ не только отъ указанныхъ ранѣе причинъ, но также и отъ того, что общественное мнѣніе не охватываетъ всей области политическихъ проблемъ и не вездѣ проявляется съ одинаковымъ единодушiemъ, силой и настойчивостью. Еще Блюнчли обратилъ вниманіе на то, „что общественное мнѣніе имѣетъ гораздо болѣе силы въ отрицательномъ направленіи,—при противодѣйствіи тѣмъ или другимъ правительственнымъ планамъ, нежели въ положительному,—при осуществленіи собственныхъ требованій²⁾). Припоминая это наблюденіе Блюнчли, Гольцендорфъ разъясняетъ его въ томъ смыслѣ, что соединить большое число людей всего легче въ какомъ-нибудь отрицаніи. Но это правильное замѣчаніе въ свою очередь находитъ для себя разъясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что обнаружившіеся недостатки и рѣзкія несо-

¹⁾ Bryce, *ibid.* II. p. 354; русск. пер. ч. 3, стр. 109. Ср. Гольцендорфъ, *ibid.*, стр. 55.

²⁾ Гольцендорфъ, цитир. соч., стр. 86.

вершенства настоящаго сознаются и чувствуются гораздо яснѣе и нагляднѣе, чѣмъ положительныя черты будущаго. Отрицательныя стороны извѣстнаго явленія всѣми могутъ сознаваться одинаково, но въ положительныхъ требованіяхъ взглѣды тотчасъ же расходятся, и это расхожденіе даетъ о себѣ знать тѣмъ болѣе, чѣмъ конкретнѣе и подробнѣе становятся очертанія положительной программы. При томъ же разработка и защита положительныхъ началь требуетъ несравненно большей энергіи и гораздо болѣе продолжительного воздействиія. Напротивъ, „стоять на отрицаніи сравнительно легче; разъ высказанное оно не требуетъ дальнѣйшаго напряженія душевныхъ силъ для своего поддержанія“.

Изъ всего этого можно было бы вывести своего рода законъ для дѣйствія общественнаго мнѣнія. Можно сказать, что оно проявляется съ тѣмъ большимъ единодушіемъ и силой, чѣмъ болѣе относится оно къ отрицательнымъ и общимъ положеніямъ; и что по мѣрѣ необходимости выраженія положительныхъ и конкретныхъ сторонъ, общественное мнѣніе все болѣе утрачиваетъ свое единство и могущество и за извѣстнымъ предѣломъ становится совершенно безсильнымъ, отказывая въ какихъ бы то ни было указаніяхъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы ихъ имѣть. Въ чрезвычайно интересной главѣ, подъ заглавиемъ: „Въ чёмъ общественное мнѣніе безсильно“ (wherein public opinion fails), Брайсъ удостовѣряетъ, что именно желаніе во всемъ сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ составляетъ непреодолимое затрудненіе для американскихъ законодателей. „Когда члены конгресса приходятъ къ убѣждению, что страна желаетъ изданія какого-нибудь закона, они приступаютъ къ составленію законопроекта, но такъ какъ у нихъ нѣтъ руководителя, то ихъ законопроекты оказываются нерѣдко нецѣлесообразными, а ихъ опасеніе уйти за предѣлы того, чего требуетъ общественное мнѣніе, замедляетъ исполненіе народной воли. Народъ имѣеть право высказывать свои желанія, но онъ не въ состояніи указать, какимъ способомъ

и въ какой формѣ должны быть исполнены эти желанія,— другими словами, общественное мнѣніе можетъ указывать конечную цѣль, но не способно разсмотрѣть и выбрать средства, которыми могла бы быть достигнута эта цѣль. Народъ берется за разрѣшеніе важныхъ проблемъ и медленно, и неловко. Онъ постоянно помышляетъ о нихъ, постоянно о нихъ толкуетъ, жалуется на то, что онъ не разрѣшаются конгрессомъ, и очень недоволенъ тѣмъ, что онъ не разрѣшаются сами собою. Но онъ все-таки остаются неразрѣшеными¹⁾.

Эти замѣчанія Брайса въ высшей степени важны и любопытны. Они разясняютъ намъ еще одну существенную подробность въ природѣ общественного мнѣнія: въ силу присущихъ ему свойствъ, оно неспособно выбирать средства для намѣченныхъ цѣлей и указывать конкретные планы для необходимыхъ реформъ. Руководители общественного мнѣнія, призванные политики могутъ вырабатывать такие планы и распространять ихъ въ обществѣ, но поднять общественное мнѣніе на высоту яснаго сознанія всѣхъ подробностей такихъ практическихъ плановъ—задача непосильная, если даже рѣчь идетъ и не о широкихъ народныхъ массахъ, а о болѣе узкихъ партійныхъ группахъ. Быть можетъ вознагражденіемъ за этотъ недостатокъ общественного мнѣнія можно считать вмѣстѣ съ Брайсомъ „тотъ фактъ, что когда мнѣніе всей націи, наконецъ, находитъ случай высказаться вполнѣ опредѣленно, оно является самымъ компетентнымъ авторитетомъ для указанія цѣлей национальной политики“,... при чемъ „слова его будутъ имѣть такой вѣсь, какого не могли бы пріобрѣсть слова самого мудрого правящаго класса населенія“²⁾). Но во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что общественное мнѣніе, въ виду всѣхъ указанныхъ причинъ, не только неясно и неопределено, но сверхъ того еще „неполно и недостаточно, и именно съ

1) Bryce, *ibid.*, II, p. 356; русск. пер., ч. 3 стр. 110—111.

2) Bryce, *ibid.*, p. 364; р. п., стр. 118.

той стороны, которая для политики является столь существенной: *въ указаниі средствъ для поставленныхъ цѣлей.* Это—область, въ которой требуется не только здравый смыслъ, присущій массамъ, но и техническая подготовка, и специальная познанія. Наконецъ, это—область, въ которой болѣе всего даютъ о себѣ знать существующія въ обществѣ разногласія и противорѣчія, и здѣсь общественное мнѣніе является безсильнымъ. Мы можемъ теперь во всей силѣ оцѣнить старое замѣчаніе Милля, что народная воля на практикѣ есть даже не воля большинства, а воля тѣхъ, „кому удастся заставить принимать себя за большинство“. Лишь въ случаяхъ особенной важности выступаетъ на сцену дѣйствительное большинство; въ обычныхъ условіяхъ жизни и по цѣлому ряду вопросовъ отъ имени большинства говорятъ лишь извѣстныя общественные группы, болѣе энергично выступающія впередъ, при пассивномъ сочувствии или даже полномъ равнодушіи и безразличіи остальныхъ. Насколько въ такихъ случаяхъ поступаютъ правильно говорящіе отъ имени народа, это не можетъ быть рѣшено въ области пропрѣки формальныхъ полномочій; здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ спорныхъ вопросахъ, касающихся общественного мнѣнія, послѣдней инстанціей является внутренняя природа и существо времени. Съ этой точки зрѣнія политика представляется, какъ борьба за правильное истолкованіе народной воли. Каждая общественная группа толкуетъ народную волю посвоему и каждая стремится сдѣлать свое толкованіе общимъ, привлечь на его сторону большинство, убѣдить всѣхъ въ его правильности. Все это потому, что народная воля не есть готовый фактъ, а лишь руководящая задача, разрѣшить которую мы должны соответственно съ нашей совѣстью и общественнымъ долгомъ.

Мы рассматривали до сихъ поръ общую волю со стороны ея источника и пришли къ заключенію, что въ самой основе своей она является неясной и недостаточной. Но именно въ виду этой неясности и недостаточности для выраженія общей воли всегда требовались органы, которые съ неиз-

мѣнной необходимостью выдвигались на первый планъ и ставили своей задачей не только выражение общественна- го мнѣнія, но прежде всего образованіе его. Это всеобщее явленіе представляется лишь обратной стороной того факта, что общественное мнѣніе не является сразу закон- ченнымъ и готовымъ, а постоянно образуется въ живомъ процессѣ общественныхъ взаимодѣйствій. Каждый изъ ор- гановъ, претендующихъ на выраженіе общественного мнѣнія,—и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе— всегда, если разобрать вопросъ по существу, исходить *не изъ того, каково есть общественное мнѣніе, а изъ того, какимъ оно должно быть*. Говоря отъ имени народа или общества, всегда мысленно построяютъ эти понятія, при чёмъ основаніями для этого построенія являются съ одной стороны извѣстные принципы и цѣли, а съ другой стороны, предположеніе о томъ сочувствіи, которое эти принципы и цѣли могутъ встрѣтить въ общественныхъ кругахъ. Ссылка на то, что таково и есть общественное мнѣніе, какимъ оно представ- ляется въ результатахъ указанного построенія, означаетъ только увѣренность, болѣе или менѣе основательную, въ томъ, что общество сочувствуетъ даннымъ принципамъ и цѣлямъ. Такимъ образомъ, при опредѣлѣніи роли органовъ общественного мнѣнія, мы прежде всего должны отмѣтить, что они не столько выражаютъ это мнѣніе, сколько фор- мулируютъ и создаютъ его. Все это вытекаетъ изъ того основного факта, что по способу своего образованія обще- ственное мнѣніе отличается гораздо болѣе пассивностью воспріятій, чѣмъ дѣятельной инициативой.

При обсужденіи вопроса объ организаціи общественна- го мнѣнія слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на вліяніе партіи. Руссо предполагалъ,—и въ этомъ отношеніи онъ выражалъ общую вѣру своего времени,—что въ образованіи общей воли всѣ должны участвовать самостоятель- но и свободно, не допуская между собой и суверенной волей никакихъ посредствующихъ вліяній: „Если бы въ то время, какъ народъ, будучи достаточно освѣдомленъ, об-

суждаєтъ свои рѣшенія, граждане не имѣли между собою никакого общенія, изъ большого числа мелкихъ различій всегда выходила бы общая воля и рѣшеніе всѣхъ было бы хорошо. Но когда употребляются особыя домогательства и создаются частные союзы въ ущербъ одному высшему, воля каждого изъ этихъ союзовъ дѣлается общею въ отношеніи къ его членамъ и частной въ отношеніи къ государству: тогда можно сказать, что голосующихъ будетъ не столько, сколько отдѣльныхъ лицъ, но сколько отдѣльныхъ союзовъ. Различія дѣлаются менѣе многочисленными, и результатъ, который изъ нихъ получается, менѣе общимъ". (L. II, ch. III). Съ точки зрењія идеального выраженія общей воли, слѣдовало бы допустить, какъ мы уже замѣтили выше, чтобы каждый вносилъ свою часть въ ея содержаніе въ полной мѣрѣ свободного самоопредѣленія. Это соотвѣтствовало бы и понятію свободы личности, которая въ равномъ со всѣми другими участіемъ въ суверенной власти почерпала бы подтвержденіе своего автономнаго значенія. Революціонная доктрина выдвинула, въ качествѣ органа для выраженія народной воли, представительство; но при этомъ предполагалось, что въ избраніи представителей всѣ дѣйствуютъ съ полной свободой самостоятельныхъ рѣшеній. Однако, дальнѣйшая практика народныхъ голосованій все болѣе обнаруживала тотъ фактъ, что при выраженіи общей воли невозможно избѣгнуть тѣхъ посредствующихъ инстанцій, которыхъ такъ опасался Руссо. Французская революція исходила изъ мысли, что провозглашеніе равенства и свободы лишь обеспечить для всѣхъ одинаковую самостоятельность; но оказалось, что для произведенія соціального результата необходима комбинація индивидуальныхъ силъ. Отдѣльные и разрозненные голоса, не сообразующіеся съ другими, при общихъ голосованіяхъ разсѣиваются, какъ песчинки, гонимыя вѣтромъ, и теряются безслѣдно. Для того, чтобы достигнуть значенія, отдѣльный человѣкъ долженъ сговориться съ другими для согласнаго дѣйствія. Потребность въ такихъ соглашеніяхъ для достижениј же-

ляемыхъ результатовъ сама собою порождаетъ партійную организацію, а партійная организація приносить съ собой новую зависимость для личности, которая опять становится частью, вмѣсто того, чтобы быть самостоятельнымъ цѣлымъ. Французская революція стремилась, въ пылу гражданскаго равноправія, разбить средневѣковыя корпораціи и союзы, стоявшіе между личностью и государствомъ. Но вмѣсто старыхъ корпорацій, между государствомъ и личностью создались партійные организаціи. А внутренняя природа этихъ организацій такова, что они стремятся для лучшаго достижения своихъ цѣлей развить въ своихъ членахъ духъ дисциплины и механически однообразныхъ дѣйствій, „замѣнить индивидуальность механизмомъ“, какъ выразился одинъ англійскій политическій дѣятель¹⁾). На этой почвѣ создается то господство партійной „машины“, которое, вслѣдъ за Брайсомъ, съ такимъ исчерпывающимъ знаніемъ предмета описалъ Острогорскій. Провозвѣстники новаго государства, философы XVIII вѣка, хотѣли традицію замѣнить философіей. Практика, повидимому, приводить современную политику къ тому, чтобы философію замѣнить дисциплиной. „Leave us alone“—„предоставь нась самимъ себѣ“—воклицаль индивидуалистъ Бентамъ, обращаясь къ законодателю. „You vote as you are told“,—„вы подадите голосъ, какъ вамъ скажутъ“,—говорятъ современныя политическія организаціи своимъ членамъ.

Для того, чтобы судить о томъ, какое значеніе могутъ въ извѣстныхъ условіяхъ получить партійные организаціи при народныхъ голосованіяхъ, достаточно обратиться къ упомянутымъ выше описаніямъ Брайса и Острогорскаго. Деспотизмъ партійныхъ комитетовъ, дисциплина для членовъ партіи, доведенная до потери права индивидуального сужденія, необузданность партійной тактики, нестѣсняющейся въ средствахъ, все это въ достаточной мѣрѣ объясня-

¹⁾ Членъ министерства Гладстона Куртней. См. Ostrogorsky, *La démocratie et l'organisation des partis politiques*. Paris, 1903. Т. I, p. 222.

етъ общее заключеніе Брайса о процедурѣ народныхъ выборовъ въ Америкѣ. „Вся эта процедура,—говорить этотъ знатокъ американской жизни,—даже по мнѣнію многихъ американцевъ, есть нечто иное, какъ пародія на народные выборы. Въ ней только съ виду соблюдаются правила, что все должно зависѣть отъ голосованія избирателей, а на самомъ дѣлѣ этимъ избирателямъ навязываются такие кандидаты, которыхъ они вовсе не знаютъ или которыхъ они не выбрали бы, если бы знали. Нѣсколько профессиоанльныхъ политиковъ и ихъ приверженцевъ замѣняютъ настоящихъ избирателей, подготавливаютъ на искусно организованныхъ митингахъ назначеніе выбранныхъ ими самими кандидатовъ и выдаютъ такія назначенія за выраженіе верховной народной воли“¹⁾.

Было бы едва ли правильно обобщать эти выводы и дѣлать изъ нихъ общій законъ для всякихъ партійныхъ организацій вообще. Въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, къ которымъ относятся наблюденія Брайса и Острогорского, существуютъ свои особыя причины для того, чтобы сдѣлать деспотизмъ партій болѣе безграницы, а зависимость отъ него народной воли болѣе ощутительной. Когда государство достигаетъ такого состоянія, что самыя основныя и цѣнныя блага въ немъ упрочены и защищены, когда до поры до времени оно успокаивается на добытыхъ результатахъ и не опасается угрожающихъ осложненій, практическая политика утрачиваетъ свой жгучій интересъ и принципіальное значеніе. Нельзя, конечно, сравнивать уровень современной англійской политики съ той эпохой великихъ бореній, когда лучшія стремленія гражданъ отдавались на защиту политической и религіозной свободы; точно такъ же, какъ невозможно сопоставлять интересы американскихъ политиковъ нашихъ дней хотя бы съ тѣмъ временемъ, когда великие вопросы объ уничтоженіи рабовладѣнія и о сохраненіи цѣлости союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ воспламеня-

¹⁾ Bryce ibid. V. II, p. 106; ср. р. 104; russk. пер., стр. 371, стр. 369.

няли умы самыхъ благородныхъ съверянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщины. „Вопросы о ходячей монетѣ, о тарифахъ о финансахъ, о внутреннихъ улучшенияхъ, о желѣзнодорожныхъ порядкахъ,—замѣчаетъ Брайсъ,—конечно не лишены важнаго значенія, но не для всякаго они интересны“ ¹⁾. Но если политика ограничивается только этимъ, она не можетъ стать предметомъ всеобщаго интереса, и если въ другихъ случаяхъ она требуетъ энтузіазма и воодушевленія, при этомъ условій для нея достаточно налаженнаго административнаго механизма. Если къ тому же этотъ механизмъ, какимъ бы ни былъ онъ несовершеннымъ, не угрожаетъ ни основамъ конституціи, ни свободѣ личности, ни существеннѣйшимъ интересамъ націи, граждане—какъ это показываетъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Америки—скорѣе склонны терпѣть неистовства партійныхъ организацій, чѣмъ брать на себя трудъ, требующій весьма настойчивыхъ усилий, бороться съ ихъ деспотическимъ господствомъ ²⁾. Какъ разсказываетъ Острогорскій, американцы успокаиваютъ себя въ данномъ случаѣ своего рода политическимъ оптимизмомъ, вѣрой въ *vis medicatrix naturae*, убѣжденіемъ, что со временемъ все устроится (*it will righ itself*); къ этому присоединяется увѣренность въ несокрушимости американскаго устройства, для котораго не важны мелкія злоупотребленія (*we can stand it, you cannot ruin this country*). Наконецъ, высшимъ оправданіемъ того равнодушія, съ которымъ граждане относятся къ злоупотребленіямъ политики, является вѣра американскаго народа въ себя, въ свое верховное значеніе, вѣра въ то, что все же народъ всему господинъ и въ случаѣ необходимости покажетъ свою мощь, согласно словамъ народнаго оратора, „когда американскій народъ поднимется въ своей мочи и величіи“ (*when the American people will rise in their might and majesty...*) ³⁾.

¹⁾ Bryce, *ibid.* II, p. 71; russk. пер., 2 ч., стр. 336.—Cр. Ostrogorsky, *ibid.* II, 293.

²⁾ Bryce, *ibid.* II, pp. 23, 29, 67, 71; russk. пер. II, 287, 293, 332, 336.

³⁾ Ostrogorsky, *ibid.* II, 409 и 561.

Таковы условія, при которыхъ лучшіе умы уходятъ изъ политической области и предоставляютъ это поприще профессіональнымъ политикамъ, дѣлающимъ изъ политики ремесло и средство къ жизни. По мѣрѣ того, какъ важнѣйшіе политические вопросы получаютъ свое разрѣшеніе и уступаютъ мѣсто текущимъ дѣламъ, между партіями, несущими на себѣ бремя государственного управлениія, черты различія постепенно стираются. На первый планъ выступаетъ не программа, а составъ партіи, группирующейся около извѣстнаго способа выраженія программы. Вѣрность партіи становится выше вѣрности программѣ, и политика въ концѣ концовъ превращается въ ту область профессіональныхъ и частныхъ интересовъ, о которой одинъ изъ практиковъ этого дѣла откровенно отзывался Рузельту американскимъ лаконизмомъ: „There are no politics in politics“, т.-е. „въ политикѣ нѣтъ политики“¹⁾.

Однако, введя въ надлежашія границы возможныя обобщенія изъ злоупотребленій и несовершенствъ партійной жизни, мы должны признать два основныхъ положенія безспорными:

¹⁾ См. Ostrogorsky, op. c. I, pp. 584—585; pp. 189, 400.—Въ 1885 г. во время надѣлавшаго шуму столкновенія между могущественнымъ партійнымъ механизмомъ („caucus“) и однимъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Коуэномъ, этотъ послѣдній очень хорошо выразилъ свое разногласіе съ партіей: „Я ставлю на первый планъ либеральные принципы, они—либеральную партію; для меня имѣютъ значеніе мѣры, для нихъ—лица. Въ этомъ весь споръ“... (Ostrogorsky, I, 221).—Въ новѣйшемъ труда по англійскому государственному праву, принадлежащемъ Гачеку (Hatschek, *Englisches Staatsrecht*. Tübingen, 1906. Bd. II, S. 22) проводится взглядъ, что „для англичанъ организація партіи дороже, чѣмъ программа партіи“. Гачекъ видитъ въ этомъ основной фактъ англійской партійной жизни и выводить его изъ особенностей англійского духа, а къ числу такихъ особенностей онъ относитъ умѣніе наслаждаться дѣйствиемъ, независимо отъ его цѣлей (*die Handlungsfreudigkeit für sich ohne Zweck und Ziel*). Эти заключенія, какъ и дальнѣйшее указаніе связи партійной организаціи съ пріемами спорта („der Sport, das ist der Erklärungsgrund“), нужно отнести, конечно, къ области неудачныхъ теоретическихъ измышленій. Предпочтеніе партійной организаціи партійнымъ принципамъ, на которое такъ ясно указывалъ еще Коуэнъ, стоитъ въ связи съ гораздо болѣе сложной совокупностью условій, и прежде всего съ общимъ понижениемъ уровня политической жизни.

1. Політика правового государствва, призываюча народъ къ участію въ управлениі, не можетъ обойтись безъ посредствующаю организуючаю вліянія партій.

2. Партийные организаціи для лучшаго достиженія политическихъ цѣлей вынуждены развивать дисциплину среди своихъ членовъ въ ущербъ ихъ индивидуальности.

Эти утверждения представляютъ не болѣе, какъ частные послѣдствія высказанного выше общаго положенія, что для произведенія соціальною дѣйствіемъ необходимо сочетаніе индивидуальныхъ силъ. Худо ли, хорошо ли, но партіи выполняютъ эту задачу объединенія отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ осуществленію извѣстныхъ политическихъ задачъ. Никогда политическая цѣли не осуществляются безъ поддержки болѣе или менѣе значительныхъ общественныхъ группъ. Въ государствѣ старого порядка съ его сословными дѣленіями и традиціонными корпораціями эти группы обыкновенно исходятъ изъ существующихъ сословныхъ и корпоративныхъ разграничений; въ государствѣ правовомъ, разрывающемъ прежняя историческія связи и дѣленія общества, на мѣсто этого являются партіи. При этомъ, согласно всему строю новаго свободнаго государства, и эти новыя соединенія полагаютъ въ свою основу великий принципъ свободы¹⁾. Огромное принципіальное преимущество партій

1) Такие горячіе противники современной партійной организаціи, какъ Острогорскій, нисколько не думаютъ отрицать принципа партійныхъ соединеній. Острогорскій прямо говоритъ: „Les groupements de citoyens en vue d'une fin politique qu'on appelle partis sont indispensables partout où le citoyen a le droit et le devoir d'exprimer sa pensée et d'agir; mais il faut que le parti cesse d'être un instrument de tyrannie et de corruption et soit ramené à sa fonction, propre (V. II, p. 612). Соответственно съ этимъ Острогорскій предлагаетъ не устраненіе партійныхъ организацій, а только ихъ реформу (*ibid.*, p. 618 et suiv.). О значеніи партій см. также изъ болѣе позднихъ произведеній рядъ статей А. Меркеля (въ его *Fragmente zur Socialwissenschaft. Strassburg 1898*) особенно статья: „Allgemeine Bedeutung des Parteiwesens“ (Ss. 82—98). На русскомъ языке: Чичеринъ, „Курсъ государственной науки“, часть III, стр. 505 и слѣд. См. также популярныя брошюры проф. Гамбарова, „Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ“. Спб. 1905, изд. 2-ое, и проф. Хвостова, „Общественное мнѣніе и политическія партіи“. М., 1906.

состоитъ именно въ томъ, что онѣ составляютъ союзы свободные, въ которые люди вступаютъ по собственному выбору. Уравненіе гражданъ въ правахъ не можетъ устранить естественного различія общественныхъ положеній и направленій мысли, и это различіе неизбѣжно приводить къ раздѣленію на политическія группы. Б. Н. Чичеринъ справедливо замѣчаетъ, что „только при полномъ умственномъ застоѣ, при отсутствіи всякаго участія къ судьбамъ отечества, заглохшая политическая мысль не производить расходящихся вѣтвей“¹⁾). Когда же общество призывается къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, изъ этихъ направленій сами собою образуются партіи съ опредѣленной программой и организаціей. Подтвержденіе этого неизбѣжнаго явленія мы еще недавно видѣли въ Россіи²⁾.

Но столь же необходимымъ, какъ и самое образованіе партій, представляется подчиненіе всѣхъ, кто входитъ въ ихъ составъ, извѣстной организаціи и дисциплинѣ. Если вступленіе въ партію зависитъ отъ свободнаго усмотрѣнія каждого, то, съ другой стороны, принадлежность къ ней необходимо предполагаетъ согласіе подчиняться ея указаніямъ. Главное, что можетъ доставить побѣду партіи и ея

¹⁾ Чичеринъ. Цитир. соч., стр. 505 и 525.

²⁾ Свидѣтельствомъ глубокаго сознанія важности и необходимости партійныхъ группировокъ въ эпоху слагающагося общественного мнѣнія и преобразующагося государственного строя можетъ служить статья проф. В. И. Вернадского въ журн. „Полярная Звѣзда“ 14 марта 1906 г., № 14 „Три решения“. „На большой вопросъ общественной этики, что долженъ дѣлать отдѣльный человѣкъ для того, чтобы помочь странѣ выйти изъ бѣдствія, чѣмъ онъ можетъ помочь общей бѣдѣ, — говорить проф. Вернадский, — у всѣхъ у нихъ (людей настоящаго) отвѣтъ одинъ: онъ долженъ войти въ политическую партію, онъ долженъ участвовать въ ея работахъ, въ ея дѣятельности. — Въ конечномъ результата совмѣстной работы всѣхъ партій получается политическая организація народа, та сила, которая въ концѣ концовъ совершенно реорганизуетъ государство, придастъ ему новую форму, въ которой задачи и цѣли государственной политики опредѣляются волей организованного народа“ (стр. 172). Образованіе партій и участіе въ партіяхъ разсматривается здѣсь, какъ вопросъ общественной этики, какъ обязанность, вытекающая изъ задачи политической организаціи народа, которая одна можетъ положить конецъ анархіи и смутиѣ общественного распада.

принципамъ, это единство и согласіе дѣйствій, безъ этого никакая партія не можетъ имѣть успѣха. Поэтому при голосованіяхъ члены партій обязываются слѣдовать за своими руководителями, подчиняя личные взгляды партійной дисциплинѣ. Съ точки зрењія высшаго индивидуального разви тія это можетъ казаться недопустимымъ, но кто вступаетъ на путь политики, долженъ съ этимъ примириться заранѣе, какъ съ неизбѣжнымъ условіемъ политической дѣятельности.

Изъ всего этого вытекаетъ, что и при наилучшей, чисто принципіальной постановкѣ партій, существу этого рода организацій соотвѣтствуетъ самостоятельное и даже руководящее значеніе по отношенію къ общественному мнѣнію. Подобно другимъ органамъ общественного мнѣнія, но еще въ большей степени, чѣмъ всѣ они, партіи не столько выражаютъ это мнѣніе, сколько формулируютъ и создаютъ его. Злоупотребленія партій представляютъ не послѣдствія принциповъ, положенныхъ въ ихъ основу, а ихъ искаженіе. Нѣкоторые злоупотребленія и не всегда возможны, какъ напр., главное бѣдствіе американской системы—корыстная раздача побѣдившой партіей платныхъ должностей. Но что всегда неизбѣжно и вытекаетъ изъ существа дѣла, это—господствующее значеніе партійныхъ организаций въ дѣлѣ выраженія общей воли. Это положеніе подтверждается всѣмъ ходомъ современной политической жизни.

VII.

Послѣ того, какъ мы разсмотрѣли важнѣйшій политический факторъ, вліяющій на организацію общественного мнѣнія, мы можемъ перейти къ юридическому органу его выраженія, къ народному представительству. И здѣсь первое, что бросается въ глаза, это самостоятельное положеніе представительства по отношенію къ народу. Но въ отличіе отъ партій, которыя являются не юридическимъ институтомъ, а лишь политическимъ факторомъ, народное

представительство пользуется своей самостоятельностью не только *de facto*, но и *de jure*. Согласно признанному повсюду началу, представители не могут быть связаны мандатами по отношению къ своимъ избирателямъ. Считаясь представителями всего народа, они дѣйствуютъ вполнѣ свободно, повинуясь лишь своему разуму и совѣсти. Таково положеніе, отстаиваемое современной доктриной и вызывающее у противниковъ этой системы толки о парламентской олигархіи, лишающей народъ верховныхъ правъ¹⁾.

Мы знаемъ уже, что понятіе о самостоятельности народныхъ представителей по отношению къ избирателямъ сопровождаетъ развитіе теоріи правового государства съ самаго начала ея зарожденія. Еще въ эпоху французской революціи восторжествовалъ взглядъ, нашедшій себѣ наиболѣе обстоятельное выражение у Сійеса²⁾, что допущеніе императивныхъ мандатовъ противорѣчить существу представительства. Соответственно съ этимъ въ декретѣ 22 декабря 1789 г., а затѣмъ въ конституціи 1791 г., выражено было положеніе, что представители, избранные въ департаментахъ, будутъ не представителями отдѣльныхъ департаментовъ, но всей націи, и что имъ не можетъ быть дано никакого мандата³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ получила признаніе и другая мысль Сійеса, что народную волю слѣдуетъ искать въ Национальномъ Собрании, которое и призвано ее создавать общими усилиями (*de former en commun une volonté commune*).—Таковъ былъ взглядъ, который былъ съ этихъ

1) Упреки этого рода слышатся не только справа, но и слѣва. Такъ въ соціалъ-демократической литературѣ нерѣдки нападки на представительство, какъ на правленіе олигархическое. См. напр. въ русской литературѣ К. Тахтаревъ, „Отъ представительства къ народовластію“. Спб. 1907. Стр. 22—37. Однохарактерные отзывы—у Магазинера, „Самодержавіе народа“. Спб., 1907—съ ироническими замѣчаніями о „буржуазно-феодальномъ парламентѣ, преисполненномъ классового самоотреченія“ (стр. 103).—Мы не говоримъ уже о болѣе радикальномъ теченіи синдикализма, которое отрицааетъ не только представительство, но и современную политику вообще.

2) Archives parlementaires I Série T. VIII, pp. 592—597. См. „Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 89, стр. 397.

3) Duguit et Monnier, p. 10.

поръ запечатлѣнъ теоріей народнаго представительства, и все дальнѣйшее ея развитіе стоитъ подъ тѣмъ руководящимъ сознаніемъ, что представители народа призываются не къ воспроизведенію его воли, а къ нахожденію ея собственными усилиями. Отрицаніе императивнаго мандата, отрицаніе смѣняемости депутатовъ и признаніе за ними свободы выраженія мнѣній, все это вытекаетъ изъ основнаго предположенія, что народная воля еще должна быть отгадана, что она не является для депутатовъ готовымъ фактомъ, а лишь руководящимъ принципомъ. Объ этомъ мы говорили уже выше. Мы указали также и на то, что, признавая за представительнымъ собраніемъ самостоятельное значеніе, теорія Сійеса и его послѣдователей принимала представительство за вѣрное выраженіе народной воли. Согласно ставшему знаменитымъ опредѣленію Мирабо, „представительное собраніе для народа есть то же, что карта для занимаемаго имъ пространства; какъ въ части, такъ и въ цѣломъ, копія должна всегда имѣть тѣ же пропорціи, что и оригиналъ“. Этотъ взглядъ и давалъ возможность примириТЬ идею представительства съ идеей народной воли, даже при предположеніи, что представительство имѣТЬ самостоятельное значеніе въ дѣлѣ выраженія этой воли. Въ сущности, обычное сознаніе связываетъ съ представительнымъ собраніемъ надежду, что оно должно быть копіей народа, а непрекращающіяся исканія лучшаго избирательного права служатъ свидѣтельствомъ того, что развитіе представительныхъ учрежденій сопровождается „неизмѣннымъ стремленіемъ найти правильную форму представительства, при которой воля народа получалась бы въ наиболѣе чистомъ, неискаженномъ видѣ“¹⁾.

Уже на основаніи тѣхъ данныхъ, къ которымъ нась привело ознакомленіе съ природой общественнаго мнѣнія и съ организацией партій, можно было бы заключить, что

¹⁾ Іеллинекъ. „Конституції, ихъ измѣненія и преобразованія“. Рус. пер. М. 1906, стр. 73.

это—задача невыполнимая. Невозможно точно и неискаженно выражать то, что само по себѣ неясно и неопределенно. Точно также нельзя ожидать, чтобы при огромномъ вліяніи партій на избраніе представителей народная воля отражалась въ представительствѣ въ своемъ неприкосновенномъ видѣ, свободномъ отъ воздействиія партійныхъ организаций. Однако, независимо отъ этого, и въ самомъ существѣ представительныхъ собраній, въ условіяхъ ихъ избранія и въ характерѣ ихъ рѣшеній мы находимъ новыя причины, которые препятствовали бы имъ стать точнымъ выражениемъ народной воли, если бы это и было возможно. Анализъ представительства съ этой точки зре-нія можетъ быть сдѣланъ въ двоякомъ направлениі, какъ со стороны количественныхъ, такъ и со стороны качественныхъ опредѣленій. Можно разсмотрѣть численное отно-шеніе представителей къ количеству гражданъ и указать, насколько могутъ быть соблюдены здѣсь правильныя со-отношения. Можно, съ другой стороны, взять качествен-ную сторону отношений и посмотрѣть, въ какой мѣрѣ пред-ставители могутъ вѣрно передавать мнѣнія и желанія народа.

Количественные отношения имѣютъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большее значеніе, что теорія народнаго суверени-тета опирается на законъ числа,—*la loi du nombre*, по выражению Эсмена. Современная доктрина предполагаетъ, что депутаты представляютъ большинство гражданъ, и на этомъ именно основывается ихъ право говорить отъ имени народа. Само собою разумѣется, что такое соотвѣтствіе не можетъ имѣть мѣста тамъ, где существуетъ система ценза, и право голоса является ограниченнымъ. Бисмаркъ вычислилъ какъ-то, что прусская палата представляеть всего 13—15% имѣющихъ право голоса¹⁾. Этотъ незначи-

¹⁾ Въ рѣчи 29 января 1863 г. См. Brandenburg, Die parlamentarische Obstruction, ihre Geschichte und ihre Bedeutung. Dresden, 1904. S. 37.—Крайне низкій процентъ, вычисленный Бисмаркомъ, объясняется огромнымъ числомъ воздержавшихся отъ выборовъ и двустепенностью выборовъ. См. о коли-чествѣ воздержаний на прусскихъ выборахъ для болѣе поздняго времени у

тельный процентъ не можетъ казаться удивительнымъ для Пруссіи, въ виду существующихъ въ ней ограниченій избирательного права. Но по истинѣ удивительный результатъ ожидаетъ насъ, если въ надеждѣ на торжество принципа большинства, мы обратимся къ дѣйствію системъ болѣе прогрессивныхъ. Въ Германской имперіи и во Французской республикѣ осуществлено всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Можно было бы думать, что представители, избираемые въ каждомъ округѣ большинствомъ голосовъ, будутъ имѣть при этой системѣ за себя и въ общей совокупности большинство гражданъ, имѣющихъ право голоса. На самомъ дѣлѣ оказывается, что общее количество голосовъ, подаваемыхъ за всѣхъ депутатовъ, обычно представляетъ собою не большинство, а меньшинство голосовъ всѣхъ правомочныхъ гражданъ. А если принять во вниманіе, что решенія представительного собранія постановляются не всѣми депутатами, а только большинствомъ ихъ и иногда весьма незначительнымъ, то на самомъ дѣлѣ мнѣніе народа опредѣляется депутатами, имѣющими за собою только часть того меньшинства гражданъ, чрезъ которыхъ они получили свои полномочія. Приведу здѣсь нѣкоторыя данныя относительно французскихъ выборовъ, которыя пояснятъ только что приведенное общее опредѣленіе.

Число гражданъ имѣю- щихъ право голоса.	Общее число голосовъ, полученныхъ избранными	Общее число голосовъ, оставшихся непредста- вленными.
1889. 10,387,330	4,526,086	5,861,244
1893. 10,443,378	4,512,550	5,930,828.

Говоря иначе, въ 1889 году избранные депутатами получили на выборахъ 44%, изъ общей суммы голосовъ всѣхъ избирателей, а въ 1893 году—43%. Приблизительно то же процентное отношение можно установить и относительно

Пифферуна „Европейскія избирательныя системы“. Переводъ Ю. Стеклова Спб., 1905. Стр. 52—60, оссоб. 55.

выборовъ другихъ лѣтъ: 49% на выборахъ 1877 года, 45% въ 1881 г., 43% въ 1885, 45% въ 1898, 49% въ 1902 г. ¹⁾.

Приведенные цифры показываютъ, что члены французской палаты обыкновенно получаютъ на выборахъ менѣе половины голосовъ, принадлежащихъ избирателямъ, внесеннымъ въ списки. Если же брать только депутатовъ, составляющихъ въ палатѣ рѣшающее большинство, то количество голосовъ, которое они имѣли за собою на выборахъ, еще болѣе уменьшится.—Однохарактерная данныя можно привести также и относительно германскихъ выборовъ. Вмѣсто длиннаго ряда цифръ, я воспользуюсь здѣсь примѣрнымъ вычислениемъ, которое дѣлаетъ проф. Бранденбургъ для рейхстага въ 1903 году. При участіи въ выборахъ 76-ти % избирателей депутаты могли получить едва ли болѣе 40—50%, голосовъ, а большинство въ парламентѣ, если оно не очень значительно, представляеть приблизительно 25—30% гражданъ, имѣющихъ право голоса.

Этотъ удивительный съ первого взгляда результатъ является однако совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ условій, которыя обыкновенно имѣютъ мѣсто на выборахъ. Первымъ такимъ условіемъ, которое тѣмъ важнѣе, что оно повторяется при всѣхъ системахъ выборовъ, является весьма значительное число воздерживающихся отъ подачи голоса. Такъ, напримѣръ, во Франціи обычный процентъ воздержаній—около 30 ²⁾). Въ Германіи онъ ниже, но все-таки при необычайномъ интересѣ къ выборамъ въ 1907 г. онъ достигалъ 15,₃, а въ предшествующіе годы (1898 и 1903) былъ значительно выше (31,₉ и 23,₉). Но, кромѣ того, при такъ называемой мажоритарной системѣ, дѣйствующей въ боль-

¹⁾ Приведенные мною цифры взяты изъ статистическихъ таблицъ, которые даётъ Бенуа въ приложениі къ своему труду „La crise de l'Etat moderne“, pp. 320—322. Процентное расчисление по отдѣльнымъ годамъ сдѣлано у Alfred Meyer, „La th orie des  lections et la repr sentation proportionnelle“ въ „Revue g n rale des sciences pures et appliqu es“. 15 F vrier 1905, № 3.

²⁾ См. для Франціи подробную таблицу у Benoit, „La crise de l'Etat moderne“, въ приложенияхъ. Для Германіи всѣ необходимыя данныя въ „Viertel-jahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs“.

шинствѣ современныхъ государствъ, число голосовъ, остающихся непредставленными, еще болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что депутаты берутся только изъ большинства. Слѣдующій схематический случай можетъ служить разъясненіемъ этого положенія. Изъ 10.000 голосовъ подаются:

за кандидата партіи А—4000.

за кандидата партіи Б—3500.

за кандидата партіи С—2500.

Избраннымъ считается кандидатъ, получившій 4000 голосовъ, тогда какъ 6000 голосовъ разбиваются между различными кандидатами, остаются непредставленными и утрачиваются, въ смыслѣ вліянія на выборы. Это ненормальное явленіе въ значительной мѣрѣ устраниется пропорціональной системой, которая устанавливаетъ и представительство меньшинства. Такого значительного количества непредставленныхъ избирателей, какое бываетъ при мажоритарной системѣ вслѣдствіе дробленія голосовъ, здѣсь быть не можетъ. Но все же и пропорціональная система не можетъ устранить утраты извѣстнаго количества голосовъ, ибо меньшинство, представительство котораго она допускаетъ, должно достигать извѣстныхъ предѣловъ¹⁾. Если сторонники этой системы горячо протестуютъ противъ современныхъ порядковъ, при которыхъ заглушается голосъ нарождающихся группъ, не имѣющихъ за себя большинства и остающихся за порогомъ парламента²⁾, то это явленіе не устраивается вполнѣ и при выборахъ пропорціональныхъ. Согласно формулѣ бельгійскихъ реформистовъ, рѣчь идетъ здѣсь только о группахъ значительныхъ—„une repr  sentation exacte de tous les groupes s  rieux du corps electoral“³⁾.

1) Интересныя цифровыя данные можно найти въ брошюре г. Водовозова, „Пропорціональные выборы или представительство меньшинства“. СПБ. 1905 г.

2) См., напр., Rudolf Springer, „Mehrheits-oder Volksvertretung?“ Wien u. Leipzig, 1904, SS. 12—13, 51—52.

3) Эта формула (formule de l'association r  formiste de Bruxelles) приводится у Saripolos, „La d  mocratie et l'  lection proportionnelle“, p. 625.

Представлять всѣ мнѣнія и всѣ оттѣнки мнѣній не входитъ въ задачи этой системы; цѣль ея состоить лишь въ томъ, чтобы внести извѣстныя исправленія въ существующія мажоритарныя системы. И не удивительно, если со стороны ревнителей строгой математической пропорціональности предложенные проекты встрѣчаютъ неизмѣнную критику и даютъ лишь поводъ къ новымъ исканіямъ въ этой области¹⁾). Но математическая точность здѣсь вообще не достижима²⁾, а желаніе правильно представить въ одномъ органѣ всѣ группы, даже и небольшія, встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе уже въ самой природѣ рѣшающаго и дѣятельнаго органа, допускающаго лишь извѣстную численность своего состава, за предѣлами которой онъ можетъ стать совершенно неспособнымъ къ своей работѣ³⁾).

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что количество воздержаній, которое вноситъ столь значительную несоразмѣрность въ правильность избирательныхъ соотношеній, при введеніи пропорціональной системы не умень-

¹⁾ И самыя прославленныя пропорціональныя системы, какъ, напримѣръ, система Виктора д'Онда встрѣчаютъ возраженія именно съ той стороны, что онѣ даютъ преимущество болѣе сильнымъ группамъ и нарушаютъ принципъ уравнительной пропорціональности. См. критическія замѣчанія этого рода у Alfred Meyer, „Revue g n rale des sciences“ 28 F vrier 1905, № 4; у Текленбурга, „Пропорціональные выборы, какъ идея права“. Русск. пер. СПБ. 1907. Приложеніе; у La Chenais, „La repr sentation proportionnelle et les partis politiques“ и у него же въ отдѣльной статьѣ „Repr sentation et r partition proportionnelles“ въ Revue Scientifique. 9 Fevrier 1907. № 6. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что и теперь появляются произведенія горячихъ поклонниковъ пропорціональныхъ системъ, и въ частности системы д'Онда: Однимъ изъ этихъ поклонниковъ, г. Б. Велиховъ, придуманъ даже особый приборъ—дондтомѣръ для автоматического распределенія депутатскихъ мѣстъ между партіями по системѣ д'Онда (см. Б. Велиховъ, Теорія и практика пропорціонального представительства. СПБ. 1907). Всѣ эти постоянно повторяющіеся опыты имѣютъ лишь относительное значение въ указанномъ выше смыслѣ частичнаго исправленія недостатковъ мажоритарныхъ системъ.

²⁾ Saripolos, o. c., p. 624.

³⁾ Съ точки зрѣнія сохраненія дѣятельной роли парламента высказываются возраженія и вообще противъ пропорціональныхъ системъ (см. Saripolos, o. c. pp. 670—672). Эти возраженія становятся неизбѣжными и законными при доведеніи принципа пропорціонализма до крайности.

шается. Опытъ показываетъ, что послѣ ея введенія оно иногда даже увеличивается¹⁾.

При ближайшемъ изученіи числовыхъ соотношеній, раскрываемыхъ статистикой выборовъ, можно было бы еще болѣе убѣдиться въ томъ, сколь немыслимо въ этой области установление правильныхъ пропорцій. Твердо держась на почвѣ чиселъ, мы должны были бы признать, что каждый депутатъ долженъ представлять приблизительно такое же число голосовъ, какъ и всякий другой. Но и въ этомъ отношеніи наблюдается полная несоразмѣрность. Она зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ колебаній въ численномъ составѣ избирательныхъ округовъ и отъ колебаній въ количествѣ голосовъ, получаемыхъ отдѣльными депутатами. Численный составъ округовъ можетъ быть опредѣленъ въ законѣ лишь приблизительно и подлежитъ иногда быстрому измѣненію во времени²⁾. Но если въ этомъ отношеніи ко-

1) См. данные, приводимыя у Водовозова, стр. 39.

2) Я не говорю уже здѣсь о злоупотребленіяхъ при распределеніи округовъ, о такъ назыв. Wahlgeometrie, о системѣ gerrymandering, хотя достаточно известно, насколько gerrymandering, т.-е. произвольное распланированіе округовъ имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ Америкѣ. По словамъ Брайса, къ этому почти всегда прибегаютъ въ отдѣльныхъ штатахъ, которымъ предоставлено определеніе округовъ (Bryce, I, р. 124; russk. пер., I, стр. 135). Хорошо известно также, насколько основательны жалобы на неправильное распределеніе округовъ въ Германіи. Примѣромъ поразительной разницы въ численности отдѣльныхъ округовъ можетъ служить слѣдующее сопоставленіе, приведенное у Пифферуна. При выборахъ въ рейхстагъ въ 1898 г. одинъ депутатъ приходился на

Число жителей. Число избирателей.

Въ среднемъ	131.685	28.819
Шаумбургъ-Липпе	41.224	8.947
Округъ Шлетштадтъ (въ Эльзасъ-Лотарингіи)	69.135	15.178
Въ Берлинѣ былъ округъ, въ которомъ	586.926	156.230

Такимъ образомъ, указанный берлинскій округъ въ 1898 г. болѣе чѣмъ въ пять разъ превышалъ среднюю численность германскихъ округовъ по составу избирателей и болѣе чѣмъ въ 15 разъ—округъ Шаумбургъ-Липпе (см. „Европейскія избирательные системы“, стр. 156). Данные Пифферуна относятся къ 1898 г. На послѣдующихъ выборахъ (1903 и 1907 гг.) приведенные цифры

лебанія неизбѣжны, то еще болѣе неизбѣжными и естественными являются они во второмъ направлениі. Популярные имена и партии обыкновенно привлекаютъ значительно большее количество голосовъ, чѣмъ другія. Притомъ же въ извѣстныхъ округахъ, гдѣ можетъ быть выбранъ, напримѣръ, одинъ депутатъ, какъ разъ можетъ оказаться гораздо большее количество членовъ извѣстной партии, чѣмъ сколько нужно для побѣды на выборахъ, и излишekъ голосовъ, скопившихся на извѣстномъ популярномъ имени, можетъ быть весьма значительнымъ. Все это не только создаетъ большую несоразмѣрность въ распределеніи голосовъ между отдѣльными избранниками народа, но имѣетъ еще и то послѣдствіе, что извѣстное количество голосовъ, въ избыткѣ скопляющихся на томъ или другомъ имени, въ сущности теряется. О нихъ можно сказать, что они могли бы быть и не поданы.

Вообще говоря, малѣйшее углубленіе въ поучительныя данныя избирательной статистики, вмѣсто ожидаемаго торжества принципа большинства и закона численныхъ соотношеній, раскрываетъ намъ самыя неожиданныя несоразмѣрности, всего менѣе подтверждающія мысль Мирабо о томъ, что представительство для народа то же, что географическая карта для страны. Конечно, въ этихъ несоразмѣрностяхъ много случайного, и при извѣстныхъ условіяхъ ихъ можно преодолѣть; но есть обстоятельства, которыхъ нельзя избѣжать ни при какихъ усиліяхъ въ области улучшенія избирательныхъ системъ. Какъ мы видѣли, на выборахъ голоса утрачиваются свое значеніе въ трехъ случаяхъ: когда они остаются не поданными, когда они скопляются на

возросли, но отношеніе между ними осталось приблизительно то же. См. необходимыя цифровыя данные въ офиціальномъ изданіи „Vierteljahrsschrift zur Statistik des Deutschen Reichs“.—„Statistik der Reichstagswahlen von 1903. Berlin, 1903; Statistik der Reichstagswahlen von 1907.. Berlin, 1907.—Аналогичныя данныя можно привести относительно Франціи (см. интересныя сопоставенія у Alfred Meyer, въ указанной выше статьѣ въ „Revue g  n  rale des sciences“) и относительно Англіи (см. издающейся въ Лондонѣ съ 1885 г. ежегодникъ „The Constitutional Year Book“).

извѣстномъ кандидатѣ свыше извѣстной нормы и, наконецъ, когда они не достигаютъ этой нормы, необходимой для про-веденія намѣченныхъ лицъ въ депутаты. Два послѣднія явле-нія въ извѣстной мѣрѣ могутъ быть исправлены при дѣйствіи пропорціонального представительства, но они не могутъ быть устранины совершенно. Что касается избирательного абсентеизма, то его и вовсе невозможно избѣгнуть, какъ нельзя избѣгнуть и того, что рѣшающее въ палатѣ большинство всегда имѣеть за себя—по числу поданныхъ за него на вы-борахъ голосовъ—лишь меньшинство избирателей, и притомъ иногда очень незначительное меньшинство.

Для того, кто придаетъ въ этой области значеніе чис-ламъ, указанный вычислениія должны явиться источникомъ очень серьезныхъ сомнѣній. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ во имя того же „закона числа“ постоянно возобно-вляются попытки найти систему дѣйствительно пропорціо-нальную. Такихъ системъ насчитывается уже не менѣе 150¹⁾, и самое это обиліе предложенныхъ системъ говоритъ о крайней трудности задачи, которую онѣ берутся разрѣ-шить. Какъ бы ни были однако различны начала, при по-мощи которыхъ стремятся установить болѣе справедливую систему выборовъ, въ одномъ, повидимому, всѣ сходятся—въ стремлениі все болѣе расширять кругъ избирателей. Это, быть можетъ, единственный пунктъ, гдѣ принципъ числа дѣйствительно торжествуетъ. Но какъ бы широко ни раздвигались рамки избирательныхъ коллегій, само по себѣ это, конечно, никакъ не можетъ исправить тѣхъ несоразмѣрностей, которыя присущи каждой избиратель-ной системѣ.

Но можно разсуждать и иначе. Можно считать одно-сторонностью примѣнять къ сложной и тонкой задачѣ пред-ставительства тѣрубую мѣрку ариѳметического подсчета. Отсутствие на выборахъ не означаетъ ли согласія съ го-сподствующимъ теченіемъ и спокойствія за общее тече-

¹⁾ См. Водовозова, стр. 19.

ніє дѣлъ? Меньшинство голосовъ, поданное за депутатовъ, не есть ли только кажущееся, и, помимо поданныхъ голосовъ, избранники народа не имѣли ли за себя еще и массы другихъ голосовъ, не поданныхъ, но горячо сочувствующихъ? Все это, конечно, возможно, но нельзя не сказать, что съ этими предположеніями мы вступаемъ уже въ область гаданій, совершенно не поддающихся научному анализу. Отсутствіе на выборахъ можетъ проистекать изъ самыхъ различныхъ причинъ, между прочимъ и изъ желанія осудить данную систему. О неподанныхъ голосахъ вообще можно предполагать, что угодно.

Однако, самая возможность такихъ предположеній показываетъ, что здѣсь дѣйствительно нельзя ограничиться только количественной стороной дѣла. Для полнаго освѣщенія предмета надо вспомнить и тотъ другой качественный анализъ, о которомъ мы говорили выше. Переходя къ этой сторонѣ предмета, мы встрѣчаемся здѣсь съ слѣдующимъ основнымъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ воля избирателей можетъ быть представлена ихъ избранниками? При изслѣдованіи этого вопроса мы невольно вспоминаемъ прежде всего классическое изреченіе Руссо: „воля не можетъ быть представлена: она или та же самая, или иная; тутъ нѣтъ середины“. Сколько разъ послѣдователи Руссо совершенно обходили это положеніе или отвѣчали на него страннымъ непониманіемъ, какъ напримѣръ, у Эсмена; а въ наши дни первоклассный ученый Германіи, Іеллинекъ, изучивъ исторію исканій лучшаго представительства, заявляетъ: „Руссо совершенно правъ, нельзя желать за другого, столь же мало, прибавимъ мы отъ себя, какъ нельзя за другого ѿсть или пить“¹⁾). Какія же данныя заставляютъ прийти къ этому признанію, столь же неожиданному, сколько безотрадному для теоріи общей боли. Для того, чтобы выяснить этотъ вопросъ, мы должны опять про-

¹⁾ Іеллинекъ, „Конституції, ихъ измѣненія и преобразованія“. Переводъ подъ ред. Б. А. Кистяковскаго. СПБ. 1907. Стр. 73.

слѣдить процессъ представлениія депутатами воли избирателей, но уже не съ количественной, а съ качественной стороны.

Уже съ первыхъ шаговъ—съ избранія депутата извѣстной группой избирателей—мы наталкиваемся на сомнѣніе, чью именно волю и какимъ образомъ представляетъ избранный депутатъ. Сплошь и рядомъ настоящіе члены партій составляютъ лишь меньшинство, и рѣшающее значеніе на исходѣ голосованія оказывають тѣ безпартійные элементы, которые, примыкая къ извѣстнымъ партійнымъ группамъ, своимъ сочувствіемъ доставляютъ имъ побѣду. Партийная программа, конечно, въ общемъ указываетъ принципы, которые восторжествовали на выборахъ. Но значитъ ли, что эти принципы полностью раздѣлялись всѣми, кто голосовалъ за партійнаго кандидата? Подача голоса за извѣстное лицо говоритъ только одно: я согласенъ на избраніе данного лица. Въ какой мѣрѣ я одобряю также всю его программу, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Нерѣдко рѣшающее значеніе на выборы оказывается случайное настроеніе избирателей. „На каждыхъ выборахъ, замѣчаетъ Іеллинекъ, бываетъ безчисленное количество лицъ (*Unzählte*), которые проявляютъ свое, можетъ быть, преходящее недовольство въ томъ, что они голосуютъ за кандидатовъ оппозиціонныхъ партій, нисколько не думая одобрять ихъ программу въ цѣломъ“¹⁾. Опредѣлить тѣ мотивы, которые побуждаютъ отдѣльныхъ избирателей подавать голосъ за извѣстныхъ кандидатовъ, невозможно уже потому, что эти мотивы остаются невысказанными, и потому каждое голосованіе, съ своей внутренней стороны, является въ сущности тайной и загадкой. Какъ часто и предварительныя наблюденія до выборовъ, и внѣшній видъ голосующихъ во время выборовъ обманывали тѣхъ, кто хотѣлъ напередъ опредѣлить возможные результаты голосованія. Нѣтъ сомнѣнія, что могущественные теченія народной жизни, и въ

¹⁾ Jellinek, Das Pluralwahlrecht und seine Wirkungen. Dresden, 1905, S. 7.

особенности течения оппозиционного, подобно стихии, пробиваются себѣ путь, несмотря на всѣ преграды. Но въ распределении оппозиционныхъ голосовъ около отдѣльныхъ партийныхъ оттѣнковъ и программъ всюду много случайного,—тутъ играетъ болѣшую роль настроение, чѣмъ убѣжденіе.

Но если невозможно съ точностью опредѣлить, какія именно желанія и мысли избиратели хотѣли передать избранному ими представителю, то столь же невозможно утверждать, чтобы этотъ послѣдній, если бы онъ узналъ эти мысли и желанія, могъ сохранить ихъ въ неприкосновенной вѣрности. Прежде всего, среди самихъ избирателей, даже близкихъ по настроению, могутъ быть частные различія и противорѣчія, которые исключаютъ другъ друга. Къ тому же представитель всегда избирается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а между тѣмъ съ теченіемъ времени настроение избирателей измѣняется. Общеніе съ избирателями можетъ обеспечить депутату возможность своевременно узнавать о перемѣнахъ, происходящихъ среди нихъ. Но никакія усиленія воли и мысли не помогутъ ему до такой степени проникнуться желаніями избирателей, чтобы всегда мысленно читать въ ихъ душахъ и, повинуясь ихъ властнымъ опредѣленіямъ, быть отзывомъ и эхомъ голоса народа. Какъ бы ни былъ онъ одушевленъ горячимъ стремленіемъ выражать этотъ голосъ, въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ почертнуть изъ него лишь общія указанія,—указанія конечныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ политическая задача, къ которымъ призывается представитель, требуютъ прежде всего конкретныхъ и практическихъ мѣръ. Первые русскіе представители были проникнуты убѣждениемъ, что народъ, ихъ избравший, ожидаетъ „земли и воли“; но этотъ общий лозунгъ допускаетъ цѣлый рядъ различныхъ конкретныхъ решений, которые могутъ находиться между собою не только въ разногласіи, но и во враждебномъ антагонизмѣ. А между тѣмъ при установлении этихъ конкретныхъ решений „голосъ народный“ не давалъ никакихъ опредѣленныхъ указаній: тутъ требовались обширныя специальные

познанія и детальная разработка практическихъ мѣръ; но ни то, ни другое не можетъ явиться принадлежностью кол-лективного сознанія большихъ общественныхъ группъ. Независимо отъ этого, въ самомъ положеніи представителей и въ ихъ отношеніи къ избирателямъ есть также особыя условія, въ силу которыхъ опредѣленіе конкретныхъ практическихъ мѣръ лишь въ весьма слабой степени зависитъ отъ избирателей. У Брайса мы находимъ по этому поводу интересное и характерное разъясненіе, относящееся къ сѣверо-американской республикѣ: „когда гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ опускаетъ въ ящикъ свой избирательный бюллеть, онъ сознаетъ, что поддерживаетъ не совсѣмъ опредѣленная, общія политическія воззрѣнія, изложенные въ программѣ его партіи, но рѣдко сознаетъ, что поддерживаетъ какую-нибудь ясно опредѣленную политическую мѣру. Онъ подаетъ свой голосъ за политическую партію, но ему неизвѣстно, какъ будетъ дѣйствовать эта партія; онъ подаетъ свой голосъ за того или другого кандидата, но этотъ кандидатъ, быть можетъ, никогда не найдетъ удобнаго случая, чтобы предложить тѣ законодательныя мѣры, которыми всего болѣе интересуются его избиратели“¹⁾. Наблюденіе Брайса имѣетъ, конечно, не только мѣстное, но также и общее значеніе.

Изъ всего сказанного вытекаетъ, насколько правъ Іеллинекъ, утверждая, что „проблема правильного, справедливаго избирательного права абсолютно неразрѣшима“²⁾. Какъ бы ни совершенствовались системы и приемы выборовъ, никогда нельзя будетъ преодолѣть тѣхъ естественныхъ препятствій, которые вытекаютъ изъ невозможности передать волю избирателей депутату.

Ясно также, насколько несбыточна мечта найти форму представительства, при которой воля народа получалась бы въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, съ сохраненіемъ

¹⁾ Врусе, I, р. 304; русск. пер. I ч., стр. 335.

²⁾ Іеллинекъ, Конституції, ихъ измѣненія и преобразованія, стр. 74, перев. подъ редакц. Б. А. Кистяковскаго.

всѣхъ оттѣнковъ и различій, которые ей свойственны въ дѣйствительности. Начиная отъ Мирабо и до Лоримера, Прево-Парадоля и иныхъ новѣйшихъ писателей, не перестаютъ появляться взгляды, разсматривающіе представительство, по крайней мѣрѣ идеальное, какъ „географическую карту“, „зеркало“, „фотографію“ народа¹⁾. Эти оптимистические взгляды нерѣдко принимаютъ характеръ прекрасныхъ мечтаній и выражаются даже въ наши дни въ формѣ самыхъ преувеличеннѣхъ надеждъ. Примѣромъ такого мечтательного оптимизма можетъ служить слѣдующее опредѣленіе „реальнаго представительства“, принадлежащее одному русскому писателю: „Реальное представительство можетъ и должно дать отраженіе страны со всѣми красками ея общественной жизни, со всей полнотой и энергией ея проявленій, перекрещивающихся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Живая, непосредственная дѣйствительность страны, постоянное неумолкаемое биеніе пульса ея силъ должны чувствоватьсь въ каждомъ актѣ ея представительского органа“²⁾. Зрѣлый опытъ говоритъ, однако, что этотъ прекрасный замыселъ неосуществимъ. Какъ отразить въ общемъ снимкѣ различныя группы народа, какъ оцѣнить и взвѣсить ихъ сравнительное значеніе и, наконецъ, какъ уловить все, что есть въ жизни, всѣ ея краски, всѣ творческія проявленія? Какъ уловить то, что менѣе замѣтно, менѣе бросается въ глаза и менѣе громко заявляетъ о себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ среди творческихъ проявленій народнаго духа, таитъ въ себѣ величайшія цѣнности? И какъ измѣрить всѣ эти качества, тонкія, неуловимыя, сложныя абстрактнымъ языкомъ цифръ, единствен-

¹⁾ Lorimer „Constitutionalism of the future, or Parliament the mirror of the nation“. Edinbourg, 1865.—Prévost-Paradol, *La France nouvelle*, 3-me édition Paris, 1868.—См. многочисленныя ссылки по этому вопросу у Saripolos, „La démocratie et l'élection proportionnelle“ pp. 527 etc. suiv.

²⁾ См. статью г. Мацѣевича, „Объ основахъ земскаго представительства“ въ сборникѣ статей, составленныхъ по порученію Саратовскаго губернскаго земства, подъ заглавiemъ „Всеобщее избирательное право“. Саратовъ, 1905, стр. 80.

но доступнымъ для избирательныхъ системъ? Не стоимъ ли мы здѣсь на границѣ политического искусства, на границѣ возможнаго и достижимаго? ¹⁾

Поставивъ своей цѣлью прослѣдить процессъ представленія депутатами воли избирателей, мы не можемъ оставить безъ вниманія и еще одного момента въ этомъ процессѣ, и именно заключительного. Я говорю о постановлѣніи рѣшеній общимъ собраніемъ представителей. Мы видѣли, сколь мало оказывается возможнымъ, чтобы представительство отражало съ точностью всю жизнь народную своимъ составомъ; но еще менѣе возможно, чтобы оно точно отражало ее въ своихъ рѣшеніяхъ. Для того, чтобы достигнуть такого отраженія, надо было бы предположить, что всѣ оттѣнки и различія мнѣній способны были бы войти въ общее рѣшеніе и, получивъ въ немъ должное признаніе, составить стройный и гармоническій итогъ отдѣльныхъ положеній. То ли мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ? Рѣшенія представительныхъ собраній, какъ это слишкомъ хорошо известно, возникаютъ не изъ мирнаго сочетанія отдѣльныхъ мнѣній въ общий итогъ,—они являются результатомъ состязанія и борьбы различныхъ направленій. Изъ этого процесса состязанія и борьбы рождается нѣчто новое, нѣкоторый синтезъ различій, и притомъ такой синтезъ, въ которомъ эти различія утрачиваются нерѣдко свой особенный, первоначально свойственный имъ характеръ. Входя въ компромиссъ съ противоположными имъ теченіями, они доносятъ

1) „Das scheitert schon daran,—хорошо говорить по этому поводу лялинецъ, dass Intensitten nicht durch Extensitten, geistige und sittliche Krfte nicht durch trockene Ziffern gemessen werden knnen. Alle Organisation des Wahlrechts ist aber darauf angewiesen, seine Resultate in Zahlen zu berechnen und darzustellen“ (Das Pluralwahlrecht, S. 10). Ср. также удачное замѣчаніе Benoist: „La reprsentation proportionnelle... n'est que la reprsentation proportionnelle des opinions. Des opinions, c'est  dire de ce qu'il y a de plus mobile, de plus fuyant, de plus insaisissable, de plus irr ductible  un petit nombre de cat gories, de ce qui peut le moins tre fix , inventori , compt  et class “ („La crise de l'Etat moderne“. Paris, 1897, p. 150). Ср. указываемыя имъ ссылки на Courcelle-Seneuil, „La soci t  moderne“ и „Pr paration  l'etude du droit“.

до общаго рѣшенія лишь часть своего первоначального содѣржанія, и далеко не всегда ту часть, которая принадлежала имъ по преимуществу. Руссо предполагалъ, что такимъ путемъ различія уравновѣшиваются; получается то общее, что всѣмъ имъ присуще одинаково, какъ нѣкоторый постоянный ихъ элементъ. На самомъ дѣлѣ общее рѣшеніе слагается одинаково какъ изъ общихъ элементовъ, такъ и изъ частныхъ различій, въ зависимости отъ сравнительного вѣса и значенія сталкивающихся мнѣній. Могутъ, конечно, сказать, что тотъ результатъ, который получается такимъ образомъ, и есть настоящая народная воля. Но это будетъ народная воля не отраженная, а созданная, и во всякомъ случаѣ созданная не изъ всѣхъ элементовъ народной жизни, а лишь изъ тѣхъ, которые были съ достаточнымъ вѣсомъ представлены въ собраніи. Это не будетъ ни копія, ни зеркальное отраженіе народныхъ желаній, а только временный компромиссъ, въ который вошли желанія, заявлявшія о себѣ съ большей энергией, и притомъ вошли не въ подлинномъ своемъ видѣ, а въ урѣзанномъ, согласно общему смыслу компромисса, который проистекаетъ изъ частичныхъ уступокъ и самоограниченій. „Отнимите плюсы и минусы, которые взаимно уничтожаются, и въ результате получится общая воля“, говорилъ Руссо. На самомъ дѣлѣ, плюсы и минусы въ данной области не уничтожаются, а борются между собою, для того чтобы силою своего заявленія отвоевать себѣ мѣсто въ общемъ итогѣ. А то общее, которое получается въ результате, вместо того чтобы быть одинаково для всѣхъ дорогимъ и общимъ, на самомъ дѣлѣ для каждого заключаетъ нѣчто, съ чѣмъ приходится мириться; но, какъ разъяснено выше, помимо общаго тутъ всегда есть и особенное, внесенное сторонами вошедшими въ компромиссъ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ пришлося встрѣтить недавно своего рода современное воспроизведеніе формулы Руссо: *Otez de ces mmes volonts les plus et les moins qui s'entre-dtruisent, reste pour somme des diffrences la volont gnrale*. Руссо полагалъ, что получаемая такимъ образомъ общая воля есть священный и

Предшествующія разъясненія могли бы быть выражены и въ иныхъ определеніяхъ, берущихъ тотъ же самый вопросъ съ другой стороны. Если решенія, которыя создаются въ представительныхъ собраніяхъ, не могутъ давать гармонического примиренія и общаго удовлетворенія всѣхъ, то это зависитъ не только отъ характера и смысла объединяющаго решенія, въ которомъ объединеніе достигается вынужденнымъ взаимограниченіемъ объединяемыхъ различій. Это объясняется также природой этихъ различій, которыя нерѣдко сталкиваются между собою въ рѣзкомъ разнорѣчіи. Никакое искусство синтеза и никакое желаніе примиренія не согласитъ того, что несогласно по существу. Современные государства вмѣшаютъ въ свои предѣлы рѣзко различные группы населенія, иногда обособленныя вѣками предшествующей исторіи и лишь внѣшне объединенные подъ скопетромъ государственной власти. Желанная гармонія старыхъ временъ является для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Какое же решеніе представительства можетъ примирить эти рѣзкія противорѣчія? О какомъ единстве народной воли можетъ здѣсь итти рѣчь? Всякое единое решеніе оставитъ неудовлетворенной одну или нѣсколько парламентскихъ группъ.

Что эти соображенія имѣютъ далеко не чисто-академической интересъ, вытекающей изъ теоретического анализа

непрекращаемый для всѣхъ законъ, въ которомъ все находятъ то, чего они хотѣли („если бы одержало верхъ мое частное мнѣніе, я сдѣлалъ бы не то, чего хотѣлъ“. L. IV, ch. II). Современный писатель, далекій отъ того, чтобы сознательно видоизмѣнять старую формулу „Общественного договора“, по невольному совпаденію мысли повторяетъ расчисление относительно плюсовъ и минусовъ, но согласно скептическому характеру вѣка, приходитъ къ результатамъ менѣе удовлетворительнымъ: „Faire une majorit , c'est prendre la moyenne de toutes les opinions favorables à la r forme et s'en tenir soigneusement à cette moyenne, qui est pour les uns en de a, pour les autres au del  du point qu'eux m mes auraient choisi. C'est assez dire, que personne ne sera tout   fait content. Tout le monde se r jouira de la victoire, mais elle aura cout  un sacrifice   chacun. Une victoire parlementaire, plus de neuf fois sur dix, est une transaction“. Ferdinand Buisson, *La morale professionnelle*.—*L'Homme politique*—въ журн. *La revue du Mois*, 10 Mars, 1907. № 15. P. 288.

вопроса, доказательствомъ тому служить насущная практическая потребность, ярко обнаруживающаяся въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ,—найти выходъ изъ невозможности обнять извѣстныя противорѣчія въ общемъ рѣшеніи представительного собранія. Такъ, достаточно вспомнить національныя противорѣчія въ Австріи, которыя обнаруживаются съ тѣмъ большей силой, что для свободнаго состязанія ихъ здѣсь открытъ извѣстный просторъ. Не кто иной какъ близкій знатокъ австрійскихъ порядковъ Іеллинекъ утверждалъ недавно, что антагонизмъ между славянскимъ и вѣмецкимъ элементами, потрясающій безпрестанно государственную жизнь Австріи, требуетъ особой формы голосованій въ представительномъ собраніи, при которомъ въ извѣстныхъ вопросахъ голоса подавались бы по національнымъ куріямъ, такъ что въ цѣломъ собраніе не могло бы принять по нимъ рѣшенія простымъ большинствомъ, въ ущербъ несогласному меньшинству. Въ этомъ возстановленіи стариннаго порядка германскаго рейхс-тага Іеллинекъ видѣтъ единственный выходъ изъ затрудненія¹⁾. И дѣйствительно, сама собою возникаетъ мысль, что въ случаѣ невозможности найти разрѣшеніе данныхъ противорѣчій приходится прибѣгнуть къ ихъ разводу и испробовать то *itio in partes*, которое практиковалось рейхstagомъ въ Германии въ тяжелую пору религіозныхъ столкновеній послѣ тридцатилѣтней войны. Насколько это сред-

1) Для поясненія упомянутаго въ текстѣ порядка скажу, что онъ сопровождался отмѣной для извѣстныхъ вопросовъ обычного способа совѣщаній и установлениемъ особаго совѣщанія по куріямъ. „Господство при помощи большинства становилось при этомъ порядкѣ невозможнымъ, дѣла рѣшались посредствомъ *amicabilis compositio* между двумя религіозными партіями; и если одна изъ партій объявляла какой-либо вопросъ, хотя бы и не стоящий въ связи съ религией, дѣломъ корпораций, то рейхстагъ раздѣлялся на *Corpus Catholicorum* и *Corpus Evangelicorum*. При подобномъ *itio in partes* голосование производилось по вѣроисповѣднымъ куріямъ, вслѣдствіе чего болѣе малочисленные голоса протестантовъ получали такой же вѣсъ, какъ и голоса католиковъ“. Это *itio in partes* встрѣчается также въ оригиналѣ воспроизведеніи у Гладстона въ его проектѣ ирландскаго парламента (1886 г.). См. Jellinek, „Das Recht der Minoritten“, S. 29 и Note 45.

ство окажется практическимъ и совмѣстимымъ съ государственнымъ единствомъ извѣстныхъ политическихъ союзовъ,— это не можетъ войти въ кругъ нашего разсмотрѣнія¹⁾. Наша задача состояла лишь въ томъ, чтобы указать практическую важность произведенного анализа.

Только что высказанныя замѣчанія приводятъ насъ и еще къ одному важному пункту, который не долженъ быть упущенъ изъ виду при анализѣ характера парламентскихъ рѣшеній. Требование развода противорѣчій возникаетъ тогда, когда объединяющее рѣшеніе парламентского большинства угрожаетъ въ парламентѣ какому-либо цѣнному интересу меньшинства. Возможность такого „майоризированія“ меньшинства, какъ бы это послѣднее ни было блестяще представлено, лишній разъ подтверждается, что ясно, впрочемъ, и съ первого взгляда,—что представительство меньшинства само по себѣ еще не обеспечиваетъ его въ парламентѣ противъ преобладающаго голоса большинства. Нѣкоторые изъ болѣе страстныхъ поклонниковъ пропорціонального представительства питають увѣренность, что все будетъ достигнуто, если будетъ осуществлена возможность для группъ, остающихся въ меньшинствѣ, посыпать своихъ представителей въ палату. Но не говоря уже о ранѣе указанныхъ затрудненіяхъ для полнаго осуществленія этой идеи, слѣдуетъ сказать, что она беретъ въ процессѣ представленія общественного мнѣнія только его начало и забываетъ конецъ. Тутъ отражается специальная психологическая особенность избирательныхъ коллегій, которая обычно возлагаютъ на своихъ избранниковъ всю совокупность своихъ ожиданій и надеждъ. Послать *своего представителя*, защитника своихъ нуждъ и желаній—вотъ что самое главное, съ точки зрѣнія этой избирательной психологіи, которую раздѣляютъ и нѣкоторые искатели лучшихъ избирательныхъ системъ. Но для объективнаго взгляда ясно,

¹⁾ Я упоминаю здѣсь обѣ этомъ потому, что въ литературѣ проектъ Іеллинека встрѣтилъ возраженія именно съ точки зрѣнія государственного единства. См. Brandenburg, Die parlamentarische Obstruktion. Note 26, S. 46.

что самое главное—впереди, въ условіяхъ дѣятельности представительного собранія, и здѣсь-то наилучшее обезпеченіе меньшинства при помощи избирательныхъ правъ можетъ оказаться совершенно недостаточнымъ, при постановлении общихъ рѣшений. Іеллинекъ вдвойнѣ правъ, когда онъ говоритъ, что „неизбѣжно всегда будетъ существовать противорѣчіе между юридической волей народа, выражаемой на основаніи конституціи представительствомъ, и волею массы разнообразныхъ народныхъ группъ, большая часть которыхъ никогда, ни по какой системѣ не можетъ получить представительства“¹⁾). Какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, это зависитъ не только отъ недостатковъ избирательныхъ системъ, но также и отъ условій дѣятельности представительныхъ собраній, какъ коллегіальныхъ учрежденій, руководствующихъ въ своихъ рѣшеніяхъ принципомъ большинства.

Мы не кончили еще однако нашего анализа процесса представительства народной воли. Изучая этотъ процессъ, мы оставляли до сихъ поръ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ отдѣльные члены палатъ дѣятельно самостоятельны и равны между собою по значенію и вѣсу для общаго направленія законодательной дѣятельности страны. Между тѣмъ, независимо отъ естественного различія въ способностяхъ и знаніяхъ, которое разумѣется само собою, есть еще особая условія въ дѣятельности представительныхъ собраній, которыя изъ совокупности всѣхъ представителей выдѣляютъ нѣкоторыхъ и притомъ немногихъ, чтобы поставить ихъ во главѣ всего представительного собранія и надѣлить ихъ первенствующимъ значеніемъ и огромной властью. Юридическая теорія представительства предполагаетъ, что каждый депутатъ свободно и самостоятельно — „librement, arbitrairement“, по выражению Эсмена—говорить отъ имени народа, въ полной независимости отъ связывающихъ его волю ограниченій.

¹⁾ Іеллинекъ, „Конституції, ихъ измѣненія и преобразованія“ ст. 75.

Однако на практикѣ отношенія складываются иначе. Прежде всего, какъ мы уже знаемъ, при развитіи партійныхъ организацій депутаты являются не только избранниками народа, но и ставленниками своихъ партій и тамъ, где дисциплина партій, какъ въ Англіи и Америкѣ, получаетъ значеніе строгой подчиненности партійнымъ комитетамъ и ихъ вождямъ¹⁾, руководство парламентскими группами фактически находится въ рукахъ немногихъ партійныхъ политиковъ. Сравнительно съ другими членами партій и парламентскихъ группъ, этимъ руководящимъ политикамъ по преимуществу принадлежитъ участіе въ опредѣленіи общаго направлениія политическихъ дѣлъ. Но помимо условій партійной жизни, есть и другія причины, способствующія сосредоточенію власти законодательныхъ собраній въ немногихъ рукахъ. По мѣрѣ того какъ всюду усложняются жизненные отношенія, и къ законодательству предъявляются все большія и болѣе необыкнвныя задачи. Не всегда эти задачи вырастаютъ въ глубину и выигрываютъ въ интересѣ, но всегда они становятся съ теченіемъ времени многочисленнѣе и разнообразнѣе. Между тѣмъ многолюдныя собранія народныхъ представителей, уже въ силу своей многолюдности, неизбѣжно испытываютъ затрудненія въ быстромъ выполненіи своихъ задачъ. Естественнымъ ходомъ вещей они вынуждаются къ тому, чтобы довѣрять подготовительную работу нѣкоторымъ комиссіямъ или комитетамъ (какъ они называются въ Америкѣ). Но въ этой области подготовлять нерѣдко значитъ предопредѣлять, и если задача такого подготовленія вручается коллегіи, пользующейся, независимо отъ этого, преимущественнымъ положеніемъ и надѣленной особыми правами, на долю этой коллегіи выпадаетъ исключительная власть, почти поглощающая власть законодательного собранія. Внимательные политические наблюдатели уже давно отмѣтили тотъ фактъ, что въ Англіи, классической странѣ парламентаризма, совершается любо-

1) См. у Ostrogorsky, op. cit I, pp. 486, 494, 568; II, pp. 171, 369.

Вопросы философіи, кн. 90.

пытная эволюція, въ смыслѣ перехода руководящей власти отъ парламента къ кабинету министровъ. Это явленіе, подробное описание котораго, въ связи съ общей характеристикой фактической конституціи современной Англіи, составляетъ заслугу Сиднея Лоу ¹⁾, было въ общихъ чертахъ намѣчено еще Дайси и Брайсомъ. Въ прибавленіяхъ къ новому изданію своего извѣстнаго труда по англійскому государственному праву Дайси предсказывалъ, что кабинетъ можетъ въ ближайшемъ будущемъ превратиться „изъ парламентской въ непарламентскую исполнительную власть“ и находилъ, что уже въ настоящее время общіе выборы являются избраніемъ извѣстнаго государственного дѣятеля на должность первого министра ²⁾). Этотъ послѣдній фактъ, ставящій первого министра въ большую зависимость отъ избирателей, чѣмъ отъ парламента, отмѣчается и въ сочиненіи Брайса обѣ американской республикѣ, вышедшемъ въ 1888 году. Этотъ выдающійся знатокъ политическихъ отношеній обратилъ вниманіе на то, что еще на выборахъ въ 1868 г., равно какъ и на послѣдующихъ выборахъ 1874 и 1880 гг. въ сущности происходило народное голосованіе по вопросу о томъ, кого слѣдуетъ поставить во главѣ управлѣнія—Гладстона или Дизраэли ³⁾). Брайсъ указывалъ также на возросшее значеніе министерства, которое, въ силу своего положенія и авторитета, можетъ противиться волѣ парламента и нерѣдко не только сдерживать его безсознательныя стремленія, но и противодѣйствовать его зрѣло обдуманнымъ намѣреніямъ ⁴⁾). Объемъ власти кабинета Брайсъ

¹⁾ Въ книгѣ, появившейся въ 1904 году подъ заглавіемъ „The Governance of England“.

²⁾ Дайси, „Основы государственного права Англіи“. Русск. пер. съ шестого англійского изданія (1902 г.). М. 1907. Прибавленіе III, стр. 502 и слѣд., особенно 508.—О создавшейся непосредственной связи кабинета съ народомъ еще ранѣе этого говорилъ Anson въ „The law and custom of the Constitution. Oxford, 1892. Ср. ссылку у Іеллинека, „Конституції, ихъ измѣненія и преобразованія“, р. пер. стр. 60, прим. 2.

³⁾ Bryce, I, p. 74; русск. пер. I, стр. 77.

⁴⁾ Ibid. pp. 218—219; русск. пер., стр. 244—245.

уже тогда характеризовалъ слѣдующимъ образомъ: „Теперешняя исполнительная власть, т.-е. теперешнее министерство пользуется нѣкоторыми преимуществами, которыя громадны не въ силу закона, а на практикѣ. Оно имѣть право иниціативы во всѣхъ сферахъ законодательной дѣятельности и исключительное право иниціативы въ финансово-законодательствѣ. Оно состоитъ изъ небольшого числа лицъ, представляющихъ хорошо организованное цѣлое, а дѣйствовать ему приходится въ средѣ собранія и гораздо болѣе многолюднаго и хуже организованнаго (т.-е. двухъ палатъ), которое, стало быть, ему не трудно подчинить своему вліянію. Оно можетъ раздавать и церковныя, и гражданскія должности, и хотя оно должно пользоваться этимъ правомъ осмотрительно, такъ чтобы не возбуждать неудовольствія въ палатахъ общинъ, все-таки оно пользуется въ этомъ отношеніи широкимъ просторомъ. Въ то время, какъ открыта парламентская сессія, оно располагаетъ почти всѣмъ, а иногда (какъ, напримѣръ, въ 1887 г.) и всѣмъ временемъ, посвящаемымъ палатой общинъ на ея засѣданія, и стало быть можетъ подвергать обсужденію тѣ мѣры, которыхъ оно желаетъ, и можетъ не давать ходу тѣмъ предложеніямъ, которыхъ ему не нравятся. Въ теченіе тѣхъ пяти слишкомъ мѣсяцевъ, во время которыхъ парламентъ не засѣдаетъ и стало быть требованія государственного управления могли бы оставаться безъ удовлетворенія, министерство иногда принимаетъ важныя мѣры подъ своей собственной ответственностью“. Брайсъ заканчиваетъ свою характеристику англійской системы сближенiemъ ея съ двумя конституціями, прусской и обще-германской, которымъ, какъ известно, англійская конституція противопоставляется обыкновенно въ качествѣ полной противоположности.

Замѣчательная характеристика Брайса, разрывавшая съ традиціоннымъ взглядомъ на англійскую конституцію, въ свое время не обратила на себя вниманія. И только теперь, благодаря книгѣ Сиднея Лоу и, можетъ быть, еще болѣе благодаря широкому распространенію ея основныхъ положе-

женій въ брошюре Іеллинека, всегда умѣющаго рельефно выдвинуть и подчеркнуть новые взгляды, совершившаяся перемѣна въ англійской конституціи получаетъ общее признаніе¹⁾). Въ то время, какъ въ самой палатѣ общинъ уже раздавались жалобы на то, что она скорѣе походитъ на органъ, регистрирующій декреты правительства, чѣмъ на законодательное собраніе, въ принятыхъ руководствахъ и учебникахъ все еще воспроизвѣдалось ученіе о всемогуществѣ парламента. Повторялось и знаменитое изреченіе Делольма о томъ, что парламентъ все можетъ, кромѣ того, чтобы превратить женщину въ мужчину, а мужчину въ женщину. Но въ наши дни эта старая шутка звучитъ злой ироніей надъ фактическимъ положеніемъ парламента. Въ то время какъ, по авторитетнымъ указаніямъ видныхъ публицистовъ, мѣсто парламентскаго правленія заняло въ Англіи правленіе кабинета, о всемогуществѣ парламента можно говорить лишь въ условномъ смыслѣ. Было бы чрезвычайно важной задачей показать, какъ и въ силу какихъ причинъ совершился этотъ переходъ фактическаго значенія отъ парламента къ кабинету министровъ. Причины эти сложны и разнообразны, но среди нихъ несомнѣнно имѣло значеніе и то обстоятельство, что парламентъ просто не могъ спра- вляться съ безконечной массой подлежащихъ ему дѣлъ. „Парламентъ перегруженъ,—говорилъ Гладстонъ,—парламентъ почти заваленъ“. Это было сказано около тридцати лѣтъ тому назадъ; и конечно, это указаніе не потеряло ничего изъ своей силы въ продолженіе периода, протекшаго съ тѣхъ поръ. Палата общинъ подавлена многочисленностью ея номинальныхъ обязанностей, разнообразiemъ ея функций, необъятностью ея интересовъ. Результатомъ попытки спра- виться съ этими колоссальными задачами является то, что

1) Въ русской литературѣ новѣйшая фаза въ развитіи англійской конституціи была отмѣчена въ статьѣ Б. А. Кистяковскаго, въ журн. „Свобода и культура“, № 3, 1906, „Кабинетъ министровъ“ (эта статья появилась еще до выхода въ свѣтъ брошюры Іеллинека), а также въ брошюре А. С. Алексѣева, „Безответственность монарха и ответственность правительства“. М. 1907.

дѣятельность палаты, послѣ немногихъ первыхъ недѣль сессіи, обыкновенно оказывается отставшей, и члены ея, противъ воли или съ облегченнымъ сердцемъ, сдаются все веденіе дѣлъ въ руки министровъ¹⁾). Дѣловыя преимущества министерства являются, конечно, лишь одной стороной этого явленія, но стороной въ высшей степени важной. Это—естественный путь сосредоточенія дѣятельной власти въ рукахъ немногихъ, способныхъ по своей организаціи и по своему положению справиться съ массой текущихъ политическихъ дѣлъ и законодательныхъ задачъ, которыя не подъ силу многолюдному собранію. Въ Соединенныхъ Штатахъ также совершилось аналогичное явленіе, но тамъ главное руководство дѣлами перешло къ дѣловымъ комитетамъ палаты или, точнѣе, къ ихъ предсѣдателямъ, которые вмѣстѣ съ спикеромъ палаты, назначающимъ комитеты, и играютъ первенствующую роль. Практическая сторона этого явленія очень хорошо была разъяснена Брайсу самими же американцами: „у насъ триста двадцать пять членовъ палаты,— говорили ему здѣсь,—изъ которыхъ почти каждый желаетъ произносить рѣчи, и которые почти всѣ являются на засѣданія палаты. Число биллей, вносимыхъ въ палату, такъ велико, что въ теченіе двухъ сессій, изъ которыхъ одна продолжается семь или восемь мѣсяцевъ, а другая только три, и одна двадцатая часть ихъ не могла бы сдѣлаться предметомъ обстоятельныхъ преній при ихъ вторичномъ чтеніи или при ихъ разсмотрѣніи въ комитетскомъ засѣданіи всей палаты... Въ Англіи у васъ существуетъ въ лицѣ министровъ одинъ обширный и могущественный комитетъ, который вѣдаетъ самыя важныя дѣла и даже разматриваетъ билли, вносимые отдѣльными членами парламента. Ваша палата общинъ не была бы въ состояніи работать даже въ теченіе одного засѣданія, если бы не было такого комитета,— это видно изъ того факта, что когда вы остаетесь даже на очень короткое время безъ министерства палата на время прекращаетъ свои засѣданія“²⁾). И подобно

1) Sidney Low, op. cit. p. 88. Подробное изложеніе см. ch. III, IV, V, V.

2) Bryce, I, 163; русск. пер., I, стр. 179.

тому, какъ въ Англии фактическое руководство всей политикой страны находится въ рукахъ кабинета министровъ, такъ въ Соединенныхъ Штатахъ во главѣ всего стоять также немногія лица. Это заставило одного американского дипломата утверждать, что форма правленія въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ—абсолютный деспотизмъ, прикрывающійся конституціонными формами; это—деспотизмъ немногихъ лицъ, а именно президента Соединенныхъ Штатовъ, статсъ-секретаря, секретаря казначейства, спикера палаты представителей и назначаемыхъ послѣднимъ предсѣдателей двухъ важнѣйшихъ комитетовъ палаты¹⁾.

Надо ли прибавлять, что это сосредоточеніе власти въ рукахъ немногихъ лицъ облегчается вліяніемъ партійныхъ организацій? То, что ранѣе мы говорили относительно общественного мнѣнія, указывая, что руководство имъ въ концѣ концовъ принадлежитъ немногимъ партійнымъ политикамъ, теперь намъ приходится установить относительно всей политической и законодательной дѣятельности, въ которую претворяется мнѣніе страны. Партійные организаціи переходятъ въ организацію власти, и дисциплина партій поддерживаетъ тотъ порядокъ, который создается для власти необходимостью болѣе успѣшного руководства и болѣе быстраго направленія политическихъ дѣлъ. Какъ утверждаетъ Сидней Лоу относительно Англіи, объясненіе этого явленія заключается не въ честолюбіи и не въ жаждѣ власти министровъ, а въ простой необходимости справляться съ массой дѣлъ²⁾, или, какъ выражается Брайсъ, въ необходимости пріисканія средствъ для того, чтобы многолюдныя собранія работали безъ задержекъ³⁾.

Итакъ, послѣ продолжительного анализа мы приходимъ

¹⁾ См. ссылку у Іеллинека, „Конституції, ихъ измѣненія и преобразованія“, стр. 57.

²⁾ Sidney Low, op. cit. p. 87. О вліяніи партій см. особенно интересныя указанія лорда Сольсбери въ письмахъ къ Сиднею Лоу отъ 2 дек. 1894, op. cit., pp. 112—113.

³⁾ См. Bryce, I, 154; russk. пер. I, 168.

къ заключенію, что въ странахъ съ наиболѣе развитыми демократическими формами народная воля въ сущности опредѣляется волей немногихъ, стоящихъ наверху. Теорія народного суверенитета приходитъ здѣсь, съ другой стороны, къ точкѣ исхода, описавъ своего рода кругъ постепенныхъ превращеній. Она отправляется отъ того, чтобы властивущей волѣ немногихъ противопоставить верховную волю народа, волю всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Но силою вещей воля всего народа замѣняется волей большинства, воля большинства—волей тѣхъ активныхъ гражданъ, которые умѣютъ заставить признать себя за большинство, и наконецъ, воля этихъ активныхъ элементовъ—волей нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ власти и направляющихъ ходъ политической жизни.

Любители реакціонныхъ выводовъ изъ опытовъ современного парламентаризма могли бы сдѣлать изъ сказанного выводъ, что, слѣдовательно, ничто не перемѣнилось и что слабая человѣческая природа попрежнему пришла къ тому, отъ чего она хотѣла уйти, повѣривъ въ свою силу. Но такой выводъ былъ бы столь же тенденціознымъ, сколько легко мысленнымъ. Между старымъ господствомъ олигархіи привилегированныхъ и современнымъ господствомъ олигархіи политическихъ вождей народа лежитъ цѣлая пропасть, и эта пропасть заключается прежде всего въ томъ, что „деспотизмъ“ современныхъ политиковъ проявляется лишь въ узкихъ предѣлахъ текущей политики, устои же демократіи и естественные права гражданъ остаются для него неприкосновенными¹⁾). Послѣдней основой политики, хотя бы и въ видѣ ея отдаленного источника, является все же воля народа, и сознаніе народное едва ли ошибается въ своемъ скрытомъ могуществѣ, о которомъ говорять американцы: «when the American people will rise in their might and majesty... Практически это выражается въ томъ, что тѣ

¹⁾ См. по этому поводу замѣчаніе мыслителя, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ современной политикѣ, W. E. H. Lecky, Democracy and liberty. Vol. I, p. 118.

немногіе, которые теперь стоять во главѣ власти, все же зависять отъ народа и избираются имъ. Борьба народного представительства съ всемогуществомъ власти имѣла своей цѣлью ограничить ея безответственный произволъ. Послѣ того какъ эта цѣль достигнута и исполнительная власть воспиталась на уваженіи къ закону и народнымъ нуждамъ, нѣтъ уже причинъ ограничивать эту власть тамъ, где предоставленіе ей большихъ полномочій требуется общимъ благомъ. И если, какъ въ Англии, исполнительная власть пользуется все большей независимостью отъ парламента, то исключительно потому, что она стала въ болѣе непосредственную связь со народомъ. Имѣя всегда возможность распустить парламентъ и представить на судъ народный свое разногласіе съ парламентомъ, министерство чувствуетъ подъ собой тѣмъ болѣе прочную почву, чѣмъ вѣрнѣе оно можетъ расчитывать на сочувствіе народа¹⁾.

Всѣ эти и подобные соображенія даютъ даже возможность утверждать, что новая фаза въ развитии английского парламентаризма „обещаетъ стать типической для правового государства ближайшаго будущаго“, въ качествѣ новаго политического образования, идущаго на смѣну прежняго парламентскаго правленія. Таково въ сущности заключеніе Іеллинека, не выраженное имъ, впрочемъ, съ полной ясностью, и аналогичное заключеніе, высказанное недавно въ русской литературѣ проф. Алексѣевымъ. „Этимъ новымъ политическимъ образованіемъ является конституционно-демократическая монархія, въ которой министры перестанутъ играть роль подчиненныхъ монарху агентовъ или слугъ только парламентскаго большинства, а возвысятся на степень самостоятельныхъ органовъ государства и образуютъ правительство, которое, идя рука обь руку съ народнымъ представительствомъ, будетъ чувствовать себя вождемъ и довѣреннымъ народа“²⁾. „Можно представить себѣ,—

1) Вгусе, I, 220; русск. перев., I, 245. См. также чрезвычайно интересныя подробности у Сиднея Лоу, оп. cit., pp. 106—111.

2) А. С. Алексѣевъ, „Безответственность монарха и ответственность правительства“, стр. 43.

предсказываетъ Дайси, — что придетъ время, когда, несмотря на то, что всѣ формы англійской конституції останутся неизмѣнными, англійскій первый министръ будетъ такъ же несомнѣнно избираться всенародной подачей голосовъ, какъ и американскій президентъ¹⁾.

Какъ видно изъ этихъ указаній, весьма характерныхъ для современныхъ воззрѣній, публицисты нашихъ дней далеко не склонны видѣть въ „кризисѣ парламентаризма“, о которомъ до утомленія много говорили въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество абсолютизма. „Какъ бы далеко ни зашло прогрессивное уменьшеніе политического значенія парламентовъ,—таковъ авторитетный діагнозъ Іеллинека,—старыя силы абсолютизма прошлыхъ временъ никогда этимъ не будутъ призваны къ жизни. Какъ невозможно, чтобы войска будущаго сражались снова лукомъ и стрѣлами, вмѣсто современныхъ пулеметовъ, такъ же не можетъ случиться, чтобы снова воскресъ неограниченный самодержецъ прошлыхъ столѣтій²⁾. Или, какъ выражаетъ ту же мысль ярый критикъ современного государства Бенуа, задача будущаго—„не разрушать современное государство и не передѣливать его на новыхъ основаніяхъ, а только закончить его“³⁾.

Но такъ или иначе, если оставаться только въ области разсмотрѣнныхъ нами явленій, можно было бы прийти къ заключенію, что совершающееся въ демократическихъ государствахъ фактическое сосредоточеніе власти въ немногихъ рукахъ кореннымъ образомъ разрываетъ съ той теорией народнаго суверенитета, которую высказалъ Руссо, какъ завѣтъ новому миру. Принципъ народовластия, какъ показываетъ практика жизни, состоить вовсе не въ томъ, чтобы народъ фактически все рѣшалъ и дѣлалъ самъ, и даже не въ томъ, чтобы онъ за всѣмъ фактически надзиралъ—это оказывается неисполнимымъ и невозможнымъ,—а только въ

¹⁾ Дайси, „Основы государственного права Англіи“. Русск. пер. М. 1907, стр. 508.

²⁾ Іеллинекъ. „Конституціи...“ стр. 84.

³⁾ Benoist, „La crise de l'Etat moderne“, p. 29.

томъ, чтобы юридически все отъ него исходило, чтобы, не будучи законодателемъ фактическимъ, онъ все же былъ, согласно извѣстному выраженію, тѣмъ „дремлющимъ законодателемъ“, за которымъ сохраняется юридической суверенитетъ и юридическая возможность проявить свои верховныя права.

Однако, указанныя нами явленія, сводящіяся въ общемъ къ сосредоточенію власти въ немногихъ рукахъ, не исчерпываются тѣхъ новыхъ измѣненій, которыя могутъ быть отмѣчены въ современномъ политическомъ мірѣ. Мы замѣтили выше, что въ Англіи усиленіе исполнительной власти идетъ рядомъ съ установлѣніемъ непосредственной связи ея съ избирателями. И если окинуть взоромъ различныя предвѣстія на политическомъ горизонтѣ, то надо будетъ прийти къ заключенію, что ослабленіе власти и значенія парламентовъ совершается повсюду не только въ пользу тѣхъ немногихъ политическихъ вождей, которые стоятъ наверху, но также и въ пользу вырастающей въ своемъ значеніи совокупности избирателей. Не перечисляя всѣхъ частныхъ явленій, знаменующихъ это растущее значеніе народа, мы прямо обратимся къ тому главному и основному, что намѣчается въ этой области,—къ идеѣ и практикѣ референдума, которая какъ разъ въ послѣднее время всплываетъ на поверхность политической жизни, чтобы привлечь къ себѣ общее вниманіе въ качествѣ новаго разрѣшенія старыхъ затрудненій. Къ референдуму обращаются не только горячие сторонники народоправства, на него возлагаютъ также большія надежды умѣренные и даже консервативные политики, въ родѣ Іеллинека, Дайси и Лекки, которые ожидаютъ, что эта система спасетъ современное представительство отъ различныхъ злоупотребленій и затрудненій. Какъ всякая система, которая еще не имѣеть широкаго распространенія и для многихъ странъ представляется лишь идеальной цѣлью стремленій, референдумъ сосредоточиваетъ на себѣ многочисленныя и разнообразныя ожиданія.

Для нашихъ цѣлей нѣтъ необходимости подвергать подробному изслѣдованию преимущества референдума, какъ политической системы. Мы можемъ напередъ согласиться и съ тѣмъ, что референдумъ представляетъ лучшій оплотъ противъ легкомысленного измѣненія конституцій, какъ думаютъ Дайси¹⁾ и Лекки²⁾, и съ тѣмъ, что народное голосование, какъ утверждаетъ Іеллинекъ³⁾, имѣть много преимуществъ сравнительно съ парламентскими преніями, исключая, напримѣръ, возможность мелкихъ торговъ и компромиссовъ, примѣненіе обструкціи и т. п. Но намъ интересно взглянуть на референдумъ съ той точки зрењія, которая вытекаетъ изъ задачи нашего изложенія. Намъ интересно разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ референдумъ, этотъ сравнительно мало извѣданный и для многихъ привлекательный институтъ, способствуетъ торжеству народной воли и осуществленію народного суверенитета. Со времени французской революціи и до нашихъ дней въ референдумѣ видятъ наиболѣе полное воплощеніе идеи народного суверенитета, и притомъ не только юридическое и формальное, а фактическое и реальное. Въ какой мѣрѣ справедливъ этотъ взглядъ? И правда ли, что осуществленіе принципа народного законодательства дастъ, наконецъ, возможность превратить народный суверенитетъ изъ недостижимой цѣли въ жизненную практику?

(Продолженіе следуетъ.)

П. Новгородцевъ.

¹⁾ Dicey, „Ought the Referendum to be introduced into England“ въ Contemporary Review. 1890. April, p. 505.

²⁾ Lecky, Democracy and liberty, I, p. 287.

³⁾ Іеллинекъ, Конституціи... стр. 89.

Физикъ-идеалистъ¹⁾.

(Памяти Н. И. Шишкина).

IV.

Показавъ на вопросахъ о началѣ и концѣ міра и о свободѣ воли, что дѣйствительно научная механическая теорія занимаетъ, въ отношеніи къ нимъ, критическое или примирительное положеніе, и не только не оправдываетъ догматическихъ выводовъ материализма, но скорѣе опровергаетъ ихъ, раскрывая неизбѣжную неполноту своихъ собственныхъ объясненій космического процесса въ его цѣломъ, къ совершенно аналогическому выводу приходитъ Н. И. Шишкинъ, обращаясь къ третьему великому вопросу человѣческой вѣры и человѣческой философіи: это вопросъ о бессмертіи души. Статья „О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи“ и посвящена главнымъ образомъ изложенію критическихъ взглядовъ на эту проблему. Н. И. Шишкинъ думаетъ, что механическая теорія не имѣетъ возможности дать положительное рѣшеніе вопроса о самостоятельности души и ея бессмертіи²⁾; но въ то же время онъ настойчиво доказываетъ, что для нея существуютъ весьма серьезныя основанія сомнѣваться въ его отрицательномъ рѣшеніи. Свои критическія замѣчанія Н. И. Шишкинъ ставить въ тѣсную зависимость отъ общаго вопроса о томъ, „можетъ ли быть допущено въ явленіяхъ психофизическихъ участіе невѣсо-

1) № 89 „Вопр. Фил. и Псих.“

2) „Вопросы Фил. и Псих.“, кн. 1, стр. 140.

мой среды, какъ оно допускается въ явленіяхъ чисто физическихъ". Этотъ вопросъ и дѣлается центральнымъ пунктомъ всѣхъ его разсужденій.

Какъ должна пониматься невѣсомая, или эәирная, среда съ точки зрењія механической теоріи? Здѣсь прежде всего нужно устраниТЬ нѣкоторыя недоразумѣнія. Есть люди, которые совсѣмъ отрицаютъ реальность этой среды и, подобно Ог. Конту, полагаютъ, что понятіе о ней представляеть остатокъ метафизики, и что съ такимъ же правомъ могли бы мы объяснять явленія природы вліяніемъ геніевъ или демоновъ. Однако ссылка на метафизику едва ли тутъ что уясняетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ физика въ своихъ теоріяхъ стала проникать въ основы матеріи и энергіи, отличіе между метафизическімъ и физическімъ въ этой области стало шаткимъ, произвольнымъ и относительнымъ. „Въ самомъ дѣлѣ, что признавать понятіемъ метафизическімъ: понятіе ли о невѣсомой матеріи, или понятіе о вѣсѣ, которое служить таинственной загадкой для физиковъ, разгаданной однако настолько, что уже никто изъ нихъ не считаетъ вѣсъ такимъ же неотъемлемымъ качествомъ тѣлъ, какъ напримѣръ протяженность или непроницаемость. Самое слово „притяженіе“ съ большею определенностью замѣняется нерѣдко выражениемъ: „фиктивное взаимодѣйствіе тѣлъ“¹⁾.

Что касается сближенія эәирной гипотезы съ вмѣшательствомъ геніевъ и демоновъ, то оно было бы вѣрно, если бы эта гипотеза на обширныхъ группахъ явленій природы не доказала свою несомнѣнную способность не только объяснять, но и предсказывать явленія. Именно этого ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать отъ гипотезы геніевъ. Вѣдь геніямъ и демонамъ приписывается свободная воля, ихъ для того только и предполагаютъ, чтобы можно было сослаться на ихъ произволъ; о какихъ же можно говорить предсказаніяхъ впередъ ихъ дѣйствій? Съ такой демонической гипотезой можно

¹⁾ Тамъ же, стр. 140—141.

скорѣе сблизить попытки многихъ естествоиспытателей, напр. Грове, объяснять всѣ явленія природы только изъ свойствъ вѣсомой матеріи. Эти попытки принадлежать къ числу тѣхъ неопределенныхъ гипотезъ, которые ограничиваются самыми общими объясненіями, не давая въ руки никакой руководящей нити пророческаго характера.

Что же такое ээиръ? Для механической теоріи наши здѣсь предложенія о веществѣ разрѣшаются въ понятіе о прочныхъ и постоянныхъ энергіяхъ, которая по образному выражению Фарадея, окутываютъ матерію какъ-бы атмосферой зерно. Послѣднее, что остается въ нашемъ пониманіи отъ вещества, разоблаченного отъ всѣхъ этихъ энергій, это—способность сопротивляться внѣшнимъ энергіямъ, т.-е. опять таки энергія, хотя и пассивная. На механическомъ языке она называется массой, и можно сказать, что законъ сохраненія матеріи, при такомъ взглядѣ, есть не что иное, какъ законъ сохраненія массы. Механическая теорія считаетъ ту среду реальной, которая можетъ передавать энергию другимъ средамъ и сопротивляется передачѣ энергіи отъ другихъ средъ. Ээиръ или невѣсомая среда удовлетворяетъ ли этому определенію? Едва ли противъ этого можно спорить. Мы привыкли говорить, что солнце производить на земль всѣ замѣчаемыя нами работы,—вычислено даже, что каждую минуту земля получаетъ отъ него энергию въ 228 билліоновъ лошадиныхъ силъ,—но при этомъ мы прежде всего не должны забывать, что эти работы непосредственно сообщаются міровой средой, ударяющей въ тѣла земныя, подобно морскому прибою: иначе мы ихъ не можемъ представить себѣ механически. Есть ли у этой космической ээирной среды сопротивленіе? Заранѣе можно предугадать, что оно должно быть ничтожнымъ. Вѣдь плотность матеріи и плотность энергіи распределены въ тѣлахъ обратно-пропорціонально другъ другу: мы наблюдаемъ сравнительно мало энергіи въ тѣлахъ твердыхъ, она больше въ жидкостяхъ и еще больше въ газахъ. И все-таки во взаимодѣйствіяхъ ээира съ тѣлами вѣсомыми, мы встрѣчаемся

съ сопротивленіями, обнаруживающимися на столько ясно, что является возможность получить приблизительное численное выражение для его плотности. Противъ возраженія, что сопротивленіе эаира не сказывается на движениі небесныхъ свѣтиль, можно указать теорію, объясняющую самое тяготѣніе вліяніемъ эаира: эта теорія дозволяетъ предположить, что сопротивленіе невѣсомой среды входитъ уже какъ простая составляющая въ ту равнодѣйствующую, которая направляетъ видимое движеніе небесныхъ свѣтиль. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы имѣемъ полное основаніе смотрѣть на эаиръ, какъ на среду реальную¹⁾.

Участвуетъ ли эаирная среда въ возникновеніи и развитіи психическихъ феноменовъ, какъ опредѣляющій факторъ ихъ особенного характера, или физической субстратъ душевной жизни есть вещества вѣсомое? Стремленіе внести въ ученіе о душевныхъ явленіяхъ понятіе о невѣсомой матеріи возникало не разъ. Между своими предшественниками въ этомъ отношеніи Н. И. Шишкинъ указываетъ Пирогова и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на нѣмецкомъ физикѣ Шпиллерѣ, подвергая его взгляды строгой и обдуманной критикѣ. Шпиллеръ видѣть въ эаирѣ источникъ всякой силы въ природѣ и соотвѣтственно этому полагаетъ въ немъ субстратъ и психической жизни, признавая человѣка за самый совершенный эаирный организмъ. Главный доводъ въ пользу своего воззрѣнія Шпиллеръ находитъ въ фактѣ единства человѣческой личности. Въ психическомъ мірѣ каждого индивидуума, несмотря на перерывы во время сна и болѣзеннаго разстройства, что-то остается, какъ неизмѣнное и устойчивое данное; это остающееся составляетъ то, что мы называемъ нашимъ „я“. „Я“ не можетъ принадлежать, какъ прямая и непосредственная функция, обыкновенному веществу, заключенному въ нашемъ организмѣ, потому что наше тѣло постоянно менѣется въ своемъ составѣ. Взрослый человѣкъ въ тече-

¹⁾ Тамъ же стр. 141—143.

ніе сутокъ теряетъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ и въ періодъ времени около семи лѣтъ получаетъ совершенно новое тѣло. „Остающееся“ въ психической жизни не можетъ быть связано съ такой преходящей и перемѣнчивой субстанціей,—по мнѣнію Шпиллера, его носителемъ можетъ быть только ээиръ.

Никакъ нельзя отрицать огромной важности факта, выдвигаемаго Шпиллеромъ. И все-таки, чтобы признать за него неизбѣжное условіе участіе ээира въ психическихъ явленіяхъ, въ этомъ фактѣ, самомъ по себѣ взятомъ, еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Можно доказывать, что „остающееся“ въ нась не связано съ перемѣннымъ составомъ нашего тѣла, и пребываетъ гдѣ-то и какъ-то независимо отъ него, но въ той ли именно средѣ, которая производитъ свѣтовыя и электрическія явленія? Можетъ быть, болѣе правы чистые спиритуалисты, для которыхъ носитель психической жизни не имѣетъ въ себѣ ничего материальнаго?

Второе доказательство Шпиллера имѣетъ еще менѣе цѣны. Онъ ссылается на разнообразіе въ устройствѣ человѣческаго мозга и нервныхъ центровъ и видитъ въ немъ противорѣчіе съ тѣмъ фактомъ, что у всѣхъ людей душевныя явленія сходны. Чтобы примирить это противорѣчіе, онъ предполагаетъ, что явленія душевной жизни происходятъ отъ ээира, въ который нервные центры погружены подобно тому, какъ въ среду мірового ээира погружены солнце и планеты. Но, во-первыхъ, еслибъ даже исходныя соображенія Шпиллера были вѣрны, изъ нихъ можно было бы вывести только существованіе какого-то общаго агента неизвѣстнаго характера, который одинаково дѣйствуетъ во всѣхъ нервныхъ системахъ, но почему же утверждать, что этотъ агентъ есть непремѣнно ээиръ? Во-вторыхъ, самыя эти соображенія едва ли можно считать безспорными: общее устройство мозга у нормальныхъ людей одинаково, и если частности его разнообразны, то едва ли болѣе того, насколько различны ихъ психическая особенности.

Слишкомъ ясно,—чтобы обосновать вліяніе эаирной среды на развитіе коренныхъ особенностей нашей психической жизни, нельзя прибѣгать къ такимъ шаткимъ и двусмысленнымъ аргументамъ. Надо перенести проблему на болѣе точную и научную почву. А для этого мы прежде всего должны отвѣтить на принципіальный вопросъ: по отношенію къ какимъ физическимъ явленіямъ встрѣчаемъ мы необходиомость признать участіе невѣсомой среды? ¹⁾). Какие можно указать общіе признаки такого участія?

Въ основу отвѣта на этотъ вопросъ Н. И. Шишкінъ кладетъ различіе между двумя типами потенціальной энергіи. Онъ его уясняетъ слѣдующими примѣрами. Существуютъ особенно устроенные вѣтряные мельницы, въ которыхъ сегодня работаютъ вчерашнимъ вѣтромъ. Для этого дѣлаютъ особое приспособленіе, которое по мѣрѣ вращенія крыльевъ наматываетъ на ось веревку, поднимающую привѣшенную къ ней тяжесть. Когда тяжесть поднята на значительную высоту, ее закрѣпляютъ, а на другой день, когда вѣтра нѣтъ, закрѣплениe уничтожается, тяжесть спускается, и крылья приходятъ въ движение. Мы тогда говоримъ, что кинетическая энергія вѣтра была запасена въ формѣ потенціальной энергіи поднятаго камня, которая по томъ перешла въ кинетическую энергию при его паденіи. Точно ли однако потенціальная энергія въ этомъ случаѣ запасена въ самомъ камнѣ? Вообразимъ, что въ тотъ моментъ, когда камень будетъ отцепленъ, земля вдругъ перестанетъ притягивать,—камень очевидно останется на мѣстѣ. Не значитъ ли это, что никакого запаса энергіи въ самомъ камнѣ вовсе и не было? Тѣмъ не менѣе законъ сохраненія работы требуетъ, чтобы гдѣ-нибудь она была запасена; и разъ ея нѣтъ въ самомъ камнѣ, то остается предположить, что движение перешло въ невѣсому среду, которая, по наиболѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, хотя пока еще и неизвѣстно какимъ образомъ, производить фиктивное вза-

¹⁾ Тамъ же, стр. 143—146.

Вопросы философіи, кн. 90.

имодѣйствіе тѣль, т.-е. силу тяжести. Однако не всякая потенциальная энергія объясняется такимъ переходомъ движенія въ невѣсомую среду; иногда измѣненіями въ положеніи тѣла дѣйствительно вызываются незамѣтныя для нась внутреннія натяженія въ немъ, которыя породятъ движенія, какъ скоро препятствіе къ тому минуетъ. Примѣромъ подобнаго явленія можетъ служить натянутая упругая струна.

Въ чёмъ состоится разница этихъ двухъ видовъ потенциальной энергії? Легко видѣть, что она прежде всего заключается въ различной прочности состоянія потенциальной энергії въ этихъ двухъ типическихъ случаяхъ. Камень, подвѣшенный или лежащій на крышѣ, уже не содержитъ въ себѣ той энергіи, которая его подняла; поэтому воздѣйствія на него другихъ энергій не произведутъ перемѣны въ его потенциальномъ состояніи по отношенію къ будущему паденію; онъ могутъ дѣйствовать развѣ только на препятствіе въ смыслѣ отстраненія его и, слѣдовательно, освобожденія движенія. Тяжесть, накрученная крыльями мельницы, произведетъ свою работу даже и тогда, когда будетъ раздроблена на части или расплавлена, или сожжена, лишь бы эти части или продукты горѣнія могли быть собраны въ одномъ мѣстѣ. Совсѣмъ другое дѣло при потенциальномъ состояніи натянутой упругой струны: во-первыхъ, сама энергія, удерживающая струну въ однажды принятомъ положеніи, не есть только препятствіе, но дѣйствуетъ постоянно, деформируя ея различныя части; во-вторыхъ, всякия другія энергіи, перераспредѣляя внутреннія частицы струны по-своему, каждый разъ измѣняютъ ея внутреннія натяженія и ставятъ ее тѣмъ самымъ въ новыя условія. Оттого камень, сколько бы разъ мы его ни поднимали на крышу, будетъ всякий разъ при паденіи производить ту же самую работу. Наоборотъ, струна, выводимая изъ своего равновѣсія, будетъ деформироваться все болѣе и болѣе и можетъ совсѣмъ потерять свою упругость ¹⁾.

¹⁾ Вопросы Фил. и Псих., кн. 2, стр. 129—131.

Этими примѣрами уже предопредѣляются очень важные выводы, предварительно подготовленные общими теоретическими соображеніями¹⁾: „если кинетическое и потенциальное состояніе данной системы обусловливаются ею самою, то они будутъ прочны и устойчивы только тогда, когда на систему не дѣйствуютъ видоизмѣняющимъ образомъ никакія постороннія внѣшнія силы; напротивъ, если кинетическая и потенциальная ея состоянія будутъ обусловлены переходомъ движенія изъ системы въ невѣсомую среду и изъ этой среды въ систему, они могутъ обладать полной устойчивостью и прочностью при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ“. Въ этомъ и слѣдуетъ усматривать критерій присутствія невѣсомаго дѣятеля въ явленіяхъ природы. „Прочность и устойчивость энергii, т.-е. ея способность сохраняться и возстановляться, несмотря на постоянно дѣйствующія постороннія силы, служитъ указаніемъ, что въ данномъ физическомъ явленіи мы должны признать участіе невѣсомой среды“²⁾.

Установивъ такой общий критерій, Н. И. Шишкінъ доказываетъ далѣе его приложимость къ различнымъ группамъ явленій. Максуэль въ своемъ трактатѣ объ электричествѣ показываетъ существованіе большой аналогіи между явленіями тепловыми и электрическими, но онъ же полагаетъ и предѣль для этой аналогіи въ свойствахъ весьма существенныхъ. Тѣло, нагрѣтое до извѣстной температуры, и тѣло, наэлектризованное до извѣстного потенциала, не одинаково сохраняютъ — одно свое тепловое, — другое свое электрическое напряженіе. Чтобы удержать тепловое напряженіе на одномъ и томъ же уровнѣ, нужно постоянно поддерживать связь тѣла съ источникомъ тепла; напротивъ, электрическое напряженіе, однажды возникнувъ, можетъ сохраняться неопределенное время. Рядомъ съ этимъ стоять другое различіе: измѣненіе температуры какого-нибудь

¹⁾ Тамъ же, стр. 131—133.

²⁾ Тамъ же, стр. 134.

тѣла всегда сопровождается измѣненіемъ физического, а иногда и химического его состоянія; слишкомъ большое накопленіе тепла даже можетъ разрушить тѣло. Не то съ электричествомъ: если сосудъ, стѣнки которого подвергаются постояннымъ электрическимъ зарядамъ и разрядамъ, наполнить какими-нибудь тѣлами, то, несмотря на постоянное колебаніе потенціала въ этихъ тѣлахъ, они останутся безъ всякаго замѣтнаго измѣненія. Фарадей доказалъ это весьма нагляднымъ образомъ. Онъ устроилъ особую камеру, въ которой поселился самъ со всѣми своими приборами; эту камеру онъ подвергалъ сильной электризациіи, такъ что стѣны ея давали большія искры и постоянные свѣтловыя истеченія, и тѣмъ не менѣе онъ не могъ ни въ себѣ, ни кругомъ себя услѣдить какихъ-либо измѣненій, производимыхъ электрическимъ вліяніемъ. Что вышло бы, если бы онъ, напротивъ, сидѣлъ въ сильно разожженной камерѣ?

Въ чёмъ же источникъ этого различія между тепловыми и электрическими явленіями? Здѣсь вполнѣ примѣняется установленный сейчасъ критерій. „Невозможность сохраненія теплового напряженія въ тѣлѣ и его разрушительное дѣйствіе на связи частицъ между собою ясно указываютъ, что явленія этого рода происходятъ въ вѣсомомъ веществѣ. Наоборотъ, устойчивость электрическаго напряженія и прочность вещества при его вліяніи показываютъ, что въ электрическихъ явленіяхъ надо предположить взаимодѣйствіе эаирной среды съ вѣсомыми частицами“. Сопоставимъ сейчасъ приведенные примѣры съ ранѣе разсмотрѣнными примѣрами подвѣшенного камня и натянутой струны, и мы получимъ, что упругость и теплота суть такого рода явленія, которыя удовлетворительно объясняются свойствами вещества вѣсомаго; напротивъ, *тяготы и электричество становятся понятными лишь съ помощью гипотезы объ эаирѣ.* Именно къ этимъ предположеніямъ и склоняется физика.

Какова же собственная дѣятельность невѣсомой, эаирной среды, позволяющая ей выполнять ту роль, которая ей принадлежитъ въ общей экономіи природы? И въ этомъ отно-

шении мыслимы различныя условія. Могутъ быть случаи, когда невѣсомая среда поглотить движенія погруженныхъ въ нее тѣлъ безъ возврата, распространяя ихъ въ пространство по всѣмъ направленіямъ. Такъ бываетъ, напримѣръ, при свѣтовыхъ явленіяхъ. Чтобы не послѣдовало такого разсѣянія, нужно, чтобы движенія, сообщаемыя эаирной средѣ отъ всѣсомыхъ частицъ, сами составили нѣкотораго рода систему, индивидуализованную не менѣе, чѣмъ то сочетаніе всѣсомаго вещества, съ которымъ она какъ бы органически связана. Такая индивидуализація, напр., рѣзко выражается въ явленіяхъ электрическихъ вообще и магнитныхъ въ особенности: въ нихъ она обусловливается существованіемъ такъ называемаго *электрическаго или магнитнаго поля*. Въ послѣднемъ случаѣ можно думать, что эаирные движения представляютъ систему вихрей, какъ проникающихъ внутрь магнита, такъ и облекающихъ его далеко за его предѣлами.

Къ этому слѣдуетъ прибавить весьма важный результатъ, получаемый изъ наблюдений надъ тѣми явленіями, въ которыхъ неизбѣжно приходится признать участіе невѣсомой среды: дѣятельность этой среды вообще сохраняетъ свою индивидуальность и не переходитъ изъ одной формы въ другую. Ясный тому примѣръ мы находимъ въ свойствахъ силы тяготѣнія, которая, съ чисто механической точки зрењія, также есть лишь одинъ изъ видовъ эаирной энергіи: тяготѣніе не превратимо ни въ какую другую энергию. Вѣдь самый законъ сохраненія вещества есть не что иное, какъ законъ сохраненія тяготѣнія: такъ его и выражаютъ, такъ онъ и провѣряется на опытѣ, какъ отсутствіе всякой потери въ всѣхъ. Но тяготѣніемъ дѣло, повидимому, не ограничивается. Нѣкоторые физики выдвигаютъ принципъ сохраненія электричества, какъ обобщеніе не менѣе достовѣрное, какъ сохраненіе вещества. Сильванусъ Томпсонъ говоритъ: „Мы не можемъ создать или уничтожить электричество, хотя мы въ состояніи измѣнить его распределеніе, можемъ заставить явиться болѣе электри-

чества въ одномъ мѣстѣ и меньше въ другомъ, можемъ перевести его изъ состоянія покоя въ состояніе движенія или заставить электричество притти въ движение на подобіе водоворотовъ или вихрей, обладающихъ способностью притягивать или отталкивать другіе подобные вихри. Согласно такому взгляду, всѣ наши электрическія машины и баттареи представляютъ изъ себя только приборы, производящіе измѣненіе въ распределеніи электричества“.

Далѣе приходится отмѣтить еще очень интересную особенность въ дѣятельности эаирной среды, не имѣющую себѣ никакой аналогіи въ явленіяхъ среды вѣсомой: движенія, порешедшія въ эаирную среду, могутъ накопляться рядомъ, не смѣшиваясь между собою и не извращая даже самыхъ тонкихъ своихъ подробностей. Явленія свѣта представляютъ разительный примѣръ сохраняемости движенія въ этомъ отношеніи. Маленький лучъ, одинъ изъ многихъ, по-видимому, совершенно съ нимъ сходныхъ, несетъ намъ, часто изъ ужасающей дали, всѣ тонкости и подробности того, что тамъ совершается. Замѣтить ихъ зависитъ только отъ тѣхъ средствъ, которыя находятся у насъ подъ рукою. „Луна, напр., въ микроскопическихъ лучахъ попадающаго въ нашъ глазъ свѣта шлетъ намъ самая тонкія подробности устройства своей поверхности, и шлетъ ихъ еще гораздо далѣе насъ,—во всѣ стороны, въ безконечность“. Справедливо указываютъ на то, что всѣ факты нашей земной исторіи всегда видны въ различныхъ уголкахъ вселенной. „Если бы лучи, идущіе отъ разныхъ предметовъ, сталкиваясь и пронизывая другъ друга, смѣшивались бы и складывали бы свои движенія,—какимъ образомъ два наблюдателя, находясь близко одинъ отъ другого и рассматривая два различныхъ предмета: одинъ, напр., видѣлъ далекаго города, другой—поверхность волнующагося моря, могли бы видѣть то, что передъ ними, а не что-нибудь механически среднее между обоими видами, т.-е. какую-то фантастическую, совсѣмъ безсмысленную картину?“. Органъ зрѣнія есть совершеннѣйшій между органами чувствъ не

только потому, что онъ очень воспріимчивъ и чувствителенъ, но главнымъ образомъ потому, что агентъ, доставляющій ему впечатлѣнія, отличается поразительною устойчивостью своихъ движений.

Сейчасъ указанныя особенности невѣсомой среды позволяютъ понять, почему перешедшая въ нее энергія такъ прочно сохраняется. Рядомъ съ ними надо указать еще одинъ важный фактъ, въ значительной степени объясняющей самыя эти особенности: невѣсомая среда всегда сохраняетъ свои первоначальные свойства, она не подвергается физической и химической деформациі. Эїръ есть среда физически и химически простая, — уже по одному этому не можетъ быть никакой рѣчи о нарушеніи его прочности¹⁾.

Имѣя въ виду эти общія свойства эїрной среды и установленный ранѣе критерій ея присутствія, мы уже гораздо опредѣленнѣе можемъ отвѣтить на вопросъ: нужно ли и въ явленіяхъ *психофизическихъ* признать участіе невѣсомаго дѣятеля? Подъ психофизическими явленіями Н. И. Шишкінъ разумѣеть такія, которыя совершаются на границѣ физического и душевнаго міра. Онъ предпочитаетъ для нихъ терминъ „психофизическая“, а не „психофизиологическая“, желая этимъ подчеркнуть свою общую точку зрѣнія на нихъ: какъ бы ни были сложны біологические и физиологические процессы, они должны быть все-таки физическими процессами, въ основаніе которыхъ положены элементарные законы энергіи. Если бы смотрѣть иначе, вопросъ, быть можетъ, рѣшался бы проще, но это было бы предвзятое рѣшеніе. Механическая теорія опирается на принципъ единства силь природы и пытается все объяснить основными законами ученія обѣ энергіи, которымъ одинаково подчиняются и химическая молекула, и органическая клѣточка²⁾.

Что же называть психофизическими явленіями? Этимъ словомъ обозначается несомнѣнно существующая связь между фактами душевной жизни и различными физическими

¹⁾ Тамъ же, стр. 136—139.

²⁾ Тамъ же, стр. 139—140.

движениями, ихъ сопровождающими и обусловливающими ихъ по ихъ качественному содержанию. Какъ бы мы ни толковали эту связь, она безспорнымъ образомъ дана на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы извѣстныхъ намъ психическихъ феноменовъ. Съ наибольшою рельефностью она обнаруживается на простѣйшихъ психическихъ явленіяхъ въ зависимости *ощущеній* отъ *раздраженій*. Въ чёмъ заключается эта зависимость? Въ наиболѣе наглядной схемѣ ее можно выразить такъ: что-то исчезаетъ изъ окружающей природы и что-то прибавляется къ сознанію человѣка. Гдѣ и какъ происходитъ превращеніе одной работы въ другую, съ ней несогласимѣрную, въ виду ихъ качественной разнородности, мы не знаемъ; но въ силу коренныхъ требованій механической теоріи, мы все же должны предполагать, что какъ бы ни относилось послѣднее изъ механическихъ движений къ ощущенію, оно должно быть съ нимъ эквивалентно. „Это значитъ, что всякий разъ, когда оно производится,— получается и соответствующее ощущеніе въ определенномъ качествѣ и количествѣ. Наоборотъ, когда появится это ощущеніе, ему будетъ сопутствовать одно и то же механическое движеніе“. Такъ мы разсуждаемъ объ ощущеніяхъ; но то же самое мы вынуждены предположить и обо всѣхъ другихъ видахъ психической дѣятельности, въ которыхъ ощущенія, или непосредственно переживаемыя, или воспроизведенныя, всегда являются весьма существенною составною частью: всѣ наши психическія переживанія сопровождаются и обусловливаются *эквивалентными* имъ механическими движеніями. И вотъ всѣмъ предшествующимъ ставится вопросъ: эти движенія, обыкновенно неопределенно относимыя внутрь нервной системы,—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя прямо эквивалентны психическимъ фактамъ и, такъ сказать, представляются *послѣдними* механическими движеніями, непосредственно примыкающими къ возникновенію психического,—совершаются ли въ веществѣ вѣсомомъ или во всемъ ихъ характерѣ ясно обнаруживается участіе среды невѣсомой?

Достаточно отчетливо формулировать этотъ вопросъ, чтобы понять, куда съ неизбѣжностью склоняется его рѣшеніе. Въ основѣ всей душевной жизни лежитъ общій феноменъ воспроизведенія пережитыхъ впечатлѣній, то, что въ широкомъ смыслѣ слова можно назвать памятью или воспоминаніемъ. Однажды полученные ощущенія не исчезаютъ изъ сознанія безслѣдно,—при благопріятныхъ обстоятельствахъ они возрождаются въ формѣ явныхъ или неявныхъ воспоминаній (т.-е. съ сознаніемъ ихъ принадлежности къ нашему прошлому опыту или безъ этого сознанія). Есть большая вѣроятность въ предположеніи, что способность возрождаться есть общее свойство ощущеній и что каждое воспоминаніе всегда сохраняется. А вѣдь тогда приходится думать, что и движение, эквивалентное ощущенію, сначала ослабѣвъ и скрывшись, затѣмъ опять можетъ возстановляться въ той же формѣ и нерѣдко почти съ тою же напряженностью, съ какою оно сопровождало ощущеніе въ моментъ его перваго появленія¹⁾). Другими словами, если принципъ параллелизма физического и психического правиленъ, всѣ движения, соответствующія ощущеніямъ и воспоминаніямъ, должны гдѣ-то и какъ-то сохраняться въ своемъ первоначальномъ видѣ и въ безконечномъ разнообразіи своего индивидуального содержанія. Гдѣ же они сохраняются? Что является материальнымъ субстратомъ воспроизводительныхъ процессовъ сознанія?

Его нельзя искать въ веществѣ вѣсомомъ. Это съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ всего, что установлено раньше. Психофизическая явленія принадлежать скорѣе къ типу электрическихъ, магнитныхъ и свѣтовыхъ, чѣмъ тепловыхъ или явленій упругости,—противъ этого едва ли можно спорить. Свойствамъ вѣсомой среды принципіально противорѣчать скопленіе въ ней рядомъ и неограниченно долгое сохраненіе безконечно разнообразныхъ движений въ ихъ индивидуальныхъ особеностяхъ,—такое накопленіе съ не-

¹⁾ Тамъ же, кн. 3, стр. 139—140.

избѣжностью повело бы за собою ея физическую и химическую деформацію. Если бы носителемъ психофизическихъ феноменовъ было только вѣсомое вещество, тогда всякия новыя раздраженія производили бы новые физико-химические процессы, которые необходимо должны были бы извращать его прежнія состоянія, а это дѣлало бы воспоминаніе, какъ мы его знаемъ, немыслимымъ явлениемъ¹⁾.

Между тѣмъ слѣдуетъ очень считаться съ тѣмъ фактъмъ, что для воспроизведимости въ нашемъ сознаніи пережитыхъ впечатлѣній нельзя положить никакихъ границъ. Съ первого взгляда дѣло представляется совсѣмъ иначе: можно было бы сказать, что ясно мы припоминаемъ развѣ миллионную часть нами испытанного. Дѣйствительно, такъ бываетъ при обычныхъ условіяхъ, когда мы хотимъ по своему произволу вызвать картины прошлаго,—наши усилия въ этомъ случаѣ нерѣдко встрѣчаются съ непобѣдимыми препятствіями. Но за то какъ часто даже въ нашей обыденной жизни мы встрѣчаемся и съ доказательствами того, что события, казалось, безвозвратно исчезнувшія изъ нашей памяти, неожиданно воскресаютъ передъ нами. Какое-нибудь найденное письмо, посѣщеніе мѣстности, въ которой мы давно не бывали, встрѣча старого знакомаго вдругъ вызываютъ въ нашемъ сознаніи цѣлые рои забытыхъ впечатлѣній, и почти исчезнувшая для насъ эпоха нашей жизни вдругъ дѣлается такою близкою и знакомою во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ будто она только вчера окончилась. Такія воспоминанія возникаютъ сами собою и случайно: однако, въ настоящее время мы обладаемъ средствомъ искусственно вызывать въ сознаніи ту или другую эпоху изъ жизни человѣка со всѣми характеризующими ее особенностями, притомъ въ гораздо болѣе интенсивномъ и детальномъ видѣ, чѣмъ это можетъ сдѣлать нормальное воспоминаніе. Такое средство есть гипнотизмъ. Изъ наблюдений надъ гипнотическими явленіями оказывается, что не только

¹⁾ Тамъ же, кн. 3, стр. 140.

сознательныя ощущенія, образы и событія могутъ въ насъ воскреснуть въ ихъ первоначальной ясности, но и состоянія какъ бы промелькнувшія мимо сознанія или такія, которыя, если когда-нибудь и сознавались, уже не могутъ быть возобновлены въ памяти въ нашей обыкновенной жизни. Таковы душевныя состоянія во время крайней разсѣянности, во время припадковъ падучей болѣзни, хлороформированія, сна. Оказывается, что все это хранится въ насъ, хотя мы ничего обѣ этомъ не подозрѣваемъ и хотя наши старанія ихъ вызвать передъ собою въ нормальныхъ условіяхъ не даютъ никакихъ результатовъ. Къ этому присоединяются извѣстные патологические случаи, когда по странной игрѣ болѣзненныхъ вліяній самая незамѣтная и совершенно ничтожная впечатлѣнія далекаго прошлаго облекаются въ форму яркаго бреда, изумляющаго своей несообразностью съ обычнымъ уровнемъ сознанія больного. Нельзя, наконецъ, игнорировать факты внезапнаго воспоминанія всей жизни, которые, по рассказамъ многихъ, переживаются иногда въ моментъ крайней опасности, когда всѣ образы прошлаго, или по крайней мѣрѣ необозримо огромныя вереницы ихъ, являются въ сознаніи вдругъ, съ мельчайшими подробностями, какъ въ зеркалѣ, и притомъ такъ, что, всѣ они ощущаются и вмѣстѣ, и каждый порознь. Всякіе подобные факты не доказываютъ ли, что сила воспроизведеніи пережитого въ насъ несравненно могущественнѣе, чѣмъ мы это привыкли предполагать?

А вѣдь здѣсь мы говорили только о воспоминаніяхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. о такихъ представленияхъ, отношеніе которыхъ къ прошлому для насъ ясно установлено. Но сколько въ настѣ другихъ представлений, которыя хотя, конечно, внушены намъ нашимъ прежнимъ опытомъ, но о которыхъ мы совсѣмъ не помнимъ, какъ и когда они возникли. Именно подобнаго рода представлениія или даже элементы подобныхъ представлений, нерѣдко неуловимые по своей мимолетности и неясности, составляютъ обычный фонъ нашихъ психическихъ процессовъ и обычный мате-

ріалъ нашего внутренняго творчества. Напримѣръ, дѣятельность воображенія, очевидно, предполагаетъ разложеніе воспринятыхъ нами образовъ на составляющіе ихъ элементарные ощущенія и качества, и сложеніе новыхъ, которыемъ иногда совсѣмъ ничего не соотвѣтствуетъ въ объективномъ мірѣ. Какъ бы ни былъ фантастиченъ образъ, элементы, изъ которыхъ онъ составился, непремѣнно должны быть взяты изъ запаса дѣйствительно пережитыхъ ощущеній. Или, обращаясь къ другой области, если мы получаемъ какое-нибудь новое ощущеніе, мы тогда только оцѣнимъ его качество и количество, когда сопоставимъ его съ однородными ощущеніями, полученными раньше. Или когда слабыя впечатлѣнія при повтореніи дѣлаются замѣтными для сознанія, это происходитъ потому, что ни одно изъ нихъ не теряется для насъ безслѣдно. Между тѣмъ все это ведетъ къ одному неизбѣжному выводу: даже самыя слабыя и незамѣтныя ощущенія сохраняются¹⁾.

Если хорошенько подумать надъ всѣми этими фактами, нельзя считать невозможнымъ, что законъ сохраненія ощущеній получить когда-нибудь такое же неоспоримое право на существованіе въ наукѣ, какъ законы сохраненія вещества и энергіи. „Въ самомъ дѣлѣ, что побуждаетъ насъ видѣть въ этихъ законахъ строгія и точныя обобщенія данныхъ опыта? Ихъ несомнѣнность для насъ коренится исключительно въ томъ, что найденъ способъ подтверждать реальность явлений, имъ отвѣчающихъ, во всякомъ данномъ случаѣ. Не предносится ли отчасти подобный же способъ повѣрки закона сохраняемости ощущеній въ области явлений гипнотизма? По крайней мѣрѣ изученіе этихъ послѣднихъ убѣждаетъ каждого, что сохраняемость пережитыхъ впечатлѣній въ насъ несравненно значительнѣе, чѣмъ это принято думать обыкновенно“²⁾.

Дѣйствительно, если и не пускаться въ рискованныя

¹⁾ Тамъ же, кн. 2 стр. 146—149.

²⁾ Тамъ же, кн. 3, II отд., стр. 154.

предположенія объ *абсолютной сохраняемости* всего пережитого нами, мы имѣемъ слишкомъ много основаній признать, что эта сохраняемость имѣеть очень широкіе предѣлы. Между прочимъ некоторые психологи пытались установить эмпирическія формулы, выражающія отношеніе фактовъ, удерживаемыхъ памятью, къ числу фактовъ забытыхъ, и у нихъ вышло, что это отношеніе обратно пропорционально логарифму времени. Эти формулы важны именно тѣмъ, что онѣ формулы логарифмическія: кто знакомъ съ теоріей логарифмовъ, знаетъ, что перемѣны чиселъ между громадными предѣлами (напримѣръ 10 и 1000000) измѣняются въ десятичной системѣ логарифмы только между 1 и 6; а это значитъ, что общая сумма сохраняющихся въ нашей памяти представлений должна измѣняться очень медленно. Впрочемъ, какъ бы мы ни рѣшили въ частности эти вопросы, одно остается непоколебимымъ: изъ пережитого нашою душою въ насъ сохраняется гораздо больше, чѣмъ мы сами думаемъ.

V.

Что же выдвигается для разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ фактовъ въ качествѣ ихъ физиологического объясненія? Физіологи, стремясь опредѣлить форму и характеръ явлений, которыя могли бы составить механическій коррелатъ памяти, пришли къ одному изъ двухъ предположеній. Если ощущеніе, рассматриваемое механически, есть нѣкоторое движение частицъ въ нервныхъ центрахъ, то сохраненіе его обусловливается или сохраненіемъ самого движенія, или сохраненіемъ того равновѣсія, къ которому оно привело нервныя частицы, когда прекратилось. Изъ этой двоякой возможности толкованія получаются двѣ гипотезы: первую можно назвать *динамическою*, вторую *статическою*.

Какъ типическій примѣръ физіолога, защищающаго динамическую гипотезу, Н. И. Шишкінъ приводитъ Люи¹⁾

¹⁾ Luys, *Le cerveau et ses fonctions.* 1876.

съ его учениемъ объ органической фосфоресценціи. Люи сопоставляетъ свѣтовые слѣды, оставляемые въ глазу послѣ долгаго разсмотриванія ярко освѣщенныхъ предметовъ и заставляющіе нашъ глазъ видѣть изображеніе этихъ предметовъ и тогда, когда ихъ уже нѣтъ передъ нами, съ явленіями фосфоресценціи въ нѣкоторыхъ веществахъ подъ вліяніемъ свѣта, и распространяетъ эту аналогію на всѣ виды субъективныхъ слѣдовъ какъ въ области зрѣнія, такъ и въ сферѣ другихъ чувствъ, при чемъ предполагаетъ, что если эти слѣды и перестаютъ быть явно ощущимыми, они все-таки сохраняются въ сознаніи въ формѣ воспоминанія или даже только стремленія къ воспоминанію. Онъ полагаетъ далѣе, что, подобно тому, какъ каждое ощущеніе реального предмета должно быть эквивалентно какому-нибудь движенію нервнаго центра, такъ и ощущеніе слѣда, а также всякий актъ воспоминанія сопровождаются аналогичными движеніями въ центрахъ. Вся разница между этими движеніями можетъ заключаться только въ различной степени ихъ напряженности. Исчезновенію воспоминанія, по выражению Люи, будетъ соотвѣтствовать родъ каталептическаго состоянія двигавшихся частицъ, которое всегда будетъ стремиться къ разрѣшенію въ движеніе, а, стало быть, и къ проявленію воспоминанія.

Физиологи, несогласные съ динамической гипотезою (напр., Сержи) высказываютъ противъ нея очень серьезныя возраженія принципіального характера. Они указываютъ, что если нервные центры и могутъ на нѣкоторое время задерживать въ себѣ движенія, происходящія отъ раздраженій, то это время не можетъ быть велико,—въ противномъ случаѣ дѣятельность нервовъ могла бы оказаться совсѣмъ подавленною: нового ощущенія или вовсе не могло бы возникнуть, или оно было бы совершенно извращено. Въ результатѣ продолжительной жизни мы получили бы мозгъ, настолько измѣнившійся, и съ элементами въ такой мѣрѣ утратившими свою дѣятельность, что ихъ не могъ бы поправить никакой избытокъ питанія. Эти возраженія для

насъ очень интересны: въ нихъ нетрудно замѣтить повтореніе тѣхъ самыхъ соображеній, которыя были высказаны раньше по поводу сохраняемости движенія въ вѣсомомъ веществѣ вообще, хотя ни Люи, ни тѣ, кто ему возражалъ, о возможности сохраненія движеній въ веществѣ невѣсомомъ вовсе не думали. Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ изложенія возраженія можно было бы облечь въ болѣе общую форму, и тогда они получать такой видъ: если какой-нибудь системѣ точекъ, материальной въ обычномъ смыслѣ этого слова, сообщено слишкомъ много работы, то часть ея пойдетъ на нарушеніе связей, существующихъ между частицами, и это можетъ выразиться не только въ неспособности данной системы къ свойственной ей дѣятельности, но и въ физическомъ или химическомъ ея измѣненіи¹⁾.

Другая гипотеза—*статическая*—пользуется гораздо большою популярностью въ современной физиологической психологіи. По этой гипотезѣ, память обусловливается сохраненіемъ равновѣсія частицъ, перераспределаемыхъ внешними раздраженіями. Перераспределеніе частицъ въ нервныхъ центрахъ и существующихъ между ними связяхъ составляется то, что называется *предрасположеніемъ* или *приспособленіемъ* къ повторенію биологическихъ явлений, къ которымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ присоединяется сознаніе,—и тогда мы получаемъ феноменъ памяти. Положимъ, какой-нибудь предметъ одновременно дѣйствуетъ на различные органы нашихъ чувствъ, вызывая въ нихъ раздраженія, которые передаются нервнымъ центрамъ и распространяются по различнымъ сферамъ нервнаго вещества; частицы повторенія такихъ раздраженій перераспределются частицы въ этихъ сферахъ и устанавливаются между ними механическую связь, такъ что, когда впослѣдствіи раздраженіе распространяется даже только однимъ путемъ и непосредственно задѣваетъ всего одну сферу, оно все-таки вызываетъ движеніе, хотя сравнительно слабое, и въ дру-

¹⁾ Тамъ же, I отд. стр. 152—155.

гихъ сферахъ. Эти отраженные возбуждения нервныхъ сферъ, поскольку они сопровождаются сознаниемъ, и составляютъ акты воспоминанія. Такъ рисунокъ розы заставляетъ насъ вспоминать ея запахъ, а изображеніе клубники—ея вкусъ.

Нѣтъ никакого спора,—статическая гипотеза выдвигаетъ впередъ фактъ первостепенной важности. Перераспределеніе частицъ есть огромный факторъ въ развитіи нервной системы, потому что въ немъ заключается основа ея постоянного приспособленія къ болѣе быстрому и болѣе полному восприятію внѣшнихъ раздраженій. И все-таки, чтобы съ помощью его одного объяснять всѣ явленія памяти, надо дѣлать такія механическія натяжки, которыя придаютъ статической гипотезѣ въ ея современномъ видѣ не большее значеніе, чѣмъ какое имѣютъ сравненія памяти съ фотографіей, фонографомъ и т. п. Странное дѣло! Какъ тѣ самые физіологи, которые съ такой проницательностью раскрываютъ недостатки динамической гипотезы, не видятъ, что все то, что они говорятъ противъ нея, отъ слова до слова, можно сказать, и противъ ихъ собственныхъ предположеній. Если мускулы руки или ноги приспособляются къ автоматическому повторенію опредѣленныхъ движений, то вѣдь это потому только, что всякія ихъ новыя движения не выходятъ изъ общаго характера прежнихъ и вмѣстѣ съ ними имѣютъ одну общую цѣль —увеличить нашу подвижность. Точно также нѣть ничего удивительного въ томъ, что перераспределеніе частицъ въ нервахъ улучшаетъ пути для движений, вызываемыхъ раздраженіемъ: какъ бы ни были разнообразны такія раздраженія, результатомъ улучшенія пути все-таки остается быстрота ихъ распространенія, меньшая потеря энергіи на постороннія работы и, следовательно, большее ея сохраненіе при передачѣ нервнымъ центрамъ. Наконецъ понятно, что перераспределеніе частицъ внутри этихъ центровъ можетъ содѣйствовать развитію ихъ общей чувствительности и воспріимчивости къ движеніямъ.

Однако, когда рѣчь идетъ о нашей памяти, этихъ общихъ предположеній, очевидно, слишкомъ недостаточно: въ этомъ случаѣ надо объяснить сохраненіе не какихъ-нибудь общихъ явлений, а частныхъ или, еще точнѣе, индивидуальныхъ во всей ихъ своеобразности. Можно ли разрешить эту проблему ссылкою на перераспределеніе частицъ въ нашей нервной системѣ, когда мы знаемъ, что каждое мгновеніе приноситъ намъ новыя раздраженія, которые ведутъ за собою все новыя перераспределенія нервного вещества? Не приходится ли, напротивъ, съ неизбѣжностью предположить, что эти новыя перераспределенія должны настолько измѣнить прежнія, что въ результатѣ можетъ получиться лишь забвеніе прошлыхъ ощущеній и совершенное извращеніе новыхъ? Почему думать, что опредѣленное раздраженіе, вызвавшее прежде одновременныя перемѣны въ различныхъ сферахъ нервной дѣятельности, потомъ вызоветъ ихъ опять, хотя всѣ связи между этими сферами, въ промежуткѣ между двумя впечатлѣніями, подвергались всякаго рода видоизмѣненіямъ безчисленное множество разъ? Не слѣдуетъ ли ожидать совсѣмъ обратнаго,—что при такихъ общихъ условіяхъ изображеніе розы вызоветъ запахъ ландыша или даже какую-нибудь музыкальную мелодію, никакого отношения къ розѣ не имѣющую? „Чѣмъ бы отличалась тогда психическая жизнь отъ постояннаго бреда или помѣшательства?“.

Итакъ, механическая теорія, при объясненіи явлений памяти, никакъ не можетъ признать удовлетворительною статическую гипотезу въ ея современномъ видѣ, подобно тому, какъ она должна отбросить и динамическую гипотезу. Къ этому ее вынуждаетъ ранѣе установленное общее положеніе: никакая энергія не можетъ долго и со всѣми своими индивидуальными признаками сохраняться въ потенциальномъ состояніи въ томъ веществѣ, которое носить название вѣсомаго. „Поэтому, если пережитыя психическая явленія въ своемъ безконечно разнообразномъ конкретномъ содѣржаніи въ теченіе неопределенно дол-

гаго времени сохраняются въ насъ,—то исчезая изъ сознанія, то опять воскресая передъ нимъ,—въ этомъ нужно видѣть рѣшительное доказательство того, что механическимъ субстратомъ этихъ явленій можетъ быть только *среда невѣсомая*¹⁾. „Свойства этой среды, знакомыя намъ по явленіямъ оптическимъ и электрическимъ, таковы, что вполнѣ позволяютъ допустить въ ней сохраняемость движений въ ихъ самыхъ тонкихъ индивидуальныхъ особенностяхъ“²⁾.

Какую же дѣятельность мы должны приписать невѣсомой средѣ, какъ носительницѣ явленій памяти, въ ея отношеніи къ человѣческому организму? Какъ мы видѣли раньше, въ невѣсомой средѣ наблюдаются процессы двоякаго типа: она или поглощаетъ движения погруженной въ нее материальной системы безъ возврата, распространяя ихъ въ пространствѣ по всѣмъ направлениямъ,—какъ это бываетъ, напр., въ свѣтовыхъ явленіяхъ,—или, напротивъ, эти движения не разсѣиваются, а задерживаются около данного тѣла, какъ бы организуются и сами слагаются въ систему, индивидуализованную не менѣе, чѣмъ то сочетаніе вѣсомаго вещества, съ которымъ она связана. По какому изъ этихъ двухъ типовъ приходится мыслить дѣятельность невѣсомой среды, какъ субстрата феноменовъ памяти? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва ли возможно какое-нибудь колебаніе: вѣдь если бъ всѣ получаемыя нами впечатлѣнія просто расплывались въ окружающее насъ пространство, то у насъ, очевиднымъ образомъ, не могло бы быть никакой памяти. Итакъ, процессы въ невѣсомой средѣ въ этомъ случаѣ можно мыслить только по второму типу. Движенія, отвѣчающія явленіямъ памяти, должны образовать гармоническое и притомъ индивидуальное цѣлое: можно думать, что они объединяются и сохраняются въ нѣкоторомъ эаирномъ организмѣ, прочномъ и устойчивомъ, неспособ-

¹⁾ Тамъ же, кн. 2, стр. 155—158.

²⁾ Тамъ же, кн. 3, стр. 140.

номъ разсѣяться въ пространствѣ. Въ какомъ видѣ тогда представляется для нась физическія условія происхожденія нашихъ воспоминаній? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что какъ для первого возникновенія нашихъ ощущеній, такъ и для ихъ воспроизведенія въ нашемъ сознаніи необходима наличность физико-химическихъ процессовъ въ вѣсомомъ веществѣ нашей нервной системы. Но съ другой стороны, все предшествующее приводить нась къ убѣждению, что одними этими процессами природа памяти объяснена быть не можетъ. Итакъ, не лежитъ ли ключъ къ рѣшенію проблемы въ предположеніи взаимодѣйствія между вѣсомыми элементами нашей нервной системы и организованнымъ невѣсомымъ субстратомъ нашихъ душевныхъ состояній? Коррелатомъ исчезновенія и появленія воспоминаній не окажется ли тогда обмѣнъ движеній между эаирной средой и средой вѣсомой, такъ что эаирный организмъ въ своей психической функции будетъ вмѣстилищемъ запаса безсознательныхъ ощущеній, которыя дѣлаются доступными для нашего обыденного сознанія именно въ силу такого обмѣна?¹⁾.

Н. И. Шишкінъ не ограничивается доказательствами участія невѣсомой среды въ происхожденіи нашей памяти. Онъ старается дать своей эаирной гипотезѣ еще болѣе широкую постановку. Между прочимъ онъ указываетъ, что вопросъ о механическомъ коррелатѣ памяти въ психофизическихъ изслѣдованіяхъ обыкновенно связывается съ важнымъ вопросомъ о наслѣдственности, и что какое бы воззрѣніе ни высказывалось при рѣшеніи первого, оно неизбѣжно распространяется и на второй. И вотъ онъ пытается показать, что явленіе наслѣдственности, какъ и явленіе памяти, возможно свести къ механической передачѣ движеній лишь подъ условіемъ допущенія стойкой невѣсомой среды, въ которой они сохраняются. Обоснованію этого вывода Н. И. Шишкінъ посвящаетъ цѣлый рядъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 140.

страницъ въ своей статьѣ „О психофизической энергіи съ точки зрѣнія механической теоріи“¹⁾, высказываетъ по этому поводу много очень оригинальныхъ и остроумныхъ соображеній, но мы не будемъ за нимъ слѣдовать въ эту специальную область, которая далеко отвлекла бы насъ. Мое изложеніе и безъ того слишкомъ затянулось и поэтому я остановлюсь только на тѣхъ выводахъ Н. И. Шишкина, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ гипотезѣ эаирнаго организма, какъ физического носителя душевныхъ процессовъ.

Изъ предшествующихъ главъ мы уже знаемъ, какъ представлялось Н. И. Шишкину отношеніе механической эволюціи природы къ центрамъ психической силы. Ему казалось, что только силы психического, интеллектуального порядка могутъ обладать въ природѣ дѣйствительно созидающею дѣятельностью,—не будь въ ней подобныхъ силъ, ея жизнь давно бы остановилась. Эволюція всего міра, несмотря на огромное разнообразіе и сложность ея формъ, несмотря на видимость прогресса въ ея отдѣльныхъ образованіяхъ, воплощаетъ въ себѣ постепенное разсѣяніе энергіи, неуклонное движеніе къ всеобщей смерти. Въ явленіяхъ психо-физическихъ мы наблюдаемъ черту прямо противоположную: душевная жизнь характеризуется постояннымъ накопленіемъ энергіи въ формѣ ощущеній, чувствъ, актовъ мысли и воли и эквивалентныхъ съ ними движений. Сущность жизни духа заключается въ непрерывномъ развитіи и ростѣ, въ неудержимомъ расширеніи ея содержащейся. И вотъ лишь гипотеза эаирнаго организма позволяетъ разсматривать это непосредственно ясное для насъ свойство души, какъ ея дѣйствительное свойство, а не какъ простую иллюзію. Съ точки зрѣнія этой гипотезы, напротивъ, явленіе *реиressa* въ душевной жизни должно представляться только иллюзорнымъ. „Если эаирный организмъ существуетъ (а безъ него непонятны самыя элементы

¹⁾ Тамъ же, стр. 142—156.

тарныхъ свойства психическихъ состояній), всякое паденіе и ослабленіе въ насъ психической силы придется разсматривать какъ явленіе кажущееся, зависящее отъ несовершенства обмѣна движений между невѣсомою и вѣсомою средою психическихъ фономеновъ, т.-е. въ послѣднемъ результатѣ отъ слабости вѣсомыхъ центровъ сознанія. Между тѣмъ, не эти вѣсомые физико-химические центры— настоящіе носители психическихъ явленій; какъ мы видѣли, ихъ окончательного источника нужно искать въ эаирномъ организмѣ. А для эаирнаго организма можно представить только постоянное накопленіе и удержаніе вызванныхъ энергій; для какихъ-либо разрушительныхъ процессовъ въ немъ нельзя указать никакихъ основаній¹⁾.

Таковы окончательные выводы, которые получаются съ совершенною неизбѣжностью, если ясно сопоставимъ физически известныя свойства вѣсомаго и невѣсомаго вещества съ показаніями внутренняго и внѣшняго опыта о явленіяхъ памяти, да и обо всемъ ходѣ нашей психической жизни вообще. Когда вдумаемся въ принципіальное значеніе этихъ выводовъ, мы поймемъ, что при нихъ очень многія проблемы, которыя казались безповоротно решенными въ определенномъ смыслѣ для механическаго взгляда на вещи, получаютъ новую постановку и другое освѣщеніе, чѣмъ это принято думать. Къ числу такихъ проблемъ относится и вопросъ о бессмертіи души. Отрицательное рѣшеніе этого вопроса представляется единственно правдоподобнымъ, если всю душевную жизнь рассматривать, какъ исключительную функцию или прямой продуктъ физико-химическихъ элементовъ нашего мозга. Даже если признаемъ для нашей психики двойственный источникъ—въ известныхъ намъ свойствахъ нашей нервной системы, съ одной стороны, и въ дѣятельности какъ-то объединившагося съ нею бессолютно нематеріального духа, съ другой,—проблема бессмертія, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ сохраненія нацей

¹⁾ Тамъ же, стр. 141—142.

индивидуальной личности, получаетъ видъ неопределенный и шаткій. Вѣдь нашъ земной индивидуальный опытъ слишкомъ очевидно связанъ съ какими-то общими физическими условиями, съ какимъ-то материальнымъ органомъ духа, и если этотъ непосредственный органъ души всецѣло заключается въ нашей нервно-мозговой системѣ, намъ чрезвычайно трудно представить себѣ, во что обратится наше я, когда умретъ и разрушится этотъ органъ со всѣмъ, что отъ него зависитъ и въ немъ хранилось въ теченіе жизни. Пускай нашъ духъ останется; но что же останется отъ жизни духа въ данномъ организмѣ?

Между тѣмъ допустимъ, что непосредственнымъ органомъ души является то, что Н. И. Шишкинъ назвалъ „ээирнымъ организмомъ“, и сейчасъ приведенные возраженія теряютъ значительную долю своей убѣдительности. Предположимъ даже, что никакой чисто материальной души нѣтъ, а что душевная жизнь есть только продуктъ или функция этого невѣсомаго организма,— какія основанія думать, что съ непремѣнно разрушится, если умретъ организмъ вѣсомый? Напротивъ, въ невѣсомой средѣ приходится прежде всего отмѣтить неограниченную устойчивость формъ энергіи и детальную сохраняемость однажды возникшихъ въ ней состояній. Вѣдь не уничтожается лучъ свѣта отъ того что разбито стекло, чрезъ которое онъ прошелъ, не уничтожается электричество отъ того, что испортилась электрическая машина, не уничтожается тяжесть данного вещества отъ того, что оно сгорѣло или было раздроблено на мелкія части? Почему же нашъ ээирный организмъ долженъ представлять въ этомъ случаѣ полное исключеніе и непремѣнно погибать, когда измѣнились физико-химические процессы въ составѣ нашего вѣсомаго тѣла?

Рѣшается ли вопросъ о бессмертіи подобными соображеніями? Конечно, нѣтъ. Вѣдь въ нашу обычную вѣру въ бессмертіе входитъ представлѣніе о вѣчности нашей духовной личности. А какой механизмъ,— будь онъ невѣсомый или вѣсомый,— можетъ имѣть притязаніе на абсолютно вѣчное бытіе? Въ этомъ смыслѣ гипотеза бессмертія неиз-

бѣжно предполагаетъ идею о субстанціальной природѣ нашего индивидуального духа. Эта идея далеко не была чужда общему міросозерцанію Н. И. Шишкина. Мы уже знаемъ, что для него душевная жизнь въ своемъ внутреннемъ содержаніи стоитъ виѣ механической картины, и что въ своей окончательной концепціи вселенной онъ именно въ духовныхъ центрахъ существованія видѣлъ источникъ творческихъ силъ, противоборствующихъ тенденціямъ космического механизма къ разсѣянію энергіи и всеобщей смерти. Тѣмъ не менѣе въ излагаемыхъ здѣсь разсужденіяхъ онъ на этомъ не останавливается, и понятно почему. Онъ хотѣлъ рѣшать не доктринальскую, а только критическую задачу. Онъ хотѣлъ показать, что даже съ чисто механической точки зрѣнія и помимо всякихъ спиритуалистическихъ предпосылокъ нѣтъ основанія непремѣнно думать, что при смерти нашего видимаго физико-химического организма немедленно разрушаться всѣ его психофизические продукты: это было бы неизбѣжнымъ только въ томъ случаѣ, если бы все содержаніе психофизическихъ феноменовъ въ нась было исключительно функцией вѣсомыхъ элементовъ нашей организаціи; разъ этого нѣтъ, разъ мы вынуждены, напротивъ, допустить, что ближайшимъ физическимъ факторомъ нашей душевной жизни является среда невѣсомая, возникаетъ несомнѣнная теоретическая вѣроятность для предположенія, что не все погибаютъ въ нашей психикѣ, когда умираетъ наше тѣло. Будетъ ли это безсмертіе? Нельзя забывать, что въ исторіи человѣческихъ вѣрованій идея безсмертія имѣеть двоякое значеніе. Въ нашихъ современныхъ христіанскихъ воззрѣніяхъ она безспорно сливаются съ мыслью о вѣчномъ существованіи нашего индивидуального я. Въ другихъ религіозно-философскихъ системахъ эти два представленія далеко не всегда совпадаютъ между собою и въ нихъ нерѣдко допускается, что индивидуальная душа человѣка, переживъ смерть тѣла, въ своей дальнѣйшей судьбѣ можетъ все-таки потерять свою личную жизнь, растворившись въ безко-

нечномъ Божествѣ, въ Нирванѣ или, наоборотъ, подпавъ окончательной духовной смерти вслѣдствіе глубины своего нравственнаго паденія. Безсмертіе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ означаетъ просто переживаніе нашимъ духомъ смерти своего тѣла. Довольно ясно, что о такомъ безсмертіи можно подымать вопросъ и не пускаясь въ умозрительныя соображенія о метафизической природѣ нашей личности: это вопросъ о фактическомъ составѣ нашего существа.

Итакъ, безсмертіе, при допущеніи эвирнаго организма, какъ непосредственного физического субстрата нашихъ душевныхъ состояній, получаетъ извѣстную вѣроятность. Эта вѣроятность замѣтно повышается, если взглянемъ на другую сторону проблемы. Наши душевые состоянія и процессы такъ безконечно разнообразны и сложны, они такъ устойчиво сохраняются въ памяти не только въ своихъ качествахъ, но и въ своей интенсивности, что самъ собою напрашивается выводъ объ очень значительномъ запасѣ механической работы, которая должна происходить или потенциальнно сохраняться въ нашемъ организмѣ въ соотвѣтствіе съ ними¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, пережитыя нами психическія состоянія не только могутъ воскресать передъ нашимъ сознаніемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ своихъ качественныхъ различій, они обладаютъ не менѣе неоспоримою способностью воспроизводиться въ насъ съ своею первоначальною силою. Правда, въ обычномъ теченіи нашей душевой жизни воспоминанія гораздо менѣе интенсивны и ярки, чѣмъ были реальная впечатлѣнія отъ событий, о которыхъ мы вспоминаемъ. Но вѣдь это далеко не общій законъ: рядомъ съ этими ослабленными воспроизведеніями прошлаго приходится отмѣтить цѣлые ряды другихъ, въ которыхъ прошлыя впечатлѣнія возстановляются съ прежніемъ, иногда даже съ увеличенной интенсивностью. Сновидѣнія, бредъ, галлюцинаціи, переживанія прошлыхъ собы-

¹⁾ Тамъ же, кн. 3, стр. 156.

тій подъ вліяніемъ гипнотического внушенія раскрываютъ передъ нами неограниченную область психическихъ воспроизведеній, о которыхъ едва ли есть основаніе утверждать, что они слабѣе своихъ первоначальныхъ оригиналовъ. Въ особенности гипнотизмъ, какъ обѣ этомъ уже было говорено раньше, представляетъ неоцѣненное экспериментальное орудіе для оживленія даже забытыхъ впечатлѣній въ ихъ неотразимой яркости. Извѣстенъ случай съ солдатомъ, которому въ гипнозѣ было внушено вновь пережить одну изъ битвъ франко-пруссской войны: онъ съ изумительной реальностью припомнилъ все, что съ нимъ было, а когда дошелъ до того момента боя, въ который его контузило ядромъ, то онъ, какъ громомъ пораженный, упалъ на поль и, очнувшись, видѣлъ себя уже въ госпиталѣ, куда его въ самомъ дѣлѣ перенесли послѣ сраженія¹⁾. Подобные случаи,—а ихъ можно было бы привести очень много и изъ области внушенія, и изъ области самопроизвольныхъ переживаній души въ моменты сильного возбужденія, болѣзни и т. п.,—показываютъ, что прошлые впечатлѣнія въ колоссальномъ количествѣ спятъ въ насъ, потенциально сохраняя всю свою интенсивность, хотя очень многія изъ нихъ никогда не дождаются благопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ они могли бы пробудиться во всей своей силѣ. А это значитъ, что запасъ потенциальной энергіи, накопленной соотвѣтственно этому неограниченному богатству нашихъ возможныхъ воспоминаній въ нашемъ ли вѣсомомъ или въ эаирномъ организмѣ, никакъ не можетъ быть малымъ.

Въ „Дополнительныхъ соображеніяхъ“²⁾ къ своей статьѣ „О психофизическихъ явленіяхъ“ Н. И. Шишкинъ дѣлаетъ попытку вычислить общую сумму механической работы, которая должна быть заключена въ человѣческомъ организмѣ, еслѣ между физическими процессами въ немъ и пси-

¹⁾ Тамъ же, кн. 3, отд. II, стр. 154.

²⁾ Тамъ же, I отд., стр. 147—156.

хическими данными нашего внутренняго опыта дѣйстви-
тельно существуютъ параллелизмъ и соотвѣтствіе. Я не
буду подробно передавать хода его вычислений: онъ самъ
приписывалъ имъ очень приблизительное значение и видѣлъ
въ нихъ скорѣе только схематическую иллюстрацію къ своей
мысли, чѣмъ достовѣрный и точный выводъ науки. Я укажу
лишь руководящіе пріемы, которымъ онъ въ этомъ случаѣ
слѣдоваль: онъ старался опредѣлить общую сумму психо-
физической энергіи при *наименьшихъ допущеніяхъ*. Считая
эквивалентнымъ ощущенію непосредственно ему предшес-
твующее центральное движение въ организмѣ, онъ пред-
полагаетъ, что при порогѣ раздраженія (т.-е. при наимень-
шемъ изъ виѣнныхъ раздраженій, могущихъ вызвать ощу-
щеніе) механическая работа переходитъ въ ощущеніе безъ
потери и безъ пріобрѣтенія. Этимъ самымъ онъ предна-
ренно устраняетъ болѣе вѣроятное, но за то неопредел-
ленно повышающее цифру окончательного результата пред-
положеніе, что раздраженіе дѣйствуетъ на нервные центры
только какъ возбудитель скрытой въ нихъ энергіи, и что,
слѣдовательно, движение въ нихъ, прямо отвѣчающее ощу-
щенію, можетъ содержать значительно больше механиче-
ской работы, чѣмъ раздраженіе. Съ другой стороны, онъ
думаетъ, что потери энергіи раздраженія на работы побоч-
наго характера, при малыхъ раздраженіяхъ столь незначи-
тельны, что ихъ можно игнорировать. Далѣе при вычисле-
ніи общей суммы психофизической энергіи онъ имѣеть въ
виду только одни зрительныя ощущенія и ихъ сохраненіе
въ памяти и совсѣмъ игнорируетъ ощущенія другихъ чувствъ,
а также внутренніе процессы мышленія, воли, переживае-
мыхъ нами разнообразныхъ аффективныхъ состояній, хотя
и всѣмъ этимъ фактамъ внутренней жизни должна соотвѣт-
ствовать определенная механическая работа. И вотъ, сдѣ-
лавъ всѣ эти завѣдомо пониждающія истинный результатъ
ограниченія, онъ приходитъ къ выводу, что если бы вся
психофизическая энергія въ настѣ уходила только на поро-
женіе однихъ зрительныхъ ощущеній, но при этомъ вся

произведенная ею работа сохранялась, то свѣтовыя раздраженія довели бы ее въ теченіе сорока лѣтъ до колоссальной цифры шести миллионовъ килограммометровъ. Не считая однако возможнымъ выдвигать принципъ сохраненія всѣхъ ощущеній, какъ нѣчто безспорное, онъ на основаніи нѣкоторыхъ общихъ соображеній уменьшаетъ эту сумму до двухъ миллионовъ килограммометровъ. Цифра остается все-таки громадная¹⁾.

Дѣло не въ томъ, насколько вѣрны эти числа; важенъ связанный съ ними общий результатъ: въ нашемъ организмѣ, въ соотвѣтствіе съ нашою активною и потенціальною психическою жизнью, долженъ быть заложенъ весьма значительный запасъ механической работы. И вотъ возникаетъ простой вопросъ: куда дѣвается весь этотъ запасъ, когда мы умираемъ? Остается ли онъ гдѣ-нибудь въ своемъ первоначальномъ видѣ? Но не было ли бы это бессмертіемъ въ смыслѣ переживанія нашою психикою нашего тѣла? Или въ моментъ смерти онъ весь цѣликомъ теряетъ свой особый психофизический характеръ и переходитъ въ другія формы механической энергіи? Но превращеніе такой большой силы въ новыя формы не должно ли было бы выразиться въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ на окружающую среду? Умирающій человѣкъ въ такомъ случаѣ не представлялъ ли бы изъ себя очень опасный разрывной снарядъ?

Впрочемъ, мнѣ кажется, я сдѣлаю лучше, если изложу эти недоумѣнія собственными словами Н. И. Шишкина, которыми онъ кончаетъ свою статью „О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи“. „Когда мы видимъ въ обыкновенной жизни, что умираетъ человѣкъ, полный таланта, творческихъ силъ, поражавшій насъ прежде своими познаніями и нравственными качествами, мы часто въ смущеніи спрашиваемъ себя: куда же дѣвалась эта духовная мощь, которая когда-то въ немъ воплощалась, а теперь безъ остатка покинула то, чѣму мы отдаемъ послѣднія

¹⁾ Тамъ же, стр. 153—155.

почести и чего по внутреннимъ процессамъ уже ничѣмъ нельзя отличить отъ всякихъ другихъ органическихъ отбросовъ? И съ чисто-механической точки зрењія можно сдѣлать тотъ же вопросъ, хотя въ формѣ болѣе грубой: куда уходитъ огромный запасъ механической работы, отвѣчающей неисчерпаемымъ богатствамъ духовной жизни человѣка, при смерти нашего организма? Остается ли онъ весь внутри организма, переходя въ чисто-потенциальное состояніе? Но мыслимо ли это при постигающемъ весь организмъ разложеніи, поражающемъ прежде всего тѣ его части, въ которыхъ сосредоточена первная дѣятельность? Или весь онъ превращается въ работы иного порядка, переходя въ кинетическую энергию? Тогда гдѣ, какъ и въ какой формѣ проявляетъ онъ себя при своей несомнѣнно большой величинѣ? Вѣдь человѣческій организмъ, заряженный всѣмъ запасомъ психическихъ дѣятельностей, повидимому долженъ представлять собой такую силу, которая, если бъ она разомъ или въ короткій срокъ обратилась изъ потенциальнаго состоянія въ кинетическое, могла бы произвести весьма замѣтный взрывъ; во всякомъ случаѣ онъ едва ли бы остался совсѣмъ безслѣднымъ для окружающего міра. Или можетъ быть запасъ психическихъ энергій вовсе не такъ великъ и разсѣивается постепенно и понемногу? Но тогда неуслѣдимое при одномъ умершемъ организмѣ не должно ли все-таки обнаружиться при умирaniи очень большого числа ихъ и произвести почти то же, что произошло бы при одномъ, если бы запасъ энергіи былъ значителенъ и перешелъ бы въ кинетическое состояніе вдругъ? Или наконецъ, тотъ невѣсомый дѣятель, который, по нашему глубокому убѣждѣнію, является носителемъ всѣхъ прочныхъ накопленій потенциальной энергіи, долженъ доставить ключъ къ разрѣшенію и этой проблемы? Если въ немъ—подлинный механическій субстратъ психическихъ энергій, которые накапляются въ насъ при жизни,—не онъ ли сохраняетъ ихъ въ себѣ и тогда, когда порвется его прямая связь съ нашимъ организмомъ? Какое изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе? Наука

при современномъ состояніи знаній не можетъ дать на поставленный вопросъ окончательного и рѣшительного отвѣта, но уже тотъ фактъ, что эти вопросы можно обсуждать, пользуясь механическими предположеніями, показываетъ, насколько несправедливъ взглядъ, по которому между общими научными посылками механической теоріи и важнейшими вѣрованіями спиритуализма существуетъ коренное и непримиримое противорѣчіе¹⁾.

Такимъ образомъ и въ вопросѣ о бессмертіи Н. И. Шишкінъ приходитъ къ примирительному выводу: между научными посылками механической теоріи и вѣрой въ бессмертіе нашей личности нѣтъ непримиримыхъ противорѣчій. Какъ понять его гипотезу объ эаирномъ организмѣ? Можно ли просто сказать, что въ ней эаирному организму приписывается та самая роль, которая раньше признавалась за нашей нервной системой, и что поэтому въ ней то, что намъ болѣе или менѣе знакомо, замѣняется чѣмъ-то совсѣмъ неизвѣстнымъ и гадательнымъ? Такую оцѣнку никакъ нельзя было бы считать справедливой. Н. И. Шишкінъ нервной системы вовсе не устранилъ и не подмѣнялъ ея чѣмъ-нибудь другимъ: фактически принадлежащія ей функціи сохраняются за нею у него въ полной мѣрѣ. Наличная жизнь нашего сознанія въ его глазахъ есть результатъ постояннаго взаимодѣйствія невѣсомой среды съ вѣсомыми элементами нашего физико-химического организма. Онъ нисколько не сомнѣвался, что для возникновенія ощущеній нужна передача раздраженія во внутреннія центральныя части нашей нервной системы, или что для пробужденія воспоминаній нужно дѣятельное состояніе тѣхъ нервныхъ клѣтокъ, которые раньше получили воспроизведимыя впечатлѣнія. Онъ думалъ только, что въ обоихъ случаяхъ въ порожденіи психическаго эффекта должна участвовать невѣсомая среда, и что во второмъ случаѣ,—при пробужденіи воспоминаній,—именно отъ нея зависитъ раздѣльность и точность въ воспроизве-

¹⁾ Тамъ же, I отд., стр. 157—158.

деніи пережитыхъ душевныхъ состояній. При этомъ невѣсомую среду онъ полагалъ не гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ вѣсомыхъ частей нервной системы, а тамъ же, гдѣ и онъ, какъ въ нихъ дѣйствующій и ихъ проникающій агентъ. Между тѣмъ навѣсомая среда все равно должна быть допущена, какъ факторъ жизни нервной системы, со всякихъ точекъ зрењія, хотя бы въ виду того простого соображенія, что присутствие этой среды предполагается въ большей части извѣстныхъ намъ процессовъ природы: вѣдь въ нервной системѣ происходятъ же процессы электрическіе, химическіе, въ нихъ обнаруживается дѣйствіе тяжести, а для всего этого эаирная среда должна быть дана. Вопросъ, стало быть, идетъ только о томъ, не въ этой ли безспорно существующей въ нась средѣ надо искать условій для тѣхъ свойствъ психофизическихъ явлений, которыя находятся въ явномъ разногласіи съ несомнѣнными свойствами среды вѣсомой. Признаваемая Н. И. Шицкинымъ особая организація эаирной среды въ виду ея психофизическихъ функцій, конечно, есть только гипотеза; но развѣ не гипотезы и притомъ противорѣчащія самой природѣ вѣсомой матеріи представляютъ тѣ недоговоренные и туманныя предположенія о нервномъ веществѣ, согласно которымъ оно, несмотря на свою измѣнчивость и постоянное возобновленіе всего своего состава, почему-то въ теченіе долгихъ лѣтъ детально и раздѣльно хранитъ въ себѣ безконечно разнообразные запасы впечатлѣній прошлаго? Въ эаирной гипотезѣ психофизическихъ явлений по крайней мѣрѣ нѣтъ противорѣчія съ основными свойствами эаира.

Въ самомъ дѣлѣ, при обсужденіи всѣхъ подобныхъ вопросовъ нельзя не считаться съ важнымъ обстоятельствомъ: физика убѣждаетъ нась въ присутствіи невѣсомой среды почти на всѣхъ ступеняхъ явлений природы. И ея участіе въ нихъ служить вѣрнымъ мѣриломъ ихъ сложности, разнообразія и устойчивости: только по отношенію къ самымъ элементарнымъ, грубымъ и наименѣе устойчивымъ явлѣніямъ въ окружающемъ нась веществѣ мы можемъ совсѣмъ

игнорировать это участіе. Почему же ради предвзятыхъ философскихъ симпатій и предразсудковъ будемъ мы отрицать участіе невѣсомой среды въ такой области явленій, которая представляетъ самое тонкое, совершенное, разнообразное и внутренно устойчивое изъ всего, что мы знаемъ,—въ нашей собственной душевной жизни?

Всѣ эти соображенія заставляютъ думать, что психология будетъ вынуждена развиваться въ томъ направлениі, которое ей указываютъ не только физическая, но и биологическая науки (хотя бы въ загадочномъ вопросѣ о наслѣдственности), и рано или поздно признаетъ эаирный организмъ или что-нибудь ему подобное, какъ ближайшій физической коррелатъ нашего душевнаго строя. И если черезъ это нѣкоторыя ея предпосылки совпадутъ съ теряющимися въ сѣдой старинѣ традиціями о двойственности нашего тѣла, она не должна этого пугаться. Вѣдь старая и прочная традиція диктуются обыкновенно хотя и несовершеннымъ, но реальнымъ опытомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Лопатинъ.

Императоръ Павелъ I¹⁾.

IX.

О политической системѣ, о политическихъ идеяхъ или воззрѣніяхъ Павла I можно лишь сказать, что онѣ не были выработаны тѣмъ психологическимъ путемъ, какимъ онѣ вырабатываются государственными людьми. Это не были продуманныя, прорѣренныя сравненіями и свѣдѣніями возврѣнія, и никогда онѣ не были соединены въ систему; онѣ не имѣли того объективнаго, теоретического характера, какимъ должны обладать общія идеи, управляющія поведеніемъ лица въ продолженіе многихъ лѣтъ. По своему происхожденію политическая возврѣнія Павла I были также мало похожи на общія идеи, какъ его система или способъ управлениія—на управление въ благоустроеннымъ государствѣ.

По свойству своей умственной дѣятельности Павелъ не могъ имѣть собственныхъ общихъ идей, объективной или теоретической системы; все его мышленіе, а слѣдовательно и политическая возврѣнія были всегда подчинены чувствованіямъ, и потому его система управлениія можетъ быть понятна лишь тѣмъ, кто знаетъ его чувствованія.

Само собою разумѣется, что отсутствіе самостоятельныхъ политическихъ возврѣній еще не составляетъ большой бѣды; всегда имѣются выработанныя рутиной системы, всегда находятся соvѣтники, и дѣла, какъ то учить исторія, идутъ нѣкоторое время не очень дурно. Если же политическая возврѣнія выработаны подъ вліяніемъ чувствованій, если эти чувствованія—эгоистиче-

1) № 89 «Вопр. Фил. и Псих.».

Вопросы философіи, кн. 90.

скія, если всѣ психические процессы протекаютъ быстро, тогда странѣ угрожаетъ несчастіе: «царствованіе Павла I походитъ на бурю, которая все сноситъ, все вырываетъ, все уничтожаетъ, все обезображиваетъ, ничего не преобразуя», какъ прекрасно выразился Рибопьеръ¹⁾.

Нѣкоторою систематичностью отличалось военное управление Павла I; тамъ все же имѣлась и общая идея, была послѣдовательность, были разработаны подробности. Исторія уже произнесла самый строгій приговоръ надъ этой системой, и намъ остается лишь сожалѣть, что его симпатіи въ военномъ дѣлѣ вылились въ систему. Этотъ печальный успѣхъ объясняется сравнительной простотой задачи, тѣмъ, что имѣлся уже до деталей разработанный образецъ.

Павелъ I произвелъ преобразованіе арміи подъ вліяніемъ трехъ мотивовъ: ненависти къ матери и ея сотрудникамъ, крайняго себялюбія, поклоненія и любви къ Пруссіи. Дѣйствительно, задача была не трудная: во-первыхъ, нужно было разрушить все сдѣланное матерью, или заведенное при ней; во-вторыхъ, нужно было всю власть сосредоточить въ собственныхъ рукахъ, такъ какъ подъ вліяніемъ себялюбія и самообожанія казалось, что никто не сумѣетъ сдѣлать что-либо такъ хорошо, какъ обожающій себя централизаторъ; въ-третьихъ, слѣдовало одѣть и обучить русскихъ солдатъ такъ, какъ обучали прусскихъ. Само собою разумѣется, что въ аргументахъ въ пользу такой реформы недостатка не было: ужъ очень были сильны чувствованія, руководившія реформаторомъ. Презрѣніе къ русскимъ (*ces gens là*) было также очень сильно, и потому не явилось соображеній о необходимости национального военного устройства, и побѣдоносная русская армія подверглась передѣлкѣ точно какіе-то стрѣльцы или милиція.

Такъ какъ при преобразованіи арміи Павломъ I имъ руководили самыя сильныя чувствованія, онъ былъ послѣдователенъ и ему удалось нанести громадный вредъ военному дѣлу въ Россіи. Этотъ фактъ подтверждаетъ еще разъ старую истину: насколько трудно сдѣлать что-либо хорошее, настолько же легко испортить хорошее, причинить вредъ.

Гатчинцы долго были разлагающимъ элементомъ нашей арміи,

1) «Русский Архивъ», 1877 Т. I, стр. 480.

создали учениковъ и подражателей; искоренить гатчинскій духъ было очень трудно.

Можетъ быть въ военной системѣ Павла I и были хорошія стороны; такъ Панчулидзевъ («Исторія кавалергардовъ») указываетъ, что при болѣе постепенномъ введеніи ея можно было ожидать нѣкоторыхъ улучшеній, но несомнѣнно, что система, обусловленная ненавистью къ славному періоду нашей исторіи, себялюбіемъ и властолюбіемъ не могла принести ничего, кромѣ вреда.

Внѣшняя и внутренняя политика Россіи въ царствованіе Павла I была всесѣло, конечно, насколько это зависѣло отъ него, обусловлена тѣми же основными чувствованіями. Само собою разумѣется, что въ такомъ сложномъ дѣлѣ не могло быть той послѣдовательности, какъ въ управлѣніи арміей; событія, дѣйствуя на эти чувствованія, вызывали мѣропріятія, нарушающія установившееся теченіе дѣлъ. Но при внимательномъ изученіи мотивовъ этихъ мѣропріятій, мы всегда находимъ, что причиной ихъ были тѣ же чувствованія: миролюбіе первой половины царствованія, война съ Франціей и приготовленіе къ войнѣ съ Англіей были обусловлены не какой-либо политической системой или идеей, а тѣми же основными чувствованіями и воздействиѳмъ событій на эти чувствованія.

Главное чувствованіе, руководившее въ первой половинѣ царствованія внѣшней и внутренней политикой Россіи — это ненависть Павла I къ матери, ея сотрудникамъ и всему ею созданныму¹⁾.

Затѣмъ самую большую роль играло чувствованіе презрѣнія къ русскимъ; весьма вѣроятно это чувствованіе усиливалось или укрѣплялось предыдущимъ: люди, обожавшіе ненавидимую мать, преклонявшіеся передъ ея царствованіемъ, не могли возбуждать другого чувствованія, кромѣ презрѣнія.

Павелъ Петровичъ однажды сказалъ графинѣ Розенбергъ, съ которой познакомился во время своего заграничного путешествія. «Если судьба возведетъ меня на него (тронъ), не удивляйтесь тому, что я буду дѣлать; вы знаете мое сердце, но не

1) „Павелъ, ненавидя мать, ненавидѣлъ все, что лѣгалось при ней: краткую систему ея замѣнилъ дѣйствіями не только строгими, но жестокими и неправосудными“. Общественные движения въ Россіи. Фонъ-Визинъ. Обзоръ проявлений политической жизни въ Россіи.

знаете этихъ людей (т.-е. русскихъ), а мнѣ известно, какъ нужно обращаться съ ними¹).

Въ то время, когда Павелъ Петровичъ такъ отзывался о русскихъ, онъ ихъ не зналъ и единственно въ чёмъ могъ ихъ обвинять, это въ любви и преданности къ его великой матери. Онъ внушалъ своимъ старшимъ сыновьямъ презрѣніе къ людямъ; ему казалось, что французская революція подтвердила справедливость взгляда, выработанного имъ уже давно, и онъ получалъ своихъ сыновей: «вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться какъ съ собаками» ²⁾.

Презрѣніе къ людямъ вообще и къ русскимъ въ частности у Павла Петровича было такъ сильно, что онъ не скрывалъ этого чувствованія даже передъ иностранцами; наблюдательный князь де-Линъ вполнѣ точно предсказалъ ужасъ его царствованія: «Malheur à ses amis, ses alliés et ses sujets... Il deteste sa nation et m'en a dit à Gatchina des choses que je ne puis répéter»³⁾.

Также громадное вліяніе на вибірську и внутреннюю политику Павла I оказывало крайне интенсивное его чувствование—самообожаніе.

Только при крайне сильномъ самообожаніи возможно такое убѣжденіе: «въ Россіи только тотъ благороденъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю». Павелъ I, когда при немъ ссылались на законы, ударялъ себя по груди и кричалъ: «вотъ вашъ законъ». Графъ Головкинъ разсказываетъ весьма вѣроятный анекдотъ. «Однажды князь Репнинъ на парадѣ высказалъ свое мнѣніе по какому-то дѣлу. Императоръ ему сказалъ: «Господинъ фельдмаршалъ, вы видите этотъ гвардейскій отрядъ? въ немъ 400 человѣкъ; одно мое слово, и всѣ они сдѣлаются фельдмаршалами»⁴).

Насколько было велико самообожание Павла I, можно судить по следующему рассказу Державина. «Павелъ I, увидѣвъ Дер-

1) Шильдеръ. Op. cit. стр. 426: „mais si le sort m'y porte, ne vous etonnez pas de ce que vous me verrez faire; vous connaissez mon coeur, mais vous ne connaissez pas ces gens là (en parlant des russes), et je sais comme il faut les mener. Въ виду крайней важности этого суждения, привожу и переводъ и оригиналъ.

²⁾ Masson, *Mémoires secrets* t. 2, p. 165.

³⁾ Шильдеръ, оп. cit., стр. 240.

⁴⁾ La cour et le régime de Paul, l. p. 133.

жавина, съ яростнымъ взоромъ, по обыкновенію его раздувъ ноздри, такъ фыркнулъ, что многіе то примѣтили и думали, что вѣрно отошлетъ Державина въ ссылку или по крайней мѣрѣ вышлетъ изъ города въ деревню; но Державинъ надѣялся на свою невинность, пошелъ будто ничего не примѣтъ въ церковь, помолился Богу и далъ себѣ обѣщаніе въ хвалу Божію выпросить къ своему гербу надпись: *силою вышияю держусъ...* Императору же могло быть сіе не противно, потому что силу Вышиняго по самолюбію своему почиталъ онъ въ себѣ»¹⁾.

Наконецъ, внутренняя и внѣшняя политика Россіи въ это царствованіе управлялась также очень сильнымъ у Павла I чувствованіемъ—страхомъ и сочетанною съ нимъ боязливостью.

Крайняя хаотичность отдѣльныхъ мѣропріятій зависѣла отъ той быстроты въ смѣнѣ и теченіи психическихъ процессовъ, которая составляла главный признакъ психической организаціи этого государя.

Само собою разумѣется, что мы точно не знаемъ, какимъ именно чувствованіемъ было обусловлено данное распоряженіе, но всегда остается несомнѣннымъ, что оно все же мотивировано именно какимъ-либо чувствованіемъ, а не общей идеей. Напр., возможны различныя объясненія общей амнистіи, послѣдовавшей въ 1800 г. Можно объяснить и тѣмъ, что суевѣрный Павелъ I вѣрилъ предсказанію: если онъ благополучно процарствуетъ четыре года, дальнѣйшее его царствованіе будетъ покойно; значитъ амнистія была послѣдствіемъ радости о томъ, что опасность миновала. Можетъ быть вѣрно объясненіе Палена: Павелъ, какъ и всѣ люди съ сильно развитымъ самообожаніемъ, «имѣлъ претензіи на величодушіе», понятно, когда оно не требовало никакихъ жертвъ. Еще болѣе вѣроятно объясненіе Шишкова. «Между тѣмъ Павелъ, колеблясь подозрѣніями и страхомъ, то къ строгостямъ прибѣгалъ, то опасался великаго числа оскорбленныхъ имъ. Сіе послѣднее принудило его всѣхъ исключенныхъ и отставленныхъ принимать на службу»²⁾. Наконецъ, возможно, что въ данномъ случаѣ действовали и всѣ эти чувствованія совокупно, а также и ловкость Палена, воспользовавшагося для своей цѣли крайней быстротою возникновенія и теченія психи-

¹⁾ Записки Державина, т. VI, стр. 746.

²⁾ Записки Шишкова, Т. I. стр. 78.

ческихъ процессовъ у Павла I. «Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора... я бросился къ его ногамъ... два часа послѣ нашего разговора, двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части имперіи»...

Въ началѣ царствованія Павла I главнымъ мотивомъ всей вѣнчаней и внутренней политики была ненависть къ матери, ея сотрудникамъ и ея царствованію.

Первымъ распоряженiemъ новаго государя было пожалованіе высшей награды—ордена св. Андрея, Николаю Зубову; онъ первый извѣстилъ наслѣдника о смертельной болѣзни матери. Никогда и нигдѣ перемѣна царствованія не походила на то, что пришлось пережить современникамъ восшествія на престоль Павла I. «Перемѣна сія была столь велика, что не иначе показалась мнѣ какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно съ изображеніемъ на лицахъ скорбью и беспокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли... Знаменитыя особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли, какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, не примѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ—бѣгали, повелѣвали, учреждали»¹⁾.

Ненависть, злоба, месть—чувствованія слабыхъ, и потому люди, дѣйствуя подъ вліяніемъ этихъ низшихъ эгоистическихъ чувствованій, въ силу своего безсилія вредятъ не только тѣмъ, кого они ненавидятъ, но и самимъ себѣ. Они безсильны уничтожить своихъ враговъ; у нихъ для этого нѣтъ мужества; они мстять врагу, когда онъ совершенно неопасенъ, но даже и тогда они больше вредятъ себѣ, чѣмъ своему врагу. Справедливость всего этого доказывается торжественными похоронами, устроенными Петру III; его бренные остатки были вырыты, коронованы, поставлены рядомъ съ гробомъ Екатерины II и затѣмъ совместно торжественно перенесены въ Петропавловскій соборъ для погребенія. Княгиня Дашкова, А. Орловъ, Барятинскій, Паленъ были наказаны за участіе въ переворотѣ 28 іюня 1762 г. Очевидно, что это торжественное чествованіе бренныхъ останковъ Петра III

¹⁾ „Записки А. С. Шишкова“, т. I, стр. 10.

и оскорблениі памяти матери ничуть не уменьшили уваженія къ прошлому царствованію, не могли быть чествованіемъ памяти Петра III, потому что никто ничего хорошаго объ этомъ несчастномъ государѣ не помнилъ. Единственнымъ результатомъ всей этой церемоніи было падение престижа верховной власти, то-есть крайне нежелательное явленіе.

При вступлениі на престолъ Павель I настойчиво заявилъ о своемъ миролюбіи, «нежеланіи расширять границы государства». Это направленіе виѣшней политики всецѣло было обусловлено ненавистью къ предыдущему царствованію¹⁾.

Эта ненависть была такъ сильна, что отрядамъ, составлявшимъ армію, воевавшую съ Персіей, приказано было вернуться на свои квартиры, при чемъ командующій арміей со штабомъ были оставлены на произволъ судьбы—случай едва ли не единственный во всемирной исторіи. Къ счастію одинъ изъ командировъ, а именно Платовъ, захватилъ съ собою командующаго арміей съ его штабомъ, за что подвергся жестокому гоненію²⁾. Это распоряженіе объясняется тѣмъ, что арміей командовалъ ненавистный Павлу I графъ Валерьянъ Зубовъ.

Даже милосердіе Павла I къ вождямъ польской арміи объясняется тѣмъ же: какъ лица, стравившіяся нанести вредъ Екатеринѣ II, они были награждены; Костюшкѣ были предложены «души», но онъ предпочелъ рубли, которые ему и были выданы. Новиковъ и Радищевъ были прощены, что составляетъ лучшее дѣяніе этого царствованія.

Понятно, что всѣ сотрудники Екатерины II пострадали болѣе или менѣе; только Безбородко сохранилъ свое положеніе и былъ щедро награжденъ; имѣются свѣдѣнія или, по крайней мѣрѣ, предположенія, что Безбородко передалъ наслѣднику въ послѣдніе часы жизни Екатерины II актъ о лишеніи его престола. Если это свѣдѣніе вѣрно, то въ данномъ случаѣ Павель I проявилъ лишь свою излишнюю боязливость: никакие акты лежавшей безъ сознанія императрицы не имѣли рѣшительно никакого значенія, и услуга Безбородка была ничтожна.

¹⁾ Княгиня Дацкова („Записки“, 1907 г., стр. 237) говоритъ: «Павель съ первыхъ же дней своего восшествія на престолъ открыто выражалъ свою ненависть и презрѣніе къ матери». Дѣйствительно, ненависть его къ матери бросалась въ глаза, но на презрѣніе онъ не былъ способенъ.

²⁾ Платовъ содержался въ Петропавловской крѣпости болѣе трехъ лѣтъ. Записки А. М. Тургенева. „Русская Старина“, 1885 г. X, стр. 57.

Второй основной мотивъ внутренней политики — это ненависть къ ces gens là; намъ извѣстно, какъ, по мнѣнію Павла I, слѣдовало съ ними «обращаться». Понятно, что и ненависть къ прошлому царствованію и ненависть къ ces gens là, требовавшая особаго способа «обращаться», очень часто дѣйствовала совмѣстно, и тогда въ мѣропріятіяхъ проявлялось даже что-то похожее на систему, но иногда основные мотивы вступали въ конфликтъ и непослѣдовательность распоряженій бросалась въ глаза.

Ясно, что и ненависть къ прошлому царствованію, и желаніе «импер ces gens là» были мотивами централизаціи, уничтоженія сословныхъ преимуществъ и учрежденій, дарованныхъ и созданныхъ Екатериною II. Шумигорскій признаетъ эти распоряженія разумными. «Перечисленіе всѣхъ этихъ мѣръ императора Павла I по отношенію къ сословіямъ приводить къ тому заключенію, что по его взгляду, сословныя привилегіи должны были существовать лишь тогда, когда они требовались для пользы служенія даннаго сословія государству... Судъ и администрація лишены были дворянскаго, сословнаго характера, какой они носили при Екатеринѣ, а выражали бы собою одну лишь волю самодержца¹⁾. Въ Прибалтійскомъ краѣ, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ Выборгской и въ Малороссіи Павелъ I восстановилъ старинные суды и мѣстныя привилегіи; эта очевидная непослѣдовательность—въ однихъ губерніяхъ возстановлялось то, что въ другихъ отнималось—объясняется тѣмъ, что первый мотивъ оказался въ данное время сильнѣе второго: Екатерина принимала мѣры къ сліянію этихъ областей съ Россіей и восстановленіе привилегій являлось отмѣнной распоряженія прошлаго царствованія. Конечно, нашелся историкъ, который даже эту мѣру объясняетъ въ пользу Павла I: «Быть можетъ жалобы на плачевное состояніе русскихъ судовъ побудили Павла, несмотря на любовь его къ единообразію въ управлѣніи, восстановить старинные суды и мѣстныя привилегіи въ Прибалтійскомъ краѣ...»²⁾.

Нѣть надобности перечислять даже главнѣйшія мѣропріятія по управлѣнію въ это царствованіе; отчасти они и извѣстны; но

1) Словарь, стр. 37 (2).

2) Id.

главное мы не всегда можемъ провѣрить, что собственно сдѣлано по мысли и съ вѣдома самого государя и что сдѣлано его сотрудниками; несомнѣнно, что и по своей неподготовленности, и по крайней быстротѣ въ теченіи всѣхъ психическихъ процессовъ Павель I не могъ самъ руководить всей внутренней политикой, управлять сложной административной машиной.

Мы знаемъ, что онъ не вникалъ въ подробности, и есть свѣдѣнія о крайней его небрежности въ серьезныхъ дѣлахъ. Такъ, Державинъ сообщаетъ о слѣдующемъ фактѣ: «Пространно было описывать всѣ несообразныя съ здравымъ разсудкомъ повелѣнія; но скажу вѣратцѣ о трехъ. *Первое*, приказомъ, въ коллегии, въ общемъ собраніи знатныхъ купцовъ и адмирала Кушелева, сдѣлать постановленіе о внутреннемъ судоходствѣ, то-есть какой конструкціи гдѣ строить суда, къ хожденію по рѣкамъ удобнѣйшія; вслѣдствіе чего въ собраніи коллегія объявила свое мнѣніе, адмиралъ свое, а купечество свое, и какъ въ указѣ предписано не было въ случаѣ разныхъ мнѣній представить Сенату, а поднести прямо государю: то и вышла его резолюція, надписанная его рукою надъ всѣми тѣми мнѣніями «Быть по сему». Никто не осмѣялся спросить изъясненія; такъ напечатано и опубликовано¹⁾. Возможно, что Павель I утвердилъ всѣ три доклада не читая; можетъ быть онъ ихъ просмотрѣлъ такъ бѣгло, что не замѣтилъ содержащихся въ нихъ несогласій. Данный случай былъ замѣченъ, потому что по одному поводу было представлено три несогласныхъ между собою доклада. Такъ какъ почти всегда по отдельному дѣлу представляется одинъ докладъ, то утвержденіе непрочитанного доклада не обращаеть на себя чьего-либо вниманія. Сановникъ, представившій такой докладъ, конечно, никому не сообщитъ, что докладъ утвержденъ не прочитанный, если имѣетъ основаніе допускать такой фактъ.

Хотя Павель I и уволилъ главныхъ сотрудниковъ Екатерины II, все же механизмъ нѣкоторое время работалъ недурно; много опытныхъ чиновниковъ осталось при должностяхъ. Постепенно механизмъ разстраивался, гатчинцы все больше и больше захватывали управление въ свои руки, почему всѣ благоразумные люди ожидали катастрофы. Одинъ изъ высшихъ сановниковъ, московской военный губернаторъ, фельдмаршалъ, графъ И. П. Салты-

¹⁾ Сочиненія, т. IV, стр. 727.

ковъ высказывалъ неоднократно: *эта кутерьма долю существовать не можетъ.*

Удаленіе сотрудниковъ Екатерины II затрагивало интересы небольшого круга лицъ; болѣе негодованія вызывало измѣненіе системы, такъ какъ высшій классъ общества былъ доволенъ прошлымъ царствованіемъ¹⁾). Еще болѣе возбуждали недовольство мѣропріятія, обусловленныя презрѣніемъ; все же тѣ, на кого были направлены эти мѣропріятія, понимали, или какъ принято выражаться, чувствовали, чѣмъ были обусловлены указы и приказы Павла I, понимали, что въ этихъ приказахъ осуществляется совѣтъ Павла I сыновьямъ, какъ слѣдуетъ «обращаться»; впрочемъ Павелъ I не скрывалъ своего презрѣнія къ подданнымъ. Онъ говорилъ людямъ, пользовавшимся его довѣріемъ: «Этотъ развращенный народъ желаетъ, чтобы имъ постоянно управляли женщины, чтобы его повелителями были фавориты, а всѣ преступленія оставались безнаказанными».

Эти мѣропріятія лучше всего выражаются въ указахъ, приказахъ и резолюціяхъ. «Въ нихъ точно въ зеркалѣ отражается личность самого государя со всѣми ея особенностями»²⁾.

Чтеніе этихъ приказовъ убѣждаетъ настъ, что презрѣніе къ людямъ и самсожаніе были самыя сильныя чувствованія у этого государя.

Нужно много презрѣнія къ людямъ, чтобы такъ съ ними «обращаться», такъ ихъ муштровать, такъ унижать и оскорблять, такъ наказывать, какъ это дѣлалъ Павелъ I.

«Этому безнравственному народу» было запрещено употреблять нѣкоторыя слова; вмѣсто однихъ словъ было приказано употреблять другія: *чтобы публичные собранія не именовались клубами*. Генералу Л... «Государь императоръ, получивъ сего числа рапортъ вашъ, коимъ доносите, что вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, вамъ даннаго все вами «выполнено» будетъ, указать соизволить: дать вамъ знать, что «выполняются» только тазы..., а повелѣнія должно исполнять». Вмѣсто слова *стражи* — приказано было употреблять *караулъ* и т. д.

¹⁾ Всѣ хорошо знали, что онъ (Павелъ I) не раздѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя русскій народъ питалъ къ этой монархинѣ. Записки Саблукова, стр. 4.

²⁾ Императоръ Павелъ I въ его дѣяніяхъ и приказахъ. Русская Старина. 1897 г.

Особенное вниманіе было обращено на одежду *ces gens là*; до какой мелочности доходили эти мѣры, можно судить по слѣдующимъ указамъ. «Не носить башмаковъ съ лентами, а имѣть оные съ пряжками, также сапоговъ, ботинками именуемыхъ, и короткихъ стягиваемыхъ впереди снурками и съ отворотами». «Не увертывать шею безмѣрно платками, галстуками или косынками, а повязывать оные приличнымъ образомъ безъ излишней полноты». «Чтобы никто не носилъ ни нѣмецкихъ кафтановъ, ни сюртуковъ съ разноцвѣтными воротниками и обшлагами, но чтобы они были одного цвѣта». Такихъ указовъ было немало и съ нарушителями оныхъ поступали крайне жестоко.

Исправленіе «этого безнравственнаго народа» потребовало указовъ, регламентирующихъ частную жизнь: «Чтобы никто цугомъ въ извозчичьихъ экипажахъ неѣздили, кромѣ какъ парою или въ четыре лошади». «Чтобъ малолѣтнія дѣти на улицу изъ домовъ выпущены не были безъ присмотру». Слѣдовательно, громадное большинство дѣтей не смѣло выходить на улицу. «Запрещается танцевать вальсъ». Есть свѣдѣніе, что «этому безнравственному народу» было запрещено танцевать вальсъ, потому что однажды государь упалъ, танцуя вальсъ; потомъ было разрѣшено танцевать вальсъ, такъ какъ А. П. Лопухина любила этотъ танецъ.

Особенно тяжело было положеніе лицъ, состоящихъ на службѣ и вообще всѣхъ, кому приходилось имѣть дѣла съ правительствомъ; ихъ не только наказывали, но и оскорбляли; это стремленіе унизить и оскорбить самая возмутительная особенность этихъ приказовъ и резолюцій.

«Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Шепелевъ выключенъ въ Елецкій мушкательскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнъ и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытность его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ вмѣсто службы обращались въ передней и плясѣ». «Полковнику Н. государь императоръ соизволилъ указать, отославъ вашъ рапортъ, вами присланный, объявить, что вы должны имѣть тупое понятіе, писавъ по формѣ семьсотъ девяносто третьяго года. А поставленная—семьсотъ девяносто шестого года, при семъ прилагается». «Высочайше повелѣно къ губернатору (Пермскому, Модераху) написать дурaka за то несовмѣстное донесеніе 14 апрѣля 1800 г.».

Эти приказы и резолюціи поражаютъ не только своею жесто-

костью, но оскорбительностью и презрѣніемъ къ людямъ. «Шефъ драгунскаго полка генераль-лейтенантъ Шрейдерсъ за неспособность къ службѣ отставленъ отъ оной». «Статскій совѣтникъ и здѣшній губерніи предсѣдатель палаты суда и расправы Мартыновъ, за непорядочное поведеніе, отставляется отъ службы».

Въ этихъ приказахъ нѣтъ даже попытки соблюсти справедливость.

Углицкаго мушкательскаго полку капитану Маркову, просившему о перемѣщеніи его въ полки, находящіеся въ С.-Петербургѣ, отказано, потому что «служба во всѣхъ полкахъ одинакова». «Сѣверскаго драгунскаго полку капитану Клинкѣ, просившему о переводе его въ какой-либо полкъ С.-Петербургской дивизіи, отказано, и сверхъ того онъ за такое непристойное прошеніе исключается изъ службы». «Мушкательскаго графа Эльмпта полку полковнику Будберху за болѣзнь, которая препятствовала ему быть на смотру, отставленъ отъ службы».

Шумигорскій¹⁾ нашелъ нужнымъ защищать эти приказы. «Вообще резолюціи и приказы Павла Петровича въ большинствѣ случаевъ преслѣдовали воспитательныя цѣли, а не однѣ служебныя, что и было главною причиной ихъ опубликованія; поэтому же многіе изъ нихъ сопровождались подробной мотивировкой или объясненіями, которыхъ сами по себѣ вызываютъ иногда невольную улыбку». По этому поводу можно лишь замѣтить, что и историки не должны злоупотреблять своимъ правомъ имѣть собственное мнѣніе: все же нужно нѣкоторое уваженіе къ истинѣ. Впрочемъ, Шумигорскій вѣрно замѣтилъ, что приказы и резолюціи «прекрасно характеризовали самого государя».

«Воспитательныя цѣли» этихъ приказовъ ужъ очень ясны; и могли ли имѣть такое значеніе приказы столь неясные или столь небрежные, какъ нижеслѣдующій: «Исключенному поручику за смертью изъ службы, просившему принять его опять на службу, потому что живъ, а не умеръ, отказывается по той же причинѣ». Можетъ ли такое надругательство имѣть воспитательное значеніе?

Какъ мало принималось въ соображеніе благо народа, видно изъ слѣдующей резолюціи: «Государь императоръ, усмотря изъ ежедневнаго рапорта вашего (С.-Петербургскаго военнаго губер-

¹⁾ Русский биографический Словарь, стр. 49.

натора), что 12-го числа сего мѣсяца выпроводенъ изъ С.-Петербурга за городъ, въ Псковъ, французской націи учитель Дюмурье, по повелѣнію вашего сіятельства, указать соизволилъ: спросить у васъ, кто сей Дюмурье и за что высланъ, а притомъ сдѣлать вашему сіятельству замѣчаніе, что много въ городѣ мрутъ, въ какомъ случаѣ и нужно вамъ съ своей (стороны) взять нужные предосторожности».

Естественно, что «этому безнравственному народу» были предписаны всевозможныя запрещенія; нѣтъ надобности перечислять всѣ эти указы. Достаточно привести указъ отъ 18 апрѣля 1800 г. «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ онъ не были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку».

Зашитники Павла I утверждаютъ, что въ его царствованіе народу жилось хорошо; напр., Руничъ¹⁾ говоритъ: «народъ не былъ обиженъ». Коцебу идетъ дальше: «Народъ былъ счастливъ. Его никто не притѣснялъ»²⁾.—Стединкъ доносилъ своему правительству, что «народъ не страдаетъ такъ какъ раньше»³⁾.

Вообще, народу можно приписывать все, что угодно, такъ какъ сужденія народа объ этомъ царствованіи намъ совершенно неизвѣстны; какъ мало можно довѣрять защитникамъ Павла I можно судить по тому, что тотъ же Руничъ утверждаетъ, что «даже солдатъ, который всегда жалуется, не тяготился «суропростью службы». Даже, если въ то время солдатъ былъ только «святая скотина», онъ не только тяготился, но и страдалъ отъ палокъ, вырыванія усовъ, тяжелой и неудобной одежды и т. д.

Впрочемъ, если даже и согласиться, что мѣропріятія этого царствованія непосредственно не отражались на состояніи народа и не ухудшили его положенія, то это нельзя поставить въ заслугу Павлу I и его сотрудникамъ. Во-первыхъ, при всемъ желаніи нельзя муштровать нѣсколько десятковъ миллионовъ; можно оскорблять, наказывать, лишать свободы и даже музыки отдѣльныхъ лица или небольшія группы лицъ. Во-вторыхъ, въ

¹⁾ Записки. Русское Обозрѣніе 1890 г., августъ, стр. 685.

²⁾ Панчулидзевъ, оп. cit., стр. 279.

³⁾ Брикнеръ. Kaiser Paul's Ende. 73.

четыре года нельзя было измѣнить сколько-нибудь значительно положеніе нѣсколькихъ миллионовъ, но несомнѣнно, что какъ улучшенія, такъ и ухудшенія въ жизни народовъ начинаются съ высшихъ классовъ общества. Въ это царствованіе значительно ухудшилось положеніе высшихъ классовъ, и несомнѣнно, что если бы это царствованіе было продолжительно, въ концѣ-концовъ ухудшилось бы и положеніе народа. Очевидно, что если бы указъ отъ 18 апрѣля 1800 г. и другія подобныя мѣры оставались въ силѣ лѣтъ двадцать-тридцать, Россія вернулась бы ко временамъ Анны Ioannovны и даже Феодора Алексѣевича; не было бы просвѣщенаго дворянства, и верховная власть не могла бы освободить крестьянъ въ 1861 г.

Зашитники Павла I забываютъ о существованіи непреложныхъ законовъ человѣческаго общества, а потому не принимаютъ въ соображеніе, что всякое улучшеніе, всякий прогрессъ неизбѣжно начинаются лишь въ небольшихъ группахъ лицъ, которыхъ называются высшими классами общества. До сихъ поръ, конечно, къ величайшему нашему несчастію, не изобрѣтено способовъ сразу улучшать положеніе всѣхъ классовъ общества. Свобода можетъ быть достояніемъ всего народа только послѣ того, какъ продолжительную историческую жизнью созданъ высшій классъ, уже привыкшій пользоваться свободой.

Наконецъ, защитники Павла упускаютъ изъ виду, что положеніе народа въ концѣ XIX столѣтія было такъ ужасно, что едва ли было возможно сдѣлать его еще болѣе ужаснымъ. Народъ страдалъ и отъ крѣпостного права, и отъ дурной администраціи; только развитіе просвѣщенія въ государствѣ могло давать надежду народу на лучшее будущее, но въ царствованіе Павла I ничего не было сдѣлано для просвѣщенія, и принимались мѣры, чтобы лишить насть не только книгъ, но даже музыки.

Систему управлениія Павла I его наслѣдникъ характеризовалъ вполнѣ вѣрно въ письмѣ къ Лагарпу отъ 27 сентября 1799 г. «Во всемъ прочемъ нѣтъ никакого строгого опредѣленнаго плана... Наконецъ, чтобы сказать однимъ словомъ, благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управлениі дѣлами».

Дѣйствительно, «благосостояніе государства» не играло никакой роли, не было «опредѣленнаго плана», а наслѣдникъ престола, несмотря на свою молодость, вполнѣ вѣрно оцѣнилъ «систему» своего отца.

Чтобы характеризовать эту систему, слѣдуетъ упомянуть о немаловажномъ правительственномъ дѣлѣ—покровительствѣ іезуитамъ. Для всѣхъ очевидно, что никакихъ разумныхъ причинъ для покровительства этому ордену быть не могло, и потому всѣ историки этого царствованія объясняютъ это непонятное покровительство Павла I вліяніемъ на него іезуита Грубера. Лучшій историкъ этого царствованія излагаетъ это дѣло такъ. «Одно ничтожное обстоятельство, которымъ воспользовался Груберъ со своимъ умъніемъ, проложило ему путь къ занятому имъ исключительному положенію: онъ вылѣчилъ императрицу Марію Феодоровну отъ жестокой зубной боли, съ которой не могли справиться медики и сумѣль приготовить императору Павлу іезуитскій шеколадъ, о которомъ съ удовольствіемъ вспоминаль государь со времени своего заграничнаго путешествія»¹⁾). Груберъ «вылѣчилъ» императрицу въ апрѣль 1799 г., т.-е. въ то время, когда Павелъ I относился къ своей супругѣ болѣе чѣмъ индиферентно, вѣрнѣе сказать, враждебно, и потому мало вѣроятно, чтобы Павелъ I былъ настолько благодаренъ за излѣченіе супруги Груберу, что приблизилъ его къ себѣ. Этотъ государь не былъ гастрономомъ, и потому хороший шеколадъ, приготовленный Груберомъ, не могъ имѣть большой для него прелести. Между тѣмъ вліяніе Грубера было такъ велико, что Павелъ I не пощемонился отнять у католиковъ домъ, принадлежавшій имъ на Невскомъ проспектѣ, и отдать его іезуитамъ, т.-е. Груберу.

Болѣе правдоподобное объясненіе покровительства Павла I іезуитамъ даетъ Bernhardi²⁾.

У Потемкина былъ шпіонъ итальянецъ Манучи; исполняя секретныя порученія своего патрона, онъ нажилъ большія деньги, а сынъ его былъ уже большимъ бариномъ. Поляки, друзья іезуитовъ, сумѣли обратить вниманіе Павла I на Манучи—сына, и такъ какъ этотъ послѣдній могъ разскказать государю много дурного о Потемкинѣ, онъ сдѣлался любимцемъ Павла I. Манучи-сынъ, общество котораго Павлу I, ненавидѣвшему Потемкина, было пріятно, и его друзья, наговорили государю о свободомысліи и революціонномъ настроеніи католического населенія.

¹⁾ Шильдеръ, стр. 421.

²⁾ Geschichte Russlands, 2 Theil, S. 417.

нія въ Россіи. Это свободомысле будто бы обусловлено бездѣятельностью католического духовенства и его главы Сестринкевича; съ этимъ зломъ лучше всѣхъ могутъ бороться іезуиты.

Я думаю, что Bernhardi правъ, приписывая большую роль въ этомъ дѣлѣ Манучи сыну, такъ какъ ему удалось задѣть самую важную струну—ненависть къ Потемкину, а насколько сильна была эта ненависть, можно судить по тому, что 24 сентября 1800 г. послѣдовалъ указъ: городъ Григоріополь переименовать въ Черный. Именно въ это время Манучи сынъ пользовался милостью государя; понятно, какъ пріятно было Павлу I слушать всяческія былъ и небылицу про покойного Потемкина.

Итакъ, вслѣдствіе ненависти Павла I къ Потемкину іезуитамъ было оказано широкое покровительство, которое, если бы событие 11 марта 1801 г. не измѣнило положенія Россіи, имѣло бы громадное значеніе во всей нашей жизни. Bernhardi придаетъ, и вполнѣ вѣрно, этому дѣлу такое большое значеніе, что отводитъ ему болѣе 8 страницъ, а все царствованіе Павла I изложено на 71 страницѣ.

Впрочемъ, если покровительство іезуитамъ было обусловлено умѣniемъ Грубера лѣчить зубную боль и варить шеколадъ— выводъ слѣдуетъ сдѣлать тотъ же самый: самыя важныя государственные дѣла зависѣли отъ чувствованій и «благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управлѣніи дѣлами».

Конечно, можно найти между распоряженіями этого царствованія мѣры, принесшія пользу; напримѣръ, Павелъ I облегчилъ положеніе раскольниковъ, что, конечно, было очень хорошо. Едва ли ошибается Вельяминовъ-Зерновъ, такъ объясняя это распоряженіе: «Возстановляя противъ себя дворянство и войско, Павелъ находился еще въ заблужденіи, будто бы привязываетъ къ себѣ чернь тѣмъ, что онъ далъ свободу раскольникамъ... Такимъ образомъ, стонала Россія болѣе четырехъ лѣтъ¹⁾...

Понятно, что болѣе всего страдали тѣ, кто непосредственно соприкасался съ Павломъ I, т.-е. гвардейскіе офицеры и сановники. Саблуковъ сообщаетъ: «Нерѣдко за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки и на весьма большія разстоянія. Это случалось настолько часто, что у насть вошло въ обычай, будучи на ка-

¹⁾ Schienmann. Op. cit., стр. 275.

раулъ, класть за пазуху нѣсколько сотъ рублей... Изъ числа ста тридцати двухъ офицеровъ, бывшихъ въ конномъ полку въ 1796 году, всего двое (я, и еще одинъ) остались въ немъ до кончины Павла Петровича. То же самое, если еще не хуже, было и въ другихъ полкахъ, гдѣ тиранія Аракчеева и другихъ гатчинцевъ менѣе сдерживалась, чѣмъ у насъ... можно, безъ преувеличенія сказать, что Петербургъ, Москва и даже вся Россія были погружены въ постоянное горе»¹⁾.

Въ послѣдній годъ этого царствованія Петербургъ принялъ небывалый своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пропадія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Вызванныя этими мѣрами всеобщее уныніе и беспокойство и поселили во всѣхъ убѣжденіе, что такое положеніе продлиться не можетъ²⁾.

Очевидно, что такое управлѣніе не могло быть обосновано какою-либо системою и должно было окончиться трагически; терпѣніе «ces gens là» все же имѣло границы и между ними нашлись люди, решившіе положить предѣлъ совершенно не нужной тираніи.

Иностранная политика этого царствованія еще разъ доказываетъ, что Павелъ I руководился не системою, или какими-либо общими идеями и соображеніями, а чувствованіями и аффектами.

До своего вступленія на престолъ Павелъ I постоянно утверждалъ, что Россія нуждается въ мирѣ, всегда порицая завоеванія и приобрѣтенія своей матери; вступивъ на престолъ, онъ заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи сохранять миръ. Намѣреніе, вполнѣ понятны истинныя причины такого миролюбія; все, что дѣлала Екатерина II, было дурно и все слѣдовало дѣлать наоборотъ тому, что дѣлала эта государыня.

Именно въ это время крайне легко для Россіи было сохранять миръ; никто не помышлялъ затрагивать наши интересы, никто намъ не угрожалъ, никто не былъ намъ опасенъ. Не прошло и двухъ лѣтъ со дня смерти Екатерины II, какъ заявлявшій всю жизнь о своемъ миролюбіи Павелъ I былъ вовлеченъ въ войну, и 4 февраля 1799 г. былъ вызванъ изъ Кончанскаго Суворовъ.

1) Op. cit., стр. 43, 44.

2) Шильдеръ, стр. 482, 483.

Вопросы философіи, кн. 90.

Только ненависть къ французской республикѣ, ничего не сдѣлавшей дурного Россіи и рѣшительно не желавшей съ нами ссориться, и полное игнорирование интересовъ и нуждъ нашего отечества могутъ объяснить эту славную для нашего оружія, но позорную для нашей политики войну. Наши предки проливали свою кровь въ Италии, Швейцаріи и Голландіи рѣшительно безъ всякой пользы для Россіи. Никогда раньше Россія не вела такой унизительной для своего политического достоинства войны; къ сожалѣнію, наши историки и до сихъ поръ не выяснили всего вреда этой первой унизительной войны для нашей политики.

Очевидно, что эта война была обусловлена лишь чувствованиями; она возникла и окончилась внезапно, безъ всякой разумной причины. Даже побѣды Суворова причинили не мало вреда Россіи, такъ какъ ослабили весьма могущественный мотивъ этого царствованія: боязнь. Война все же окончилась благополучно для правительства; погибло нѣсколько десятковъ тысячъ лучшихъ сыновъ Россіи, но это нисколько не огорчало правительства. Теперь, убѣдившись, что съ иностранными державами можно «обращаться» такъ же, какъ и «съ этимъ безнравственнымъ народомъ», и въ иностранной политикѣ исчезла прежняя сдержанность; съ баварскимъ посланникомъ уже въ 1799 г. было поступлено, какъ съ русскимъ сановникомъ.

Когда Павелъ I узналъ, что баварскій курфюрстъ завладѣлъ имѣніями, принадлежащими Мальтійскому ордену, государь немедленно вызвалъ баварского посланника и обратился къ нему съ рѣчью, единственной въ исторіи дипломатіи: „*Votre Maître est un insolent... Partez aujourd’hui même pour la Bavière et dites de ma part à Votre Maître, que si dans un mois à partir d’aujourd’hui, je n’ai pas sur cette affaire une satisfaction complète, le General Korsakoff, qui est dans son voisinage avec 50 m. hommes, recevra l’ordre de mettre la Bavière à feu et à sang. Allez, Monsieur! Et pressez vous*“¹⁾). Итакъ, за то, что баварскій курфюрстъ завладѣлъ имѣніями малтійскихъ рыцарей, русскіе должны были проливать свою кровь въ Баваріи, а эта страна была обречена огню и мечу. Побѣда Суворова ослабила важный элементъ въ иностранной политикѣ—боязнь; Павелъ I увидѣлъ, что съ королями и посланниками тоже можно «обращаться», что и ихъ можно «mener».

¹⁾ Воспоминанія о Е. А. Энгельгардѣ. Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 1467.

Павелъ I вовлекъ Англію въ войну съ Россіей изъ-за Мальты, поссорился съ Австріей и Пруссіей. Англія рѣшительно не желала воевать съ Россіей, что доказывается быстрымъ возстановленіемъ дружественныхъ отношеній въ мартѣ 1801 г. Также Австрія и Пруссія желали жить въ дружбѣ съ Россіей.

Съ иностранными державами стали «обращаться» до такой степени безцеремонно, что была устроена дипломатическая мистификація: для Гамбургской газеты сочинена была корреспонденція о вызовѣ Павловѣ I англійского, австрійского и прусского монарховъ на дуэль.

Съ первымъ консуломъ французской республики завязались дружественные сношенія; чтобы поддержать Францію и нанести вредъ Англіи, казаки были направлены въ Индію.

Россіи предстояло ужасное испытаніе, отъ которого ее спасло событіе 11 марта 1801 г.

Самый большой вредъ Россіи причинила иностранная политика Павла I; его царствованіе показало, что Россія настолько сильна, что правительство безнаказанно можетъ вести войны, даже прямо вредная для ея интересовъ. Вмѣшательство Павла I въ чужія дѣла окончилось благополучно, конечно, не считая жертвъ людьми и деньгами. Этотъ дурной примѣръ оказался заразительнымъ, и очень скоро Россія, во вредъ собственнымъ интересамъ, послала армію на помочь Австріи. Такъ какъ и это вредное для нашихъ интересовъ вмѣшательство осталось безнаказаннымъ—погибшіе и искалеченные на поляхъ Аusterлица воины никого не интересовали—мы могли защищать Пруссію.

Во всей всемірной исторіи не было примѣра, чтобы могущественная держава, т. с. гргоріо тотъ въ теченіе полу столѣтія вела войны, защищая своихъ соперниковъ; нужно было попробовать такую удивительную политику, и Павелъ I исполнилъ эту печальнную роль во всемірной исторіи. Къ сожалѣнію наши историки еще не выяснили, сколько вреда причинила эта политика, насколько Россія отстала въ своемъ развитіи вслѣдствіе безумной траты лучшихъ ея сыновъ и денегъ, которыхъ у нея всегда было такъ мало. Мы вошли въ неоплатные долги, растратили свою энергию, забросили внутренняя дѣла не только безъ всякой пользы для Россіи, но прямо во вредъ намъ, такъ какъ воевали на пользу своихъ соперниковъ.

Конечно, я вполнѣ понимаю, что причины такого сложнаго

исторического явления такъ многочисленны, что даже не всѣ намъ извѣстны, но безспорно, что большое значеніе имѣла первая попытка, первый шагъ по этому печальному для нась пути; такую попытку могъ сдѣлать только Павелъ I, потому что во всѣхъ дѣлахъ онъ руководился вышеупомянутыми чувствованіями и аффектами.

Только «развращенный народъ» можетъ терпѣливо переносить презрѣніе къ себѣ; исторія учитъ нась, что народъ примиряется съ строгостью и жестокостью, если хотя и смутно понимаетъ ихъ цѣлесообразность. Наши предки не были «развращеннымъ народомъ», и потому это мрачное царствованіе и особенно его конецъ убѣдительно доказали, что страна прощаетъ многое, но не презрѣніе къ себѣ.

Гречъ, котораго нельзя заподозрить въ фрондерствѣ, въ своихъ запискахъ такъ вспоминалъ объ этомъ царствованіи: «я не могу и теперь, въ старости, вспомнить безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый честный и благородный человѣкъ подвергался ежедневно безъ всякой вины лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали мерзавцы, и всякий квартальный былъ тираномъ своего округа. Хорошо теперь заочно хвалить (тѣ) времена! Пожили бы, такъ вспомнили бы, но большинство народа, масса, его ненавидѣла и рѣдко кто скрывалъ эти чувства»¹⁾.

То же самое писалъ Карамзинъ. «Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности». Вигель, мужъ сестры котораго занималъ видное мѣсто въ полиції, удостовѣряясь: «Употребляемые секретной полиціей не могли имѣть довольно времени, чтобы доносить на всѣхъ виноватыхъ въ нескромности; вѣроятно, они довольствовались мщеніемъ за личности; къ тому же, они сами трепетали и ненавидѣли правительство, коему столь постыдно служили»²⁾. Вигель увѣряетъ, что никто не опасался явно порицать и злословить правительство.

Правдивость этихъ сужденій подтверждается фактами.

1) Записки о моей жизни 1886 г., стр. 125.

2) Воспоминанія, т. I, стр. 103.

Конечно, всякий правитель имѣетъ враговъ, и никакія заслуги не гарантируютъ отъ заговорщиковъ. Никифоръ Фока (963—969), одинъ изъ наиболѣе величественныхъ характеровъ между византийскими императорами, былъ убитъ въ спальнѣ Иоанномъ Цымисхиемъ, введеннымъ туда супругою императора, Феофано. Поэтому и самый заговоръ, и его успѣхъ сами по себѣ ничего не доказываютъ. И для историка, и для психолога очень важно объяснить, почему, хотя о заговорѣ противъ Павла I всѣ знали—ничего не было сдѣлано для предупрежденія преступленія. «Безнравственный народъ» такъ ненавидѣлъ режимъ, что всѣ знали о заговорѣ и никто ничего не дѣлалъ, чтобы помѣшать его успѣху.

О заговорѣ знали всѣ, кому только находили это нужнымъ сообщить; напримѣръ, С.-Петербургскому генералу-губернатору Н. С. Свѣчину предложили принять участіе въ заговорѣ; онъ отвѣтилъ отказомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что никому не сообщитъ о заговорѣ, а будетъ, въ случаѣ надобности, дѣйствовать данной ему властью¹⁾. Свѣчинъ потерялъ свое мѣсто, на которое былъ назначенъ графъ Паленъ. Д. Х. Ливенъ откровенно признается, что ея мужъ былъ особенно счастливъ тѣмъ, что заболѣлъ въ концѣ царствованія Павла I и поэтому гр. Паленъ не нашелъ нужнымъ привлечь его, какъ больного, къ участію въ заговорѣ. «Что нужно было дѣлать послѣ такого конфиденціального сообщенія? Спасать императора? такъ повелѣвалъ долгъ. Но этимъ предавалось мишеню все, что было въ Россіи лучшаго и благороднаго; гдѣ остановятся проскрипціи, когда число виновныхъ такъ велико. Эшафотъ, ссылка, тюрьма для всѣхъ. И потомъ? Режимъ еще болѣе жестокій, чѣмъ тотъ, подъ которымъ изнемогала Россія. Альтернатива была ужасна. Если бы Паленъ заговорилъ съ моимъ мужемъ—единственнымъ исходомъ было бы—пустить себѣ пулю въ лобъ»²⁾). Приблизительно также разсуждалъ Ф. В. Остенъ-Сакенъ, «для благоразумнаго человѣка остается одинъ исходъ—умереть»³⁾. Очень многіе знали о существованіи заговора и обдумывали, какъ держать себя въ случаѣ, если будетъ предложено примкнуть къ заговору. Саблуковъ⁴⁾

¹⁾ Панчулидзевъ. Исторія кавалергардовъ, т. 2, стр. 363.

²⁾ Schiemann. Die Ermordung Pauls. S. 40.

³⁾ Шильдеръ, оп. cit., стр. 483.

⁴⁾ Записки Саблукова, стр. 86.

послѣ долгихъ размышленій обратился къ помощи человѣка, котораго онъ считалъ очень умнымъ (Тончи, состоявшаго въ свитѣ польского короля); рѣшено было держать себя такъ замкнуто и осторожно, чтобы никто не рѣшился заговорить о принятіи участія въ заговорѣ.

Люди умные и благородные понимали, что такъ дальше жить нельзя, понимали все значеніе той мѣры, на которую должны были рѣшиться заговорщики. Люди осторожные и нерѣшительные ограничивались лишь сочувствіемъ заговорщикамъ; они до такой степени ненавидѣли режимъ, что мирились съ тѣмъ зломъ, которое неизбѣжно для удачи заговора. Особенно поразительно, что не нашлось карьериста, который открытиемъ заговора воспользовался бы для составленія своего «счастія».

О заговорѣ знали не только тѣ, которымъ находили нужнымъ сообщить, не только наблюдательные люди, но буквально всѣ, напр., придворные лакеи и извозчики. 11 марта 1801 г. великий князь Константинъ Павловичъ такъ испугался, когда въ его комнаты вошелъ отецъ, «что стоялъ пораженный, съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, который встрѣтилъ медвѣдя». Саблуковъ, описавшій намъ странное поведеніе Константина Павловича въ теченіе дня и ночи 11—12 марта, откланявшись его высочеству, одѣвался въ передней. «Пока камердинеръ Рудковскій помогалъ мнѣ въ передней надѣвать шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ: «Рудковскій, стаканъ воды!» Рудковскій налилъ, и я замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рудковскій вынулъ его пальцемъ и бросилъ на полъ, сказавъ: «Сегодня оно плаваетъ, а завтра потонетъ»¹⁾.

Очевидно, что камердинеръ зналъ не только то, что перышко потонетъ, но даже точно зналъ и день, когда произойдетъ сіе событие; особенно удивительно, что онъ находилъ нужнымъ такъ откровенно подѣлиться своими свѣдѣніями съ полковникомъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ и даже уваженіемъ великаго князя. Мало вѣроятно, что Рудковскій ничего не намекнулъ своему господину; впрочемъ, можетъ быть великій князь не хотелъ понимать намековъ.

Извозчики не только знали о заговорѣ и днѣ, избранномъ

1) Ор. cit., стр. 95.

заговорщиками для достижения своей цѣли, но даже не скрывали ни отъ кого своихъ свѣдѣній. Вечеромъ де-Сангленъ былъ въ канцеляріи военнаго губернатора и увидѣлъ прѣхавшихъ гостей. На вопросъ де-Санглена, что это значитъ, ему сказали: «А вотъ что, подите за ними или поѣзжайте домой». Сангленъ предпочелъ отправиться домой. Въ тотъ же вечеръ онъѣхалъ на извозчикѣ, который спросилъ его: «Правда ли, сударь... какой грѣхъ?»—«Что ты, съ ума сошелъ... ради Бога, не ври». Извозчикъ нисколько не смутился и отвѣтилъ: «Помилуйте, сударь, у насъ на биржѣ только и твердятъ: конецъ»¹⁾.

Я не знаю во всемирной исторіи такого заговора; правильнѣе это называть восстаніемъ, революціей, бунтомъ; дѣйствительно, активно дѣйствовали немногіе—болѣе смѣлые, наиболѣе оскорблѣнны, но пассивно тѣхъ, кто дѣйствовалъ и кого называютъ заговорщиками, поддерживали всѣ или почти всѣ. Понятно, что рисковать своей головой, участвовать въ преступлѣніи охотниковъ было мало, но едва ли можно называть заговорщиками тѣхъ, о намѣреніяхъ которыхъ имѣли самыя точныя свѣдѣнія даже извозчики, громко говорившіе о днѣ приведенія этого заговора въ исполненіе.

Возстаніе или заговоръ, при общемъ къ нему сочувствіи, произошло согласно программѣ; въ успѣхѣ по той же причинѣ никто не сомнѣвался. Въ домѣ П. А. Апраксиной 11 марта 1801 г. ужинало человѣкъ двадцать; въ полночь внукъ хозяина, молодой легкомысленный и болтливый камеръ-юнкеръ настойчиво просилъ подать шампанское. Когда вино было роздано по бокаламъ, молодой человѣкъ неоднократно смотрѣлъ на свои часы и, наконецъ, поднялъ свой бокалъ и провозгласилъ: «Я поздравляю васъ съ новымъ государемъ». Всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ и разбрѣжалась по внутреннимъ комнатамъ²⁾. Очевидно, что въ аристократическомъ домѣ Апраксиныхъ имѣли болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ на извозчичьей биржѣ: знали не только день, но и часъ приведенія заговора въ исполненіе.

О заговорѣ не зналъ только Кутайсовъ; но презрѣніе къ людямъ неизбѣжно ведетъ къ тому, что приходится пользоваться исключительно услугами такихъ людей, которые дѣйствительно

¹⁾ Записки Я. И. де-Санглена. „Русская Старина“, 1883 г., т. 37, стр. 3.

²⁾ Schliemann. Op. cit., S. 291.

ничего, кромъ презрѣнія, не заслуживаютъ, а такіе люди и не могутъ предусмотрѣть бѣды и оставляютъ своихъ благодѣтелей въ минуты опасности, какъ то продѣлалъ этотъ человѣчекъ.

Лагарпъ убѣждалъ Александра Павловича наказать заговорщиковъ, чѣмъ еще разъ доказалъ свое полное незнаніе и непониманіе Россіи. Державинъ былъ государственный человѣкъ и потому написалъ бумагу, въ которой соѣствовалъ «хотя видомъ произвѣсть слѣдствіе, которымъ бы обвиненіе сгладить съ сихъ принцевъ»¹⁾. Дѣйствительно, больше ничего не могъ посовѣтовать государственный человѣкъ, потому что 11 марта 1801 года ликовалъ весь Петербуръ, а затѣмъ такое же ликованіе наступило всюду, куда прїѣзжали курьеры съ манифестомъ о восшествіи на престолъ Александра Павловича. Вся страна такъ единодушно и бурно радовалась по поводу событія 11 марта 1801 г., что не было достаточной силы, если бы на то было желаніе, осудить «освободителей».

Самая неограниченная власть можетъ быть ограничена силою событій. «Радость сего событія, по словамъ очевидца кн. Оболенского, выходила даже изъ предѣловъ благопристойности»²⁾. Изумленія, радости, восторга, возбужденныхъ этимъ, впрочемъ, бѣдственнымъ, гнуснымъ и постыднымъ происшествіемъ, изобразить невозможно,—писалъ де-Сангленъ³⁾. М. С. Муханова утверждаетъ: «восшествіе его на престолъ было всеобщимъ праздникомъ, уподобляющимся только Свѣтлому Воскресенію Христову: люди цѣловались на улицѣ и поздравляли другъ друга»⁴⁾. Также описываютъ всеобщую радость Саблуковъ и другие современники.

Что думали лучшіе люди того времени о событіи 11 марта 1801 года, мы узнаемъ изъ письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери (14, III, 1801 г.). «Quelque peine bien r  elle, que me fasse le triste genre de mort de l'Empereur, je ne puis cependant m' empêcher d'avouer que je respire avec la Russie entière... je ne voulais que voir cette malheureuse Russie se sentir libre, à quelque prix que ce soit». Можно лишь удивляться, какъ могъ Лагарпъ, человѣкъ умный и образованный, совер-

¹⁾ Сочиненія, т. VI, стр. 353.

²⁾ Древняя и новая Россія, 1877 г., стр. 81.

³⁾ Op. cit., стр. 6.

⁴⁾ Русский Архивъ, 1878 г., III, стр. 304.

шенно не понимать состоянія Россіи, могъ думать, что съ русскими можно дѣлать все, что угодно¹⁾.

Новѣйшій историкъ этого царствованія, М. Н. Покровскій²⁾, высказалъ: Тираноубійство... къ сожалѣнію, отнюдь не было дѣломъ возмущенной народной совѣсти. Это была месть господствующаго и привилегированаго класса за попытку коснуться грубой рукой его интересовъ и привилегій (стр. 28). Это заключеніе, однако, столь же невѣрно, какъ и слѣдующій рассказъ того же автора: «только появленіе молодого императора остановило преображенскій караулъ, готовившійся исполнить долгъ присяги по отношенію къ убійцамъ Павла». Какъ известно, это былъ семеновскій караулъ, подъ предводительствомъ Полторацкаго, котораго забыли предупредить о катастрофѣ, и который ничего не зналъ. Также неправильно Покровскій описываетъ первый актъ драмы 11 марта «архипрозаическая фигура въ шлафрокаѣ и ночномъ колпакѣ, которую нашли въ императорской спальнѣ офицеры, ворвавшіеся туда въ ночь на 11 марта». Уже не говорю о томъ, что, по свидѣтельству Саблукова, хорошо освѣдомленнаго черезъ С. И. Муханова, «императоръ всегда спалъ въ кальсонахъ и бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами». Павелъ I никоимъ образомъ не былъ архипрозаической фигурой; вообще, трудно себѣ представить архипрозаическую фигуру въ такомъ ужасномъ положеніи.

Павелъ I не только коснулся «интересовъ и привилегій», но оскорбилъ и наказалъ множество лицъ, испортилъ жизнь и отнималъ человѣческія права у очень многихъ, а потому его царствованіе стало невозможнымъ; одни изъ мести, другіе изъ патріотизма рѣшились на крайнюю мѣру. «Возмущенная народная совѣсть» одобрила дѣйствія заговорщиковъ, обусловила успѣхъ заговора: не нашлось предателей, никто не пожелалъ защищать жертву, и, наконецъ, настолько ясно и рѣшительно одобрила переворотъ, что заговорщики не могли быть наказаны.

Конечно, «народъ» не участвовалъ въ заговорѣ, но Михайловскій дворецъ былъ окруженъ войсками, и солдаты все же

¹⁾ Когда Камаровскій (Русскій Архивъ, 1877 г., стр. 559) узналъ о смерти Павла I, онъ воскликнулъ: „Боже мой, какое счастіе“.

²⁾ Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Выпускъ I.

помогли перевороту; только ничего не знавшій Полторацкій повелъ семеновскій караулъ «исполнить долгъ присяги». Бибиковъ отрядомъ семеновцевъ охранялъ заговорщиковъ.

X.

Чтобы понять характеръ Павла I, необходимо ознакомиться съ его вкусами и привычками, выяснить, что доставляло ему удовольствіе, что онъ любилъ въ жизни. Мы обладаемъ достаточными свѣдѣніями о вкусахъ и привычкахъ этого государя.

Собственно плотскихъ пороковъ Павелъ I не имѣлъ, и въ этомъ отношеніи онъ выгодно выдѣлялся среди современниковъ.

Онъ не былъ лакомкой, не любилъ много или хорошо поѣсть; конечно, хороший столъ онъ предпочиталъ дурному, но такъ какъ удовольствія стола не играли большой роли въ его жизни, онъ не имѣлъ изощренного вкуса; любимымъ блюдомъ его были сосиски, что достаточно свидѣтельствуетъ о простотѣ его стола. Пища вообще его мало интересовала, и у него не было рѣзко выраженного предпочтенія къ какой-нибудь кухнѣ. Наконецъ, онъ всегда кушалъ очень скоро, что указываетъ на слабость удовольствія, доставляемаго ему столомъ.

Павелъ I никогда не злоупотреблялъ спиртными напитками, никогда не кутилъ, никогда не цѣнилъ хорошихъ винъ. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на свою мать, и его трезвость заслуживаетъ похвалы. Даже въ молодости Павелъ I ни разу не кутнуль, что просто удивительно; известно, что даже трезвые люди въ молодости напиваются прямо изъ любопытства, изъ подражанія, въ погонѣ за новыми ощущеніями. Павелъ I уверялъ Чичагова, что онъ выпиваетъ по рюмкѣ малаги для пищеваренія, и мы не имѣемъ права не вѣрить этому заявлению¹⁾. Общеизвестно, что лица, любящія спиртные напитки, не любятъ малаги, и уже то обстоятельство, что Павелъ I предпочиталъ малагу всѣмъ другимъ напиткамъ, свидѣтельствуетъ, что онъ не былъ поклонникомъ Бахуса.

Конечно, Павелъ I зналъ, какъ дорого заплатилъ Петръ III

¹⁾ Memoires de l'Amiral Tchitchagoff, p. 36. Принцъ Евгений Вюртембергскій (Schiemann. Die Ermordung Pauls, S. 66) говоритъ, что на вечерахъ въ Михайловскомъ залѣ Павелъ I пилъ много вина, но 13-лѣтній мальчикъ плохой судья относительно спиртныхъ напитковъ.

за любовь къ кутежамъ, и потому весьма возможно, что онъ боялся походить на Петра III въ этомъ отношеніи.

Зная, какъ былъ боязливъ Павелъ I, какъ постоянно онъ думалъ объ опасностяхъ, зная, какъ онъ былъ сдержанъ по отношенію къ духовенству, мы въ правѣ допустить, что до извѣстной степени онъ сдерживалъ свои желанія покутить, опасаясь, что съ нимъ случится то же, что съ его отцомъ. Но едва ли только этимъ можно объяснить добродѣтельное поведеніе Павла I. Во-первыхъ, онъ не обладалъ настолько сильною волею, чтобы долго бороться съ сильными желаніями; во-вторыхъ, онъ могъ бы потихоньку, по возможности скрывая, удовлетворять свои желанія, но именно отъ природы, *органически*, эти желанія были такъ слабы, что печальная судьба Петра III послужила для Павла I достаточнымъ урокомъ, чтобы всю жизнь оставаться добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Павелъ I не любилъ общества веселыхъ женщинъ, не любилъ вообще веселаго общества; высокое положеніе обязывало его устраивать приемы. Пока власть не перешла въ его руки, и онъ боялся матери, онъ былъ сдержанъ въ обществѣ, но когда онъ уже не находилъ нужнымъ себя сдерживать, то не церемонился съ своими гостями. Въ день тезоименитства государя въ 1797 г. въ Петергофскомъ дворцѣ былъ маскарадъ. Шишковъ, въ качествѣ генераль-адъютанта, шелъ за именинникомъ. «Онъ, оборотясь, говоритъ мнѣ: «скажите этому ротозѣю (указывая на одного высокаго мужчину), что онъ дуракъ». Когда Шишковъ исполнилъ это непрятное порученіе, Павелъ I спросилъ у него: «Кто такой этотъ мужчина?» Шишковъ не спросилъ у «ротозѣя», какъ его зовутъ, о чемъ и доложилъ государю, за что получилъ замѣчаніе: «Худо вы сдѣлали, что не спросили». Когда императорская фамилия удалилась во внутренніе апартаменты, и Шишковъ остался «повелителемъ маскарада», онъ приказалъ прекратить музыку, но шелъ дождь, и потому гости государя не расходились; Шишковъ приказалъ потушить свѣчи и залы опустѣли. На другой день государь спросилъ: «Какъ кончился маскарадъ?» и когда Шишковъ доложилъ о своихъ распоряженіяхъ, Павелъ I разсмѣялся и сказалъ: «Ты очень хорошо сдѣлалъ»¹⁾.

¹⁾ Op. cit., стр. 38.

Естественно, что придворные увеселения были для всѣхъ тягостны, и на нихъ являлись «сé gens-là» по долгу службы.

Также для всѣхъ было тягостно пребываніе въ интимномъ обществѣ Павла I.

Шишковъ такъ вспоминалъ объ этихъ приемахъ. «Послѣ прогулки, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бѣсѣду весьма утомительную. Тамъ государь и государыня, съ великими князьями и княжнами, садились рядомъ и провожали время въ сухихъ разговорахъ; а мы сидѣли вокругъ комнаты на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать не смѣли ¹⁾. Такъ же описывается Гейкингъ вечерніе приемы Павла I ²⁾.

Этотъ несчастный государь вообще не умѣлъ пользоваться радостями жизни; его обстановка была такъ же уныла, какъ и его общество. Онъ не понималъ и не любилъ комфорта, не понималъ и не любилъ роскоши въ обыденной жизни. Его туалетъ и обстановка были и некрасивы, и неуютны; общеизвѣстно, какъ некрасиво и неудобно онъ одѣвался; онъ гордился тѣмъ, что мерзъ на вахтѣ-парадахъ зимою и жарился лѣтомъ. Понятно, что и всѣ придворные, уже не говоря о военныхъ, мерзли зимою и страдали отъ жары лѣтомъ. Во время торжественнаго вѣѣзда Павла I передъ коронаціей въ Москву было холодно, и всѣ одѣты были такъ легко, что нѣкоторые участники церемоніи окоченѣли отъ холода и ихъ пришлось снимать съ лошадей.

Хотя Михайловскій дворецъ стоилъ много денегъ, былъ построенъ и устроенъ роскошно, государь спалъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ на походной кровати, «надъ которою всегда висѣли шпага, шарфъ и трость его величества. Императоръ всегда спалъ въ кальсонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами» ³⁾.

Но хотя Павелъ Петровичъ не любилъ комфорта и роскоши, онъ тратилъ много денегъ, почему настолько нуждался въ средствахъ, что занималъ деньги у Потемкина, у Куракиныхъ, у придворнаго банкира Сутерланда; послѣднему онъ долга не отдалъ ⁴⁾.

¹⁾ Id., стр. 40.

²⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls, S. 12—13.

³⁾ Записки Саблукова, стр. 99.

⁴⁾ Державинъ. Сочиненія, т. VI, стр. 648.

«Въ качествѣ великаго князя Павелъ Петровичъ имѣлъ великолѣпные апартаменты въ Зимнемъ дворцѣ, а также во дворцѣ царскосельскомъ. Всѣ высшіе чины ихъ двора, равно какъ и прислуга, принадлежали къ штату императрицы, поочередно дежурили въ обоихъ дворцахъ, при чемъ всѣ издержки уплачивались изъ кабинета ея величества... Кромѣ названныхъ апартаментовъ у великаго князя былъ еще очень удобный дворецъ—Каменно-островскій... кромѣ дворца на Камennомъ Островѣ онъ имѣлъ еще великолѣпный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ 24 верстахъ отъ Царскаго Села. Къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень. Супруга великаго князя имѣла такое же имѣніе въ Павловскѣ съ обширными парками и богатыми деревнями» ¹⁾.

Воспоминанія Головкина подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, сообщенные Саблуковымъ. «Онъ (Павелъ I) не несъ никакихъ расходовъ и получалъ 175,000 рублей, а великай княгиня 70,000 рублей. Когда онъ предпринималъ большія постройки, императрица снабжала его материалами, по его выбору, и деньгами... онъ имѣлъ придворный штатъ такой же, какъ императрица ²⁾. «Великій князь Александръ въ первый же годъ понялъ насколько его участъ отличается отъ участіи императора (Павла I), когда онъ находился въ тѣхъ же условіяхъ. Ему опредѣлили доходъ въ 500,000 рублей, а великой княгинѣ 150,000 рублей, но кромѣ помѣщенія ему ничего не давали. Онъ имѣлъ свой дворъ, свой столь, свою конюшню и все это долженъ былъ оплачивать самъ ³⁾.

Нельзя не согласиться съ графомъ Головкінимъ, хорошо знавшимъ жизнь; о материальномъ положеніи Павла Петровича онъ говоритъ: «Кажется, что въ тѣй странѣ, какъ Россія, такое содержаніе было выше всякихъ претензій (*au-dessus de toutes pretentions*). Но жалобы и недовольства (*l'insipieur*) были постоянны, приближенные и молодой дворъ издавали громкій крикъ и имъ позволяли кричать» ⁴⁾.

Итакъ, по оцѣнкѣ графа Головкина, человѣка безспорно компетентнаго въ этихъ вопросахъ, Павелъ Петровичъ въ материаль-

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 4, 5, 9 и 10.

²⁾ La cour et le regne de Paul. I p. 104.

³⁾ Id. p. 152.

⁴⁾ Id. p. 194, 105.

номъ отношеніи былъ обставленъ лучше, чѣмъ онъ устроилъ своего старшаго сына. Очевидно, что 175,000 рублей на карманнѣе расходы сумма громадная. Ни одинъ наследникъ русскаго престола не былъ обставленъ такъ роскошно, какъ Павелъ Петровичъ: у него было три собственныхъ дворца, при чемъ два изъ нихъ были подарены ему и его супругѣ Екатериною II и устроены по его собственному вкусу; ни одинъ наследникъ русскаго престола не обладалъ такими средствами, чтобы устраивать себѣ загородные дворцы по своему вкусу.

Едва ли можно упрекать Екатерину II за то, что она была недовольна, что Павелъ Петровичъ занялъ деньги и не отдалъ ихъ Сутерланду; по словамъ Державина, «зачала жаловаться, что мотаетъ, строить такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ; не знаю, что съ нимъ дѣлать»¹⁾). Неуплаченный Павломъ Петровичемъ долгъ Сутерланду уплатило государственное казначейство.

Неизвѣстно, на что собственно такъ много денегъ тратилъ Павелъ Петровичъ; мы знаемъ лишь, что онъ тратилъ деньги «на строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ», на гатчинскую армію и помогалъ родственникамъ своей супруги. Безспорно, что онъ очень скучо вознаграждалъ гатчинцевъ изъ собственныхъ средствъ; гатчинцы ждали того счастливаго для нихъ момента, когда вся Россія станетъ ихъ добычей; ихъ долготерпѣніе было вознаграждено съ лихвой: въ кратковременное царствованіе Павла I было раздано около 600,000 душъ: часть этой добычи досталась гатчинцамъ.

Въ это царствованіе души раздавались такъ щедро, что уже въ 1800 г. «за раздачею скоровременно и безразсудно кому ни попало, русскихъ казенныхъ дворцовыхъ крестьянъ и польскихъ арендъ при восшествіи на престолъ и коронаціи, нечѣмъ уже было награждать истинныхъ заслугъ и прямыхъ достоинствъ; то и ожидали наполненіе ущерба отобраніемъ арендныхъ ста-роствъ»²⁾). Державинъ гордится, что онъ не допустилъ этой несправедливости.

Этотъ государственный человѣкъ, занимавшій въ концѣ царствованія Павла I постъ государственного казначея, такъ харак-

¹⁾ Сочиненія, т. 6, стр. 632.

²⁾ Op. cit., стр. 729.

теризуетъ тогдашнюю финансовую систему, если можно такъ выразиться: казна «такъ безмѣрными издержками истощена была и безпрестанно истощалась, что недоставало не токмо остаточныхъ казначейства суммъ, но самыхъ давныхъ недоимокъ и долговъ казенныхъ, на счетъ коихъ принуждены были печетать новыя ассигнаціи и удовлетворить императора, который не хотѣлъ вѣрить, что казна его въ крайнемъ недостаткѣ. Въ два мѣсяца тогда, сверхъ всѣхъ статныхъ и остаточныхъ суммъ, издержано было болѣе 6 миллионовъ рублей, какъ на посылку въ Индію донскихъ казаковъ, на строеніе Казанской церкви, и прочія подобныя затѣйливыя издержки». Въ виду отчаяннаго положенія государственного казначейства, Державинъ «рѣшился подать до-кладъ императору и подалъ, чтобы напечатать миллионовъ 40 ассигнацій, скупить ими на биржѣ находящіеся купеческие товары и тѣмъ, ожививъ внутреннюю торговлю, воспользоваться сколько-нибудь отъ нихъ пошлинами. Но за смертю императора, въ ту ночь случившеюся сего доклада не вышло»¹⁾). По этому поводу можно сказать, не боясь обвиненія въ злоупотребленіи заѣзженнымъ выражениемъ: всякія комментаріи тутъ излишни.

Павелъ Петровичъ нуждался въ деньгахъ, хотя былъ обстав-ленъ своею матерью очень роскошно, потому что не умѣлъ ими распоряжаться; къ сожалѣнію, немало очень богатыхъ людей нуждаются въ средствахъ, потому что, не обладая вниманіемъ, не умѣютъ согласовать свои расходы съ доходами. Люди съ слабою волею всегда нуждаются въ деньгахъ, а Павелъ I именно былъ надѣленъ очень слабой волею.

Мы не знаемъ, почему мудрая императрица предоставила полное даровое содержаніе своему сыну, дарила ему дворцы и имѣнія, но не выдавала ему всего содержанія чистыми деньгами, какъ то сдѣлалъ Павелъ I съ своимъ старшимъ сыномъ. Возможно, что она боялась давать большія деньги на руки своему сыну, опасаясь «дѣйства». Конечно, она знала, что онъ не способенъ на смѣлое предпріятіе, но также отлично знала, какъ слаба его воля, и потому, по наущенію интригана, онъ могъ бы надѣлать много безразсуднаго. Также возможно, что проницательная государыня понимала, что ея сынъ не способенъ сообразовать свои расходы съ доходами, и потому, если бы онъ

¹⁾ Id., стр. 752 и 753.

самъ велъ свое хозяйство, могъ надѣлать массу долговъ, которые пришлось бы уплачивать казнѣ.

Кратковременное царствование Павла I вполнѣ доказало, что онъ рѣшительно не былъ способенъ къ благоразумной экономіи, что онъ быстро растратилъ государственные имущества и привелъ финанссы страны въ отчаянное положеніе. Намъ хорошо известно, что и государственные имущества, и деньги были истрачены безъ всякой пользы для будущаго страны; для ея процвѣтанія ничего не было сдѣлано, война велась не за реальные интересы. Конечно, можно примириться съ дурными финансами, если были произведены большиe расходы на завоеванія, на полезныя постройки и т. п., но именно въ это царствованіе средства тратились такъ же, какъ и въ Гатчинѣ, на то, въ чемъ «нужды нѣтъ».

Несомнѣнно, что на себя Павелъ I не жалѣлъ государственныхъ средствъ; пожелавъ имѣть замокъ, въ которомъ онъ былъ бы «à l'abri d'un coup de main», онъ истратилъ громадную сумму на постройку Михайловскаго дворца, который обошелся бы гораздо дешевле, если бы Павелъ I не спѣшилъ его постройкой. Этотъ неуютный и некрасивый дворецъ свидѣтельствуетъ о безвкусіи и расточительности Павла I ошибочно полагавшаго, что рвы, подъемные мосты и т. п. дадутъ ему ту безопасность, которыми пользовалась его мать; но ее охраняли «любовь, благодарность и удивленіе» русскаго народа¹⁾.

Павелъ Петровичъ былъ надѣленъ подвижнымъ организмомъ; его тѣло нуждалось въ движениі, тяготилось покоемъ; онъ всю жизнь, такъ же какъ и въ дѣтствѣ, все дѣлалъ скоро, всегда много двигался, тяготился покоемъ; онъ даже спалъ немного, менѣе 8 часовъ въ сутки. Это свойство его организаціи вполнѣ объясняется его тѣлосложеніемъ; всѣ современники этого государя утверждаютъ, что онъ былъ крайне худощавъ, ловоkъ, подвиженъ и хорошо переносилъ физическія утомленія. Павелъ Петровичъ очень тяготился бездѣятельностью, и всѣ лица ему подчиненные весьма тяготились его подвижностью и неутомимостью. Казалось бы, что человѣкъ столь подвижный, постоянно ищущій дѣятельности, долженъ быть бы увлекаться спортомъ, но Павелъ I не былъ спортсменомъ; онъ не любилъ охоты, катанья

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 4.

на лодкѣ, гимнастики и т. п. Правда, онъ много Ѵздила верхомъ, но лихимъ наездникомъ не былъ.

Эта неспособность Павла Петровича заниматься спортомъ имѣть важное значеніе для пониманія его характера. Чтобы быть спортсменомъ, нужно терпѣніе, нужна настойчивость, а этихъ качествъ онъ былъ лишенъ. Всякій спортъ—это систематическая дѣятельность, требующая настойчиваго упражненія; во всякомъ спорѣ неизбѣжны неудачи; спортъ это упорядоченная дѣятельность¹⁾. Павелъ Петровичъ не имѣлъ терпѣнія, не умѣлъ переносить неудачъ, не обладалъ настойчивостью и потому не могъ быть спортсменомъ. Ему все скоро надоѣдало, онъ не умѣлъ даже въ мелочахъ жертвовать настоящимъ для будущаго, не умѣлъ заниматься чѣмъ-либо серьезно и систематически, а потому, жалуясь на праздность, не могъ найти развлечений даже въ спорѣ.

Павелъ Петровичъ никогда не увлекался карточной игрой; онъ игралъ въ карты немного, безъ большого удовольствія. По своему положенію онъ не могъ играть въ азартныя игры; къ тому же онъ не былъ надѣленъ смѣлостью. Коммерческими играми, при его подвижности, онъ также не могъ увлекаться; у него не было терпѣнія необходимаго, чтобы мастерски играть въ эти игры.

Павлу I наибольшее удовольствіе доставляли «офицерскія мелкости» и торжественные церемоніи.

Эти два занятія поглощали у него много времени, и онъ пользовался всякимъ подходящимъ случаемъ, чтобы устроить смотръ, военное ученіе или торжественную церемонію, въ которой ему воздавалась почесть.

Екатерина II, хорошо понимавшая, что увлеченіе «офицерскими мелкостями» не только неприлично для русскаго государя, но даже вредно и для государства, и для самого государя, приняла по воцаренію всѣ мѣры, чтобы ея сынъ не походилъ въ этомъ отношеніи на Петра III. Н. И. Панинъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія императрицы, такъ же какъ и его сотрудники по воспитанію Павла Петровича. Почтенные воспитатели цесаревича не только не старались развивать у него вкусъ къ военному дѣлу,

¹⁾ Levy (*Psychologie du Caractère*, p. 192) вполнѣ правильно считаетъ спортсменовъ людьми, недѣленными большой волей. Интересно мнѣніе Тарда о психологіи спорта въ *Compte-Rendu de IV Congrès de Psychologie*, pp. 269, 270.

но употребляли всѣ усилия, чтобы онъ понялъ всю ничтожность смотровъ и парадовъ, чтобы у него не было интереса и любви къ «офицерскимъ мелкостямъ». Порошинъ пишетъ (I. X. 1764): «положилъ я въ себя твердо, чтобы государю къ этимъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государствкія величости достойнымъ».

Усилия воспитателей не имѣли успѣха.

Екатерина II не давала строевыхъ должностей своему сыну, убѣдившись, что онъ съ увлечениемъ отдается «офицерскимъ мелкостямъ», запальчивъ и требователенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина II не поручала команды своему сыну не изъ опасенія «дѣйства»: она очень хорошо знала его и была такъ любима гвардіей, что бояться ей было нечего. Навѣрное, полкъ, ввѣренный Павлу Петровичу, бытъ бы очень недоволенъ строгостью и запальчивостью цесаревича, и потому совершенно не опасенъ для Екатерины II.

До сихъ поръ никто не пытался объяснить странной любви Павла Петровича къ парадамъ и ученьямъ. Императрица Елизавета Петровна не принимала систематическихъ мѣръ, чтобы отвадить своего племянника отъ «офицерскихъ мелкостей»; но всѣ усилия Екатерины II въ этомъ направленіи, какъ по отношенію къ сыну, такъ и двумъ старшимъ внукамъ, остались совершенно безуспѣшны, и воспитанники Лагарпа едва ли не превосходили въ этомъ отношеніи воспитанника Н. И. Панина. Марія Федоровна также дѣлала все возможное, чтобы ея младшіе сыновья не походили въ этомъ отношеніи на своего отца, но добродѣтельная Марія Федоровна не была счастливѣе мудрой Екатерины II.

Казалось, можно было бы эту склонность къ плацъ-парадамъ считать наслѣдственной, слѣдовательно—врожденной, такъ одинаково понимали и любили элементарные военные упражненія Павель Петровичъ и Константинъ Павловичъ, вообще болѣе своихъ братьевъ походившій на отца. И отецъ, и сынъ любили ученья, парады, рѣшительно не понимали сути военного искусства, думали, что война портитъ армію, не могли быть военно-начальниками по недостатку мужества.

Однако, психологически любовь къ «офицерскимъ мелкостямъ» явленіе столь сложное, что рѣшительно невозможно считать ее

наследственной или врожденной. До сихъ поръ намъ неизвѣстно унаслѣдованіе столь сложныхъ психическихъ явлений, хотя безспорно, что эта склонность проявляется очень рано и можетъ достигать большой интенсивности.

Врожденными мы должны считать главные элементы этой склонности, чѣмъ и объясняется раннее ея проявленіе, а потому прежде всего нужно установить эти элементы.

Любить офицерскія мелкости могутъ лица, надѣленныя хорошимъ здоровьемъ, подвижныя, неспособныя къ усидчивой работе, къ однообразному настойчивому труду. Естественно, что здоровый человѣкъ имѣеть потребность въ движеніяхъ, въ новыхъ впечатлѣніяхъ, въ смѣнѣ чувствованій и настроеній.

У здороваго человѣка, любящаго трудъ, размышеніе, напряженіе мысли, чуткаго къ добру, къ красотѣ, склонность къ «офицерскимъ мелкостямъ» не можетъ достигать значительной степени, потому что это однообразное занятіе, эта однообразная смѣна поверхностныхъ чувствованій ему скоро надоѣсть, и онъ послѣ непродолжительного увлечения плацъ-парадами займется чѣмъ-либо другимъ. Но если здоровый, подвижной человѣкъ не способенъ къ настойчивой работе, къ самостоятельной энергической дѣятельности, не имѣеть никакихъ серьезныхъ интересовъ, не любитъ ни науки, ни искусства, не одаренъ храбростью, онъ можетъ отлично наполнять свою жизнь «офицерскими мелкостями». На плацъ-парадѣ онъ имѣеть достаточную для него сумму движеній, его органы чувствъ заняты; онъ то радуется, когда солдаты маршируютъ хорошо, то сердится и огорчается, когда эволюціи не удаются.

Наконецъ и это, по моему мнѣнію, главное—любитель офицерскихъ мелкостей не несетъ отвѣтственности, которой нельзя избѣжать при другихъ занятіяхъ, напр., спортѣ, карточной игрѣ и т. п. Охотникъ, возвращающійся съ охоты съ пустыми руками, несетъ наказаніе за свое неумѣніе, кавалеристъ, неудачно перескочившій барьеръ, расшибается, вызываетъ насмѣшки и т. п.; любитель ученій и парадовъ не несетъ никакой отвѣтственности; всегда оказываются виноватыми подчиненные офицеры и солдаты. Мало того, человѣкъ, любящій взыскивать, распекать, наказывать—а такихъ очень много—при плохомъ исполненіи построеній и равенія, такъ сказать, даромъ, получаетъ совершенно незаслуженные имъ наслажденія. Любитель «офицерскихъ

мелкостей» никогда не считаетъ виноватымъ самого себя; всегда виноваты другіе, и ему въ награду за неудовольствіе, доставленное неудачной эволюціей, предоставляемъ немалое удовольствіе—распечь или наказать того, кто ему доставилъ неудовольствіе.

Очевидно, что нѣтъ фактической возможности объяснить командиру, а любители офицерскихъ мелкостей всегда только любятъ командовать, что неудачное построеніе произошло по его винѣ; во-первыхъ, никто не смѣеть учить начальника, а во-вторыхъ, дѣйствительно трудно доказать, что неудача обусловлена неясно отаннымъ приказаніемъ, трудностью его исполненія и т. п..

Самое убѣдительное доказательство—пораженія на войнѣ—не можетъ убѣдить такого эзерцирмейстера въ его неспособности; виноватыми оказываются генералы, плохо усвоившіе его уроки, и Павель I, послѣ пораженія Корсакова и Германа, усвоившихъ его уроки, не отказалъ себѣ въ удовольствіи въ приказѣ выставить виновными въ неудачахъ ни въ чемъ неповинныхъ генераловъ финляндской инспекції; въ этомъ приказѣ ясно просвѣчивается мысль, что виноватъ не глава арміи, а плохіе исполнители его наставлений.

Въ приказѣ отъ 10 августа 1880 г. Павель I ясно проявилъ желаніе свалить вину пораженія на другихъ, оскорбить тѣхъ, кого считалъ виновными. «Его императорское величество даетъ на замѣчаніе генераламъ финляндской инспекції, что видѣли они сами сколь далеко они и отъ того, даже чтобы быть имъ генералами посредственными, и что они пока будутъ таковы, вездѣ конечно и всѣми будутъ биты». Павель I лишь откровенно высказалъ въ этомъ приказѣ то, что обычно думаютъ лица, боящіяся ответственности и потому съ удовольствіемъ сваливающія свою вину на другихъ.

Такъ какъ побѣждать могутъ только войска, забывшія объ урокахъ любителей «офицерскихъ мелкостей», то даже побѣды не доставляютъ большой радости этимъ лицамъ; войска, забывшія ихъ уроки, имъ непріятны—значить война портить войско. Павель Петровичъ даже не сумѣлъ, да и не находилъ нужнымъ скрывать свое нерасположеніе къ умиравшему Суворову, провинившемуся въ томъ, что онъ побѣждалъ не по гатчинской системѣ.

Конечно, любители «офицерскихъ мелкостей» ничего общаго не имѣютъ съ лицами любящими военное дѣло; истинный воинъ

не избѣгаетъ отвѣтственности и потому любить не плацъ-парады, а войну, гдѣ получаетъ и награду за свои труды, и несетъ тяжелую отвѣтственность за свои ошибки. Истинныес воины не любятъ «офицерскихъ мелкостей», и если ими занимаются, то лишь выходя изъ убѣжденія въ ихъ необходимости.

Принцъ Евгений Бюртембергскій вполнѣ правильно ставилъ Фридриху Великому въ вину то, что онъ привилъ королямъ и принцамъ вкусы къ капральству. Поразительные, просто невѣроятные успѣхи, достигнутые при самыхъ ничтожныхъ средствахъ этимъ королемъ-философомъ, его выдающаяся личность такъ импонировали многимъ, что дѣйствительно онъ привилъ «вкусъ къ капральству». Поверхностные наблюдатели не могли понять дѣйствительныхъ причинъ успѣховъ Фридриха II, не могли подражать ему ни въ чемъ, кромѣ капральства, и естественно, что такой великий человѣкъ создалъ подражателей. Мудрость и административная дѣятельность Фридриха II была и непонятна, да и подражать ей было не по силамъ; обмундировать и обучать на плацъ-парадѣ такъ, какъ это дѣлалъ Фридрихъ II, было не трудно; создалось подражаніе, мода, такъ дорого стоявшая Россіи.

Павелъ I вѣрилъ, хотя можетъ быть и не совсѣмъ, Дибичу (отцу фельдмаршала), когда этотъ тупой лѣстецъ выкрикивалъ, что русскія войска стали наконецъ совсѣмъ похожи на войска Фридриха II, что если бы этотъ великий король возсталъ изъ гроба, онъ пришелъ бы въ восторгъ отъ войска Павла I и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, кому же не пріятно походить и даже сравняться съ величайшимъ человѣкомъ своего вѣка; для достиженія такого счастія требовалось очень мало, въ сущности даже рѣшительно ничего: одѣть и обучать солдатъ такъ, какъ это дѣлалъ Фридрихъ II.

Вотъ изъ какихъ элементовъ складывалась любовь Павла I къ военнымъ ученьямъ и парадамъ; въ этой любви проявлялись основные свойства характера этого государя. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могъ заниматься кромѣ «офицерскихъ мелкостей» Павель Петровичъ до восшествія на престолъ? Только на смотрахъ, на вахтахъ-парадахъ, онъ могъ имѣть доступныя ему удовольствія, не неся никакой отвѣтственности. Каждому пріятно заниматься дѣломъ, которое ему по силамъ, которое онъ постигъ въ совершенствѣ.

Справедливость данного объяснения вполнѣ подтверждается поведениемъ Павла I на военномъ кораблѣ. Государь понималъ, что онъ долженъ оказать вниманіе своему флоту и рѣшилъ въ 1797 г.ѣхать на фрегатѣ изъ Кронштадта въ Ревель; онъ явился на фрегатъ съ большой свитой, среди которой были Нелидова и Трощинскій. «Междудѣмъ, хотя въ совершенной праздности не предстояло никакихъ дѣлъ, однакожъ императоръ показывалъ видъ дѣятельной заботливости; т.-е. онъ не только по утру и вечеру часто, но даже и во время обѣда, вставая неоднократно изъ-за стола, выходилъ наверхъ, какъ будто для какихъ-либо нужныхъ распоряженій или обозрѣній». Наконецъ, Павелъ I по-желалъ, чтобы корабли построились по его вкусу; когда Шишковъ объяснилъ, что это невозможно, «но, повидимому, не вразумясь хорошенъко, сердитымъ голосомъ сказалъ: «Что мнѣ нужны до вашихъ, чертежей! я хочу, чтобы дѣлали то, что я велю». Понятно, что желанія государя оказались рѣшительно неисполнимыми, и онъ потерялъ всякий интересъ къ морскимъ маневрамъ.

Прохожденіе кораблей мимо фрегата, на которомъ находился государь, привели его въ «безпокойство» и «страхъ». Морская качка такъ тяготила его, что Павелъ I «отмѣнилъ намѣреніе свое идти въ Ревель и возвратился въ Кронштадтскій рейдъ»¹⁾.

Слѣдовательно, истинной, серьезной любви къ военному дѣлу не было: Павелъ I увидѣвъ, что на морѣ онъ по своей неподготовленности не можетъ командовать, никогда болѣе не садился на корабль. Хотя онъ и не могъ не понимать громаднаго значенія флота, однако не постарался изучить этого дѣла, не смогъ даже перенести морской качки. Морскіе маневры не могли доставлять Павлу I того удовольствія, которое онъ испытывалъ на плацѣ парадахъ: не было возможности суетиться, кричать, распекать, командовать; на кораблѣ угрожали боязливому человѣку опасности; наконецъ, на морѣ бываетъ качка. Однимъ словомъ, на морѣ требовалась серьезная работа, а къ ней этотъ несчастный государь не былъ способенъ; на морѣ была очевидна ответственность за неразумныя распоряженія.

Усиленныя занятія Павла Петровича гатчинской арміей можно объяснить его праздностью и, наконецъ, желаніемъ, имѣть пре-

¹⁾ Шишковъ. Записки, т. I, стр. 27—35.

данныхъ себѣ людей. М. Н. Муравьевъ совершенно правильно выразился о нихъ такъ: «Гатчинцы, это опричники въ царствованіе Павла I»¹⁾. Нельзя отрицать, что гатчинцы, какъ опричники, были полезны Павлу I, и поэтому гатчинская армія имѣла свой *raison d'être*; съ ея помощью можно было «*mener ces gens là*». Ночью 11 марта 1801 г. преображенцы занимали внутренній караулъ. «Когда солдаты услышали шумъ и крикъ, то стали роптать. Маринъ, послѣ многихъ повтореній: «смирно», прибѣгнулъ къ другому средству, онъ скомандовалъ: «старые Екатерининскіе гвардейцы впередь!» и когда тѣ выступили, онъ присовокупилъ «ежели эти негодяи гатчинскіе пикнутъ хоть слово, то въ штыки ихъ, ребята!» Безъ сомнѣнія караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было не гатчинскихъ»²⁾.

Съ гатчинскими офицерами въ эту ночь справились гораздо легче. «Въ Измайловскомъ полку довольствовались тѣмъ, что послали нѣкоторыхъ офицеровъ напоить пьянѣе обыкновенного командаира полка генераль-лейтенанта Мамотина, и этотъ пропилъ своего благодѣтеля. Командиръ лейбъ-гусарскаго полка, генераль-лейтенантъ Кологривовъ... тоже прогулялъ всю ночь съ пріятелями»³⁾. По отношенію къ гатчинскимъ офицерамъ этого крайне простого способа было вполнѣ достаточно; серьезной борьбы или хитрыхъ мѣръ они не заслуживали, потому что «Гатчинскіе офицеры были бродяги, выгнанные за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все переносить изъ-за куска хлѣба; гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести; имъ нерѣдко придаютъ охоту къ службѣ палкой»⁴⁾. Такжѣ о гатчинцахъ отзывался Вигель; по его словамъ «между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые»⁵⁾.

Если до воцаренія Павелъ Петровичъ имѣлъ право со страстью отдаваться «офицерскимъ мелкостямъ», то, безспорно, на престолѣ онъ имѣлъ много серьезнаго дѣла, и долженъ былъ отказаться отъ любимаго времяпрепровожденія, потому что, какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Панчулидзевъ, Павелъ I «военный за-

1) Рассказы М. Н. Муравьева. Русскій Архивъ. 1888, т. XI, стр. 371.

2) Schiemann. Op. cit., S. 287.

3) Id., S. 285.

4) Жизнь Пишекевича, стр. 216.

5) Т. I, стр. 90.

бавы и упражненія считалъ самымъ важнымъ дѣломъ монарха и весьма часто подвергалъ опасности свое достоинство самодержца, превращаясь въ самаго зауряднаго и мелочного экзерцирмейстера»¹⁾.

«Военные забавы и упражненія» были просто любимымъ занятіемъ этого несчастнаго государя; о серьезномъ и плодотворномъ преобразованіи арміи нельзя даже говорить при томъ режимѣ, когда главнымъ дѣломъ былъ вахтъ-парадъ. «Императоръ, несмотря ни на какую погоду, каждый день выходилъ къ разводу, рѣдко когда безъ ученія»²⁾.

«На вахтъ-парадахъ подъ барабанный бой объявлялась война, заключался миръ, диктовались трактаты, писались грозныя и милостивыя повелѣнія; толпами съ вахтъ-парада развозили людей въ ссылку, на всегдашнее заточеніе въ крѣпости и въ монастыри, и жаловали чинами, орденами, раздавали земли и крестьянъ, чтобы улучить счастливую минуту, когда Павель Петровичъ былъ веселъ, доволенъ вахтъ-параднымъ ученьемъ, когда баталіонъ зашелъ повзводно ровно; офицеры громко и протяжно проревѣли «стой! равняйся!» Павель Петровичъ возгласилъ «по чаркѣ вина, по фунту говядины, по рублю на человѣка» и началъ напѣвать любимую пѣсню: «Ельникъ мой ельникъ, частый мой березникъ, люшенки—люли!» Эту минуту должно было ловить, въ эту минуту Павель Петровичъ былъ милосердъ и доступенъ, терпѣливо каждого выслушивалъ, поступалъ кротко и правосудно»³⁾.

Можно поэтому повѣрить слѣдующему сообщенію Головкина: На первомъ же приемѣ (cercle) дипломатовъ, который былъ при этомъ государѣ (Павлѣ I), онъ сказалъ собравшимся... Я только солдатъ; я не вмѣшиваюсь ни въ администрацію, ни въ политику; я плачу Безбородко и Куракину, чтобы они занимались этими вещами⁴⁾. Дѣйствительно, этотъ несчастный государь съ любовью занимался только офицерскими мелкостями, и Порошину не удалось «пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великолѣтия достойнымъ».

«Страсть Павла I къ церемоніямъ почти равнялась той, которую онъ обнаруживалъ къ военному дѣлу. Вечеромъ и утромъ

¹⁾ Op. cit., p. 216.

²⁾ Воспоминанія Лубяновскаго. Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 152.

³⁾ Записки А. М. Тургенева. Русская Старина, 1895, т. V, стр. 47.

⁴⁾ Op. cit., p. 129.

онъ находилъ какой-нибудь предлогъ держать дворъ въ сборѣ. Церковные праздники, дни рожденія членовъ императорской фамилии, орденские праздники всего этого ему было мало... Цѣловали ему руку, опускались на колѣни по всякому поводу, и не только для формы; требовалось, чтобы императоръ слышалъ ударъ колѣней о полъ и ощущалъ поцѣлуй на своей руцѣ». Графъ Головкинъ вѣрно подмѣтилъ эту страсть Павла и подробно описалъ, до какой невѣроятной степени она достигала и въ какихъ уродливыхъ формахъ проявлялась. Онъ увѣряетъ, что коронационная торжественная церемонія такъ утомили всѣхъ, что дамы и кавалеры, не имѣя права сидѣть, стояли облокотившись о стѣны. Павелъ I устроилъ двѣ торжественные репетиціи коронованія¹⁾.

То же самое свидѣтельствуетъ графиня Головина. «Императоръ точно удовлетворялъ своей долго сдерживаемой страсти и впадалъ въ мелочность. Можно было сказать, что Павелъ I похожъ былъ иногда на тщеславное частное лицо, которому разрѣшили играть роль государя, такъ что онъ и спѣшилъ насладиться удовольствіями, пока у него ихъ не отняли». «Дворъ присутствовалъ на обѣдѣ въ понедѣльникъ и во вторникъ на Святой въ различныхъ соборахъ Кремля, а начиная со среды ихъ величества, въ продолженіе болѣе двухъ недѣль, проводили каждое утро на тронѣ въ большой залѣ, принимая поздравленія. Императоръ находилъ, что было слишкомъ мало представлявшихся лицъ. Императрица повторяла безпрестанно, будто слышала отъ императрицы Екатерины, что во время ея коронаціи толпа, цѣловавшая ея руку, была такъ велика, что рука ея величества даже распухла, и императрица Марія выражала неудовольствіе, что рука ея не пухнетъ»²⁾. Мы вполнѣ можемъ повѣрить, что такая мелочность вызывала насмѣшки, о которыхъ говоритъ наблюдательная гр. Головина.

Когда не было повода къ новымъ церемоніямъ, а обыкновенныя уже нѣсколько надоѣли, Павелъ I съ удовольствіемъ принялъ званіе гроссмейстера Мальтійского ордена. Удовольствія, доставляемыя церемоніями и новыми торжественными одѣяніями, были такъ сильны, что этотъ государь, такъ много и постоянно

1) Op. cit., pp. 134, 144, 148.

2) Op. cit., p. 110, 111.

величавшійся своимъ могуществомъ, принялъ съ восторгомъ предложенное ему нѣсколькими авантюристами званіе, недостойное русскаго монарха. Конечно, Павелъ I зналъ, что даже маленькие короли считали ниже своего достоинства баллотироваться на должность гроссмейстера Мальтійскаго ордена, что эту должность всегда поручали дворянамъ, а не владѣтельнымъ особамъ, что, наконецъ, онъ не былъ избранъ установленнымъ порядкомъ; но ради церемоній, онъ принялъ это званіе. Его благочестіе не было возмущено тѣмъ, что онъ «глава церкви», конечно, православный, отецъ семейства, сдѣлался—по крайней мѣрѣ какъ онъ думалъ—главою католическаго, монашескаго ордена.

Конечно, даже такой очевидно странный поступокъ можно, при извѣстномъ желаніи, объяснить высшими соображеніями. «Однако рѣшеніе сдѣлаться Мальтійскимъ гроссмейстеромъ скрывало въ себѣ честолюбивую, но высокую цѣль, которая могла бы оказаться весьма плодотворною, если бы могла быть достигнута. Цѣль эта была доставить русскому флоту надежную стоянку въ Средиземномъ морѣ»¹⁾. Однако, Павелъ I рѣшительно ничего не предпринялъ для пріобрѣтенія Мальты; онъ, конечно, понималъ, что для этого дѣла необходимъ флотъ, а самъ не могъ превозмочь себя даже настолько, чтобы проѣхать отъ Кронштадта до Ревеля: морская качка заставила его сойти на сушу. Слѣдовательно, все ограничилось лишь принятиемъ званія Мальтійскаго гроссмейстера, церемоніями, новыми одѣяніями, и притомъ, что всего важнѣе, именно эти обидныя для нашего национальнаго достоинства комедіи доставляли величайшее наслажденіе Павлу I и обогатили гр. Литта.

Павелъ I съ такимъ наслажденіемъ отдался церемоніямъ по поводу принятія званія мальтійскаго гроссмейстера, съ такимъ наслажденіемъ надѣвалъ на себя одѣнія гроссмейстера и одѣвалъ приближенныхъ въ новую форму, созданную по этому поводу, что совершенно увлекся новою ролью, съ крайней мелочностью преслѣдовалъ настоящаго гроссмейстера Гомпеша, грубо оскорбилъ баварскаго посланника и угрожалъ репрессіями баварскому курфюрсту. Головкинъ прекрасно характеризуетъ дѣятельность

¹⁾ Записки гр. Рибопьера. Русскій Архивъ. 1877, стр. 481. Этотъ взглядъ гр. Рибопьера раздѣляетъ Панчулидзевъ. Исторія кавалергардовъ. Т. II, стр. 175.

Павла I, какъ гроссмейстера: «enfin jamais délire ne fut plus complet, ni ne produisit en moins de temps autant d'actes illégaux et ridicules»¹⁾.

Безспорно, что ни одинъ монархъ не любилъ такъ церемоній, какъ Павелъ I; въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ исключительное положеніе во всемирной исторіи. Крайняя подвижность, впечатлительность, большая скорость въ сочетаніи представлений, рядомъ съ крайне слабымъ вниманіемъ, и потому неспособностью къ систематическому и серьезному труду— все это, конечно, вполнѣ объясняетъ любовь къ церемоніямъ у лица, которому мало доставляли удовольствія физическая наслажденія. Конечно, значительную роль играло тщеславіе самое поверхностное, неправильное пониманіе могущества русскаго государя. Въ данномъ случаѣ мы находимъ приблизительно тѣ же элементы этой страсти у тщеславныхъ женщинъ, больше всего на свѣтѣ любящихъ всевозможныя церемоніи, на которыхъ онѣ являются въ блестящихъ туалетахъ. Имъ кажется, что эти туалеты увеличиваютъ ихъ значение, что онѣ такимъ образомъ становятся болѣе важными; вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно проходитъ время въ переодѣваніяхъ, въ показываніи себя и т. п. Если бы Павелъ I любилъ жизненные наслажденія, онъ не имѣлъ бы столько времени и охоты возсѣдать на тронѣ, принимать привѣтствія и т. п.

Павелъ I всегда держалъ себя театрально-торжественно, и это постоянное проявленіе, хотя бы внѣшней стороны, своего величія доставляло ему такъ много удовольствія, что онъ мирился съ тѣмъ утомленіемъ, которое вызывалось напряженнымъ положеніемъ туловища и неестественной походкой.

Чарторыжскій, описывающій страсть Павла I къ церемоніямъ, совершенно такъ же, какъ гр. Головина и гр. Головкинъ утверждаетъ: «когда Павелъ I появлялся публично, онъ ходилъ отмѣренными (*cadancés*) шагами, какъ бы обутый въ котурны; онъ вытягивался, чтобы казаться выше; когда онъ возвращался во внутренніе апартаменты, онъ уже шелъ какъ и всѣ люди, и видна была усталость, вызванная усилиями казаться величавымъ и милостивымъ²⁾). Это постоянное разыгрываніе роли вошло въ

1) Op. cit., p. 185.

2) Memoires. T. I, p. 147.

привычку, и въ послѣдній день своей жизни передъ своими двумя сыновьями и ничтожнымъ въ его глазахъ офицеромъ, «вошелъ Павелъ in propria persona въ сапогахъ и шпорахъ, со шляпой въ рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ. Александръ убѣжалъ въ собственный апартаментъ, Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющими по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, который встрѣтился съ медвѣдемъ»¹⁾.

Панчулидзевъ²⁾ говоритъ вполнѣ вѣрно: «Павелъ Петровичъ по самому свойству натуры своей и условіямъ всей предшествовавшей жизни не выносилъ подчиненія, не признавалъ никакой дисциплины для себя». Дѣйствительно, онъ подчинялся лишь внѣшней силѣ, то-есть не дѣлалъ того, что, по его мнѣнію, было для него опасно; но онъ признавалъ для себя дисциплину внѣшнюю, подчинялся всегда дисциплинѣ формы, одежды. Внѣшность для него была самая высшая сила, которой онъ подчинялся охотно, никогда не нарушалъ требованій этого единственного для него непреложного закона. Весь ужасъ полнаго безсилія состоитъ въ томъ, что вместо вѣчныхъ нравственныхъ законовъ человѣкъ охотно подчиняется закону о формѣ платья.

Любовь къ церемоніямъ объясняется и неправильнымъ пониманіемъ своего могущества, и душевной пустотой, и, наконецъ, презрѣніемъ къ «ces gens-là».

Безспорно, что значительную роль въ этой любви къ церемоніямъ играло презрѣніе къ «ces gens-là», имѣлось желаніе не только возвеличить собственную личность, но и показать «этому развращенному народу» его ничтожество. Этотъ мотивъ, нужно думать, лежалъ въ основѣ весьма оскорбительного и крайне неудобнаго для «ces gens-là» требованія Павла, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ всѣ снимали шляпы; «кто не успѣлъ выйти изъ экипажа, кто перѣхалъ дорогу императору—всѣхъ брали въ полицію: лошадей подъ артиллерию, людей наказывали палками. Господа трепетали, въ домахъ все приходило въ волненіе, ежели кто изъ домашнихъ не скоро возвращался домой. Старики и старухи не выпускали дѣтей и внучатъ и сами не выѣзжали въ то время, когда предполагали, что могутъ встрѣтъ».

1) Саблюковъ. Ор. cit.

2) Исторія кавалергардовъ. Т. II; стр. 171.

тить императора¹⁾. Вследствие своей подвижности Павелъ I часто показывался на улицахъ, и его не тяготило, что встреча съ нимъ была для всѣхъ очень непріятна. Нужно много безсердечія, чтобы доставить такія непріятности даже «ces gens-là» и потому тамъ, где такія почести государю считаются необходимыми, монархи рѣдко появляются на улицѣ, наприм., въ Китаѣ. Если Павелъ I въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что для престижа власти даже старухи при встречѣ съ государемъ должны выходить изъ экипажа и сбрасывать шубы, онъ долженъ былъ бы лишь въ особо важныхъ случаяхъ появляться на улицахъ; но ему доставляло удовольствіе проявлять свое величие и свою власть. Меня удивляютъ историки, вѣрящіе въ великодушіе и доброту Павла I.

XI.

Павелъ I не злоупотреблялъ половыми удовольствіями, не любилъ общества веселыхъ женщинъ. До вступленія въ бракъ, Павелъ Петровичъ имѣлъ связь со вдовою С. С. Чарторыжской; Castera сообщаетъ, что возникло опасеніе, что цесаревичъ мало расположенъ будетъ дать государству наследниковъ, и потому С. С. Чарторыжская испытала силу своихъ прелестей надъ Павломъ Петровичемъ²⁾. Родился сынъ, названный Семеномъ Великимъ; онъ умеръ въ 1794 г. Самый строгій моралистъ не рѣшился обвинять за этотъ грѣхъ Павла Петровича.

Валишевскій³⁾ говоритъ о связи Павла Петровича съ фрейлиной Шкуриной. Если даже такая связь дѣйствительно была, то все же, принимая во вниманіе нравы того времени, упрекать въ безнравственности Павла I мы не имѣемъ права.

Такую скромность мы не можемъ объяснить тѣмъ, что Павелъ I, постоянно высказывавшійся противъ распущенности, хотѣлъ подавать примѣръ своимъ современникамъ, стоять выше упрековъ. Мы знаемъ, что онъ обладалъ очень слабой волей и часто дѣлалъ то, что, по его мнѣнію, было дурно. Съ большой вѣроятностью добродѣтельное поведеніе Павла I объясняется слабостью его половыхъ желаній. Въ виду значительного пре-

¹⁾ Записки Вѣльяминова-Зернова. Schiemann, op. S. 273.

²⁾ Histoire de Catherine. Vol. II, p. 146.

³⁾ Le roman d'une imperatrice Catherine II. p. 532.

обладанія катаболическихъ процессовъ въ его организмѣ, даже трудно допустить, чтобы онъ имѣлъ сильныя половыя желанія.

Можно упрекать Павла I за одновременную связь съ Юрьевой и Лопухиной; смягчающимъ вину обстоятельствомъ слѣдуетъ считать то, что Лопухина долго не уступала желаніямъ Павла I; нужно принимать во вниманіе, какъ трудно устоять отъ грѣха, когда окружающіе употребляютъ всѣ ухищренія, чтобы угодить властелину.

Любовь къ женщинамъ не играла большой роли въ жизни Павла Петровича; сердечныя его увлеченія были не глубоки, и только его отношенія къ Нелидовой имѣли серьезный характеръ.

Крайне поучительно для педагоговъ то обстоятельство, что воспитателямъ Павла Петровича можно сдѣлать лишь одинъ упрекъ: они ничуть не старались сдерживать чувственность мальчика, и тѣмъ не менѣе единственное хорошее качество Павла Петровича—это его порядочность въ отношеніяхъ къ женщинамъ. Намъ не совсѣмъ понятны мотивы, на основаніи которыхъ воспитатели Павла Петровича не только не сдерживали чувственности мальчика, но даже болѣе чѣмъ снисходительно относились къ любовнымъ увлеченіямъ цесаревича.

3 октября 1765 г., т.-е. когда Павлу Петровичу исполнилось одиннадцать лѣтъ, разсказываетъ Порошинъ: «Шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснѣлъ онъ и отъ стыдливости изъ угла въ уголь изволилъ бѣгать; на конецъ изволилъ сказать: «Какъ я женюсь, то я жену свою очень любить и ревновать буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да то бѣда, что я очень рѣзвъ: намедни слышалъ я, что такихъ роговъ не видитъ и не чувствуетъ тотъ, кто ихъ носить». Очевидно, что при Павлѣ Петровичѣ много говорили объ этихъ щекотливыхъ вопросахъ, если онъ даже зналъ, что рогоносцы обыкновенно не знаютъ о своемъ несчастіи. 9 октября 1765 г., съ разрѣшеніемъ императрицы и въ сопровожденіи Орлова и Панина, Павелъ Петровичъ отправился посѣтить фрейлинъ, жившихъ во дворцѣ. «Возвратясь къ себѣ, изволилъ его величество съ особымъ восхищеніемъ рассказывать о своемъ походѣ и, кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: «отгадай, гдѣ я былъ сегодня?» Послѣ разсказовъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе поваливался. Потомъ читали Dictionnaire encyclopédique. Его высочество сыскалъ тамъ слово amour

и читалъ на него изъясненіе. Спрашивалъ Панинъ у его высочества, въ кого онъ нынѣ влюбленъ. Признавался его высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого не сказалъ. Наконецъ говорилъ Панинъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, ему сказалъ, давно ли онъ влюбленъ. На сie отвѣталъ его высочество, что въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ годъ будетъ. Спустя мѣсяцъ его высочество очень много танцевать изволилъ со своею любезной и махалъ весьма замѣтно. Признаться надобно, что сегодня она особенно хороша была и приступы его высочества не отбивала суровостью. Панинъ шутилъ надъ великимъ княземъ, какъ онъ прежде влюбленъ былъ въ княжну Хованскую, а нынѣ и играть комедіи *la fête d'Amour* съ ней не хочетъ». 19. X. 1765 Порошинъ отмѣтилъ, что Павелъ Петровичъ сталъ франтить, и говорить «*l'amour fait des prodigues*».

Лица, и таковыя составляютъ громадное большинство, вѣрящія въ силу педагогическихъ пріемовъ, могутъ только возмущаться такимъ попустительствомъ воспитателей Павла Петровича и, наприм., Шумигорскій¹⁾ находить нужнымъ, по поводу воспитанія этого государя, замѣтить: «окружавшее Павла общество не было лѣниво или непослушно въ странахъ Цитерскихъ и думало, что и онъ современемъ не будетъ такимъ; но все-таки потворствовать преждевременному развитію чувственности въ 10-лѣтнемъ мальчикѣ и распалять его воображеніе не слѣдовало ни при какой системѣ воспитанія».

Несомнѣнно однако, что ошибки воспитателей—если таковыя были, о чёмъ я судить не берусь—не имѣли дурныхъ послѣдствій, и Павелъ Петровичъ не заразился дурнымъ примѣромъ современниковъ. Вообще, всѣ самыя похвальныя старанія воспитателей Павла Петровича не исправили его недостатковъ, а ошибки воспитателей ему не повредили.

Павелъ любилъ четырехъ женщинъ, но только одна привязанность къ Нелидовой заслуживаетъ внимательного изученія.

«29 сентября 1773 г. состоялось бракосочетаніе Павла съ Натальей Алексѣевной (Вильгельминой Гессенъ - Дармштадтской); 15 апрѣля 1776 г. великая княгиня скончалась отъ родовъ. Подъ вліяніемъ донесеній Ассебурга, графъ Панинъ, желанія котораго совпадали съ намѣреніями Фридриха Великаго, стоявш-

1) Русскій библіографическій словарь, стр. 70.

шаго за принцессу Вильгельмину, повелъ дѣло такимъ образомъ, что Павелъ Петровичъ незамѣтно для себя свыкся съ мыслью считать Наталью Алексѣевну своею будущей невѣстой. Въ рѣшительную минуту цесаревичъ дѣйствительно вручилъ яблоко кому слѣдуетъ; между тѣмъ за кулисами стояли прусскій король и графъ Панинъ»¹⁾.

Вполнѣ естественно, что Павелъ Петровичъ, со всѣмъ пыломъ молодости, полюбилъ свою жену, которая, насколько можно судить, по нѣкоторымъ имѣющимся свѣдѣніямъ, обладала умомъ и характеромъ. Великой княгинѣ было 18 лѣтъ, когда она вышла замужъ, и потому она могла уже имѣть сложившійся характеръ²⁾. Наталья Алексѣевна скоро и вполнѣ подчинила своему вліянію Павла Петровича; это было настолько очевидно, что англійскій посланникъ Гаррисъ писалъ: «первая супруга великаго князя сумѣла отыскать искусство управлять имъ до такой степени, что онъ распустилъ немногихъ товарищей, повидимому, выбранныхъ имъ самимъ, и съ тѣхъ поръ его общество, его развлечения, даже самыя чувства,—все вполнѣ подчинилось его женѣ. Она едва позволяла ему развивать умственныя способности, вслѣдствіе чего нравъ его изъ живого и быстрого сдѣлался тяжелымъ, грустнымъ и апатичнымъ»³⁾. Наталья Алексѣевна желала играть политическую роль, обращалась съ мужемъ деспотически и настолько приблизила къ себѣ Андрея Разумовскаго, что императрица нашла нужнымъ предупредить сына о козняхъ друга, злоупотреблявшаго оказаннымъ ему безграничнымъ довѣріемъ и въ дѣлахъ, выходившихъ за предѣлы политики. Молодая жена со слезами убѣдила влюбленнаго мужа въ противномъ, и у Павла Петровича явился новый поводъ на гнѣвъ противъ матери, будто бы желавшей разссорить его съ женой.

Смерть жены повергла Павла Петровича въ отчаяніе. Екатерина II, спѣшившая «вознаградить потерю»,—а также, жалѣя убитаго горемъ сына, познакомила Павла Петровича съ бумагами, оставшимися послѣ покойной; «средство, говоритъ Шильдеръ,—было безъ сомнѣнія жестокое, но вѣрное, соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ. Оказалось, что А. К. Разумовскій не-

¹⁾ Шильдеръ, Op. cit., стр. 87.

²⁾ Corberon (Journal intime., p. 19) писалъ про Наталью Алексѣевну: Si celle-là ne fait pas une revolution, personne n'en fera.

³⁾ Шумигорскій, Императрица Марія Феодоровна, стр. 110.

достойнымъ образомъ злоупотребилъ довѣріемъ Павла Петрови-
ча». Я думаю, что всякая любящая и разумная мать, находясь
въ положеніи Екатерины II, поступила бы такимъ же образомъ. По-
нятно, что Павелъ Петровичъ въ данномъ случаѣ долженъ быть
убѣдиться и въ предусмотрительности, и въ любовномъ къ нему
отношениі матери, но,—увы!—жестокій урокъ, данный жизнью, не
принесъ пользы.

Очевидно, что первая супруга Павла Петровича и не люби-
ла, и не уважала своего мужа; она съ какою-то непонятною и
ненужною жестокостью отнеслась къ пылкой любви своего мо-
лодого мужа; конечно, можно дѣлать предположенія о томъ, что
она скоро разгадала его полное ничтожество и хотѣла имѣть
преданного себѣ человѣка для «дѣйства».

Вторая супруга Павла Петровича была воплощенной добродѣ-
телью; очень красивая, обладала ровнымъ характеромъ и вообще
могла составить счастіе человѣка, любящаго семейную жизнь.
Императрица Марія Феодоровна сыграла замѣтную роль въ нашей
исторіи и о ея дѣятельности въ нашей литературѣ имѣется пре-
красный трудъ Шумигорскаго: Императрица Марія Федоровна,
1892 г.

Благочестивая и добродѣтельная Марія Феодоровна всегда была
предана своему супругу и дѣлала все, что могла, чтобы сохра-
нить его привязанность и уваженіе, относились снисходительно
къ его недостаткамъ и насколько умѣла благотворно на него
вліяла.

Недостатки Маріи Феодоровны не могли дурно вліять на супру-
жескія отношенія Павла Петровича; узость ея политического го-
ризонта, излишняя привязанность къ родственникамъ и антипата-
тія къ Екатеринѣ II—все это было добродѣтелями въ глазахъ
Павла Петровича. Супруги сходились въ почитаніи Пруссіи,
культѣ родственныхъ отношеній и антипатіи къ Екатери-
нѣ II. Мелочное тщеславіе, педантизмъ, высокомѣrie къ
низшимъ и почтительность къ высшимъ, любовь къ церемо-
ніямъ Маріи Феодоровны могли только нравиться Павлу Пет-
ровичу.

По своему уму Марія Феодоровна также была вполнѣ подхо-
дящая супруга для Павла Петровича; она не была очень умна,
но ее нельзя считать ограниченной. Даже внимательные наблю-
датели расходились во взглядахъ относительно того, кто изъ

супруговъ умнѣе. Карберонъ¹⁾ въ 1778 г. сообщалъ о Маріи Іоанновнѣ «Elle plait à son mari par les charmes de la jeunesse, de la fraicheur et peut-être la superiorité qu'il a sur elle». Въ 1781 г. Іосифъ II писалъ своему брату Леопольду «La grande-duchesse à une influence positive fondée sur les plus forts liens sur la volonté et les desirs du grand-duc... On la regarde à peu près, comme la future souveraine de cette vaste monarchie, puisque le grand-duc, sans être imbecile, est bien éloigné néanmoins de pouvoir se comparer pour l'esprit et les talents à son épouse²⁾...

26 сентября 1776 г. состоялось бракосочетаніе цесаревича, и начался лучший періодъ его жизни; молодые супруги любили другъ друга, жили дружно, вдали отъ большого двора. Эта идиллія длилась до 1783 или 1784 г., когда, по словамъ гр. Головиной, Нелидова сдѣлалась предметомъ особаго вниманія Павла Петровича³⁾. Въ данномъ случаѣ я наиболѣе довѣряю показанію Головиной, потому что Нелидова родилась въ 1756 г., а потому совершенно невѣроятно, чтобы Павелъ влюбился въ нее позже 1784 г.; для первого впечатлѣнія, для возбужденія любви наружность все же играетъ большую роль. Нелидова была некрасива, а потому просто невѣроятно, что страстная любовь вспыхнула къ некрасивой, старой барышнѣ.

Само собою понятно, что Маріи Іоанновнѣ было крайне непріятно увлеченіе мужа Нелидовой; сцены ревности, взаимные упреки и примиренія, борьба партій при велиокняжескомъ дворѣ длились нѣсколько лѣтъ. Въ 1791 г. озлобленіе Павла Петровича противъ своей супруги достигло того, что онъ потребовалъ отъ Никиты Петровича Панина «respect pour la Nellidoff, mépris pour la grande-duchesse». Выразивъ на такое предложеніе отказъ, Никита Петровичъ услышалъ грозныя слова: «Le chemin que vous tenez, monsieur, ne peut vous conduire qu'à la fenêtre ou à la porte». Графъ Панинъ удалился и императрица Екатерина пожаловала его въ церемониейстры⁴⁾.

Марія Іоанновна примирилась съ Нелидовой и заключила съ ней союзъ, чтобы совмѣстно благотворно вліять на Павла Петровича, при чемъ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ,

¹⁾ Journal intime, p. 37.

²⁾ Шумигорскій, Императрица Марія Іоанновна, стр. 159.

³⁾ Записки графини Головиной, стр. 102.

⁴⁾ Шильдеръ, стр. 251.

Нелидова имѣла больше вліянія на Павла, чѣмъ его супруга. Благодаря дружбѣ съ Нелидовой, Марія Іоанновна сравнительно благополучно прожила до 1798 г.

Акушеръ, помогавшій ей при послѣднихъ родахъ, заявилъ, что императрица не выдержитъ слѣдующихъ родовъ; весьма вѣроятно, что онъ былъ подкупленъ противниками Нелидовы и императрицы. Марія Іоанновна была настолько неосторожна, что написала письмо А. Лопухиной, въ которомъ совѣтовала ей не пріѣзжать въ Петербургъ. Когда Павелъ I узналъ объ этомъ, онъ жестоко обошелся съ супругой и съ заступившейся за нее Нелидовой. По словамъ Гейкинга Павелъ I «*Sagte der Kaiserin ungläubliche Dinge*», а Нелидову «*ohne Schonung behandelt*»¹⁾, а Головкінъ слышалъ, что если бы Александръ Павловичъ *n'cut fait de son corps une egide à sa mère, on ne sait quelles en auraient pu etre les suites*. Головкінъ считаетъ доказаннымъ, что Павелъ заперъ свою супругу на ключъ, и она просидѣла подъ арестомъ три часа²⁾.

Марія Іоанновна примирилась съ своимъ печальнымъ положеніемъ, «относилась къ Лопухиной всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу. Великія княжны, дочери императора, заискивали въ ней черезчуръ, выказывая ей свое вниманіе»³⁾, но все это не помогло, и Павелъ I относился къ своей супругѣ съ ненавистью и недовѣріемъ.

«Въ предпослѣдній вечеръ своей жизни, передъ выходомъ къ вечернему столу Павелъ подошелъ къ близъ стоявшей императрицѣ, остановился передъ ней, насыщливо улыбаясь, скрестивши руки и, по своему обыкновенію, тяжело дыша, что служило признакомъ сильного недовольства; затѣмъ онъ повторилъ тѣ же угрожающіе пріемы передъ обоими великими князьями, Александромъ и Константиномъ. Въ заключеніе онъ подошелъ къ графу Палену, съ зловѣщимъ видомъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ и поспѣшилъ къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча и съ стѣсненною грудью. Гробовая тишина царила за этой печальной трапезой, и когда по окончаніи ея императрица и великие князья хотѣли поблагодарить императора, онъ отстранилъ

1) Aus den Tagen Kaiser Pauls., S. 119.

2) La cour et le regne de Paul, p. 175.

3) Записки Головиной, стр. 134.

ихъ отъ себя съ насмѣшилою улыбкой и быстро удалился, не поклонившись. Императрица заплакала, и вся семья разошлась глубоко взволнованная¹⁾.

Недовѣrie и ненависть Павла къ добродѣтельной супругѣ были такъ велики, что онъ не только накрѣпко задѣлъ дверь изъ своей спальни въ комнаты императрицы, но собственно ручно написалъ указъ Палену арестовать императрицу, при чёмъ поручилъ сдѣлать это, когда тотъ найдетъ нужнымъ. Мы не знаемъ, что собственно предполагалъ Павелъ I сдѣлать съ императрицей—запереть ее въ крѣпость или въ монастырь, или даже лишить ее жизни. Послѣднее предположеніе можно дѣлать на основаніи слѣдующаго: Паленъ объяснилъ императору, что арестовать императрицу шагъ рискованный, и что трудно найти исполнителей для такого дѣла; Павелъ I вызвалъ Аракчеева и Лиденера, зная, что эти изверги способны на все. Конечно, возможно, что Павелъ I вызвалъ этихъ палачей, не довѣряя вообще Палену. Едва ли выдуманы весьма грозныя слова Павла, сказанныя неоднократно при А. П. Гагариной и Кутайсовѣ: «Sous peu je te verrai forc  de faire tomber des t tes qui jadis m'etaient ch res»²⁾. Тотъ же смыслъ имѣютъ угрозы «un grand coup». Гагарина, пораженная грозными словами императора (я вижу, что пора нанести великій ударъ), имѣла простоту сказать: «Я не придумаю, что онъ понималъ подъ великимъ ударомъ, который хочетъ нанести». Такжѣ ужасный смыслъ имѣли слова Павла: «J'ai un plan que je veux executer, qui me rejeunit tout d'un coup de 15 ans»; Николай Павловичъ на 15 лѣтъ былъ моложе Константина Павловича.

Допуская, что кое-что и даже многое тутъ выдумано лицами, ненавидѣвшими Павла I, чтобы оправдать свое поведеніе, остается несомнѣннымъ—это ужъ никакъ нельзя опровергнуть—что Павелъ настолько враждебно относился къ своей супругѣ, что поручилъ Палену арестовать императрицу, когда тотъ это найдетъ нужнымъ. Даже допуская, что Паленъ хитростью понудилъ Павла I написать этотъ указъ, чтобы имѣть документъ для воздействи

1) Шильдеръ, op. cit., стр. 483.

2) Источники объ этихъ обстоятельствахъ указаны у Панчулидзева. Исторія кавалергардовъ. Т. 2, стр. 270. Само собою разумѣется, что довѣрять вполнѣ этимъ рассказамъ нельзя; вполнѣ понятно, что мы знаемъ лишь часть истины.

на наследника престола, все же очевидно, что Павелъ такъ ненавидѣлъ свою супругу, такъ ей не довѣрялъ, что судьбу вѣнчанной императрицы персдалъ въ руки своего слуги. Общеизвѣстно, что Марія Феодоровна не дала своему супругу ни малѣйшаго права даже заподозрить своей благонадежности.

Марія Феодоровна была настолько добродѣтельна, что не могла не любить своего супруга; именно она была изъ числа тѣхъ женщинъ, которая всегда любятъ своихъ мужей, какъ бы дурны они ни были. Насколько достойна почтенія такая добродѣтель, такое безразличіе къ объекту любви, это вопросъ очень сложный, но несомнѣнно, что есть добродѣтельные женщины, любящія своихъ мужей только потому, что они ихъ мужья.

Нисколько не сомнѣваясь, что Марія Феодоровна всегда была предана своему мужу, относилась къ нему съ должнымъ его сану почтеніемъ, я не думаю, чтобы она любила Павла Петровича во второй половинѣ ихъ супружеской жизни; да и можно ли любить человѣка, унижающаго человѣческое достоинство преданной жены.

Вполнѣ довѣряя искренности Саблукова ¹⁾, рассказывающаго о томъ, какъ демонстративно выражала свою печаль Марія Феодоровна послѣ смерти своего супруга, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что молодой офицеръ легко могъ быть введенъ въ заблужденіе: по понятіямъ соображеніямъ вдовѣ было полезно, чтобы разсказывали *orbe et urbi*, какъ она убита смертью своего супруга. Болѣе довѣрія заслуживаетъ разсказъ Головиной—женщины наблюдательной и умной. «Восемь или десять дней спустя по смерти императора, получили извѣстіе о кончинѣ эрцгерцогини, великой княгини Александры, умершей отъ первыхъ родовъ. Столько несчастій должны были бы сразить императрицу-мать или, по крайней мѣрѣ, заставить ее позабыть въ это время обо всемъ, не относящемся къ ея горю. Вместо того, императоръ Павелъ не былъ еще погребенъ, какъ она предвидѣла уже все необходимое въ подобныхъ случаяхъ, о чёмъ изъ страданія къ ней сынъ ея избѣгалъ пока съ ней разговаривать. Императрица Марія объявила, что придворные чины будутъ одинаково служить ей и ему... въ то время императрица-мать могла всего достигнуть отъ своего сына и она дала себѣ слово не

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 120—123.

упускать случая. Едва только закончились первыя 6 недѣль, какъ она снова стала присутствовать на придворныхъ приемахъ. Императрица Марія велѣла нарисовать свой портретъ въ глубокомъ траурѣ и раздала его всѣмъ, кому только могла. Въ маѣ она поѣхала на жительство въ Павловскъ, принадлежавшій ей лично... въ Павловскѣ она вела образъ жизни болѣе разсѣянный и блестящій, чѣмъ при Павлѣ I. У нея были большиe приемы, тамъ происходили прогулки верхомъ, въ которыхъ она всегда участвовала; обѣдали, завтракали, ужинали въ различныхъ уголкахъ сада. Она сажала деревья, строила, вмѣшивалась въ государственные дѣла, насколько это ей было возможно, словомъ, казалась довольной и увлекающейся наслажденіями жизни».

Сдержанная, степенная, всегда занятая Марія Щеодоровна уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ перестала интересовать Павла Петровича, всегда искавшаго чего-то новаго, всегда недовольнаго настоящимъ. Только строгій моралистъ будетъ осуждать Павла Петровича за то, что онъ сталъ скучать въ обществѣ своей жены: въ ея обществѣ скучали многіе. Ничѣмъ не занятый молодой мужъ заинтересовался живой, прекрасно танцующей фрейлиной великой княгини, Нелидовой. Ея общество, ея живость ея сценическое дарованіе и особенно ея танцы такъ понравились скучающему великому князю, что онъ влюбился въ немолодую дѣвушку: Нелидова только на два года была моложе своего поклонника. Но она выдѣлялась изъ толпы не только живостью, умомъ и грацией, но и высокимъ нравственнымъ развитіемъ. «Сія благонравная и почтенная дѣвица»²⁾ не пожелала эксплуатировать увлеченіе великаго князя съ эгоистической цѣлью; насколько намъ извѣстно, она стремилась воспользоваться привязанностью къ себѣ Павла I для блага его самого и близкихъ. Конечно, нельзя упрекать Нелидову за то, что ея самолюбію льстило поклоненіе цесаревича, что ей нравилось предпочтеніе, ей оказываемое. Такъ какъ Марія Щеодоровна проявляла ревность, Нелидовой доставляли удовольствие успѣхъ и пораженіе августѣйшей соперницы. Эта оригинальная личность хорошо изучила характеръ Павла Петровича, съумѣла надолго привязать его къ себѣ и навсегда сохранить его уваженіе. Безспорно, что Нелидова не

¹⁾ Ор. сіт., стр. 165.

²⁾ Шишковъ, Записки, стр. 31.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

преслѣдовала никакихъ эгоистическихъ цѣлей, и когда Марія Феодоровна примирилась съ ней, эта идеалистка вполнѣ довольствовалась ролью доброго генія Павла I.

Нелидова пріобрѣла любовь и уваженіе Павла своимъ умомъ, своею порядочностью и своимъ безкорыстiemъ. Она одна умѣла развлечь скучающего Павла Петровича, умѣла завлечь его интереснымъ разговоромъ; она была также глубоко религіозна, какъ и ея поклонникъ и это ихъ сближало. Павелъ Петровичъ и Нелидова придавали особое значеніе своимъ отношеніямъ, вѣрили, что это сближеніе угодно Проридѣнію.

Шумигорскій въ своемъ труда «Екатерина Ивановна Нелидова» приводитъ письмо Павла Петровича, изъ котораго видно, какъ понималъ цесаревичъ свои отношенія къ Нелидовой. «Въ комъ заключается высшее благо, если не въ Томъ, Кому ялагаю свое счастье поручать вѣсъ на каждомъ шагу моемъ въ теченіе дня? Смѣю это выскажать: связи, существующія между нами, ихъ свойства, исторія этихъ отношеній, ихъ развитіе, начонецъ, всѣ обстоятельства, при которыхъ и вы, и я провели нашу жизнь—все это имѣеть нѣчто столь особенное, что мнѣ невозможно упустить все это изъ моей памяти, изъ моего вниманія, въ особенности же въ будущемъ. Единому Богу извѣстно, насколько и во имя чего вы мнѣ дороги; призываю на вѣсъ сминая святая Его благословенія и остаюсь весь вашъ, слуга и другъ».

Нелидова одна поняла характеръ Павла I, и умѣла поэтому внушиТЬ ему къ себѣ серьезное уваженіе; она его не боялась, и на его выходки отвѣчала еще болѣе дерзкими поступками. Такъ Саблуковъ разсказываетъ, что при немъ и солдатахъ, бывшихъ на караулѣ, за вошедшими быстро государемъ пролетѣлъ дамскій башмакъ, едва не задѣвъ его головы. Государь прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, а изъ коридора вышла Нелидова, подняла свой башмакъ, надѣла и вернулась туда же, откуда пришла. На другой день, когда Саблуковъ снималъ караулъ, государь подошелъ къ нему и тихонько шепнулъ ему: «Mon cher, nous avons eu du grabuge hier». Саблукову оставалось только сказать: Oui, Sire¹⁾.

Когда Павелъ I въ 1798 г. окончательно разсорился съ супругою, и Нелидовой не удалось ихъ примирить, она все же сохра-

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 59.

нила уваженіе государя; при ея отъѣздѣ въ Лодѣ, Павелъ, по словамъ Головина, стоялъ со шляпой въ рукѣ¹⁾). Павелъ I, наконецъ, пожелалъ примириться съ своимъ другомъ и послалъ придворные экипажи въ Лодѣ, и хотя полное примиреніе не состоялось, но ненависти къ Нелидовѣ Павелъ I не проявлялъ.

Какъ бы высоко мы не цѣнили добродѣтель Нелидовы, все же несомнѣнно, что она не любила Павла Петровича; невѣроятно и просто недопустимо, чтобы дѣвушка, какъ бы добродѣтельна она ни была, при той близости, которая была между Павломъ Петровичемъ и ей устояла отъ искушенія, если бы она любила его, какъ мужчину. У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, дающихъ право допускать, что Нелидова была особа больная, а здоровая дѣвушка все же подчинена законамъ любви. Если бы Нелидова любила Павла Петровича, и не желала быть фавориткой, она просто удалилась бы отъ велиокняжескаго двора. Нелидова была искрѣнна, когда писала Павлу Петровичу: «Развѣ я когда-либо смотрѣла на васъ, какъ на мужчину? Клянусь вамъ, что я не замѣчала этого съ того времени, какъ къ вамъ привязана; мнѣ кажется, что вы моя сестра».

Какъ wysoko Павелъ I цѣнилъ добродѣтель Нелидовы, свидѣтельствуетъ разсказъ Вельяминова - Зернова. Павелъ I при посѣщеніи Смольнаго монастыря въ сопровожденіи Кутайсова и лица, сообщившаго этотъ разсказъ Вельяминову - Зернову, зашелъ въ спальню Нелидовы, отдернулъ занавѣси ея кровати и съ восторгомъ воскликнулъ: «Это храмъ добродѣтели, это храмъ непорочности. Это божество въ образѣ человѣческомъ», сталь на колѣни, нѣсколько разъ цѣловалъ ея постель и затѣмъ отправился назадъ²⁾). Нравственная стойкость, храбрость и безкорыстіе Нелидовы импонировали Павлу I, и потому самое благотворное вліяніе на него имѣла эта лучшая личность среди его приближенныхъ. Конечно и Нелидова, въ концѣ - концовъ, не могла удержать своего вліянія на Павла I, но безспорно, что платоническая любовь этого государя къ Нелидовѣ доказывается, что у него были чисто духовные интересы, что онъ нуждался въ обществѣ лица, надѣленнаго живымъ умомъ, цѣнилъ благородство характера, подчинялся нравственной силѣ. Если бы среди

1) Op., cit. стр. 176.

2) Schiemann. Die Ermordung Pauls, S. 274.

знати того времени было нѣсколько лицъ столь же безкорыстныхъ и нравственно-порядочныхъ, какъ Нелидова, умѣвшихъ давать отпоръ вспышкамъ Павла I, его царствованіе не было бы такъ ужасно и нелѣпо.

Въ высокой степени поучительно, что ничтожному Кутайсову удалось разстроить дружбу Павла I съ Нелидовой; также удалось Кутайсову не допустить примиренія между старыми друзьями, хотя государь все же скучалъ въ отсутствіи Нелидовой; едва ли онъ не понималъ, что одна она была ему предана вполнѣ безкорыстно.

Характеръ или, правильнѣе говоря, полное отсутствіе характера Павла Петровича проявилось въ томъ, что послѣ продолжительной платонической любви къ Нелидовой, онъ влюбился въ Лопухину. Вполнѣ естественно, что, на сорокъ пятомъ году жизни, Павель I, въ виду состоянія здоровья императрицы, пожелалъ имѣть любовницу. Конечно, всю жизнь порицая легкіе нравы, всю жизнь проповѣдуя святость семейнаго очага, не послѣдовательно заводить *maîtresse en titre*, но вѣдь всегда можно найти оправданіе своимъ желаніямъ — рыцари имѣли дамъ своего сердца, Генрихъ IV и Людовикъ XIV имѣли любовницъ и т. п.

Павель безъ всякой борьбы съ собою избралъ себѣ фаворитку, далъ ея отцу княжескій титулъ, сдѣлалъ его генералъ-прокуроромъ, даже любовникъ мачихи фаворитки былъ награжденъ сверхъ мѣры.

Выборъ фаворитки доказываетъ, что Павелъ I совершенно не зналъ людей, такъ какъ трудно было подыскать менѣе подходящее для предназначенной роли лицо, чѣмъ была А. П. Лопухина. «Выраженіе лица было мягкое и доброе, и дѣйствительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни дѣлать чего-либо злого, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія. Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь государя и низость окружающихъ давали ей возможность вмѣщиваться во все. Часто она испрашивала прощеніе, невиннымъ съ которыми императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва: тогда она плакала или дулась и такимъ образомъ достигала желаемаго» ¹⁾.

1) Записки Головиной, стр. 134.

Павелъ не только не нравился Лопухиной, но былъ или противенъ ей, или она его страшилась¹⁾; она стойко относила къ ухаживанію влюбленнаго государя, имѣла мужество заявить Павлу I, что ея сердце принадлежитъ князю Гагарину; государь осыпалъ наградами счастливаго соперника, который былъ въ нравственномъ отношеніи настолько ниже своей жены, что наконецъ молодой женщины пришлось уступить императору.

Павелъ I не только осыпалъ милостями «dame de ses pensées», пожаловавъ ей Мальтийскій крестъ, но ея имя поставилъ на знаменахъ своего первого гвардейскаго полка. Красный цвѣтъ, любимый Лопухиной, сталъ любимымъ цвѣтомъ императора. Офицеры и всѣ придворные, за исключениемъ прислуги, носили этотъ цвѣтъ; большой корабль былъ названъ Анной и т. п. Вообще, Павелъ такъ пламенно и нѣжно ухаживалъ за dame de ses pensées, что имѣлъ право на взаимность, но Анна Петровна тяготилась этой связью и ничего не предприняла для спасенія Павла отъ заговорщиковъ.

Одна молодая, красавая лада за нѣсколько дней до смерти Павла сказала принцу Евгению Вюртембергскому: «Если вамъ понадобится убѣжище (asyle), вы его найдете у меня». При первомъ свиданіи съ принцемъ, послѣ 11 марта, Марія Єеодоровна спросила его, правда ли, что одна лада предлагала ему убѣжище. Принцъ отвѣтилъ утвердительно и спросилъ, кто эта лада; императрица сказала: «Вы обязаны вѣчной благодарностью этой ладѣ; но вы ее никогда не увидите: она уѣхала». Слѣдовательно, Анна Петровна знала о заговорѣ и ничего не предприняла для спасенія своего любовника. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она такъ тяготилась этой связью, что ей ничуть не жаль было потерять своего высокаго покровителя; весьма возможно, что она понимала, какія опасности угрожали Россіи, если бы заговоръ не удался!

¹⁾ А. М. Тургеневъ въ качествѣ адъютанта Московскаго военного губернатора могъ знать подробности этого дѣла. Онъ увѣряетъ, что переговоры съ родителями А. П. Лопухиной волновали государя, что мачиха уговаривала Лопухину «согласиться». Когда Лопухины уѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ «служили напутственные молебны, святали воду, окропляли Анну Петровну и заставляли ее ложиться на полъ и черезъ нее переносили святыя иконы». Русская Старина. 1885, стр. 248.

Итакъ, Павла Петровича не любила ни одна женщина; вторая супруга была ему предана, но первая его супруга и единственная его фаворитка ничуть не цѣнили его любви. Нелидова относилась къ нему дружественно, но онъ для нея былъ средствомъ, а не цѣлью. Женщины болѣе чутки, чѣмъ мужчины, и потому не могутъ любить такого человѣка, какимъ былъ этотъ несчастный государь. Насколько извѣстно, даже придворные интриганки не пытались завоевать его взаимность и не искали съ нимъ маленькихъ интригъ.

Принцъ Евгеній Вюртембергскій, по рассказамъ своей тетки Маріи Іоанновны и другихъ членовъ царской семьи, а также придворныхъ, хорошо знавшій Павла I и какъ человѣкъ умный, правильно его понимавшій, говоритъ о немъ такъ: «In allen andern Verhältnissen als auf dem Throne würde er (Павелъ I) für einen bemitleidungswürdigen Sonderling gehalten haben»... Справедливость этого сужденія подтверждается отношеніемъ къ нему женщинъ, которыхъ онъ любилъ.

Судьба, какъ бы для того чтобы доказать большую чуткость женскаго сердца, сблизила Павла I съ четырьмя женщинами-самаго различнаго характера. Его первая супруга, насколько намъ извѣстно, женщина честолюбивая и властолюбивая, относилась къ «bemitleidungswürdigen Sonderling» крайне жестоко, очевидно, она его просто презирала, какъ Sonderling'a.

Недалекой и добродушной Лопухиной, Павелъ I былъ такъ антипатиченъ, что всѣ усилия ея родныхъ и многихъ придворныхъ, желавшихъ угодить государю, остались безъ результата; только выйдя замужъ за Гагарина, она уступила, но такъ тяготилась этою связью, что, зная о заговорѣ, ничуть не старалась спасти своего августейшаго любовника.

Идеалистка Нелидова не смотрѣла на Павла I, «какъ на мужчину», была предана супругѣ своего поклонника и совмѣстно съ ней старалась исправлять недостатки «bemitleidungswürdigen Sonderling'a».

Добродѣтельная Марія Іоанновна поняла по вocationи своего супруга, что «Sonderling» не способенъ царствовать, и мечтала сама захватить бразды правлениія. Ночью 11 марта 1801 г. Марія Іоанновна вслѣдствіе крайняго волненія выдала свои завѣтныя мечты, что явствуетъ не только изъ показаній нѣкоторыхъ очевидцевъ, но и доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что графъ

Бенингсенъ, наиболѣе виновный въ катастрофѣ, пользовался расположениемъ Александра Павловича нужно думать за то, что, благодаря энергіи Бенингсена, завѣтныя мечты такъ и остались мечтами. Искренно любившій и глубоко уважавшій свою мать. Константинъ Павловичъ разсказывалъ Ланжерону, что когда онъ ночью 11 марта явился къ Александру Павловичу «*Dans ce moment, on vint avertir mon frère de tout ce que pretendait ma mère; il s'ecria «Mon Dien, encore ce surcroit d'embarras. Il ordonna a Pahlen d'aller la raisonner et la faire renoncer à des idées au moins singulieres et fort deplacées dans un pareil moment*¹⁾.

Конечно, власть такъ привлекательна, что вышеупомянутыя мечты вполнѣ понятны. Жестокое разочарование и сознаніе, что совершенно бесполезно были обнаружены эти завѣтныя мечты, вполнѣ объясняютъ послѣдующее отчаяніе и тяжелое душевное состояніе Маріи Єеодоровны. Очевидно, нужно было показать глубокую скорбь, нужно было мстить «освободителямъ», совершенно не гринявшимъ во вниманіе эти завѣтныя мечты. Марія Єеодоровна употребляла всѣ усилия, чтобы «освободители» пострадали, но Бенингсенъ, увѣрявшій, что онъ сказалъ Маріи Єеодоровнѣ—«*Madame, on ne joue pas la comedie*» всегда пользовался расположениемъ, или, по крайней мѣрѣ, довѣріемъ Александра Павловича.

Наконецъ, для устраненія возможныхъ недоразумѣній, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ обстоятельствѣ въ жизни Павла I, хотя само по себѣ оно не имѣетъ значенія и говорить о немъ все же не вполнѣ деликатно.

Когда акушеръ, приглашенный для помощи при послѣднихъ родахъ Маріи Єеодоровны, заявилъ, что слѣдующіе роды могутъ угрожать жизни императрицы, Марія Єеодоровна, «*ainsi que toutes les femmes vertueuses, fort attachée aux devoirs conjugaux ne gouta point cette belle resolution, traita le professeur allemand d'ignorant et d'impertinent mais autre n'en fut*²⁾. Головкинъ зналъ жизнь и людей, и потому это ядовитое замѣчаніе вполнѣ вѣрно, но мнѣ казалось неумѣстнымъ и не совсѣмъ приличнымъ.

Наблюдательный и циничный Головкинъ, конечно, не зналъ, что императрица писала съ излишней откровенностью къ Пле-

¹⁾ Панчулидзеъ, оп. cit., стр. 278.

²⁾ Golowkine. La cour et le regne de Paul I, p. 171.

щеееву. «Послѣ моихъ родовъ кончина моей матери до такой степени разстроила мое здоровье, что императоръ хотѣлъ поберечь меня. Вы знаете, что затѣмъ онъ отправился путешествовать. По возвращеніи его я рѣшилась четыре раза говорить съ нимъ (мнѣ стыдно дѣлать подобное признаніе, но признаюсь, я ожидала этого оборота дѣлъ и считала своею обязанностью предупредить его), что мое здоровье возстановлено, что Рожерсонъ, Бекъ и Бокъ увѣрили меня, что новая беременность не подвергаетъ меня никакой опасности и что моя обязанность сказать ему это. Императоръ, возразилъ мнѣ, что онъ не хочетъ быть причиной моей смерти и что, вслѣдствіе послѣднихъ тяжелыхъ моихъ родовъ, это лежало бы на его совѣсти».

При дальнѣйшемъ разговорѣ Павель объяснилъ: «*qu'il etait tout à fait mal au physique qu'il ne connaissait plus de besoin, qu'il est tout à fait nul et que ce n'était plus une idée qui lui passait par la tête, qu'enfin il etait paralisé de ce coté*»¹⁾.

Я думаю, что Шумигорскій совершенно напрасно сообщаетъ намъ объ этихъ интимныхъ супружескихъ разговорахъ; я думаю, что историкъ даже не имѣеть права затрагивать такія сокретныя стороны жизни, не имѣеть права пользоваться совершенно излишней откровенностью Маріи Феодоровны; она вполнѣ сознавала этотъ свой недостатокъ и потому просила Николая Павловича сжечь ея дневникъ, не читая, что и было исполнено этимъ государемъ.

Н. А. Энгельгардтъ (Рецензія на трудъ Шумигорскаго. Императоръ Павелъ I, 1907 г. «Исторический Вѣстникъ», 1907 года, май, стр. 1043) придаетъ большое значеніе этому письму Маріи Феодоровны къ Плещееву; онъ пишетъ: «Но, несомнѣнно, неуравновѣшеннѣсть характера Павла и особливое ея обостреніе въ періодъ времени съ 28 января 1798 г. весьма удовлетворительно могутъ быть объяснены всякимъ докторомъ именно на основаніи вышеупомянутаго показанія императрицы и собственнаго свидѣтельства Павла I о состояніи мужественности».

Такъ какъ возможно, что и у другихъ читателей настоящаго и обѣщанного трудовъ Шумигорскаго могутъ возникнуть недоразумѣнія, высказанныя Н. Энгельгардтомъ, считаю необходимымъ, какъ врачъ, остановиться на этомъ обстоятельствѣ въ жи-

¹⁾ Шумигорскій. Императоръ Павелъ I, стр. 156—157.

зни Павла I, хотя, повторяю еще разъ, считаю, что о немъ въ сущности говорить и не стоитъ, и неудобно.

«Всякій докторъ» знаетъ, что обыкновенно мужъ, заводящій вторую семью, увѣряетъ надоѣвшую ему жену, что онъ: «tout à fait nul» и т. д.; весьма возможно, что всѣ эти увѣренія Павла I были не болѣе, какъ попытка успокоить императрицу, въ вѣжливой формѣ высказанный отказъ отъ *devoirs conjugaux*. Именно такъ говорятъ съ своими женами вѣжливые мужья, когда заводятъ любовницу и по тѣмъ или другимъ причинамъ не хотятъ ссориться съ женою. Возможно, что Павелъ I на сорокъ четвертомъ году своей жизни настолько состарился, вслѣдствіе значительного преобладанія въ его организмѣ катаболическихъ процессовъ, что искренно считалъ себя *mal au physique*. Такой самообманъ бываетъ у пожилыхъ людей; въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они не имѣютъ «besoin» и полагаютъ, что уже наступила старость¹⁾.

Но Павелъ I или только вѣжливо уклонился отъ предложенія супруги возстановить супружескія отношенія, или ошибался относительно ранняго появленія старости. Уже скоро послѣ этого письма Марія Щедровны къ Плещееву она узнала, что ея супругъ еще молодъ.

Мы не знаемъ, какие разговоры происходили между супругами, и, наконецъ, намъ совершенно и не интересны эти интимные разговоры, но добродѣтельная супруга въ заботахъ о здоровье и привязанности къ дому своего супруга зашла такъ далеко, что камеръ-фрау императрицы, дворянка Юрьева, имѣла дѣтей отъ Павла I²⁾. «Всякій докторъ» знаетъ такие случаи заботливости добродѣтельныхъ супругъ и даже матерей.

Очевидно, Марія Щедровна оцѣнила по достоинству жалобы Павла на утрату молодости и, опасаясь вліянія Лопухиной, подыскала покладистую и преданную себѣ камеръ-фрау.

Но «мужественность» Павла была такъ велика, что Юрьевой ему оказалось мало, и онъ настойчиво добивался взаимности княгини Гагариной. Очевидно, что онъ, какъ человѣкъ никогда не злоупотреблявшій *in Baccho et Venere*, сохранилъ мужествен-

1) Интересныя наблюденія обѣ этомъ обстоятельствѣ: „Врачъ“, 1894 года, № 1—2; Къ вопросу о половыхъ сношеніяхъ.

2) Шумигорскій. Императоръ Павелъ I, стр. 204. Юрьева изображена Писемскимъ. Вѣдаламученное море. Часть I, глава IX.

ность и на сорокъ пятомъ и на сорокъ шестомъ году своей жизни.

Поэтому указаніе Н. Энгельгардта «на состояніе его (Павла) мужественности», какъ на причину неуравновѣшенноти его характера и особливаго ея обостренія съ 28 января 1798 г., очевидно, является недоразумѣніемъ. Въ продолженіе всей своей жизни Павелъ I былъ очень умѣренъ въ половой жизни, что вполнѣ объясняется большимъ преобладаніемъ въ его организмѣ катаболическихъ процессовъ. Павелъ I умеръ очень рано и потому осталось неизвѣстнымъ, когда у него наступило бы полное увяданіе половой жизни; нужно думать, что онъ устарѣлъ бы сравнительно рано, что зависѣло отъ преобладанія катаболическихъ процессовъ въ его организмѣ.

XII.

Ни одного указанія на душевную болѣзнь Павла I мы не имѣемъ, если, конечно, не считать его безразсудныхъ поступковъ и той жестокости и строгости, съ которыми онъ иногда наказывалъ самые ничтожные проступки.

Для того, чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ поступковъ и этой жестокости, нужно сравнить поведеніе Павла I до восшествія на престоль и по его воцареніи.

Екатерина II со свойственною ей проницательностью поняла, что Павелъ Петровичъ не способенъ царствовать и желала устранить его отъ престола; невозможно съ точностью установить, когда у нея появилась мысль объ этомъ, потому что, конечно, мудрая государыня хорошо понимала, какъ тяжело привести такую мысль въ исполненіе и долго обдумывала это дѣло. Какою бы безсердечною матерью мы ни считали Екатерину II, все же ей было тяжело рѣшиться на лишеніе правъ родного сына и отца любимыхъ ею внуковъ. Она навѣрное долго обдумывала все это крайне сложное дѣло, тщательно взвѣшивала всѣ pro и contra и, наконецъ, рѣшила передать престоль внуку.

Вполнѣ естественно, что, если бы Павелъ Петровичъ до смерти своей матери проявилъ ясные и несомнѣнныи признаки душевной болѣзни, или совершилъ поступки, доказывавшие его безуміе, или абсолютно преступные, задача Екатерины II была бы очень облегчена. Она могла бы сослаться или на душевную бо-

лѣзнь сына, какъ на причину устраниенія его отъ престола, или указать на его преступленія, лишающія его права на престолъ. Среди приближенныхъ лицъ этой государыни были люди вполнѣ преданные, желавшіе ей угодить, и, конечно, эти лица всѣми и даже безнравственными способами разузнавали о поведеніи цесаревича и ничего не могли узнать настолько опредѣленнаго, чтобы вполнѣ законно устранить Павла Петровича отъ престола.

Цесаревичъ бывъ солдатъ и даже офицеровъ, но только грозилъ побить палкою садовника Буша за то, что онъ послалъ цесаревнѣ цвѣты¹⁾). Конечно, нѣкоторые находили, что это нехорошо, но было немало лицъ, находившихъ такую строгость не безвредной.

Цесаревичъ дѣжалъ много непріятностей матери²⁾, позволяя себѣ очень рѣзкіе о ней отзывы³⁾, но все же явился на свадьбу Александра Павловича въ сентябрѣ 1793 г., хотя вначалѣ отказался присутствовать на праздникахъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе его сына. Какъ сама Екатерина II, такъ и нѣкоторыя лица въ Европѣ и въ Россіи признавали за Павломъ Петровичемъ нѣкоторое право отрицательно относиться къ матери, и Павелъ Петровичъ пользовался этимъ правомъ, не переступая границы дозволенного; даже когда нѣкоторые царедворцы по

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, т. XXIV, стр. 258.

²⁾ С. М. Соловьевъ передавалъ Бартеневу, что онъ имѣлъ въ рукахъ листокъ руки Екатерины, на которомъ она передаетъ свой разговоръ съ сыномъ и прибавляетъ, что она заливалась слезами (Русскій Архивъ, 1891 г., т. II, стр. 323).

³⁾ На вопросъ, сдѣланный Людовикомъ XVI, правда ли, что въ его свите нѣтъ лица, на которое онъ могъ бы положиться, Павелъ Петровичъ воскликалъ: „Я былъ бы очень недоволенъ, если бы взбрѣменился находиться какою-нибудь вѣрный мнѣ пудель; прежде чѣмъ мы оставили бы Парижъ, моя мать приказала бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ“ (Hunolstein. Correspondence inedite de Marie Antoinette, p. 124). Еще болѣе рѣзко выражалась о своей матери цесаревичъ передъ Каролиной Наполитанской, которая сама потомъ обѣ этой выходкѣ рассказала гр. Головкину. Королева, когда разговоръ коснулся управления, замѣтила, что нѣтъ надобности говорить о законахъ при принцѣ, живущемъ въ странѣ съ самимъ совершеннымъ законодательствомъ. Цесаревичъ на это сказалъ: „Законы въ Россіи! законы въ странѣ, где та, кто править, остается на тронѣ, попирая законы ногами“. По словамъ Каролины, „испугъ былъ общій и поспѣшили перемѣнить разговоръ“. О сотрудникахъ Екатерины Павелъ Петровичъ очень рѣзко отзывался Леопольду Тосканскому.

всей вѣроятности умышленно вызывали его на рѣзкія и совершенно непозволительные выходки, онъ умѣлъ себя сдерживать.

Хотя у насъ и нѣтъ обѣ этомъ положительныхъ свѣдѣній, но мы смѣло можемъ допустить, что если бы Екатерина II считала своего сына сумасшедшими, она спросила бы мнѣнія врачей, выписала бы заграничныхъ знаменитостей, чтобы окончательно провѣрить свое мнѣніе и подтвердить его ихъ авторитетомъ. Она хорошо знала исторію Даніи и событія въ Англіи, знала о тяжелой наслѣдственности въ Гольштинско - Ольденбургскомъ домѣ¹⁾.

Однимъ словомъ, до восшествія на престолъ Павелъ Петровичъ держалъ себя такъ осторожнно, былъ настолько сдержанъ, что всѣ нежелавши его воцаренія, слѣдовательно почти всѣ, принимавши активное участіе въ политической жизни Россіи, не имѣли достовѣрныхъ доказательствъ его безумія; я нарочно употребляю это выраженіе, какъ наиболѣе широкое: безумнымъ считаютъ и душевно-больного, и крайне безразсуднаго, неспособнаго къ самостоятельной жизни человѣка. Павелъ Петровичъ не только былъ сдержанъ и позволялъ себѣ будировать лишь въ границахъ дозволенного, но и подготовилъ себѣ преданныхъ помощниковъ и исполнителей. Хотя несомнѣнно, что военные упражненія въ Гатчинѣ доставляли ему непосредственное удовольствіе, все же на основаніи его дѣйствій въ первое время по воцареніи мы имѣемъ право думать, что онъ въ гатчинцахъ предусмотрительно готовлялъ себѣ опору, особенно противъ враждебно настроенныхъ гвардейцевъ.

Павелъ Петровичъ въ Гатчинѣ подготовлялъ себѣ сотрудниковъ и защитниковъ, дрессировалъ ихъ сообразно своимъ взглядамъ на государственное управление. Ему даже удалось выбрать и выдрессировать вполнѣ подходящихъ для себя сотрудниковъ, усвоившихъ его взгляды и его привычки, наприм., Аракчеева, Лиденера, Обольянинова, Кологривова и т. п.; были и преданные ему солдаты, какъ то оказалось 11 марта 1801 г.; находчивый офицеръ ловко воспользовался ненавистью между гвардейцами Екатерины и «негодиями гатчинскими»²⁾.

Еще болѣе для насъ будетъ ясно, что Павелъ Петровичъ

1) Письмо къ г-жѣ Бельке отъ 20, I, 1776 г. Сборникъ, т. XXVII, стр. 67.

2) Schiemann. Op. cit., S. 287.

Вопросы философіи, кн. 90.

былъ психически здоровъ до своего воцаренія, если мы обратимъ вниманіе на особы его отношенія къ матери; естественно, что были легкомысленные карьеристы, оскорбленные честолюбцы, употреблявшіе всѣ ухищренія, чтобы настраивать «обездоленнаго» цесаревича противъ «поправшей его права» матери; все же эти интриги не вызвали какого-нибудь безразсудного поступка со стороны Павла Петровича.

Также послѣдовательно было поведеніе Павла Петровича по его воцареніи; медленно, мало-по-малу его характеръ проявился во всей своей полнотѣ; его царствованіе есть психологическое проявление его характера и поэтому имѣетъ громадный интересъ для психолога и соціолога.

Павель I, до 40 лѣтъ владѣвшій собою достаточно удовлетворительно, мало-по-малу освобождается отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій, отъ всего, что мѣшало ему жить, какъ ему хотѣлось и наконецъ дѣлаетъ почти все, что ему нравится—вотъ въ чемъ для психолога состоить царствованіе этого несчастнаго государя. Едва ли нужно говорить, что во всей всемирной исторіи мы находимъ мало случаевъ для изученія постепенного освобожденія личности отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій. Только въ концѣ царствованія Павелъ I почти не сдерживалъ себя и дѣлалъ все, что ему было угодно; едва ли можно сомнѣваться, что если бы это несчастное царствованіе продолжилось еще нѣсколько лѣтъ, характеръ государя проявился бы еще полно.

Еще болѣе несомнѣнно, что въ концѣ-концовъ, раньше или позже, ничѣмъ не сдерживаемая личность вошла бы въ роковую коллизію съ интересами другихъ лицъ; война, угрожавшая Россіи, заставила бы такъ или иначе ничѣмъ не ограничивавшую себя личность подчиниться чужой волѣ; наконецъ, можно предполагать реакцію со стороны хотя одного пострадавшаго отъ жестокаго произвола Павла I.

Единственнымъ задерживающимъ мотивомъ Павла I по воцареніи—была боязнь потерять престолъ и жизнь; въ началѣ царствованія эта боязнь была такъ велика, что изданы были запоны, имѣвшіе цѣлью привлечь къ себѣ симпатіи духовенства и крестьянъ.

9 декабря 1796 г. императоръ освободилъ лицъ духовнаго званія отъ тѣлеснаго наказанія; въ день коронаціи особымъ манифестомъ было приказано, чтобы крестьяне работали на помѣ-

щиковъ только три дня въ недѣлю и запрещалось принуждать къ работѣ по воскресеньямъ. При всей своей ненависти къ матери и созданнымъ ею учрежденіямъ, 26 ноября 1796 г. орденской праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ не былъ отмѣненъ. Въ день коронаціи милости сыпались какъ изъ рога изобилія, что, конечно, главнымъ образомъ было обусловлено желаніемъ имѣть преданныхъ сотрудниковъ и исполнителей.

Коронація совершилась 5 апрѣля 1797 г.; Павелъ I придавалъ ей особое значеніе; онъ зналъ о совѣтѣ короля-философа несчастному Петру III послѣдить съ коронаціей. Послѣ 5 апрѣля 1797 г. Павелъ I уже меныше опасался за свою судьбу, и потому могъ свободнѣе осуществлять, что ему нравилось, и вотъ 13 апрѣля не только подтверждается указъ 3 января: «какъ скоро снято дворянство, то ужъ и привилегія до него не касается», но «къ отвращенію разномыслія и сохраненію прямыхъ и однобразныхъ понятій закона» приравнивались къ дворянамъ гильденскіе граждане и лица духовнаго званія. Такимъ образомъ въ Россіи не оказалось лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія; теперь уже по закону можно было бить каждого, «впавшаго въ преступленіе».

Митрополитъ Платонъ, въ качествѣ бывшаго наставника Павла, взялся, по просьбѣ дворянъ, быть выразителемъ ихъ недовольства: дворянѣ просили митрополита дoloжить государю, что онъ очень строгъ, и что онъ долженъ перемѣнить свое обращеніе съ ними. Но Павелъ I «дурно встрѣтилъ слова Платона и приказалъ ему не выѣзжать изъ Москвы»¹⁾. Духовенство было задѣбено орденами и «за кавалерію» мирилось со всѣмъ, а для наказанія строптиваго дворянства издано было два распоряженія: 29 апрѣля послѣдовалъ манифестъ о прощеніи отлучившихся нижнихъ чиновъ и всякаго званія людей, а 9 мая послѣдовалъ указъ сенату, «чтобы ни отъ кого ни въ какихъ мѣстахъ прощеній многими подписанныхъ не принимать». Слѣдовательно, прощались бѣглые крѣпостные, и дворянство лишилось одного изъ существенныхъ своихъ правъ.

Такихъ примѣровъ можно привести немало; общепризнано, что наименѣе страдали въ это царствованіе лица духовнаго званія; ни одного рѣзкаго столкновенія съ сановниками церкви у

¹⁾ Шумигорскій, Русскій біографический словарь, стр. 42.

Павла I не было, и даже Платонъ, рѣшавшійся возражать государю, не пострадалъ. Діаконъ, назвавшій на эктиніи Константина Павловича императоромъ, былъ только лишенъ мѣста; это было въ 1798 г., послѣ паденія Нелидовой¹⁾. Очевидно, что Павелъ I всегда помнилъ, какъ вліятельно было духовенство въ 1762 г.

Павелъ I обладалъ хорошей памятью и хорошо запомнилъ пророческое изреченіе своей великой матери, высказанное по поводу мнѣнія сына о способѣ подавленія революціи во Франції «Vous êtes une bête feroce, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе». Павелъ I былъ настолько уменъ, что все же придавалъ значеніе предсказанію своей матери; «трусьость при первой же опасности» долго напоминала сыну объ этихъ мудрыхъ словахъ великой императрицы. Но хотя «всѣ ежеминутно были въ тревогѣ и волненіи, но при всемъ томъ никто и не помышлялъ о возмущеніи», какъ то свидѣтельствуетъ Вельяминовъ-Зерновъ²⁾. Павелъ I пришелъ къ заключенію, что онъ правъ, а ошибалась его мать. Онъ рѣшился наконецъ сказать: «Ну, я не знаю, кто теперь, не говорю «feroce», а «bête», я или матушка»³⁾. Естественно, что Павелъ I былъ вполнѣ счастливъ, когда убѣдился, что не онъ, а ненавидимая имъ мать оказалась «bête».

Павелъ I былъ настолько суевѣренъ, что вѣрилъ предсказанію: если онъ благополучно процарствуетъ четыре года, то ему уже бояться нечего. Поэтому въ послѣдніе мѣсяцы, считая себя вѣнчаными опасности, онъ съ особымъ наслажденіемъ думалъ, что «bête» была его мать, а не онъ; чѣмъ больше его режимъ будетъ отличаться отъ режима матери, тѣмъ болѣе она окажется «bête» а онъ будетъ правъ. Поэтому послѣдніе мѣсяцы этого царствованія были самые ужасные: Павелъ I считалъ для себя все дозволеннымъ.

Нужно признать, что онъ былъ почти правъ: не опоздай на день фельдзегерь съ приказомъ Аракчееву, Павелъ I могъ бы «mener ces gens-là» какъ онъ находилъ нужнымъ; не будь среди

¹⁾ Головкинъ, op. cit., p. 176, 177.

²⁾ Schiemann., op. cit., S. 275.

³⁾ Шильдеръ, стр. 466.

заговорщиковъ человѣка столь энергического и умнаго, какъ Паленъ, заговоръ не удался бы и «ces gens-là» пришлось бы пережить много горя. Уму и энергіи Палена мы должны приписать некоторые поступки Павла I, сдѣлавшіе его невозможнымъ, оправдывавшіе 11 марта 1801 г. въ глазахъ самыхъ благонамѣренныхъ людей. Когда гибель Павла I была решена, его уговорили надѣлать самыя невѣроятныя вещи.

Общепризнано, что вторая половина царствованія Павла I была еще болѣе печальна, чѣмъ первая; лѣтомъ 1798 г. послѣдовалъ, если вѣрить барону Гейкингу, переломъ въ поведеніи государя. Дѣйствительно, съ половины 1798 г. Павелъ I былъ менѣe сдержанъ, чаще мѣнялъ сановниковъ; въ должностіи генералъ-прокурора за этотъ періодъ смѣнились три лица: Лопухинъ (отецъ фаворитки), Беклемишевъ и Обольяниновъ.

Однако, всѣ эти обстоятельства вполнѣ объясняются психологически. Во-первыхъ, пользуясь слабостью воли государя, интриганы отдалили Павла I отъ супруги; присутствіе при дворѣ Лопухиной повело къ охлажденію Павла I къ Нелидовѣ; послѣдствіемъ этого было удаленіе друзей императрицы и Нелидовѣ—людей благонамѣренныхъ и неглупыхъ. Интриганы окончательно завладѣли волею Павла, и около него уже не было благонамѣренныхъ лицъ, сдерживавшихъ его аффекты, подававшихъ ему хорошіе совѣты, говорившихъ ему правду. Особенно важно было удаленіе Нелидовѣ, которую Павелъ цѣнилъ какъ истиннаго друга.

Во-вторыхъ, за два года царствованія Павелъ I убѣдился, что онъ прочно сидитъ на престолѣ, что всѣ его приказанія исполняются, что ему не угрожаетъ ни малѣйшая опасность. За это время онъ мало-по-малу отвыкъ сдерживать себя и привыкъ дѣлать все, что вздумается.

Въ-третьихъ, могло имѣть вліяніе на перемѣну въ поведеніи Павла I и его большое путешествіе по Россіи лѣтомъ 1798 г., послѣ чего наступила перемѣна въ поведеніи государя, отмѣченная Гейкингомъ. Во время этого путешествія Павелъ всюду видѣлъ «одно изъ самыхъ лучшихъ свойствъ нашего народа: уваженіе и полное довѣріе къ верховной власти»¹⁾). Вполнѣ естественно, что Павелъ I это «уваженіе и полное довѣріе»

¹⁾ Пироговъ, Сочиненія, т. I, стр. 283.

относилъ къ своей особѣ, и потому полагалъ, что народъ вполнѣ преданъ ему лично, вполнѣ имѣ доволеніе. Убѣдившись въ «уваженіи и полной преданности» народа, Павелъ сталъ считать себя всемогущимъ и не находилъ болѣе нужнымъ сдерживаться.

Въ-четвертыхъ, блестящія побѣды Суворова окончательно укрепили престолъ Павла I, дали блескъ его царствованію, убѣдили его въ безграничномъ могуществѣ его власти; естественно, что государь, армія которого одержала блестящія побѣды надъ непобѣдимыми до того французами, могъ считать свои дѣйствія вполнѣ цѣлесообразными, могъ быть доволенъ собою, могъ переоцѣнивать свое могущество. Онъ увидѣлъ, что не только внутри страны все ему безусловно подчиняется, но и въ Европѣ его боятся. Печальное окончаніе этой войны, конечно, ничуть не поколебало вѣры въ себя Павла I: во всемъ оказались виноваты союзники; несмотря на все ихъ «вѣроломство», его армія покрыла себя бессмертной славой.

Конечно, трудно опредѣлить относительную роль каждого изъ этихъ четырехъ обстоятельствъ, но несомнѣнно, что всѣ они въ совокупности вполнѣ объясняютъ наростаніе деспотизма Павла I, объясняютъ, почему вторая половина его царствованія была такъ ужасна.

Въ началѣ своего царствованія онъ все же сдерживалъ себя, потому что не былъ увѣренъ въ прочности своей власти. Боязнь эта была такъ велика, что онъ придалъ серьезное значеніе нелѣпому доносу лакея И. И. Дмитріева; когда выяснилось, что никакого заговора не было, Павелъ I былъ такъ обрадованъ, что съ восторгомъ сказалъ императрицѣ: «Теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ»¹⁾. Вполнѣ естественно, что неувѣренный въ прочности своего престола, Павелъ I сдерживалъ себя, и, напримѣръ, въ началѣ своего царствованія въ состояніи аффекта онъ только щипалъ А. И. Тургенева, еще не рѣшаясь прибѣгать къ палкѣ. Затѣмъ, убѣдившись, что всѣ его дѣйствія не встрѣчаютъ отпора, что народъ его любитъ, гордый побѣдами своей арміи, окруженный карьеристами и дураками, онъ уже рѣшился приказывать бить палками, позволилъ себѣ и собственноручную расправу.

Особенно ужасенъ былъ послѣдній годъ царствованія Павла I,

¹⁾ И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь; ч. 2-ая, стр. 124—131.

потому что онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждался въ безграничности своей власти, въ томъ, что ему все позволено, что онъ можетъ безнаказанно дѣлать все, что ему вздумается.

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Павель I совершалъ поступки, которые, дѣйствительно, можно объяснить душевной болѣзнью.

Онъ самымъ страннымъ образомъ готовился къ войнѣ съ Англіей; напримѣръ, генералу Сухтелену 31 декабря 1880 года писалъ: «*De faire à Solowetz une bonne provision de goudron, dont on se servira bouillant contre les assaillants et de poutres pour les rouler dessus.*».

Рескриптами отъ 12 и 13 января 1881 г. атаману войска Донскаго Орлову было приказано «со всевозможною поспѣшностью» идти походомъ въ Индію; Павель I приказывалъ Орлову «мимоходомъ утвердить Бухару, чтобы китайцамъ не досталась». Казаки выступали съ Дона уже въ концѣ февраля; понятно, что такъ легкомысленно или, лучше сказать, безумно начатый походъ повелъ къ гибели многихъ; первымъ распоряженіемъ Александра I было отозваніе казаковъ.

Коцебу разсказываетъ о слѣдующей совершенно непонятной выходкѣ Павла I. 16 декабря 1800 г. Паленъ вызвалъ къ себѣ Коцебу; «когда я прїѣхалъ, графъ Паленъ сказалъ мнѣ съ улыбкою, что императоръ рѣшился разослать вызовъ или приглашеніе на турниръ ко всѣмъ государямъ Европы и ихъ министрамъ, и что онъ избралъ меня для того, чтобы изложить этотъ вызовъ и помѣстить его во всѣхъ газетахъ. Онъ присовокупилъ, что въ особенности слѣдуетъ взять на зубокъ и выставить въ смѣшномъ видѣ барона Тугута».

Паленъ нашелъ, что составленный Коцебу вызовъ «недостаточно рѣзокъ» и заставилъ его написать другой, который понравился ему болѣе. Оба поѣхали во дворецъ; Паленъ пошелъ къ государю съ бумагой, составленной Коцебу, долго оставался въ кабинетѣ государя, вернулся не въ духѣ и сказалъ: «Документъ все еще недостаточно силенъ». Коцебу отправился домой, «но не просидѣлъ я въ моей комнатѣ и получаса, какъ ко мнѣ приѣжалъ запыхаясь камер-лакей императора съ приказаниемъ немедленно къ нему явиться». Коцебу нашелъ въ кабинетѣ государя Палена; Павель I поручилъ Коцебу перевести на нѣмецкій языкъ для помѣщенія въ гам-

бургской газетѣ и въ другихъ газетахъ, написанную собственно-ручно бумагу на французскомъ языке, что Коцебу и исполнилъ, за что получилъ въ подарокъ табакерку, стоимостью въ 2,000 р. Въ русскомъ переводе эта собственноручная записка Павла I у Шильдера¹⁾ изложена такъ: «Насъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что русскій императоръ, видя, что европейскія державы не могутъ согласиться между собою, и желая положить конецъ войнѣ, уже одиннадцать лѣтъ терзающей Европу, намѣренъ предложить мѣсто, въ которое онъ пригласитъ всѣхъ прочихъ государей прибыть и сразиться между собою на поединкѣ, имѣя себѣ въ качествѣ приспѣшниковъ, судей поединка и герольдовъ самыхъ просвѣщенныхъ своихъ министровъ и искуснейшихъ генераловъ, какъ-то: гг. Тугута, Питта, Бернсдорфа; при чемъ онъ намѣренъ взять съ собою генераловъ Палена и Кутузова; не знаютъ, вѣрить ли этому; однако же извѣстіе это, повидимому, не лишено основанія, ибо носить отпечатокъ тѣхъ свойствъ, которыя часто ему приписывали».

Въ газетахъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» (19 февраля 1801 г.) и «Московскія Вѣдомости» (27 февраля) появились статьи слѣдующаго содержанія:

«Изъ Лондона. Января 30.

На конецъ открылось, что означаетъ извѣстіе, помѣщенное 30 числа минувшаго декабря въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 24 и 34²⁾. Загадка разрѣшена. Въ Россійскомъ императорскомъ кабинетѣ никакой не произошло перемѣны, и политическая дѣла остались въ прежнемъ положеніи. Статья сія, которой никто понять не могъ, извлечена изъ нѣкотораго письма, писанного въ Копенгагенъ бывшимъ датскимъ при Россійско-императорскомъ дворѣ министромъ Розенкранцомъ. Говорятъ, якобы его императорское величество во время стола въ день Рождества Христова сказаль: «Что весьма бы хорошо было, есть ли бы государи рѣшились прекратить взаимныя ихъ несогласія, по примѣру древнихъ рыцарей, на опредѣленномъ для подвиговъ полѣ». На сей-то шуткѣ помянутый датскій министръ основалъ извѣстіе,

¹⁾ Op. cit., стр. 443—444.

²⁾ „Такихъ нумеровъ „Вѣдомостей“ не появлялось въ печати, равно какъ и извѣстія, о которомъ здѣсь упоминается. Все это одна сплошная мистификація, въ которой трудно разобраться“. Шильдеръ, op. cit., стр. 445.

которое онъ посыпалъ въ Копенгагенъ. Остановленное на почтѣ письмо его было распечатано и представлено его величеству императору. Его величеству благоугодно было приказать напечатать въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» краткую изъ онаго выписку и разослать оную ко всѣмъ своимъ министрамъ, при иностранныхъ дворахъ находящимся. Въ то же самое время его императорское величество приказать соизволилъ всему датскому посольству выѣхать изъ Петербурга. Въ нѣкоторыхъ письмахъ утверждаютъ, будто бы г. Розенкранцъ предупредилъ сіе повелѣніе, и будто бы императорскіе драгуны не могли его догнать. Впрочемъ, происшествіе сіе, повидимому, никакой не произвело перемѣны въ добромъ согласіи между сими двумя дворами. Изъ Копенгагена пишутъ, что неутральный трактатъ ратификованъ его величествомъ, королемъ датскимъ 10 числа сего мѣсяца, т.-е. спустя мѣсяцъ послѣ подписанія онаго. (Изъ англійскаго журнала)».

Дѣйствительно, эти поступки Павла I даютъ право думать, что въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ страдалъ душевною болѣзнью, такъ какъ только безумiemъ можно объяснить эти совершенно безумныя распоряженія. Если бы и другіе поступки Павла I за это время были столь же безумны, то, конечно, такое объясненіе было бы вполнѣ обосновано. Но дѣло въ томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы этого царствованія никакой рѣзкой перемѣны въ состояніи здоровья Павла I не произошло, хотя очевидно, что защищаться легтемъ и посыпать вызовъ на дуэль государямъ могъ только тяжко больной. Слѣдовательно, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній допускать, что Павелъ I въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни заболѣлъ настолько тяжелой душевной болѣзнью, что совершилъ вполнѣ безумные поступки.

Мы можемъ объяснить эти странные поступки вліяніемъ на него Палена, дѣйствовавшаго весьма разумно. Паленъ, какъ человѣкъ очень умный, понимавшій значеніе общественнаго мнѣнія, стремился выставить Павла I въ самомъ смѣшномъ видѣ; онъ ясно понималъ, что только заручившись общественнымъ мнѣніемъ, можетъ надѣяться на безнаказанность. Какъ извѣстно, расчетъ Палена оказался вполнѣ вѣрнымъ; «освободители» имѣли за себя общественное мнѣніе, и потому все преслѣдованіе ограничилось удаленіемъ изъ столицы.

Паленъ постарался окончательно возстановить общественное

мнѣніе противъ Павла I; онъ хорошо понималъ, что «*c'est le ridicule qui тue*» и сдѣлалъ все, чтобы сдѣлать Павла I смѣшнымъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Разсказываютъ, что государь приказалъ Палену одной знатной дамѣ «хорошенько намылить голову». Паленъ «по высочайшему повелѣнію» собственно ручно намылилъ голову этой дамѣ въ прямомъ, а не переносномъ, смыслѣ. Такъ же, нужно думать, онъ дѣйствовалъ и въ области политики. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Павель I находился подъ вліяніемъ Палена, и едва ли я ошибаюсь, объясняя вышеупомянутые поступки его вліяніемъ Палена.

Этотъ несчастный государь былъ самаго высокаго мнѣнія о Паленѣ, какъ военоначальникѣ. Весьма вѣроятно, что Паленъ подалъ Павлу I мысль о защитѣ Соловецкаго монастыря дегтемъ; понятно, что военные, узнавъ о такомъ приказаніи Павла I, смыялись надъ несчастнымъ государемъ и ясно поняли, что Россія беззащитна противъ англійскаго флота. Такое мнѣніе военныхъ, конечно, было извѣстно всему обществу, и понятно, что всѣми овладѣлъ страхъ, всѣ боялись войны съ англичанами и желали избавиться отъ того, кто вызвалъ войну и не подготовился къ защитѣ страны. Очевидно, что беззащитная страна, которой понадобился для отраженія лучшаго въ мірѣ флота дегть, желала избѣгнуть войны, благодарна тѣмъ, кто предохранилъ ее отъ разоренія, слѣдовательно, должна быть благодарна «освободителямъ», т.-е. заговорщикамъ.

Шишковъ разсказываетъ, что Рибасъ, участвовавшій въ заговорѣ, подавалъ Павлу I самые нелѣпые совѣты для защиты Кронштадта; нужно думать, что въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и Паленъ¹⁾.

Неизвѣстно, кто подалъ Павлу I мысль послать донскихъ казаковъ въ Индію; мало вѣроятно, что эта мысль пришла въ голову самому государю; мы хорошо знаемъ, что у Павла I вообще не было инициативы; всѣ его мысли были подсказаны обстоятельствами или совѣтниками. Прямо невѣроятно, чтобы Павель I самостоятельно вспомнилъ, что есть донские казаки, что ихъ можно послать въ Индію и т. д.; для такихъ соображеній необходимо продолжительное обсужденіе, а на это у него не было времени. Заговорщикъ, подавшій Павлу I эту мысль, отлично зналъ,

¹⁾ Записки. Т. 1, стр. 77—78.

что дѣлалъ. Чтобы еще болѣе повредить государю, ему было внушенено, что это дѣло нужно хранить въ строгой тайнѣ, которая соблюдалась такъ хорошо, что обо всемъ этомъ дѣлѣ зналъ только Ливенъ, почему Александръ Павловичъ, тотчасъ же по вступлениіи на престолъ, вызвалъ къ себѣ Ливена, чтобы узнать, гдѣ эти несчастные казаки и послать фельдъегеря съ приказаниемъ Орлову вернуться на Донъ. Этотъ походъ былъ такъ нелѣпъ, таинственность этого дѣла такъ непонятна, что въ обществѣ смотрѣли на него именно такъ, какъ было надобно заговорщикамъ. Д. Х. Ливенъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Онъ (Павелъ I) надѣялся, что зимній походъ, болѣзни, сраженія освободятъ его отъ цѣлаго народа»... «Подозрѣвали мотивы императора, потому что знали его ненависть противъ нѣсколько конституціоннаго внутренняго управлениія этого народа». Слѣдовательно, даже Д. Х. Ливенъ была увѣрена, что Павелъ I послѣдъ казаковъ на гибель, потому что хотѣлъ отдѣлаться отъ нихъ. Естественно, что всѣ желали устраниТЬ того, кто обрекъ на гибель цѣлый народъ, заслуги котораго передъ страною, по мнѣнію всѣхъ благоразумныхъ людей, были весьма значительны. Чтобы спасти нужныхъ для Россіи донскихъ казаковъ былъ необходимъ государственный переворотъ.

Д. Х. Ливенъ утверждаетъ, что это дѣло было въ числѣ причинъ, ускорившихъ трагическую кончину императора¹⁾.

Изъ разсказа Коцебу слѣдуетъ заключить обѣ участіи Палена въ составленіи вызова на поединокъ государей; Паленъ вель переговоры обѣ этомъ дѣлѣ съ Коцебу, остался вдвоеемъ съ Павломъ I, послѣ чего тотъ самъ составилъ замѣтку. Такимъ образомъ, въ рукахъ Палена осталось письменное доказательство, что вполнѣ безумная замѣтка написана самимъ государемъ. Если бы дѣло ограничилось тѣмъ, что вызовъ былъ бы составленъ Коцебу и одобренъ государемъ, многіе не повѣрили бы Палену и Коцебу и могли бы утверждать, что они лгутъ на покойнаго государя, что онъ не могъ выставить себя въ столь смѣшномъ видѣ передъ цѣлымъ міромъ. Уговоривъ Павла I собственноручно составить нелѣпую записку о поединкѣ, Паленъ получилъ убѣдительное доказательство его безумія; понятно, какъ важно было такое доказательство для заговорщиковъ: общественное мнѣніе

¹⁾ Schiemann, op. cit., S. 44.

за границей могло снисходительнѣе отнести съ лицамъ, устранившимъ безумнаго государя. Мы знаемъ, что Палену удалось получить отъ Павла I собственноручный указъ объ арестѣ императорской семьи; имѣя въ рукахъ этотъ указъ, онъ добился согласія Александра Павловича на переворотъ.

Такъ какъ Паленъ управлялъ внѣшней политикой, то, конечно, вышеприведенная статья въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ дѣло его рукъ; безъ его участія эта статья не могла появиться. Цѣль Палена въ этомъ дѣлѣ очень ясна; даже самые преданные государю лица должны были прийти къ убѣжденію «эта кутерьма долго существовать не можетъ»; всѣ порядочные люди ясно видѣли *«le tableau affigeant des dangers qui menacaient de perdre l'Empire»*¹⁾.

Такимъ образомъ, самые безумные поступки Павла I объясняются вліяніемъ на него лицъ, рѣшившихъ его погубить; можно лишь удивляться уму и энергіи графа Палена, принявшаго всѣ мѣры для успѣха заговора. Трудно допустить, чтобы такой проницательный человѣкъ не понималъ характера Александра Павловича, а потому не принялъ мѣръ къ тому, чтобы оградить себя отъ мести вдовы и сыновей Павла I.

Просто невѣроятно, чтобы Паленъ разсчитывалъ играть роль въ слѣдующемъ царствованіи: онъ хорошо зналъ наслѣдника престола; болѣе вѣроятно, что онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, любящій отчество и ненавидящій деспотизмъ.

Положеніе Россіи было такъ ужасно, что было бы странно, если бы не нашлось нѣсколькихъ мужественныхъ и честныхъ дѣятелей, которые бы рѣшились рисковать жизнью для спасенія отечества. Паленъ былъ настолько уменъ, что сумѣлъ гарантировать заговорщикамъ безнаказанность въ случаѣ удачи и принялъ всѣ мѣры, чтобы заговоръ удался.

Современныхъ психиатровъ часто обвиняютъ въ томъ, что они всѣхъ, выдѣляющихся изъ средняго уровня, считаютъ душевно-больными, всѣ непонятныя психическія явленія объясняютъ бо-

1) Изъ письма Н. П. Панина. Schiemann, op. cit., S. 56. Паленъ и его единомышленники вполнѣ достигли своей цѣли: даже симпатизирующей Павлу I Schnitzler (*Hystorisches Taschenbuch. Raumer*, 1867 г., стр. 374) по поводу статьи о поединкѣ сдѣлалъ примѣчаніе (126). «По всей вѣроятности Павель I сошелъ съ ума» (*den Verstand verloren*).

лѣзнью. Конечно, и между психиатрами есть люди увлекающіеся и недостаточно свѣдущіе и потому часто ошибающіеся, но вообще обвиненіе психиатровъ въ стремлении всюду видѣть душевную болѣзнь ни на чёмъ не основано. Профаны дѣйствительно считаютъ душевнобольными лицъ, характеръ и поведеніе которыхъ имъ непонятны; также они судили и въ XVIII вѣкѣ. Непонятный характеръ и странное поведеніе Павла I вызывали недоумѣніе, и намъ извѣстны мнѣнія современниковъ, считавшихъ его больнымъ. Конечно, намъ извѣстны лишь немногія изъ такихъ мнѣній, потому что охотниковъ писать о такомъ деликатномъ предметѣ, по понятнымъ причинамъ, было очень мало.

Весьма поучительно, что всѣ мнѣнія о душевной болѣзни или не мотивированы, или обоснованы на завѣдомо ложныхъ или, по меньшей мѣрѣ, сомнительныхъ данныхъ. Это, конечно, указываетъ на неосновательность этихъ мнѣній, на отсутствіе проявленій душевной болѣзни; безспорно, что если бы были какіе-либо признаки или проявленія душевной болѣзни Павла I, лица, счиавшія его больнымъ, указали бы на эти признаки, какъ на доказательства справедливости своего мнѣнія.

Мнѣніе о болѣзни Павла Петровича, основанное на безусловно ложныхъ данныхъ, принадлежало Sabatier, который въ 1770 г. писалъ герцогу Шуазелю, что Павелъ Петровичъ имѣлъ «convulsions terribles et les signes les moins equivoques d'une attaque très forte d'epilepsie». Sabatier объяснялъ болѣзнь Павла Петровича испугомъ: будто бы въ 1762 г. мальчикъ очень испугался, когда ему сказали, что Петръ III хочетъ его погубить¹⁾). Несомнѣнно, что Павелъ I не страдалъ эпилепсіей, и потому мнѣніе Sabatier не заслуживаетъ вниманія.

Къ сожалѣнію П. И. Ковалевскій не привелъ оснований, почему онъ думаетъ, что Павелъ I «былъ эпилептикъ и въ дѣствѣ проявлялъ судорожные припадки. Поэтому весьма естественно, что въ немъ можно усмотреть черты эпилептическаго характера»²⁾. Думаю, что многоуважаемый П. И. Ковалевскій съ излишней довѣрчивостью отнесся къ донесенію Sabatier; эпилептическаго характера у Павла I не было. Замѣчу кстати, что эпилепсію безъ

¹⁾ Waliszewsky, Le roman d'une imperatrice Catherine II; p. 534.

²⁾ Императоръ Павелъ I, „Вѣстникъ душевныхъ болѣзней“, 1904 г., май, стр. 44.

всякаго основанія приписывали и Магомету, и Наполеону; доказано, что ни тотъ, ни другой этой болѣзни не страдалъ, и меня удивляетъ, какъ могли психиатры считать Наполеона эпилептикомъ.

Мнѣніе о болѣзни Павла Петровича, обоснованное весьма сомнительными данными, принадлежитъ эллинисту Villoison, хорошо знавшему наслѣдника престола; это мнѣніе Villoison'a сообщилъ D'Allonville¹⁾. Умственныя способности Павла Петровича пострадали отъ отравленія большими дозами опія: Андрей Разумовскій всегда ужиналъ съ велиокняжеской четой и, чтобы превратить «trio à un simple tête à tête», усыплялъ Павла Петровича большими дозами опія, прибавленного къ вину. Возможно, что первая супруга Павла Петровича и Андрей Разумовскій прибѣгали даже къ этому подлому способу, чтобы отдѣльваться отъ непріятнаго имъ общества; по крайней мѣрѣ, все, что намъ известно объ этихъ лицахъ, даетъ основаніе вѣрить разсказу Villoison'a; но несомнѣнно, что нѣсколько приемовъ даже очень большихъ дозъ опія не можетъ вызвать разстройства умственныхъ способностей. Я зналъ нѣсколько опіофаговъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ежедневно принимавшихъ опій и вполнѣ психически здоровыхъ; одинъ мой пациентъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ принималъ ежедневно не менѣе трети грамма, и не болѣе грамма, и тѣмъ не менѣе былъ психически здоровъ. Поэтому, если разсказъ Villoison'a вѣренъ, мы не можемъ согласиться съ его выводами.

Непонятный характеръ Павла I нѣкоторые объясняли введеніемъ въ его организмъ яда съ цѣлью отравленія; самъ Павелъ I былъ увѣренъ, что его здоровье пострадало отъ этой причины. Я уже говорилъ, что отравленіемъ, если даже таковое и было, что весьма сомнительно, нельзѧ объяснить характеръ и поведеніе Павла I.

Намъ извѣстны совершенно немотивированныя, но вполнѣ категорическая заключенія о сумасшествіи Павла I двухъ дипломатовъ: сардинскаго посланника Балбо и англійскаго Витвортса. Въ марта 1880 г. Балбо доносилъ своему правительству «L'Empereur de Russie est fou, neanmoins on pourrait en tirer un grand parti, si l'on profite des moments favorables. Mais si l'on biase, il n'y faut

¹⁾ D'Allonville, *Memoires secrets de 1770 à 1830*, vol. II.

plus compter du tout». Столь же категорически о душевной болѣзни Павла I доносилъ своему правительству Витвортъ: «The emperor is literally not in his senses». Несомнѣнно, что Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ убѣжденъ въ душевной болѣзни Павла I; въ письмѣ къ Н. Н. Новосильцеву отъ 5 февраля 1801 г. онъ, иносказательно изображая положеніе Россіи, говорить, что «le capitaine est devenu fou»¹⁾. Болѣе осторожно о душевной болѣзни Павла I высказался И. М. Долгоруковъ. Онъ говоритъ о поступкахъ государя такъ: «Простимъ ихъ слабости человѣка, омраченного и потерявшаго почти разумъ... Разсудокъ Павла былъ уже потемнѣнъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва»²⁾. Съ мнѣніемъ Долгорукова можно согласиться; дѣйствительно, разсудокъ Павла I въ послѣдніе годы его жизни былъ потемнѣнъ, и душа была наполнена гнѣва; но Долгоруковъ не говоритъ, что Павелъ I сошелъ съ ума, а потемнѣніе разсудка могло быть объяснено особыми обстоятельствами.

Приведенный мнѣнія о душевной болѣзни Павла I мало убѣдительны, потому что принадлежать Балбо, очень мало знаявшему Павла I, и С. Р. Воронцову, его почти не знаявшему и, наконецъ, Витворту, искренность котораго весьма сомнительна.

Балбо, какъ посланникъ Сардинскаго королевства, такъ мало зналъ государя, что могъ лишь повторять сужденія другихъ лицъ о здоровьѣ Павла I; конечно, онъ слышалъ разсказы о странныхъ поступкахъ Павла I, слышалъ сужденія о немъ своихъ друзей; провѣрить справедливость этихъ сужденій онъ не могъ.

Мнѣніе С. Р. Воронцова было основано на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ ему сообщали друзья изъ Петербурга, и потому, при всѣмъ уваженіи къ этому умному и честному государственному дѣятелю, мы не можемъ довѣрять справедливости этого мнѣнія.

Понятно, что Витвортъ могъ сознательно обманывать свое правительство для того, чтобы оправдать свое поведеніе: участіе въ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью лишить власти душевнобольного государя, едва ли можно считать безнравственнымъ дѣломъ. Возможно, что Витвортъ былъ введенъ въ заблужденіе Жеребцовой, ненавидѣвшей государя, и Н. П. Панинымъ. Возможно, что Жеребцова, Н. П. Панинъ и ихъ друзья увѣрили Витворта, что

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, кн. 11-я, стр. 381.

²⁾ Капище моего сердца. Русскій Архивъ, 1890 г. Приложеніе, стр. 256.

государь боленъ, а онъ самъ не могъ провѣрить ихъ разсказовъ и сужденій.

Не слѣдуетъ забывать, что заговорщики упорно распространяли мнѣніе о сумасшествіи государя; понятно, что они должны было увѣрять всѣхъ и каждого, что несчастный государь сошелъ съ ума. Но у нихъ не было никакихъ доказательствъ для такого заключенія; они не могли указать ни на одинъ признакъ душевной болѣзни, ни на одинъ фактъ, доказывающій помѣшательство. Они упорно убѣждали всѣхъ и каждого, что Павелъ I сошелъ съ ума, но ограничивались общими фразами. Такъ Паленъ уже послѣ 11 марта 1801 г. увѣрялъ барона Гейкинга «dass seine (Павла I) *Verrücktheit von Tag zu Tag zunahm und in Grausamkeitswahniss ausartete*¹»). Паленъ старался оправдать свои дѣйствія, убѣдить въ ихъ цѣлесообразности Гейкинга, потому что надѣялся透过 него повлиять на Нелидову и слѣдовательно на Марию Феодоровну. Очевидно, что если бы Паленъ имѣлъ аргументы для того, чтобы ими воспользоваться, онъ ими воспользовался бы для того, чтобы убѣдить Гейкинга; этихъ аргументовъ не было, и Паленъ не убѣдилъ Гейкинга².

Едва ли я ошибаюсь, допуская, что Балбо узналъ о сумашествіи Павла I отъ кого-либо изъ единомышленниковъ Палена; и Балбо и С. Р. Воронцовъ не могли указать на признаки душевной болѣзни Павла I, такъ же, какъ не могъ указать на нихъ и Паленъ. Весьма возможно, что и Паленъ, и Н. П. Панинъ, и ихъ друзья дѣйствительно считали Павла I душевнобольнымъ, такъ какъ не понимали его поведенія.

Хотя въ то время научной психиатріи еще не было, все же наиболѣе компетентными судьями въ этомъ вопросѣ были врачи; намъ извѣстно мнѣніе Рожерсона о душевномъ здоровье Павла I; близко знавшій Павла I онъ опредѣлилъ его состояніе весьма вѣрно: *C'est une evolution de tout ensemble, n'e tel, qui avec la passion de faire du bien n'est pas capable de disreminer entre le bien et le mal, mais qui se laisse aller selon qu'il est dirigé par la faiblesse ou la violence des combinaison fausses... Le nuage s'epaissit, les mouvements disparates augmentent.. le maître*

¹⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls, S. 229.

²⁾ Также нужно рассматривать сужденіе Н. П. Панина (въ письмѣ его къ С. Р. Воронцову въ 1805 г.) „un homme entièrement aliéné“ (Архивъ Воронцовъ, XI, стр. 139).

devient tous les jours plus passionné¹⁾). Очевидно, что Рожерсонъ не считалъ Павла I душевнобольнымъ; онъ правильно объяснилъ, почему тотъ пересталъ отличать добро отъ зла, вѣрно указавъ на роковое значение неправильныхъ сужденій или заблужденій для пониманія поведенія Павла I. Вполнѣ понятно, что человѣкъ, неправильно понимающій свое положеніе, поступаетъ неразумно. Такжѣ вѣрно указалъ Рожерсонъ и на то, что удивительное царствование Павла I есть лишь проявленіе всей его личности.

Трудно допустить, что если бы Павелъ I былъ дѣйствительно психически боленъ, такой опытный и умный врачъ, какъ Рожерсонъ, ничего не замѣтилъ бы; если бы даже до 11 марта 1801 г. Рожерсонъ и находилъ благоразумнымъ скрывать свое мнѣніе, потомъ онъ могъ бы объяснить и Маріи Феодоровнѣ, и Александру Павловичу, что покойный государь былъ психически боленъ; такое объясненіе было бы выслушано, по меньшей мѣрѣ, благосклонно. Рожерсонъ, какъ человѣкъ честный, не могъ поддержать своимъ авторитетомъ мнѣнія заговорщиковъ.

При всемъ желаніи, современники Павла I не могли найти въ немъ душевной болѣзни, не могли ничего привести въ доказательство своихъ общихъ выраженій о психической ненормальности этого государя; они ограничивались лишь одними словами «is literally not in his senses»—«разсудокъ потерянъ» и т. п. Понятно, что историки, располагая еще меньшимъ материаломъ, чѣмъ современники Павла I, должны были ограничиваться или неопределенными выраженіями, или прибѣгать къ гипотезамъ.

Шиманъ о душевной болѣзни выражается такъ неопределѣленно, что я, какъ психіатръ, просто не понимаю, что собственно онъ хотѣлъ сказать (оп. cit., Vorwort). Конечно, Шиманъ легко могъ бы ознакомиться съ современной психіатрической номенклатурой и высказать свою мысль точно и понятно; «haltlose Erregung und den despotischen Grossenwahn» можно понимать и какъ патологическая явленія и какъ психологическая; Шиманъ, однако, считаетъ Павла I душевнобольнымъ; по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ о «volle Geistesstörung».

Шумигорскій прибѣгаєтъ къ гипотезамъ; этотъ почтенный историкъ, тщательно изучавшій всю эпоху, приписываетъ Павлу I: «крайнюю неустойчивость впечатлѣній на истерической подпоч-

1) Архивъ князя Воронцова, кн. 30, стр. 116, 121.

Вопросы философіи, кн. 90.

въ»¹⁾. Если я правильно понимаю Шумигорского, онъ хотѣлъ сказать, или что у Павла I была скрытая истерія, или что у него истерія была въ легкой степени. Шумигорскій не приводитъ какихъ-либо доказательствъ, подтверждающихъ эту гипотезу; такихъ доказательствъ привести нельзя по той простой причинѣ, что ихъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я не нашелъ не только ни одного доказательства, но даже ни одного указанія на то, что у Павла I была истерія.

У него не было, насколько намъ извѣстно, ни одного симптома, ни одного признака истеріи; характеръ его въ общемъ даже не походилъ на истерической, и для меня прямо невѣроятно, чтобы у него была истерія въ легкой степени²⁾.

Болѣе правдоподобна другая гипотеза Шумигорского: «помимо крайней нервности и впечатлительности, въ государѣ усиливалась чрезвычайно желчная раздражительность, развивавшаяся до болѣнства и происходившая, вѣроятно, отъ болѣзни печени, которою страдалъ онъ»³⁾.

Конечно, болѣзнь печени могла вліять и на настроеніе, дѣлая его болѣе мрачнымъ, и на раздражительность, но именно ничѣмъ не доказано, что этотъ государь страдалъ печенью.

Возможно, что преобладаніе въ организмѣ Павла I кatabолическихъ процессовъ зависѣло и отъ аномалии печени, но при современномъ состояніи нашихъ знаній ничего достовѣрного намъ по этому поводу неизвѣстно, а потому лучше и не затрагивать этого вопроса.

Такъ какъ для объясненія царствованія Павла I Шумигорскій, и вполнѣ правильно, нашелъ нужнымъ упомянуть о соматическомъ здоровыи этого государя, мнѣ кажется необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи частыхъ кровопусканій, которыя дѣлали Павлу Петровичу.

Головкинъ увѣряетъ, что докторъ Фрейгангъ каждое новолуніе пускалъ кровь Павлу Петровичу; по воцареніи Павель I не пожелалъ продолжать это лѣченіе, и Головкинъ упрекаетъ фаворитовъ за то, что они болѣе заботились о своемъ обога-

¹⁾ Русскій библіографический словарь, стр. 20.

²⁾ Въ виду специальности этого вопроса, могу лишь указать на мой ученикъ—Психіатрія, 1902, гл. XXVIII.

³⁾ Id., стр. 46.

щении, чѣмъ о здоровыи государя и благополучіи подданыхъ¹⁾.

Историки придаютъ такое большое значеніе этимъ кровопусканіямъ, что и Шильдеръ²⁾, и Шумигорскій³⁾ находятъ нужнымъ сообщить, что Кутайсовъ выражалъ впослѣдствіи сожалѣніе, что не пустилъ Павлу Петровичу немедленно кровь 6 ноября 1796 г., когда Николай Зубовъ увѣдомилъ Павла объ апоплексическомъ ударѣ, поразившемъ его мать.

Нужно думать, что частыя кровопусканія ослабляли здоровье Павла I и все же имѣли нѣкоторое значеніе въ раннемъувяданіи его организма. Едва ли прекращеніе кровопусканій имѣло то значеніе, которое ему придаютъ Головкинъ и Кутайсовъ; если бы кровопусканія повторялись и послѣ ноября 1796 г., организмъ государя ослабѣлъ бы еще больше: усиленная дѣятельность вмѣстѣ съ потерями крови очень истощали бы организмъ Павла I.

Несдержанность Павла I по воцаренію объясняется не прекращеніемъ кровопусканій или болѣзни печени, а отсутствиемъ весьма важного момента — боязни отвѣтственности. При жизни матери Павелъ I боялся отвѣтственности, и этотъ спасительный страхъ сдерживалъ его аффекты; когда вся власть оказалась въ его рукахъ и не было основанія бояться отвѣтственности, тогда можно было раздражаться «до бѣшенства».

Сила аффектовъ зависитъ и отъ психическихъ причинъ, и отъ обстановки; вообще, не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе соматического здоровья. Я хорошо помню, какъ съ введеніемъ мировыхъ судей сразу ослабѣли аффекты у помѣщиковъ и вполнѣ здоровыхъ, и у страдавшихъ печенью, и у пускавшихъ себѣ кровь, и не прибѣгавшихъ къ кровопусканію. Когда узнали объ обвинительныхъ приговорахъ за «мурдебитіе» прислуги и крестьянъ, у самыхъ бѣшеныхъ помѣщиковъ сразу аффекты ослабѣли.

Раздражительность до бѣшенства и бурные аффекты Павла I вполнѣ объясняются психологически, и Головкинъ говоритъ вполнѣ вѣрно. Il monta enfin sur le trône et fut comme en extase devant la plenitude de sa puissance... tout n'existant que pour et

¹⁾ La cour et le regne de Paul I, p. 221—222.

²⁾ Op. cit., стр. 278.

³⁾ Русский библиографический словарь, стр. 42. Императоръ Павелъ I, стр. 76..

par lui et qu'il pouvait en user sans scrupule suivant son bon plaisir¹⁾. Павелъ Петровичъ сдержанно выслушивалъ дерзости Платона Зубова, когда боялся отвѣтственности, и бѣгалъ съ поднятой палкой за Тутолминымъ, когда считалъ себя всемогущимъ. Без-отвѣтственность портитъ даже людей благоразумныхъ и съ сильной волею, а Павла Петровича Корберонъ характеризовалъ такъ: Le grand duc non seulement est d'un caractere faible, mais il n'en a point du tout²⁾. Характеръ Павла I и обстановка, при которой онъ вполнѣ могъ проявлять свой характеръ, вполнѣ объясняютъ его поведеніе; нѣтъ надобности допускать психическое или соматическое разстройство для объясненія этого поведенія.

Единственное указаніе на душевную болѣзнь Павла I мы имѣемъ въ разсказѣ Павла Петровича о его видѣніи.

29 іюня 1782, въ Брюсселѣ, послѣ театра, въ интимномъ обществѣ цесаревича, разговоръ перешелъ на предчувствія, сны, предзнаменованія; каждый рассказалъ что-либо изъ своей жизни, подкрѣпивъ свое повѣствованіе тѣми или иными предзнаменованіями. Когда обратились къ цесаревичу, онъ сказалъ: «Куракинъ знаетъ, что и мнѣ было бы возможно разсказать не менѣе другихъ. Но я стараюсь удалить подобные мысли; онѣ меня когда-то достаточно мучили». Никто не возражалъ. Великій князь посмотрѣлъ на своего друга и продолжалъ съ отгѣнкомъ грусти: «Не правда ли, Куракинъ, что со мною приключалось кое-что очень странное».—«Даже столь странное, государь, что при всемъ уваженіи къ вашимъ словамъ я могу лишь приписать этотъ фактъ игрѣ вашего воображенія».

Цесаревичъ потребовалъ обѣщанія никому не говорить о томъ, что онъ разскажетъ; понятно всѣ обѣщались, и онъ рассказалъ слѣдующее.

«Однажды вечеромъ, или скорѣе ночью, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ я шелъ по улицамъ Петербурга... Это было въ лучшую пору нашей весны... Мы были веселы, мы вообще не думали о чёмъ-либо религиозномъ или даже серьезному... Я шелъ впереди, предшествуемый однако слугой; за мною въ нѣкоторомъ разстояніи шелъ Куракинъ... Луна свѣтила такъ ярко, что было бы возможно читать; тѣни ложились длинныя и

¹⁾ Op. cit., p. 123.

²⁾ Journal intime du chevalier de Corberon, v. I, p. 245.

густыя. При поворотѣ въ одну изъ улицъ я замѣтилъ въ углу-бленіи однѣхъ дверей высокаго и худого человѣка, завернутаго въ плащъ, въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ, казалось, поджидалъ кого-то, и, какъ только мы миновали его, онъ вышелъ изъ своего убѣжища и подошелъ ко мнѣ съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядѣть черты его лица; только шаги по тротуару издавали странный звукъ, какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ сначала изумленъ этой встрѣчей; затѣмъ мнѣ показалось, что я ощущаю охлажденіе въ лѣвомъ боку, къ которому прикасался незнакомецъ. Я почувствовалъ охватившую меня дрожь и, обернувшись къ Курakinу, сказалъ: «Мы имѣемъ страннаго спутника». — «Какого спутника?» — спросилъ онъ. «Вотъ того, который идетъ у меня слѣва и который, какъ мнѣ кажется, производитъ достаточный шумъ». — Курakinъ въ изумленіи раскрылъ глаза иувѣрялъ меня, что никого нѣтъ съ лѣвой стороны. — «Какъ? Ты не видишь человѣка въ плащѣ, идущаго съ лѣвой стороны, вотъ между стѣной и мною?». — «Ваше величество, сами соприкасаетесь съ стѣной, и нѣтъ мѣста для другого лица между вами и стѣной». — Я протянулъ руку; дѣйствительно, я почувствовалъ камень. Но все-таки человѣкъ былъ тутъ и продолжалъ итти со мною въ ногу, при чемъ шаги его издавали попрежнему звукъ, подобный удару молота. Тогда я началъ разматривать его внимательно и замѣтилъ изъ-подъ упомянутой мною шляпы особенной формы такой блестящій взглядъ, какого не видѣлъ ни раньше, ни послѣ. Взглядъ его, обращенный ко мнѣ, очаровывалъ меня; я не могъ избѣгнуть дѣйствія его лучей. «Ахъ», — сказалъ я Курakinу, — я не могу передать, что я чувствую, но что-то странное». — Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Какое-то странное чувство охватило меня и проникло въ сердце. Кровь застывала въ жилахъ. Вдругъ глухой и грустный голосъ раздался изъ-подъ плаща, закрывающаго ротъ моего спутника, и назвалъ меня моимъ именемъ. — «Павель!» — Я невольно отвѣчалъ, подстрекаемый какою-то невѣдомой силой. — «Что тебѣ нужно?» — «Павель!» повторилъ онъ. — На этотъ разъ голосъ имѣлъ ласковый, но еще болѣе грустный оттенокъ. Я ничего не отвѣчалъ и ждалъ; онъ снова назвалъ меня по имени, а затѣмъ вдругъ остановился. Я вынужденъ былъ сдѣлать то же самое. «Павель, бѣдный Павель, бѣдный князь». — Я обратился къ

Куракину, который тоже остановился. — «Слышишь, сказалъ я м'ю».—«Ничего, государь, рѣшительно ничего. А вы?»—Что касается меня, то я слышалъ: этотъ плачевный голосъ еще раздавался въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усилие надъ собою и спросилъ таинственнаго незнакомца, кто онъ и чего онъ отъ меня желаетъ.—«Бѣдный Павель! Кто я? Я тотъ, кто принимаетъ въ тебѣ участіе. Чего я желаю. Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не останешься въ немъ долго. Живи какъ слѣдуетъ, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоровъ совѣсти: это величайшая мука для великой души». — Онъ пошелъ снова, глядя на меня тѣмъ же проницательнымъ взоромъ, который какъ бы отдалялся отъ его головы. И какъ прежде я долженъ былъ остановиться, слѣдя его примѣру, такъ и теперь я вынужденъ былъ слѣдовать за нимъ. Онъ пересталъ говорить, и я не чувствовалъ потребности обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что теперь онъ давалъ направление нашему пути; это продолжалось еще болѣе часу въ молчаніи, и я не могу вспомнить, по какимъ мѣстамъ мы проходили. Куракинъ и слуги удивлялись.

Посмотрите на него, прерваль свой разсказъ великий князь, указывая на Куракина, онъ улыбается; онъ все еще воображаетъ, что все это я видѣлъ во снѣ.

Наконецъ,—продолжалъ далѣе Павель Петровичъ—мы подошли къ большой площади между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ сената. Незнакомецъ прямо подошелъ къ одному мѣсту этой площади, къ которому я, конечно, послѣдовалъ за нимъ а тамъ онъ снова остановился. «Павель, прощай, ты меня снова увидишь здѣсь и еще въ другомъ мѣстѣ (*ailleurs encore*)». Затѣмъ его шляпа сама собою приподнялась, какъ будто бы онъ прикоснулся къ ней; тогда мнѣ удалось свободно разглядѣть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидавъ орлиный взглядъ, смуглый лобъ и строгую улыбку моего прадѣда Петра Великаго. Ранѣе, чѣмъ я пришелъ въ себя отъ удивленія и страха, онъ уже исчезъ. На этомъ самомъ мѣстѣ императрица сооружаетъ знаменитый памятникъ, который изображаетъ царя Петра на конѣ... Не я указалъ моей матери на это мѣсто, предугаданное заранѣе призракомъ. Мнѣ страшно, что я боюсь (*j'ai peur d'avoir peur*), вопреки князю Куракину, который хочетъ меня увѣрить, что

это былъ сонъ, видѣнныи мною во время прогулки по улицамъ. Я сохранилъ воспоминаніе о малѣйшей подробности этого видѣнія и продолжаю утверждать, что это было видѣніе. Иной разъ мнѣ кажется, что все это еще совершается передъ мною. Я возвратился во дворецъ изнеможенный, какъ бы послѣ долгаго пути, и съ буквально отмороженнымъ лѣвымъ бокомъ. Потребовалось нѣсколько часовъ времени, чтобы отогрѣть меня въ теплой постели, прикрытою одѣялами. Надѣюсь, что разсказъ мой обстоятеленъ, и что я не даромъ задержалъ васъ.»

16 августа было получено письмо изъ Петербурга, въ которомъ было описано торжество открытия памятника Петру Великому. Въ то время, когда читали это письмо, цесаревичъ, смотря на баронессу Оберкирхъ, украдкою приложилъ палецъ къ губамъ; хотя онъ старался улыбаться, но баронесса замѣтила, что Павель Петровичъ поблѣднѣлъ¹⁾.

Нужно отмѣтить, что Павель Петровичъ неоднократно старався разувѣрить баронессу Оберкирхъ въ дѣйствительности этого видѣнія. Онъ увѣрялъ ее, что это была сказка, придуманная съ цѣлью напугать ее. «C'est une conte à dormir debout, c'est une folie, une extravagance pour m'amuser». «Однако сму не удалось разубѣдить проницательную баронессу»²⁾. При всемъ моемъ уваженіи къ почтенному автору труда «Императоръ Павель I», я положительно не могу понять, въ чемъ онъ увидѣлъ проницательность баронессы Оберкирхъ; чтеніе ея записокъ убѣдило меня, что она была дама свѣтская, образованная, но крайне наивная.

Къ сожалѣнію; Оберкирхъ не говоритъ изъ кого состояло общество, въ которомъ Павель Петровичъ рассказалъ о своемъ видѣніи; она назвала лишь князей Куракина и де-Линя. Если, дѣйствительно, кромѣ князей Куракина и де-Линя этотъ разсказъ слышала только Оберкирхъ, то вполнѣ понятно, почему понадобилось цесаревичу разувѣрять только легковѣрную баронессу. Князья Куракинъ и де-Линъ достаточно знали Павла Петровича, чтобы не вѣрить его разсказу; Куракинъ улыбался во время разсказа, а де-Линъ, по окончаніи разсказа, очень ясно выразилъ свое отношеніе къ нему. По его словамъ, «этая история

1) *Memoires de la baronne d'Oberkirch.* T. I, pp. 331—334; 370—371; я воспользовался переводомъ по книгѣ Шильдера.

2) Шильдеръ, оп. cit., стр. 170.

доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ, что не слѣдуетъ гулять ночью, когда хочется спать, и, во-вторыхъ, не слѣдуетъ прикасаться къ стѣнамъ, едва оттаявшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у васъ, государь... Я увѣренъ, что одежда ваша была запачкана пылью отъ домовыхъ стѣнъ съ лѣвой стороны. Не правда ли князь?— закончилъ де-Линь, повернувшись къ князю Куракину.

Оберкирхъ не приводитъ отвѣта Куракина; мало вѣроятно, чтобы она не записала отвѣта Куракина, такъ какъ этотъ отвѣтъ разъяснилъ бы все. Куракинъ долженъ былъ молчать: если бы онъ на вопросъ де-Линя отвѣтилъ *нѣтъ*, онъ бы этимъ все-таки подтвердилъ, что что-то было; сказать *да* онъ не могъ, потому что дѣйствительно платье цесаревича не было въ пыли.

Весь разсказъ Павла Петровича для психіатра представляется плохой выдумкой; по крайней мѣрѣ я въ продолженіи моей тридцатилѣтней психіатрической дѣятельности ни разу не слыхалъ и не читалъ о такомъ или подобномъ ему видѣніяхъ. Сложная галлюцинація—а въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ очень сложной галлюцинації—никогда не бываетъ единственной въ жизни. Въ сочиненномъ Павломъ Петровичемъ видѣніи были ясныя галлюцинаціи зрѣнія, слуха и осозанія; эти галлюцинаціи продолжались долго, были стойки, содержательны; все это не можетъ появиться сразу; галлюцинаціи, какъ и всѣ патологическія явленія, развиваются и прекращаются постепенно.

Зная характеръ Павла Петровича, просто невозможно допустить, чтобы онъ скрывалъ о появившихся у него галлюцинаціяхъ, а между тѣмъ ни о какомъ другомъ видѣніи онъ никогда и никому не рассказывалъ.

Такія красивыя и вѣщія видѣнія, какое сочинилъ Павелъ Петровичъ, именно указываютъ на ихъ выдуманность; въ жизни такихъ поэтическихъ видѣній не бываетъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, выдумка, похожая на дѣйствительность, доступна лишь людямъ талантливымъ, къ числу которыхъ Павелъ Петровичъ не принадлежалъ, и потому въ его сочиненіи есть детали, ясно указывающія на полную недостовѣрность его рассказа.

Такъ, вполнѣ невозможно, идя по улицамъ Петербурга, постоянно прикасаться бокомъ къ стѣнамъ домовъ, такъ какъ у насъ почти въ каждомъ домѣ имѣются подъѣзды со ступеньками, расположенными на тротуарѣ; нужно думать, что Павелъ Петро-

вичъ во время рассказа вспомнилъ, объ улицахъ итальянскихъ городовъ и забылъ о петербургскихъ улицахъ. Въ то время въ Петербургѣ было мало улицъ съ домами, непосредственно соприкасавшимися одинъ съ другимъ.

Только въ рождественскихъ рассказахъ бываютъ вѣщія видѣнія; въ жизни ничего подобного не случается, и потому рассказъ цесаревича о томъ, что видѣніе его покинуло именно на томъ мѣстѣ, где потомъ былъ поставленъ памятникъ Петру Великому, указываетъ на то, что весь разсказъ выдуманъ.

Мало правдоподобно и поведеніе Павла Петровича при встрѣчѣ съ таинственнымъ незнакомцемъ; если бы Павелъ Петровичъ принялъ видѣніе за дѣйствительность, то онъ, конечно, приказалъ бы спутникамъ схватить нахала; если же онъ принялъ таинственного спутника за видѣніе, то онъ закричалъ бы отъ страха, вызывалъ бы о помощи; даже люди и не столь боязливые, какъ Павелъ Петровичъ, не прогуливаются спокойно рядомъ съ видѣніемъ.

Такъ же мало понятно, какъ могъ Павелъ Петровичъ видѣть таинственного спутника рядомъ съ собою, когда онъ самъ соприкасался со стѣной; можно допустить, что это была псевдо-галлюцинація; но въ такомъ случаѣ совершенно неправдоподобны тѣ детали, которыя воспринялъ галлюцинантъ: блескъ глазъ, сніманіе шляпы и т. п., уже не говоря о галлюцинаціяхъ слуха и осозанія.

Зная какъ Павелъ Петровичъ не умѣлъ быть скрытымъ, трудно допустить, что онъ никому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не рассказалъ объ этомъ видѣніи до 1782 г., и никому не говорилъ о ней потомъ; разсказывая эту исторію въ 1782 г., онъ требовалъ обѣщанія хранить молчаніе, чтобы не разстроить любимую имъ тогда супругу; но потомъ, когда онъ оскорблялъ Марію Феодоровну, ему не было надобности скрывать это таинственное приключеніе.

Также невѣроятно, что князь Куракинъ, даже послѣ смерти Павла I, никому и никогда не рассказалъ объ этомъ происшествіи. Куракинъ зналъ, какъ чтила память своего супруга Марія Феодоровна, понималъ, что ей доставило бы нѣкоторое утѣшеніе знать, что ея несчастный супругъ погибъ по волѣ судьбы, согласно предсказанію, данному высшими силами, и никогда не рассказалъ объ этомъ вѣщемъ видѣніи. Оберкирхъ записала, что

Куракинъ во время разсказа улыбался, что замѣтилъ августѣйшій рассказчикъ; едва ли Куракинъ улыбался бы, если бы въ разсказѣ Павла Петровича была хотя доля истины.

Павелъ Петровичъ могъ считать себя Гамлетомъ; его плохо выдуманный разсказъ о видѣніи просто неудачное подражаніе Шекспиру; у Павла Петровича было достаточно ума и вкуса, чтобы не поручить роль загробнаго духа Петру III: всѣ понимали, что память объ его отцѣ не допускаетъ такой профанациіи видѣнія Гамлета, и вотъ вмѣсто духа или тѣни отца понадобился духъ Петра Великаго; вышло какъ будто бы и величественнѣе, чѣмъ у Шекспира. Даже такой серьезный историкъ, какъ Шильдеръ, вѣритъ въ правдивость этого разсказа; между тѣмъ этотъ разсказъ вѣроятенъ такъ же, какъ вѣрно уподобленіе Павла Петровича Гамлету.

Итакъ Павелъ I не страдалъ душевной болѣзнью, и мы должны согласиться съ мнѣніемъ о немъ великой императрицы, хорошо знавшей своего несчастнаго сына, одаренной громадной проницательностью и ясно понимавшей политическое положеніе Россіи. Однажды въ интимномъ обществѣ Екатеринѣ II Платонѣ Зубовѣ сказалъ про Павла Петровича: «Il est fou»; императрица ему отвѣтила: «Je le sais comme vous, malheureusement il ne l'est pas assez pour pouvoir mettre l'Etat à l'abri des maux qu'il lui prépare» ¹⁾.

Мудрая императрица, убѣдившись, что Павелъ Петровичъ не можетъ быть устраненъ отъ престола вслѣдствіе болѣзни, и ясно понимая, какъ ужасно для Россіи будетъ его царствованіе, рѣшилась произвести государственный переворотъ; иначе нельзя назвать устраненіе отъ престола законнаго, объявленнаго наследника и коронованіе старшаго сына этого законнаго наследника.

Произвести такой государственный переворотъ оказалось очень трудно даже для Екатерины II; насколько извѣстно, это даже было сверхъ ея силъ вслѣдствіе вмѣшательства Лагарпа, по вѣрному замѣчанію Валишевскаго, причинившаго зло Александру Павловичу сближенiemъ его съ Павломъ Петровичемъ ²⁾). Само собою разумѣется, что Екатерина II вполнѣ понимала, какое дурное впечатлѣніе произведетъ такой государственный переворотъ, какъ

1) Golovkin. La cour et le régime de Paul, p. 120.

2) Waliszewsky. Autour d'un trône. Catherine II, p. 299.

онъ ослабить власть ея любимаго внука. Навѣрно было не мало лицъ, думавшихъ такъ же, какъ и Болотовъ: «Ежели-бъ имѣла она обыкновенное жизни своей окончаніе и не столь скоропостижное... то почему знать?—можетъ быть, произошло бы что-нибудь, при семъ концѣ жизни, такое, что произвело бы въ государствѣ печальныя и бѣдственныя какія-нибудь послѣдствія, или-бъ какія несогласія и беспокойства, непріятныя всѣмъ россіянамъ. Носившаяся до того молва, якобы не намѣрена она была оставить престолъ свой своему сыну, а въ наслѣдники по себѣ назначила своего внука—подавала поводъ многимъ опасаться, чтобъ чего-нибудь подобнаго при кончинѣ государыни не воспользовало. И всѣ содрогались отъ одного помышленія о томъ»¹⁾.

Понимая всю трудность и всѣ опасности или, по крайней мѣрѣ, вредныхъ послѣдствія устраниенія отъ престола Павла Петровича, Екатерина II рѣшилась произвести этотъ государственный переворотъ, чтобы спасти Россію отъ тѣхъ бѣдъ, которыя ей угрожали вслѣдствіе неспособности къ управлению Павла Петровича. Горячая любовь къ Россіи и любовь къ сыну вотъ мотивы, побудившіе Екатерину II передать корону Александру Павловичу. Екатерина II не была злой, и потому съ увѣренностью можно утверждать, что она рѣшилась устранить своего несчастнаго сына даже для его собственнаго блага: она не могла не понимать, что ея сынъ недолго усидитъ на тронѣ и право трудно допустить, чтобы мать не желала спасти отъ гибели сына, даже не любимаго ею.

Какъ известно, Екатерина II рѣшилась устранить своего сына отъ престола не потому, что онъ былъ боленъ, а потому, что онъ былъ совершенно не способенъ къ управлению. Едва ли она знала своего сына менѣе нежели принцъ Евгений Вюртембергскій, находившій состояніе Павла I «noch ärger als factischer Wahnsinn»²⁾.

Кратковременное царствованіе Павла I доказало, что мудрая императрица вполнѣ вѣрно понимала своего сына; дѣйствительно, его дѣйствія по воцареніи свидѣтельствовали, что онъ не былъ душевнобольнымъ, но былъ вполнѣ неспособенъ царствовать.

1) Болотовъ. Памятникъ протекшихъ временъ, стр. 164.

2) Schiemann, op. cit., s. 84.

Его дѣйствія были обусловлены всей его личностью и, по вполнѣ вѣрному замѣчанію принца Евгенія Вюртембергскаго, онъ причинилъ болѣе вреда, чѣмъ могъ бы это сдѣлать дѣйствительно душевно-больной.

Исторія и психіатрія учатъ насъ, что душевно-больные государи были опасны для лицъ ихъ окружающихъ, но страной управлять они не могли, почему властью завладѣвали или ихъ родственники, или сановники ¹⁾). Главное свойство или главный признакъ душевно-больныхъ—это ихъ асоціальность; они всегда одиноки и не могутъ долго дѣйствовать или работать совмѣстно съ другими. Они не могутъ долго преслѣдоваться отдаленныхъ цѣлей и потому не могутъ окружить себя единомышленниками и сотрудниками и, слѣдовательно, не могутъ окружать себя опричниками, а тѣмъ болѣе подготовить себѣ опричниковъ. Душевно-больные именно потому мало опасны, что они дѣйствуютъ въ одиночку, если можно такъ выразиться, безъ посторонней помощи, и потому съ ними такъ легко бороться. Конечно и душевно-больной можетъ совершить самое ужасное преступленіе—убийство, поджогъ и т. п., но такъ какъ онъ всегда совершаетъ преступленіе безъ посторонней помощи, то скрыть слѣды ему не удается. Вообще, душевно-больные мало опасны, потому что неспособны къ настойчивой продолжительной борьбѣ и асоціальны. Общеизвѣстно какъ легко управлять этими больными и какъ сравнительно рѣдки несчастные случаи въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ; никогда душевно-больной не можетъ найти друзей и помощниковъ и потому самые опасные душевно-больные производятъ лишь случайныя нападенія, предупреждать которыхъ удается въ громадномъ большинствѣ случаевъ.

Даже гениальные психопаты, по существу, асоціальны и потому не способны управлять людьми; такое заключеніе опровергается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что некоторые гениальные психопаты оказывали громадное вліяніе на ходъ всемирной исторіи; но это опроверженіе только кажущееся. Дѣйствительно, Жанна Даркъ, Савонарова сыграли крупную роль, но именно ихъ вліяніе распространялось на толпу, т.-е. на лицъ

¹⁾ Лучшее изслѣдованіе о душевно-больныхъ государяхъ Brachei. Pathologie mentale des Rois de France. 1903. IV+694 pp.

ихъ незнавшихъ, и главное было весьма непродолжительно. Даже эти гениальные психопаты не могли управлять людьми такъ, какъ управляютъ здоровые, и вліяніе ихъ на толпу не было продолжительно.

Впрочемъ, все это достаточно известно и неѣтъ надобности подробно останавливаться на этомъ признакѣ душевной болѣзни; асоциальность душевно-больныхъ составляетъ основное ихъ свойство и потому они не способны на продолжительную дружбу, а дружескія отношенія Павла I къ Нелидовѣ не подлежать сомнѣнію.

Конечно, душевная болѣзнь монарха всегда составляетъ большое несчастіе для страны, но несчастіе это все же легко устраивается; Петръ III былъ душевнобольной, и потому Екатерина II безъ кровопролитія овладѣла престоломъ къ счастію Россіи. Такъ какъ Павелъ I не былъ душевнобольнымъ, его царствованіе было ужасно и привело Россію на край гибели. Трагизмъ положенія состоялъ именно въ томъ, что устранить Павла I отъ власти и тѣмъ спасти Россію не было возможности. Если бы этотъ несчастный государь страдалъ душевной болѣзнью, спасти государство отъ его безумія было бы нетрудно; но бороться съ здоровымъ психически властелиномъ совершенно невозможно; здоровые властелины всегда имѣютъ преданныхъ слугъ, всегда имѣютъ покорныхъ исполнителей. Очевидно, что такое трагическое положеніе должно закончиться гибелю или властелина, или тѣхъ, кто находитъ его дѣйствія вредными для страны. Борьба между властелиномъ, желающимъ «tener» «ces-gens-là» и «ces-gens-là» длилась болѣе четырехъ лѣтъ и закончилась трагически, потому что мирнаго исхода имѣть не могла. Это не была борьба душевнобольного властелина съ его здоровыми подданными; это была борьба властелина, который былъ убѣжденъ, что онъ надѣленъ «великой душой» и долженъ управлять «этимъ развращеннымъ народомъ». Обладатель «великой души» училъ своихъ дѣтей: «Вы видите, мои дѣти, что съ людьми нужно обращаться, какъ съ собаками»; по словамъ князя де-Линя: «Il deteste sa nation»; всякий согласится съ заключеніемъ Де-Линя: «Malheur à ses amis, ses alliés et ses sujets».

Это царствованіе было такъ ужасно и кончилось такъ трагически потому, что оно прошло въ борьбѣ между страной и властелиномъ, убѣжденнымъ, что онъ имѣетъ право « обращаться

съ людьми, какъ съ собаками», презиравшимъ «sa nation», а себя считавшимъ надѣленнымъ «великой душой». Такое страшное заблужденіе должно было привести или страну къ катастрофѣ, или властелина къ трагической гибели; таковы законы этики и психологіи.

Цѣль настоящей работы было выяснить почву, на которой развилось это роковое заблужденіе, его возникновеніе и развитіе. Очевидно, что для этого потребовалось полное и всестороннее уясненіе всей личности государя, было необходимо подробное изученіе всего имѣющагося матеріала, чтобы избѣжать справедливаго упрека Декарта тѣмъ работамъ, въ которыхъ «on ne paraissait pas dire assez clairement à l'esprit pourquoi les choses etaient comme on les montrait, et par quels moyens on parvenait à leur decouverte»¹⁾.

В. Чижъ.

¹⁾ Descartes (Ed. Cousin.) XI, p. 219.

О тревожно-мнительномъ характерѣ¹⁾.

Весьма распространенной прирожденной, а не пріобрѣтенной, нервно-психической организаціей является та конституція, которая, по моему мнѣнію, имѣетъ наиболѣе тѣсное отношеніе къ навязчивымъ психическимъ состояніямъ; самыи слабыи, самыи легкии проявленіемъ этихъ послѣднихъ служить тревожно-мнительный характеръ. Индивидуумы, сюда относящіеся, страдаютъ излишнею нерѣшительностью; а это сказывается у нихъ какъ въ крупныхъ дѣлахъ, такъ и во всякихъ пустякахъ, не заслуживающихъ иногда даже и никакого вниманія. Прежде чѣмъ предпринять какое-либо опредѣленное рѣшеніе, человѣкъ стъ тревожно-мнительнымъ характеромъ будетъ больше, чѣмъ нужно, колебаться и думать, какъ ему поступить и что сдѣлать. Нерѣдко бываетъ такъ, что то, что въ сущности не имѣть значенія, вызываетъ въ этомъ случаѣ большее колебаніе; наоборотъ, въ серьезномъ дѣлѣ такое лицо легче склоняется къ определенному рѣшенію. Понятно само собою, что въ отдѣльныхъ случаяхъ эта нерѣшительность выражается неодинаково, и это зависитъ отъ того, какъ ярко обнаруживается данная нервно-психическая организація, насколько она глубока, насколько сказываются при этомъ индивидуальные особенности, свойственные каждому отдѣльному случаю. То эта излишняя нерѣшительность больше, то она меньше, и эти колебанія могутъ существовать даже у одного и того же индивидуума, обладающаго тревожно-мнительнымъ характеромъ. При излишней нерѣшительности наблюдается обыкновенно, что человѣку трудно сразу

1) Сообщено въ Обществѣ невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ. (Засѣданіе 28 сентября 1907 г.)

собраться и уйти изъ дома; напр., онъ будетъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, одѣваться и приготовляться къ выходу, если онъ предоставленъ себѣ, конечно, и если нѣтъ какихъ-либо побудительныхъ стимуловъ со стороны окружающихъ. И тутъ получается такое впечатлѣніе часто, что какъ будто данное лицо переоцѣниваетъ значеніе и важность того, что заставляетъ его останавливать на этомъ свое вниманіе. Сравнительно много времени тратятъ эти лица съ тревожно-мнительнымъ характеромъ на обдумываніе и размышеніе по поводу разныхъ мелочей и пустяковъ. особенно связанныхъ съ необходимостью рѣшиться на что-либо опредѣленное. Иной разъ, именно тамъ, гдѣ интенсивность и напряженность излишней нерѣшительности дѣлаетъ размахи, выходящіе за предѣлы того, что можно бы назвать нормою, наблюдается, что эта особенность характера мѣшаетъ, напр., во-время ложиться спать, ибо всегда въ такихъ случаяхъ вниманіе субъекта останавливается и задерживается на чемъ-либо, и это даетъ ему поводъ откладывать даже выполнение этой простой и несложной необходимости. Наблюдая, внимательно разспрашивая, анализируя психическое состояніе индивидуумовъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ, нужно прийти къ тому заключенію, что словно эта излишняя нерѣшительность у нихъ обусловливается тѣмъ, что въ сознаніи всплываетъ, противъ воли ихъ, все оппозиціонное, все то, что можно бы возразить противъ предстоящаго рѣшенія и выбора того или другого дѣйствія. Однако, надо замѣтить, что, обладая излишнею нерѣшительностью, данный индивидуумъ въ то же самое время можетъ хорошо понимать и сознавать этотъ свой маленький недостатокъ и эту свою аномалию; обыкновенно, при откровенномъ разговорѣ, онъ самъ указываетъ на существованіе въ его характерѣ этой особенности и самъ называетъ себя нерѣшительнымъ. Что заставляетъ человѣка быть нерѣшительнымъ въ этихъ случаяхъ, что мѣшаетъ ему поступать такъ, какъ поступаютъ лица съ другимъ складомъ характера? Отвѣтъ на этотъ вопросъ легко получить отъ самого же индивидуума съ тревожно-мнительнымъ характеромъ. Судя по его словамъ, у него наблюдается нѣсколько непріятное самочувствіе и нѣкоторая тревожность, если онъ не получилъ увѣренности, что онъ поступилъ и сдѣлалъ что-либо такъ, какъ это онъ считаетъ нужнымъ. Если основывать свое сужденіе объ индивидуумѣ съ тревожно-мнительнымъ

характеромъ на одной этой чертѣ характера, о которой была только что рѣчъ, то надо сказать, что онъ отличается слабостью воли или, какъ выражаются, абулией. Совершенно вѣрно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, гдѣ проявляется эта черта характера, данный индивидуумъ является слабовольнымъ.

Но если бы мы остановились на томъ, что у лицъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ существуетъ слабость воли или абулия, какъ ихъ отличительная черта, то сдѣлали бы, несомнѣнно, большую ошибку; дѣло въ томъ, что эти индивидуумы далеко не всегда абуличны и не всегда такъ нерѣшительны, какъ это можно бы подумать съ первого раза; наоборотъ, у нихъ приходится иногда наблюдать и излишнюю рѣшительность, обусловленную нетерпѣливостью и суетливостью. Въ этихъ случаяхъ у человѣка является стремленіе какъ можно быстрѣе и скорѣе выполнить то, что предстоитъ; тутъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что въ общежитіи называется «загорѣлось желаніе». Часто бываетъ такъ, что до тѣхъ поръ, пока не сдѣлано и не выполнено то, что ему хотѣлось или нужно бы сдѣлать, индивидуумъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ будетъ испытывать неудовлетворенность, недовольство, и мысль о предстоящемъ не будетъ выходить у него изъ головы; у него существуетъ при этомъ излишнее побужденіе исполнить то, что надо, то что онъ задумалъ, то, что ему необходимо. И тутъ онъ можетъ оказаться даже довольно рѣшительнымъ и совсѣмъ не такимъ, какимъ мы видѣли его, когда онъ казался намъ абуличнымъ и нерѣшительнымъ; онъ можетъ даже проявлять настойчивость въ достижениіи намѣченной цѣли. Правда, эта излишняя рѣшительность не можетъ растягиваться у него на длинный срокъ времени; она скорѣе обнаруживается тамъ, гдѣ выполнение задуманного и необходимаго можетъ быть совершено въ сравнительно короткое время; если же это самое растягивается, то тутъ можетъ наблюдаться опять знакомая намъ у данного субъекта излишняя нерѣшительность, можетъ быть, иногда то одно, то другое, или обѣ эти черты въ курьезномъ сочетаніи другъ съ другомъ. То, что заставляло индивидуума съ тревожно-мнительнымъ характеромъ быть излишне нерѣшительнымъ, т.-е. непріятное самочувствіе и нѣкоторая тревожность, если онъ поступаетъ иначе, это же самое побуждаетъ его быстрѣе отдѣляться отъ необходимаго и задуманного тамъ, гдѣ онъ обнару-

живаетъ, наоборотъ, большую и какъ бы ему не свойственную рѣшительность. Эта послѣдняя можетъ достигать иной разъ очень большого напряженія; и индивидуумъ этого рода бываетъ иной разъ не только настойчивъ, но и просто упрямъ; онъ можетъ стремиться къ тому, чтобы то, чего онъ желаетъ, было сдѣлано именно такъ, какъ онъ того хочетъ, а не иначе. Если же дѣло выходитъ не такъ, какъ ему было бы нужно, то у него получается и остается въ душѣ излишне непріятное впечатлѣніе отъ происшедшаго.

Итакъ, у индивидуума съ тревожно-мнительнымъ характеромъ могутъ наблюдаться двѣ черты характера, какъ бы противоположны другъ другу, какъ бы исключающія одна другую, связанныя съ волевыми проявленіями: абулія и излишняя рѣшительность въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чаще однако первая, чѣмъ послѣдняя.

Вмѣстѣ съ этимъ у индивидуумовъ данной категоріи существуетъ своеобразная, повышенная впечатлительность по отношенію къ личнымъ непріятнымъ впечатлѣніямъ, и въ этихъ случаяхъ приходится убѣждаться въ томъ, что ничто жное обстоятельство, не имѣющее для многихъ людей значенія, можетъ разстроить ихъ; непріятная впечатлѣнія, такъ или иначе касающіяся ихъ личности, дольше остаются въ сознаніи, чаще и легче всплываютъ въ полѣ сознанія, вытѣсняя другія представленія и иные мысли и заполняя его; и съ этими непріятными впечатлѣніями, навязывающимися сознанію, не такъ легко уже бороться, ибо они оказываются сравнительно стойкими. Если индивидуумъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ испытаетъ какую-нибудь непріятность, иногда даже ничто жную, то онъ будетъ дольше помнить о ней, чѣмъ человѣкъ съ инымъ складомъ ума; и впечатлѣніе отъ этой непріятности не скоро изгладится изъ его памяти и не скоро потеряетъ свою напряженность и яркость; непріятная впечатлѣнія въ этихъ случаяхъ имѣютъ какую-то особенную склонность задерживаться въ сознаніи данного индивидуума. Сравнивая этого индивидуума съ лицами другой нервно-психической организаціи, легко убѣдиться въ томъ, что при тревожно-мнительномъ характерѣ представление о пережитой непріятности блѣднѣетъ нескоро и долго производить на субъекта сравнительно большое угнетающее впечатлѣніе, отличающееся въ то же время нѣкоторою навязчивостью; и тутъ .

приходится наблюдать, что степень или глубина слѣда, оставляемаго какимъ-либо впечатлѣніемъ, часто не соответствуетъ важности этого послѣдняго. Впрочемъ, надо добавить, что непріятныя впечатлѣнія, задерживающіяся дольше, чѣмъ слѣдуетъ, въ психикѣ индивидуума съ тревожно-мнительнымъ характеромъ, обладаютъ также склонностью смѣнять одно другимъ: если сегодня его особенно беспокоитъ что-либо и если это сегодня не выходитъ у него изъ головы, то можетъ случиться, что на другой день, подъ вліяніемъ новыхъ или при воспоминаніи о старыхъ впечатлѣніяхъ, прежнія стущевываются хотя бы на время и ихъ смѣняютъ другія, носящія признаки той же назойливости. Интересно, что болѣе или менѣе пріятныя впечатлѣнія, несмотря даже на ихъ яркость и напряженность, часто оттесняются воспоминаніями другого рода, противоположными, и не могутъ взять перевѣса надъ этими послѣдними. Такимъ образомъ, приходится констатировать какое-то, если можно такъ выразиться, своеобразное средство психики индивидуума съ тревожно-мнительнымъ характеромъ къ непріятнымъ впечатлѣніямъ.

Тревожность въ характерѣ проявляется съ внѣшней стороны и выражается неодинаково у различныхъ индивидуумовъ. Въ ученические годы, когда уроки почти заполняютъ сознаніе индивидуума, она оказывается въ видѣ излишней заботливости по отношенію къ тому, что задается учителемъ; ожидая быть спрошенымъ, такой ученикъ больше волнуется, чѣмъ многіе изъ его сверстниковъ; зная даже хорошо то, о чёмъ его спросятъ, онъ не уверенъ, что все обойдется для него здѣсь благополучно, и ожиданіе отвѣта передъ учителемъ сопровождается для него чувствомъ тревоги и непріятнаго волненія, признаваемаго имъ самимъ иногда за безцѣльное и напрасное. Тревожность матери семейства будетъ, конечно, выражаться въ излишней заботливости о своихъ близкихъ, особенно о дѣтяхъ, дающихъ много заботъ и лицу съ другимъ складомъ характера; очень поучительны въ этомъ отношеніи правдивые и искренніе рассказы матерей, обладающихъ тревожно-мнительнымъ характеромъ, ибо имъ повседневная жизнь даетъ огромное количество материала, въ связи съ которымъ проявляется эта наклонность къ мнительности и тревожности; заболѣваетъ ли ребенокъ у такой матери, случится ли съ кѣмъ-либо изъ ея дѣтей какая-либо непріятность, даже небольшая,—все это даетъ богатую пищу

для излишнихъ тревогъ, заботъ, для мнительности. То, о чёмъ только что была рѣчъ, понятно само собой и безъ дальнѣйшихъ разъясненій и примѣровъ; но въ отдѣльныхъ случаяхъ существуютъ тѣ или иная индивидуальная особенности, отличія, въ зависимости отъ умственного развитія, кругозора, запаса знаній и проч.

Индивидуумъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ обыкновенно склоненъ къ фантазированію, часто бесплодному; нерѣдко его занимаетъ будущее, его собственная судьба, и надъ этимъ голова его работаетъ больше, чѣмъ нужно; подъ вліяніемъ какихъ-либо впечатлѣній изъ текущей жизни, онъ начинаетъ размышлять о томъ, что будетъ съ нимъ дальше, когда кончится то, что онъ переживаетъ въ настоящее время или что пережилъ недавно; и онъ въ своихъ фантазіяхъ уносится далеко отъ дѣйствительности, при чемъ воображеніе рисуетъ ему тѣ или иная перспективы, иногда даже далекаго будущаго, и онъ понимаетъ, что все это ни къ чemu не ведетъ и не имѣеть достаточной реальной подкладки. Эта же черта характера выражается въ томъ, что такому индивидууму не всегда легко сосредоточить вниманіе на томъ, что требуется текущимъ моментомъ и окружающей обстановкой. Занимаясь какимъ-либо дѣломъ, онъ можетъ оказываться въ это время разсѣяннымъ, и его мысли могутъ далеко уходить отъ того, чѣмъ онъ долженъ бы заниматься; ему приходится ловить себя на этомъ и дѣлать нѣкоторое усилие надъ собой, чтобы ввести въ сознаніе тѣ представленія, какія нужны именно въ данный моментъ. Въ периодѣ религіозности у молодыхъ людей, у лицъ вообще религіозныхъ эта способность, эта наклонность къ фантазированію, ускользающему отъ контроля сознательной воли, выражается въ томъ, напр., что во время молитвы, въ церкви трудно сосредоточиться на молитвѣ, и въ этихъ случаяхъ требуется иной разъ со стороны субъекта нѣкоторое усиление воли, известное напряженіе активнаго вниманія, чтобы сознаніе заполнилось именно тѣми представленіями, какія желательны въ данный моментъ и какія ему соответствуютъ.

Лица, обладающія тревожно-мнительнымъ характеромъ, нерѣдко бываютъ педантичны, и эта особенность ихъ характера сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что они любятъ, чтобы веши въ ихъ комнатахъ стояли непремѣнно въ определен-

номъ порядкѣ, въ такомъ, въ какомъ имъ нравится; и если въ этомъ отношеніи окружающіе дѣлаютъ не такъ, какъ хотѣлось бы такому субъекту, то это вызываетъ съ его стороны недовольство и ворчаніе. Иной разъ эта педантичность проявляется въ излишней аккуратности; надо замѣтить, впрочемъ, что эта послѣдняя иногда бываетъ здѣсь какой-то частичной, т.-е. она замѣтна и бросается въ глаза въ однихъ отношеніяхъ, а въ другихъ, наоборотъ, выступаетъ на первый планъ отсутствіе ея, даже качество, ей совсѣмъ противоположное. Индивидуумъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ нерѣдко вырабатываетъ у себя привычки, иной разъ нѣсколько странныя, и съ этими привычками, даже недавно приобрѣтенными, ему нелегко разстаться.

Мнительность и тревожность въ характерѣ у лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь сейчасъ, касается не только внѣшнихъ происшествій, внѣшнихъ обстоятельствъ, не только близкихъ окружающихъ, но и ихъ собственного здоровья; у многихъ изъ нихъ наблюдается излишняя забота о своемъ физическомъ здоровье, доходящая до ипохондрическихъ идей, что, однако, нисколько не мѣшаетъ имъ вести совершенно негигиеничный образъ жизни. Нерѣдко при этомъ у такихъ субъектовъ случайное заболеваніе превращается въ ихъ воображеніи въ страшную неизлѣчимую болѣзнь; случайный кашель или боль въ груди вырастаютъ въ ихъ сознаніи въ чахотку легкихъ, ничтожное пораженіе кожи или слизистыхъ оболочекъ превращается въ ихъ нѣсколько необузданной фантазіи въ сифилисъ или ракъ и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ у нихъ наблюдается такая же черта характера и по отношенію къ собственному психическому здоровью; назойливость нѣкоторыхъ представлений, наклонность къ фантазированію, не всегда поддающемуся волевымъ усилиямъ, сознаніе нѣкоторыхъ странностей, — все это при извѣстной склонности къ ипохондрическимъ мыслямъ даетъ поводъ такому субъекту думать о томъ, что у него возможна душевная болѣзнь, въ формѣ утраты сознанія и пр.; т.-е., въ этихъ случаяхъ наблюдаются признаки, такъ называемой, психической ипохондрии. Однако, надо замѣтить, что излишняя боязнь и тревога за свое психическое здоровье вовсе не удерживаютъ индивидуума съ тревожно-мнительнымъ характеромъ отъ вреднаго въ этомъ отношеніи образа жизни.

Лица этой категории часто отличаются робостью, пугливостью, застѣнчивостью, конфузливостью; но иногда всѣ эти черты характера временно или на долгое время сменяются какъ-будто обратными качествами; чаще всего это бываетъ здѣсь подъ наплывомъ временного оживленія и отвлечения сознанія отъ непріятныхъ и угнетающихъ впечатлѣній, въ связи съ возбуждающими и вызывающими подъемъ духа новыми и пріятными впечатлѣніями. Вотъ почему одинъ и тотъ же человѣкъ въ этихъ случаяхъ можетъ производить на окружающихъ разное впечатлѣніе въ различное время.

Манера держаться у лицъ, о которыхъ идетъ сейчасть рѣчь, также своеобразна: они наклонны къ уединенію, часто не бываетъ у нихъ близкихъ товарищевъ и друзей; они не любятъ шумной жизни; въ обществѣ, особенно незнакомыхъ лицъ, они легко конфузятся и смущаются, при чемъ взгляды малознакомыхъ окружающихъ или уже одно представление объ этомъ для нихъ обыкновенно весьма непріятно. Иногда во время разговоровъ съ кѣмъ-либо, особенно если этотъ разговоръ сопровождается нѣкоторымъ волнениемъ, они испытываютъ легкое замѣшательство, не всегда уловимое собесѣдникомъ, и это происходитъ отъ того, что въ сознаніи появляются мысли и представления иного содержанія, несоответствующія содержанію разговора, который идетъ въ данное время. Они чувствуютъ себя хорошо, свободно лишь среди близкихъ и хорошо знакомыхъ и имъ пріятныхъ людей; новая знакомства они заводятъ неохотно и туго на это.

Что касается нравственныхъ чувствованій, то надо замѣтить, что эти послѣднія при тревожно-мнительномъ характерѣ большою частью развиты сравнительно хорошо; индивидуумы, сюда относящіеся, отличаются обыкновенно добротою; у нихъ существуетъ способность, рѣзко выраженная, сочувствія и состраданія къ ближнимъ и къ ихъ несчастіямъ и бѣдамъ. Видъ несчастныхъ и угнетенныхъ, видъ страдающихъ можетъ иногда сильно ихъ разстраивать и имъ свойственны обыкновенно альтруистическая побужденія. Читая, напр., въ газетахъ о человѣческихъ несчастіяхъ, они больше останавливаются на нихъ свое вниманіе, чѣмъ лица съ другимъ складомъ характера, и эти впечатлѣнія оставляютъ въ ихъ психикѣ болѣй слѣдъ, чѣмъ у многихъ изъ ихъ окружающихъ. Однако, несмотря на то, что моральныя чувствования у лицъ съ тревожно-мнительнымъ

характеромъ развиты обычно хорошо, но нерѣдко на ихъ поступкахъ лежитъ отпечатокъ эгоистичности съ вѣнчайшей стороны; напр., подъ вліяніемъ назойливости нѣкоторыхъ представлений, подъ вліяніемъ суетливости и поспѣшности въ исполненіи иныхъ своихъ желаній и побужденій такой человѣкъ можетъ стремиться выполнить то, что его должно успокоить, но что не совсѣмъ удобно для другихъ и окружающихъ; при этомъ, у него остается часто сознаніе, что данный его поступокъ причиняетъ излишняя заботы и излишняя хлопоты близкимъ; онъ самъ, сознавая и понимая свою неправоту, можетъ сильно этимъ мучиться иной разъ.

Лица съ тревожно-мнительнымъ характеромъ наклонны къ тому, что называется суетливостью, и это сказывается въ ихъ манерѣ держаться; дѣлая что-либо, они часто спѣшатъ, проявляютъ нѣкоторое двигательное беспокойство, производятъ излишняя движения, порывистыя и ненужныя; это особенно замѣтно тогда, когда имъ приходится, напр., собираться куда-нибудь: на поѣздъ, на пароходъ, переѣзжать съ квартиры на квартиру. Эта суетливость усиливается еще больше, если приходится дѣйствительно торопиться по какому-либо случаю.

Одною изъ своеобразныхъ вѣнчайшихъ особенностей бываетъ у нихъ наклонность, какъ бы для собственного успокоенія, спрашивать и говорить объ одномъ и томъ же по нѣсколько разъ, если что-либо ихъ тревожить, беспокоить, волнуетъ.

Мои наблюденія убѣждаютъ меня въ томъ, что многія изъ лицъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ начинаютъ рано себя помнить; при этомъ, очень рано у нихъ оставляютъ болѣшій слѣдъ разныя непріятныя впечатлѣнія, легко всплывающія вслѣдствіи въ сознаніи; непріятныя впечатлѣнія оставляютъ уже съ ранняго дѣтства глубокій слѣдъ въ ихъ психикѣ, и многія представлениія, связанныя съ тяжелыми воспоминаніями ранняго дѣтства, сохраняютъ у нихъ значительную яркость и живость до пожилого возраста.

Особенно запечатлѣваются у нихъ несчастные случаи, свидѣтелями которыхъ имъ приходилось быть въ дѣтствѣ или разсказы о которыхъ сообщались при нихъ неосторожно окружающими.

При тревожно-мнительномъ характерѣ часто бываетъ, подъ вліяніемъ фантазированія и подъ вліяніемъ какихъ-либо недав-

нихъ и живыхъ впечатлѣній, стремленіе разговаривать съ самимъ собою тогда, когда человѣкъ остается одинъ, когда онъ идетъ, когда онъ о чемъ-либо размышляетъ; иногда назойливыя воспоминанія заставляютъ здѣсь живо представить себѣ въ своемъ воображеніи нѣкоторыя сцены, бывшія или возможныя, касающіяся текущей дѣйствительности.

Хотя тревожно-мнительный характеръ доставляетъ его обладателю много непрѣятныхъ минутъ, однако при развитой психикѣ это даетъ также и нѣчто положительное. Высшій разумъ въ этихъ случаяхъ хорошо сохраненъ, и человѣкъ относится разумно не только къ своимъ психическимъ особенностямъ, но и къ поступкамъ многихъ окружающихъ. Получается такое впечатлѣніе, что какъ будто тревожно-мнительный характеръ располагаетъ къ самонаблюденію, къ самопознанію и къ болѣе правильной оценкѣ окружающихъ; понятно само собою, что эти высшія проявленія человѣческаго разума возможны тогда, когда умственное развитіе данного субъекта стоитъ на высокой ступени и когда интеллектъ его достаточно широкъ и разностороненъ.

Въ числѣ особенностей, сопровождающихъ тревожно-мнительный характеръ, надо отмѣтить невыносливость этихъ индивидуумовъ къ алкоголю; повидимому, многіе изъ нихъ скорѣе пьянѣютъ подъ вліяніемъ вина, хотя оно и дѣйствуетъ благотворно на тревожность и мнительность, но это продолжается недолго; на другой день, послѣ даже небольшихъ дозъ алкоголя, наступаетъ непрѣятное самочувствіе, усиленіе тревожности и мнительности.

Говоря о тревожно-мнительномъ характерѣ, я представилъ здѣсь лишь суммарное описание; я старался дать лишь общую картину этого состоянія въ его наиболѣе слабыхъ проявленіяхъ. Конечно, не въ каждомъ отдельномъ случаѣ можно найти всѣ отмѣченныя черты этого характера, но у каждого изъ этихъ лицъ встрѣчается сочетаніе многихъ изъ перечисленныхъ признаковъ. Отличаясь въ качественномъ отношеніи отъ лицъ съ другимъ складомъ характера, люди съ тревожно-мнительнымъ характеромъ отличаются другъ отъ друга и по силѣ своего ума, и по умственному развитію; иной разъ тревожно-мнительный характеръ, какъ качественная разновидность, сочетается съ ограниченными умственными способностями, съ узкимъ кругозоромъ,

съ узкими умственными интересами; нерѣдко же онъ существуетъ рядомъ съ одаренностью, съ талантливостью, съ яснымъ и здравымъ умомъ, съ хорошими и даже блестящими умственными способностями.

Эта своеобразная прирожденная нервно-психическая организація встречается въ жизни довольно часто; она служитъ главнымъ фономъ, главною основою эссенциальныхъ навязчивыхъ психическихъ состояній. Разспрашивая внимательно лицъ, страдающихъ навязчивыми мыслями, я всегда убѣждаюсь въ томъ, что онѣ развиваются на почвѣ тревожно-мнительного характера, и безъ него едва ли возможны, что и заставляетъ меня выдѣлить особенный видъ нервно-психической организаціи, въ формѣ конституціи навязчивыхъ состояній (*constitutio ideo—obsessiva*). Эта конституція придаетъ особую специфическую окраску и меланхолическимъ приступамъ маниакально-депрессивного психоза, если онъ развивается у лицъ съ тревожно-мнительнымъ характеромъ..

С. Сухановъ.

Воспріятіе рельєфа.

Всѣмъ известно, что мы можемъ воспринимать съ помощью зрењія въ окружающихъ настъ тѣлахъ три измѣренія, т.-е. ихъ высоту, ширину и глубину, но далеко не всякой обращаетъ вниманіе на то, что на сѣтчаткѣ каждого глаза получается изображеніе только съ двумя измѣреніями. Въ физикѣ признается твердо установленнымъ фактъ, что превращеніе такого двухмѣрного изображенія въ трехмѣрное достигается только благодаря бинокулярности зрењія. Въ доказательство этого положенія обыкновенно приводится стереоскопъ¹⁾). Но когда дѣло коснется объясненія явлений стереоскопіи, то наблюдается обратное: все объясненіе сводится на указаніе, что въ стереоскопѣ повторяется то же, что имѣетъ мѣсто при обыкновенномъ зрењіи. Разъ при послѣднемъ воспринимается рельефъ, то мы должны воспринять его и въ случаѣ пары стереоскопическихъ изображеній. Очевидно, что это вовсе не объясненіе, такъ какъ нельзя объяснить стереоскопію ссылкой на явленія нормального зрењія, когда причины этихъ явлений не известны. Въ действительности, не стереоскопъ объясняется ими, а наоборотъ: явленія нормального зрењія только и могутъ быть объяснены съ помощью данныхъ стереоскопіи.

Какъ ни рѣшительно утвержденіе современной физики о бинокулярности, какъ безусловно необходимомъ условіи впечатлѣнія рельефа, это утвержденіе страдаетъ значительной преувеличенностью. То, что составляетъ основаніе впечатлѣнія рельефа, дается уже въ монокулярномъ зрењіи. Глазъ въ основ-

1) «Стереоскопъ важенъ какъ физический инструментъ, при посредствѣ которого удалось найти физическое условіе, лежащее въ основѣ тѣлеснаго видѣнія»—Сѣченовъ, И.—Физиологические очерки, часть 2-ая, 252, Спб., 1898.

ныхъ чертахъ—та же фотографическая камера. Когда, разсматривая фотографический снимокъ, мы зададимся вопросомъ о томъ, какимъ образомъ получились на немъ, т.-е. на плоскости, изображения частей пейзажа, лежащихъ на разныхъ разстояніяхъ отъ объектива, мы при самомъ бѣгломъ взглядѣ на снимокъ увидимъ, что это достигнуто путемъ помѣщенія однихъ частей изображенія выше другихъ, именно, болѣе удаленныхъ надъ менѣе удаленными. Глядя на лежащей передо мною фотографической снимокъ величественного горного вида, я вижу у самаго основанія рисунка гряду кустарника; выше ея расположено изображеніе поля, упирающееся своимъ верхнимъ краемъ въ сосновый лѣсъ, сбѣгающій съ горного склона слѣва. Надъ этимъ лѣскомъ помѣщается изображеніе другого, уже голаго склона; надъ нимъ снова ряды темныхъ сосенъ; надъ ними—кусочекъ долины, а надъ ней—основаніе громадной горы, занимающей задній планъ всего пейзажа. Это основаніе приходится почти посерединѣ снимка. Различные части рисунка расположены на разныхъ разстояніяхъ отъ его низа, и эти разстоянія известнымъ образомъ отвѣчаютъ степенямъ удаленія соответственныхъ частей пейзажа отъ объектива, такъ какъ они—проекціи на плоскость тѣхъ наклонныхъ линій, въ которыхъ во время съемки выражались кратчайшія разстоянія между объективомъ и различными частями вида. И когда мы смотримъ на такой снимокъ, мы, даже не отдавая себѣ въ этомъ отчета, воспринимаемъ эти проекціи какъ разстоянія отъ глаза до той или другой части картины. Такимъ образомъ, уже въ плоскому изображеніи имѣются некоторые даннія рельефа, и мы сейчасъ увидимъ, что эти даннія представляютъ собою самую основу восприятія рельефа вообще.

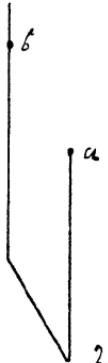
То, съ помощью чего мы размѣщаемъ по разнымъ степенямъ глубины детали сложнаго пейзажа, даетъ намъ возможность изображать на плоскости трехмѣрныя тѣла. Но одной разницы вертикальныхъ разстояній различныхъ точекъ изображенія еще не достаточно для данной цѣли. Имѣя, напримѣръ, вертикальную линію (чертежъ 1), мы видимъ точку *a* въ той же плоскости, что и точку *b*, хотя вторая расположена выше первой; наоборотъ, на чертежѣ 2 мы можемъ увидѣть точку *v* въ болѣе удаленной отъ глазъ плоскости, чѣмъ точку *a*. Для такого впечатлѣнія, помимо разницы вертикальныхъ разстояній, необходима

еще наличность боковыхъ разстояній между сравниваемыми точками, которыя мы и видимъ удаленными вглубь одна отъ другой именно на эти разстоянія. Потому-то квадратъ будетъ казаться

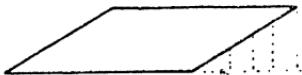
самъ на одной плоскости, тогда какъ параллелограмъ (чертежъ 3) мы можемъ представить себѣ лежащимъ своими частями въ неодинаково удаленныхъ отъ глазъ плоскостяхъ, и потому такъ и изображаемъ на плоскости, напримѣръ, доску стола. Сущность этого важнаго условія станетъ намъ ясна нѣсколько дальше.

Черт. 1.

Черт. 2.

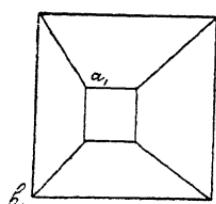
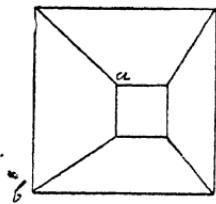
Черт. 3.

Въ сравненіи съ полнымъ рельефомъ стереоскопа подобный рельефъ является только отдаленнымъ напоминаніемъ его. Но его можно усилить и притомъ съ помощью приема, совершенно противорѣчащаго тому взгляду, по которому безъ бинокулярности зрѣнія не можетъ быть рельефа. Для этого достаточно помѣстить передъ глазами хорошій фотографическій снимокъ на разстояніи яснаго видѣнія и закрыть одинъ глазъ. Тогда рисунокъ получаетъ известную степень тѣлесности. Конечно, это еще не рельефъ стереоскопа, но этотъ полурульефъ можно еще усилить, разсматривая снимокъ однимъ глазомъ, напримѣръ, черезъ стекло стереоскопа.

Но полный, чарующій своею реальностью рельефъ получается только въ случаѣ стереограммы, т.-е. когда передъ каждымъ глазомъ помѣщается одно изъ парныхъ, не вполнѣ тождественныхъ изображеній. Извѣстно, что необходимое различие доставляется разницей точекъ визированія, съ которыхъ получается пара стереоскопическихъ изображеній. Одно изображеніе охватываетъ предметъ болѣе справа, чѣмъ другое и наоборотъ,— второе дѣлаетъ то же самое болѣе слѣва, чѣмъ первое. Въ фотографическомъ аппаратѣ это достигается постановкою двухъ объективовъ, снимающихъ одновременно данный предметъ въ

среднемъ на разстояніи 65 сантиметровъ; въ случаѣ зрењія,— такимъ же расположениемъ глазъ. Благодаря такому расположению двухъ оптическихъ системъ получается то же, что въ группѣ видѣ можно наблюдать, помѣстивъ на столѣ наперстокъ и глядя на него сверху, закрывая поперемѣнно одинъ глазъ. Тогда при открытомъ правомъ глазѣ верхъ наперстка покажется нѣсколько сваленнымъ влѣво, при открытомъ лѣвомъ глазѣ вправо, и если это поперемѣнное закрываніе одного глаза производить очень быстро, то наперстокъ покажется намъ раскачивающимся съ такою же быстротою изъ стороны въ сторону.

Только при подобномъ же по существу различіи двухъ парныхъ снимковъ мы видимъ, помѣстивъ каждый передъ однимъ глазомъ, одно изображеніе съ такимъ же рельефомъ, какой наблюдается въ самомъ изображенномъ предметѣ. Но далѣко не все равно, какое изъ этихъ двухъ изображеній будетъ передъ правымъ или лѣвымъ глазомъ. Правый глазъ долженъ видѣть изображеніе, охватывающее объектъ болѣе справа; передъ лѣвымъ глазомъ должно быть помѣщено изображеніе, дающее объектъ болѣе слѣва. Такъ, чтобы получить отъ двухъ плоскихъ изображеній усѣченной пирамиды впечатлѣніе одного трехмѣрного тѣла, необходима та разница въ плоскихъ изображеніяхъ, которая видна изъ чертежа (чертежъ 4) ¹⁾. Прибѣг-

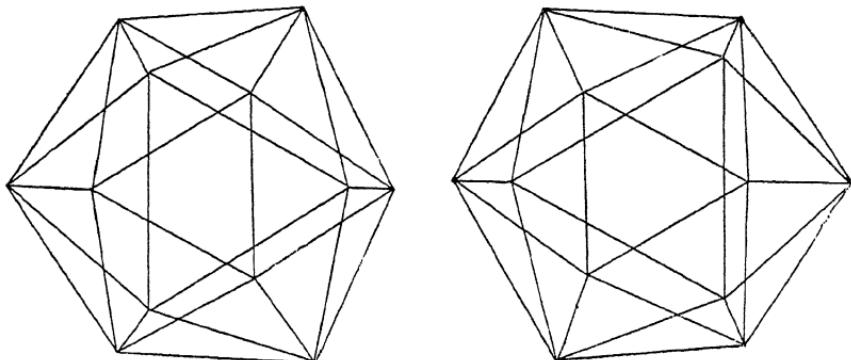

Черт. 4.

нувъ къ измѣренію, мы увидимъ, что соотвѣтственные части парного изображенія, напримѣръ, точки a и a_1 и точки b и b_1 лежатъ не на одномъ и томъ же горизонтальномъ разстояніи.

¹⁾ На этомъ чертежѣ и слѣдующихъ парныхъ изображеній помѣщены на такомъ разстояніи, что лица, умѣюшія управлять своими глазами, могутъ пользоваться чертежемъ, какъ стереограммой. Тотъ, для кого это затруднительно, долженъ помѣстить между глазами, напримѣръ, книгу и смотрѣть на чертежъ, пока не увидитъ одного рельефнаго изображенія.

То же самое, лишь съ разницею въ степени, имѣстъ мѣсто и при фотографической стереограммѣ, въ чемъ легко убѣдиться съ помощью циркуля. Эта разница въ разстояніяхъ влечетъ за собой вполнѣ опредѣленный результатъ. А именно, при стереоскопическомъ зрѣніи мы видимъ ближе къ глазу тѣ точки, соотвѣтственныя изображенію которыхъ на двухъ рисункахъ расположены на болѣе близкомъ разстояніи другъ отъ друга, чѣмъ остальныя. Верхнее основаніе пирамиды мы видимъ ближе къ глазу потому, что разстояніе между точками a и a_1 менѣе разстоянія между точками b и b_1 на нѣсколько миллиметровъ. То же самое распространяется, конечно, и на всѣ промежуточныя точки ¹⁾.

Черт. 5.

Что въ этомъ фактѣ мы имѣемъ дѣло съ закономъ бинокулярного зрѣнія, это доказывается явленіями псевдоскопіи. Уитстонъ, изобрѣтшій стереоскопъ, открылъ въ то же время, что если изображеніе, предназначеннное для праваго глаза (назовемъ

¹⁾ Величина этихъ разстояній допускаетъ колебанія въ значительныхъ предѣлахъ.

его для краткости правымъ) помѣстить передъ лѣвымъ глазомъ, а лѣвое изображеніе—передъ правымъ, то вмѣсто пирамиды, напримѣръ, мы увидимъ коридоръ, вмѣсто конуса—внутренность трубы и т. п. Углубленія при такой перестановкѣ кажутся выпуклостями, а выпуклость—углубленіемъ. И измѣреніе показываетъ, что соответственныя изображенія a и a_1 нѣкоторой точки, лежавшей раньше на верхнемъ сѣченіи пирамиды, т.-е. на ближайшемъ разстояніи отъ глаза, послѣ перемѣщенія рисунковъ оказываются болѣе удаленными другъ отъ друга, чѣмъ такія же изображенія b и b_1 , нѣкоторой точки на нижнемъ сѣченіи, а вся фигура изъ пирамиды превращается въ длинный коридоръ (чертежъ 6). Но это еще не все. Глубина этого коридора кажется превосходящей высоту пирамиды (чертежъ 4). «Замѣтателъ,—говорить по этому поводу авторъ одного изъ популярныхъ сочиненій по физикѣ,—при этомъ обманъ относительно кажущейся глубины. Она кажется въ послѣднемъ раз-

Черт. 6.

смотрѣнномъ случаѣ гораздо болѣе значительной, чѣмъ прежде (т.-е. въ случаѣ пирамиды)¹⁾). Но здѣсь нѣтъ никакого обмана. Явленіе вполнѣ закономѣрно. Если мы дадимъ себѣ трудъ прибѣгнуть къ измѣренію, то окажется, что это на первый взглядъ странное явленіе идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ разстояній между соответственными изображеніями наиболѣе удаленныхъ отъ глаза частей рисунка. Дѣйствительно, измѣривъ разстояніе между a и a_1 на чертежѣ 4 и разстояніе между

¹⁾ Л. Грунманъ—Физическія явленія и силы, ихъ изученіе и пользованіе ими съ практическими цѣлями.—Пер. съ нѣм. профессора В. Скobelцина. Спб. 1903, стр. 390.

a и a_1 на чертежѣ 6, мы найдемъ второе бóльшимъ, чѣмъ первое. (Разстояніе между изображеніями въ обоихъ случаяхъ одно и то же). Потому-то раздвиганіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, парныхъ стереоскопическихъ изображеній ведетъ за собою увеличеніе рельефа и, въ случаѣ посредственныхъ снимковъ, можетъ имѣть извѣстное практическое значеніе.

Являясь логическимъ слѣдствиемъ первого закона бинокулярнаго зрѣнія, псевдоскопія своею возможностью подтверждаетъ его и устанавливаетъ второй законъ: глубина рельефа возрастаетъ со увеличеніемъ разстоянія между соответственными точками парныхъ стереоскопическихъ изображеній и не зависитъ отъ разницы между разстояніями точекъ первого плана и разстояніями между точками послѣдняго плана. При раздвиганіи парныхъ стереоскопическихъ изображеній разность между разстояніями самыхъ близкихъ и самыхъ удаленныхъ отъ глаза точекъ не измѣняется, рельефъ же между тѣмъ увеличивается.

Всякій, имѣвшій дѣло со стереоскопомъ, несомнѣнно поражался тѣмъ, насколько при стереоскопическомъ видѣніи удлиняются линіи, выражаящія разстоянія между первымъ и послѣднимъ планами стереограммы, т.-е. на чертежахъ 4 или 6 линіи, изображающія ребра пирамиды. При стереоскопическомъ видѣніи онѣ увеличиваются въ нѣсколько разъ. Если мы будемъ смотрѣть однимъ глазомъ на одно изъ изображеній чертежа 5, то мы не увидимъ никакого рельефа. Но если передъ другимъ глазомъ помѣстить точную копію этого изображенія, то несмотря на отсутствіе той разницы въ изображеніяхъ, которая присуща стереограммѣ, мы ясно увидимъ рельефъ, правда, очень незначительный. Такъ какъ въ данномъ случаѣ изображенія тождественны, а зачаточный рельефъ почти не выраженъ, то причиною возникновенія рельефа слѣдуетъ признать размѣщеніе на извѣстномъ разстояніи изображеній, т.-е. расхожденіе зрительныхъ осей. Когда мы смотримъ обоими глазами на одно изображеніе, зрительные оси сходятся на той или другой точкѣ его; но когда передъ глазами помѣщена стереограмма, эти оси на плоскости рисунковъ расходятся на 68—88 миллиметровъ. Извѣстно, что при одной и той же величинѣ изображенія на сѣтчаткѣ глаза объектъ можетъ казаться то меныше, то больше, смотря по степени расхожденія зрительныхъ осей.—«Доказывается это слѣдующимъ образомъ. На лентѣ бумаги, длиною въ чет-

верть, шириной въ вершокъ, рисуютъ двѣ какія-нибудь одинаковыя фигуры, напр., два круга и, разрѣзавъ ленту между кругами пополамъ, вводятъ обѣ половины навстрѣчу другъ къ другу въ стереоскопъ съ тѣмъ, чтобы при смотрѣніи въ послѣдній, обѣ фигуры слились въ одну. Лишь только это достигнуто, обѣ половинки начинаютъ крайне медленно раздвигать, продолжая упорно смотрѣть въ стереоскопъ. При нѣкоторомъ навыкѣ сліяніе образовъ удается сохранить и во время раздвиганія кружковъ, но при этомъ всегда кажется, что слившійся воедино образъ становится при раздвиганіи больше. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ раздвиганіемъ кружковъ уменьшается степень сведенія устремленныхъ на нихъ зрительныхъ осей, а образы ихъ на сѣтчаткахъ остаются неизмѣнными¹⁾. — Это явленіе открыто изобрѣтателемъ стереоскопа. Опираясь на него, можно думать, что кажущееся въ случаѣ стереограммы вырастаніе линій, выражющихъ рельефъ, происходитъ отъ того, что соотвѣтственныя точки ихъ постепенно расходятся по мѣрѣ приближенія къ послѣднему плану, что въ суммѣ и даетъ кажущееся увеличеніе размѣровъ этихъ линій. Если это такъ, то при стереоскопическомъ видѣніи должно наблюдаться нѣкоторое искаженіе картины: именно части ея, кажущіяся лежащими на послѣднемъ планѣ, въ случаѣ значительного разстоянія между первымъ и послѣднимъ планами, должны оказаться нѣсколько увеличенными сравнительно съ впечатлѣніемъ при монокулярномъ зрѣніи. И это дѣйствительно наблюдается очень хорошо на чертежѣ 5. Здѣсь ближайшая къ глазу наблюдателя плоскость кристалла выражена треугольникомъ съ основаниемъ, повернутымъ вправо, а самая отдаленная плоскость—гораздо меньшимъ треугольникомъ съ основаниемъ, направленнымъ влево. Но если смотрѣть на этотъ чертежъ, пользуясь имъ, какъ стереограммой, то мы уже не увидимъ рѣзкой разницы въ величинѣ этихъ треугольниковъ, а при введеніи чертежа въ стереоскопъ, благодаря его увеличивающимъ стекламъ, мы увидимъ гораздо меньший треугольникъ увеличившися настолько, что онъ будетъ ясно пре- восходить по размѣрамъ первый.

Псевдоскопія выясняетъ и истинную роль бинокулярности зрѣ-

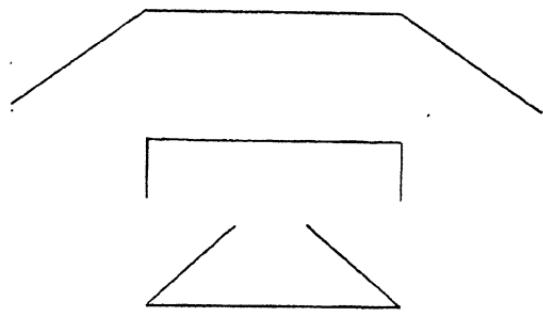
1) Сѣченовъ, И.—Физіологические очерки, часть 2, стр. 247—248, Спб., 1898 г.

нія въ дѣлѣ воспріятія рельефа. Нѣтъ ничего легче полученія ея, имѣя дѣло съ рисунками пирамиды, кристалла и т. п. несложными изображеніями. Но вы сильно ошибаетесь, если понадѣетесь съ помощью перемѣщенія праваго и лѣваго изображеній вывернуть, такъ сказать, снимокъ какого-нибудь вида съ ясно выраженнымъ зачаточнымъ рельефомъ. Самое большое, чего иногда можно достигнуть въ подобномъ случаѣ, это перемѣщенія впередъ послѣдняго плана, но и только. Остальная части пейзажа остаются на своихъ мѣстахъ; выпуклости не превращаются во впадины и впадины въ выпуклости. Это происходитъ оттого, что хотя при перемѣщеніи праваго снимка къ лѣвому глазу, а лѣваго снимка къ правому глазу и получаются только что разсмотрѣнныя необходимыя для явленія псевдоскопіи условія, но ихъ необходимость еще не влечетъ за собой обязательности псевдоскопіи, такъ какъ зачаточный рельефъ нисколько не затрагивается ими. Это толкованіе можетъ быть тотчасъ же подвергнуто опытной проверкѣ. Если оно вѣрно, то долженъ быть реализованъ логическій выводъ изъ него. Этотъ выводъ заключается въ томъ, что съ уничтоженіемъ зачаточнаго рельефа псевдоскопія должна имѣть мѣсто и въ случаѣ пейзажа. Это и происходитъ въ дѣйствительности. Такое устраненіе зачаточнаго рельефа достигается (при томъ условіи, что снимокъ не заученъ твердо наблюдателемъ) простымъ перевертываніемъ вверхъ ногами обоихъ стереоскопическихъ изображеній, не мѣняя ихъ мѣстъ. При такомъ поворотѣ на полкруга, соответственныя изображенія сближенныхъ точекъ расходятся, а удаленныхъ—сближаются. Сверхъ того, части рисунка, бывшія ближайшими, напр., къ нижнему краю его, становятся наиболѣе удаленными, и, наоборотъ, т.-е. зачаточный рельефъ совершенно устраниется. Этимъ путемъ достигается псевдоскопической эффектъ даже при монокулярномъ зрѣніи. Но если взаимныя отношенія частей рисунка намъ твердо извѣстны, напр., съ случаѣ человѣческой фигуры, то и такое перевертываніе вверхъ ногами парныхъ изображеній не даетъ псевдоскопіи. Различные планы обстановки будутъ мѣняться мѣстами, но сама фигура въ ея существенныхъ чертахъ не претерпѣваетъ извращенія ¹⁾.

¹⁾ Этотъ фактъ давно указанъ Карпентеромъ, хотя основная причина его осталась неизвѣстна ему.—„Монокулярное и бинокулярное видѣніе предмета,

* * *

Теперь, когда нами выяснены условия зрительного восприятия рельефа, необходимо определить, на чемъ поконится значение этихъ условий. Сущность явленія рельефа заключается въ томъ, что точки, лежащія въ различныхъ мѣстахъ одной и той же плоскости, перпендикулярной къ оси зрѣнія, мы видимъ лежащими въ различныхъ плоскостяхъ, перпендикулярныхъ къ оси зрѣнія. Это—чертаго, общая съ основной чертой иллюзій зрѣнія, и действительно, явленіе рельефа

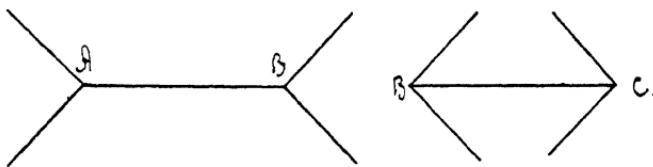
Черт. 7.

представляетъ собою лишь частный случай оптической иллюзіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ необходимо и достаточно ознакомиться съ сущностью иллюзій зрѣнія.

Вотъ три чертежа (чертежъ 7), у которыхъ горизонтальная

говорить онъ, служить уму только материаломъ для представлениія обѣ извѣстной тѣлесности. Образованіе же представлениія зависитъ гораздо болѣе отъ предыдущаго состоянія ума, нежели отъ чисто-оптическихъ отношеній образовъ на сѣтчаткѣ. Доказательствомъ могутъ служить, по моему мнѣнію, псевдоскопические опыты. Именно, согласно съ теоріей *непосредственного познанія*, основанного на оптическихъ различіяхъ обоихъ образовъ, всякая вещь, рассматриваемая черезъ псевдоскопъ, представляется намъ какъ бы вывороченной наизнанку. Между тѣмъ, многіе предметы, надъ которыми мы пробуемъ извращающую силу инструмента, даютъ отрицательные результаты; превращеніе ограничивается тѣми, которые мы леіко можемъ представить себѣ въ этой новой формѣ. Воспринимающій умъ отвергаетъ слишкомъ странную новинку; онъ упорно придерживается той реальности, въ которой, на основаніи прежнихъ осознательныхъ опытовъ, научился видѣть необходимое переложеніе зрительного впечатлѣнія, получаемаго отъ предмета, и допускаетъ только такія видоизмѣненія, которыхъ можно согласовать съ результатами этихъ опытовъ.—При разсмотрѣваніи же *живого человѣческаго лица* черезъ псевдоскопъ никакія усилия не въ состояніи, повидимому, произвести извращеніе рельефовъ; наше сознаніе (вѣроятно, подъ вліяніемъ разсудка) положительно отказывается воспринять впечатлѣніе живого лица, которое имѣло бы видъ полой маски.—У. Карпентеръ—Основанія физіологии ума, т. I, §§ 176 и 170, Спб., 1887 г.

линії настолько ясно неравны, что безъ измѣренія невозможно убѣдиться въ обратномъ. Въ дѣйствительности всѣ эти три линії одной и той же длины. При небольшомъ вниманіи всякихъ легко замѣтить извѣстную закономѣрность этой иллюзіи: линія верхняго чертежа кажется больше соответствующей линіи средняго чертежа, которая въ свою очередь кажется больше такой же линіи нижняго. Нетрудно замѣтить и то, что площадь, занятая верхнимъ чертежемъ, больше площади средняго, такъ же какъ послѣдняя больше площади, захваченной третьимъ чертежемъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ дѣйствительно имѣется на лицо неравенство—именно неравенство площадей; мы же, со средоточивая вниманіе на линіяхъ, начинаемъ видѣть неравными ихъ, и именно въ той же послѣдовательности, въ какой наблюдается неравенство площадей. Слѣдовательно, эта иллюзія возникаетъ потому, что отношенія, дѣйствительно существующія

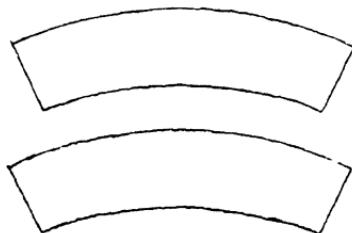

Черт. 8.

между извѣстными данными, какъ цѣлыми (т.-е. между площадями), мы переносимъ и на одинаковыя составныя этихъ данныхъ (т.-е. на равныя линіи). По этой же причинѣ мы видимъ линію AB (чертежъ 8) значительно больше линіи BC . Въ дѣйствительности линіи равны; неравны же площади, захваченные тѣми чертежами, въ составъ которыхъ входятъ эти линіи.

Это не единственный типъ оптической иллюзіи. Возможенъ и обратный ему: когда отношеніе, дѣйствительно существующее между частями двухъ чертежей, будетъ перенесено на нихъ, какъ на цѣлые. Такъ, изъ двухъ равныхъ кольцевыхъ отрѣзковъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ (чертежъ 9), нижній будетъ казаться больше верхняго. Здѣсь происходитъ безсознательное сравненіесосѣднихъ частей рисунковъ: у нижняго она больше, чѣмъ у верхняго; мы же переносимъ это отношеніе на цѣлые чертежи. Что причина иллюзіи именно такова, это можно сдѣлать очевиднымъ, имѣя дѣло съ подвижными рисунками и

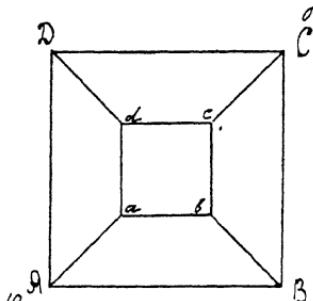
заставивъ ихъ помѣняться мѣстами: тогда рисунокъ, казавшійся раньше большимъ, станетъ казаться наоборотъ менѣе своего сосѣда. Вмѣсто кольцевыхъ отрѣзковъ можно взять двѣ равныя подковы или двѣ равныя трапеціи: та изъ фигуръ будетъ казаться больше, у которой ближайшая къ другой сторонѣ будетъ больше сопрѣдней съ ней стороны второй фигуры. И здѣсь, слѣдовательно, отношеніе, дѣйствительно существующее между извѣстными данными, переносится на тѣ данные, между которыми оно не существуетъ.

Черт. 9.

Въ этихъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ иллюзіей нетождества въ дѣйствительности тождественныхъ данныхъ. Возможенъ и обратный случай: иллюзія тождества несходныхъ данныхъ. Вообще, при всемъ кажущемся разнообразіи иллюзій зрѣнія ихъ можно свести къ очень небольшому числу вполнѣ опредѣленныхъ группъ и нетрудно показать, что каждая изъ этихъ группъ подчиняется только что указанному принципу. Послѣдовательное доказательство этого факта требуетъ специального изслѣдованія, которымъ здѣсь мы не можемъ заняться; но изъ общаго числа оптическихъ иллюзій мы должны выдѣлить иллюзіи измѣняющагося рельефа, какъ особенно близко касающіяся нашего предмета.

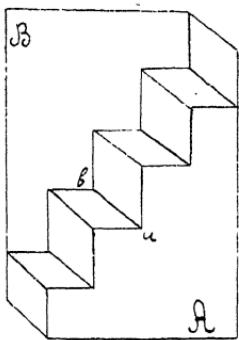
Если мы начнемъ рассматривать фигуру на чертежѣ 10, то она можетъ показаться изображеніемъ на плоскости усѣченной пирамиды, но можетъ казаться и пирамидальной впадиной. Тотъ или другой характеръ зрительного впечатлѣнія зависитъ отъ того, на что будетъ главнымъ образомъ обращено наше вниманіе. Если мы будемъ рассматривать фигуру, фиксируя менѣйший квадратъ, то увидимъ ее пирамидой, если же наше вниманіе будетъ обращено на болѣйшій квадратъ, то мы увидимъ впадину. Это происходитъ потому, что въ первомъ случаѣ глазъ пробѣгааетъ разстояніе отъ точекъ a , b , c и d до точекъ A , B , C и D ;

Черт. 10.

во второмъ случаѣ—наоборотъ. Въ обоихъ случаяхъ получается извѣстная степень удаленія конечныхъ точекъ отъ исходныхъ, что вызываетъ впечатлѣніе удаленія одного квадрата отъ другого.

Эта зависимость рельефа отъ исходной точки гораздо наглядѣе въ фигурѣ Шредера (чертежъ 11). Здѣсь мы можемъ видѣть стѣнку *A* впереди стѣнки *B*, и тогда

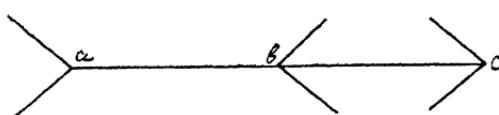

Черт. 11.

рисунокъ даетъ изображеніе ряда ступеней, или, наоборотъ, мы увидимъ стѣнку *B* впереди стѣнки *A*—и мѣсто ступеней займетъ тотъ рельефъ, который наблюдается при разсмотриваніи снизу жѣлѣзной лѣсницы. Первый случай получается, если фиксируется нижній край чертежа; тогда разстояніе отъ него до точки *a*, напримѣръ, будетъ меныше разстоянія до точки *b*, которая поэтому и покажется лежащей дальше отъ глазъ, чѣмъ точка *a*, и, следовательно, стѣнка *B*, накоторой лежитъ эта

точка, отступитъ въ глубь. Если же вниманіе будетъ обращено главнымъ образомъ на верхній край рисунка, то тогда разстояніе отъ этого края до точки *a* будетъ больше разстоянія до точки *b*, и потому первая покажется болѣе удаленной, чѣмъ вторая, т.-е. стѣнка *B* выступитъ впередъ, а стѣнка *A* отступитъ назадъ. Здѣсь сущность иллюзіи та же, что и во всякой иллюзіи зрѣнія: отношеніе, дѣйствительно существующее между извѣстными данными, переносится нами на такія данные, между которыми его нѣтъ въ дѣйствительности.

Какимъ же образомъ происходитъ подобный переносъ? Когда мы сравниваемъ по длинѣ линіи *ab* и *bc* (чертежъ 12), мы, не

Черт. 12.

будучи въ состояніи выдѣлить ихъ изъ чертежей, въ составѣ которыхъ онѣ входятъ, въ силу одного этого одновременно воспринимаемъ

и разницу въ величинѣ площадей, захваченныхъ этими чертежами. Но такъ какъ въ то же время все наше вниманіе сосредоточено на линіяхъ, то въ сознаніи не отражается тотъ фактъ, что это неравенство именно площадей, а не линій.

Занятые вполнѣ линіями, мы видимъ ихъ и, въ силу невозможности удалить изъ поля зрѣнія площасти чертежей, одновременно воспринимаемъ неравенство. Получается въ сущности то же, что имѣть мѣсто при наблюденіи двухъ дѣйствительно неравныхъ по длинѣ линій. При подобномъ наблюденіи мы имѣемъ два неустранимыхъ воспріятія: воспріятіе линій и тѣсно связанное съ нимъ воспріятіе неравенства. Совершенно тѣ же элементы и въ такой же тѣсной связи воспринимаются нами и при иллюзіи зрѣнія — и мы видимъ линіи одинаковой длины одна длиннѣе другой. Глядя на два равныхъ кольцевыхъ отрѣзка, помѣщенныхыхъ одинъ надъ другимъ (чертежъ 9), мы безсознательно воспринимаемъ неравенство ихъ сосѣднихъ частей, но такъ какъ вниманіе наше занято площастиами этихъ фигуръ, то въ сознаніи одновременно отражаются два тѣсно связанныхъ данныхыхъ: площасти отрѣзковъ и неравенство. Въ конечномъ результатаѣ сравниваемыя площасти кажутся намъ неравными. Въ фигураѣ Шредера возникаетъ иллюзія положенія различныхъ частей рисунка, но причина возникновенія ея все та же. Здѣсь разныя точки, находящіяся на одной и той же плоскости, перпендикулярной къ оси зрѣнія, начинаютъ казаться находящимися на разныхъ, не одинаково удаленныхъ отъ глазъ, плоскостяхъ. Въ дѣйствительности эти точки находятся въ разныхъ параллельныхъ осяхъ зрѣнія вертикальныхъ плоскостяхъ. Но когда наблюдатель сосредоточиваетъ свое вниманіе на этомъ различіи, онъ въ то же время безъ участія сознанія воспринимаетъ еще и разныя разстоянія этихъ точекъ, скажемъ, отъ низа рисунка. Эти разстоянія даны въ вертикальномъ направленіи, но эта подробность не охватывается сознаніемъ: въ немъ отражается только нахожденіе въ различныхъ плоскостяхъ и неодинаковое разстояніе. Результатомъ этой ассоціаціи является впечатлѣніе нахожденія точекъ въ разныхъ плоскостяхъ, неодинако удаленныхъ отъ глаза, т.-е. получается впечатлѣніе рельефа.

То, что имѣть мѣсто въ случаѣ фигуры Шредера, составляеть основаніе того зачаточнаго рельефа, который представляютъ изображенія на плоскости трехмѣрныхъ тѣлъ вообще, въ частности же такія сложныя изображенія, какъ тотъ или другой пейзажъ и т. п. Мы видѣли уже, что для того, чтобы разныя части изображенія казались въ разныхъ плоскостяхъ, необходимо, чтобы между различными точками данного изображенія были боковыя

разстоянія, а это значитъ, что онѣ должны лежать въ разныхъ вертикальныхъ плоскостяхъ (параллельныхъ оси зрѣнія) и находиться на разныхъ вертикальныхъ разстояніяхъ отъ нѣкоторой горизонтальной линіи, напримѣръ, отъ низа рисунка. Здѣсь уже имѣются задатки иллюзіи рельефа, но это еще рельефъ въ зачаточномъ состояніи. Однако, если, имѣя передъ глазами фотографіческій снимокъ пейзажа, отвести его на разстояніе яснаго видѣнія и закрыть одинъ глазъ, этотъ зачаточный рельефъ, какъ уже было указано, сразу усилившись и получится нѣчто среднее между зачаточнымъ рельефомъ и полнымъ рельефомъ стереоскопа. Этотъ полурельефъ совершенно необъяснимъ при общепринятомъ взглядѣ на бинокулярность зрѣнія, какъ необходимо условіе впечатлѣнія рельефа. Въ данномъ случаѣ не только нѣтъ никакой бинокулярности, но и самый-то рельефъ получается именно благодаря отсутствію ея.* Дѣйствительно, достаточно открыть другой глазъ—и изображеніе становится плоскимъ. Послѣднее явленіе можетъ быть объяснено тою ролью, которую играетъ въ дѣлѣ возникновенія всякой оптической иллюзіи суженіе поля вниманія. Такъ, чтобы получить даже въ стереоскопѣ пирамиду, необходимо фиксировать какую-нибудь часть ея (только не верхнее сѣченіе); чтобы получить прекрасную иллюзію вращающихся окружностей Томсона, рекомендуется фиксировать какую-нибудь точку вблизи этихъ окружностей. Даже въ случаѣ стереоскопа нѣкоторая лица для полученія рельефа должны фиксировать какую-нибудь точку, всего лучше на заднемъ планѣ изображенія. При разматриваніи фотографическаго изображенія однимъ глазомъ получается ясное впечатлѣніе только отъ одной какой-нибудь части всего изображенія; для остальныхъ частей поле вниманія суживается, что значительно облегчаетъ, даже отчасти обусловливаетъ возникновеніе иллюзіи. Но когда открывается другой глазъ—эта необходимая укость поля яснаго воспріятія исчезаетъ и съ ней исчезаетъ и иллюзія неполного рельефа. Если же передъ каждымъ глазомъ будетъ помѣщено одинаковое изображеніе, напримѣръ, два позитива, полученные съ одного и того же негатива, неполный рельефъ снова возникаетъ и, по уже разобранной причинѣ, еще настолько усиливается, особенно при разматриваніи такихъ одинаковыхъ изображеній черезъ увеличительныя стекла стереоскопа, что въ данномъ направленіи возможна даже фальсификація стереоско-

ническихъ снимковъ, по крайней мѣрѣ для недостаточно опытнаго глаза. И это совершенно необъяснимо, если безъ бинокулярности зрѣнія не можетъ быть рельефа. Увеличеніе само по себѣ усиливаетъ неполный рельефъ, въ чемъ легко убѣдиться, глядя въ стереоскопъ, закрывъ одинъ глазъ, т.-е. разсматривая только одно увеличенное изображеніе. Въ данномъ случаѣ, во-первыхъ, картина дѣлается больше, что облегчаетъ суживаніе поля яснаго восприятія; во-вторыхъ, благодаря общему увеличенію размѣровъ картины, увеличивается и разница вертикальныхъ разстояній различныхъ точекъ ея, напримѣръ, отъ низа картины. Если же увеличеніе будетъ довольно значительнымъ, то по тѣмъ же причинамъ неполный рельефъ будетъ виденъ и обоими глазами сразу, что давно известно для случая разсматриванія фотографическаго снимка черезъ большое увеличительное стекло и особенно хорошо выходитъ въ недавно появившемся приборѣ, представляющемъ собою вогнутое зеркало, передъ которымъ помѣщается снимокъ.

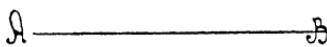
Для превращенія неполного рельефа въ тотъ поразительный рельефъ, который доставляетъ разсматриваніе обоими глазами сразу хорошо выполненной стереограммы, необходимо, какъ мы уже видѣли, еще одно данное: разница въ разстояніяхъ между парами соответственныхъ изображеній различныхъ точекъ картины. Тѣ точки, между парными изображеніями которыхъ разстояніе меньше, мы будемъ видѣть лежащими ближе къ глазу, чѣмъ тѣ, между парными изображеніями которыхъ разстояніе больше. Но это будетъ лишь въ томъ случаѣ, если зачаточный рельефъ или поддерживаетъ эту иллюзію, или, по крайней мѣрѣ, не рѣзко противорѣчитъ ей. Потому-то псевдоскопія легко выполнима въ случаѣ перемѣщенія изображеній пирамиды, кристалла и т. д., гдѣ зачаточный рельефъ выраженъ очень слабо, и оказывается недостижимой при томъ же приемѣ перестановки изображеній для пейзажа во всемъ его цѣломъ. Но если мы устранимъ это основаніе всякаго рельефа, перевернувъ изображенія вверхъ ногами, то и въ случаѣ пейзажа получимъ псевдоскопический эффектъ, вывернувъ, такъ сказать, наизнанку всю картину. Однако, даже этимъ способомъ нельзя извратить очень знакомый намъ объектъ, напр., человѣческую фигуру, тѣмъ болѣе лицо, или очень знакомый пейзажъ. Все это показываетъ, что въ основѣ восприятія рельефа лежатъ разсмотрѣнныя нами

данныя монокулярного зрения; бинокулярность зрения только значительно усиливает влияние этихъ данныхъ. Другими словами, бинокулярность зрения не только не играетъ приписываемой ей значительной роли въ дѣлѣ восприятія рельефа, но даже не играетъ рѣшающей: это только вспомогательная роль. Зрѣніе только въ незначительной части своей—актъ физической; въ остальной, значительно болѣе обширной, это — очень сложный психологический процессъ.

Основные черты этого процесса, насколько дѣло касается восприятія рельефа, теперь нетрудно установить. Если мы станемъ разсматривать двѣ точки (чертежъ 13), ограничивъ наше вниманіе только ими, то мы будемъ видѣть ихъ лежащими на плоскостяхъ

•
•
•

бумаги на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой. Мы будемъ видѣть ихъ на одной и той же плоскости, перпендикулярной къ оси зрения, но въ разныхъ вертикальныхъ плоскостяхъ, параллельныхъ оси зрения. Если же сверхъ

Черт. 13.

того начать сравнивать положенія

этихъ точекъ относительно какой-нибудь линіи *AB* и сосредоточить вниманіе на этомъ пункѣ, то мы можемъ вынести впечатлѣніе того, что выше лежащая точка (т.-е. болѣе удаленная отъ глазъ, чѣмъ вторая точка. Слѣдовательно, иллюзія рельефа возникаетъ тогда, когда мы воспринимаемъ одновременно положенія сравниваемыхъ точекъ въ горизонтальныхъ плоскостяхъ, параллельныхъ оси зрения, и въ вертикальныхъ плоскостяхъ, также параллельныхъ оси зрения. Мы воспринимаемъ при этомъ разстояніе между первыми (т.-е. разницу разстояній точекъ отъ линіи *AB*) и разстояніе между вторыми; въ то же время мы видимъ обѣ точки на плоскости бумаги, перпендикулярной къ оси зрения. Первое разстояніе даетъ впечатлѣніе неодинаково удаленныхъ точекъ, и это впечатлѣніе, въ связи съ впечатлѣніемъ нахожденія обѣихъ точекъ на перпендикулярной къ оси зрения плоскости бумаги, вызываетъ иллюзію нахожденія точекъ въ неодинаково удаленныхъ, перпендикулярныхъ къ оси зрения плоскостяхъ; разстояніе же между самими точками даетъ размѣръ удаленія этихъ плоскостей другъ отъ

друга. Въ результата получается впечатлѣніе рельефа въ той или другой степени, и это впечатлѣніе ничѣмъ не отличается отъ всякой иллюзіи зрѣнія, такъ какъ дѣйствительно существующія отношенія, въ силу одновременного воспріятія ихъ и тѣхъ данныхъ, между которыми этихъ отношеній нѣтъ, тѣсно ассоциируются съ послѣдними и кажутся намъ присущими этимъ даннымъ. Когда же на помощь приходятъ еще особенности бинокулярнаго зрѣнія, т.-е. различіе въ разстояніяхъ между парными изображеніями различныхъ точекъ на сѣтчаткахъ глазъ, то иллюзія достигаетъ своего максимума, и мы видимъ ярко выраженій рельефъ въ то время, когда на каждой сѣтчаткѣ рисуется только двухмѣрное изображеніе предмета. Какъ бы ни было еще неясно значеніе этого послѣдняго фактора—суть дѣла, во всякомъ случаѣ, вполнѣ ясна: зрѣніе поконится на томъ же началѣ, что и оптическая иллюзія, а это начало—чисто психологическаго характера. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что послѣ операциіи надъ слѣпорожденными, дѣлающей ихъ зрячими, они нѣсколько мѣсяцевъ должны учиться видѣть. Имѣть изображеніе на сѣтчаткѣ глаза далеко еще не значитъ видѣть. Такія изображенія двухъ линій могутъ быть равны, а мы будемъ ясно видѣть ихъ совершенно неравными (чертежъ 12). Субъектъ гипнотического опыта можетъ имѣть на сѣтчаткѣ глаза изображеніе ножницъ, но въ силу внушенія можетъ такъ же не узнавать ихъ, какъ одна слѣпорожденная женщина послѣ операциіи, сдѣлавшей ее зрячей. Эта женщина въ то время только учились видѣть, но осязаніе у нея было давно воспитано и потому тѣ же ножницы она сразу узнала, когда ощупала ихъ¹⁾). То же, несомнѣнно, случилось бы и съ гипнотическимъ субъектомъ, если бы ему предложили ощупать ножницы, но подобные факты говорятъ не за «осознательно-мускульный опытъ» Беркли, какъ неизбѣжный элементъ зрѣнія, а за громадное значеніе классификациіи, т.-е. за психологическій характеръ акта зрѣнія. Извѣстенъ случай слѣпорожденного мальчика, который послѣ операциіи на тринадцатомъ году «отлично умѣлъ узнавать собаку и кошку на ощупь, но не могъ припомнить ихъ отличительныхъ признаковъ, когда видѣлъ этихъ животныхъ. Однажды, находясь въ нерѣшительности, онъ взялъ кошку на руки и, внимательно при-

¹⁾ У. Карпентеръ, „Основанія физіологии ума“, т. I, § 167.

сматриваясь, началъ ощупывать ее; затѣмъ, опустивъ ее на землю, сказали: «Ну, теперь ужъ я буду тебя помнить»¹⁾). Этотъ мальчикъ пользовался чувствомъ осозанія около 12 лѣтъ, а зрѣніемъ—всего нѣсколько мѣсяцевъ. Первое было у него вполнѣ развито, второе—только начинало дѣйствовать. Вполнѣ понятно, что первое давало возможность классифицировать различныя впечатлѣнія, а второе пока нѣтъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мальчикъ началъ вообще узнавать зрительный образъ кошки только благодаря осозанію. Первое время онъ, вѣроятно, узнавалъ его по испытанной связи зрительного опыта съ осозательнымъ, т.-е. просто на основаніи послѣдняго, но это еще не значитъ, что зрѣніе его, не прибѣгай онъ къ осозанію, навсегда осталось бы въ зачаточномъ состояніи. Вѣроятно, оно потребовало бы лишь большаго времени для своего развитія, но и только. Если подобный субъектъ не можетъ первое время отличить квадрата отъ круга, то это означаетъ только то, что онъ не научился еще улавливать разницу и сходство въ своихъ зрительныхъ впечатлѣніяхъ, что неизбѣжно на первыхъ шагахъ всякаго вида ощущенія и что, однако, не мѣшаетъ постепенно развиваться каждому изъ этихъ видовъ. По теоріи Бэркли, рожденный безрукимъ долженъ былъ бы оставаться и незрячимъ; однако, до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы подобный фактъ былъ когда бы то ни было установленъ. Актъ зрѣнія есть актъ ощущенія; всякий же актъ ощущенія предполагаетъ классификацію, т.-е. установление сходства данного впечатлѣнія съ однимъ изъ предшествовавшихъ впечатлѣній и несходства съ другими; всякое же установленіе сходства и несходства есть актъ мышленія, хотя бы подсознательного и самаго начального. Зрѣніе, какъ всякое ощущеніе,—результатъ мыслительного процесса, т.-е. психической работы; физическая же сторона зрѣнія только доставляетъ материалъ для этого психического процесса.

Н. Боровко.

¹⁾ Тамъ же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

William James. *The Varieties of religious experience. A study in human nature.* London, New Jork and Bombay. 1906. 12-е изд. XII+534.

Несомнѣнно, что въ культурномъ и этическомъ броженіи нашего времени проблема религіи все болѣе и болѣе передвигается отъ периферіи духовной жизни къ центру ея. Разсудочное отрицаніе однихъ, еще не такъ давно столь самодовольное, и невзыскательный догматизмъ или тупое равнодушіе другихъ смѣняются какой-то торопящейся пытливостью и настоящей тоской по религіи. Это углубленіе религіознаго сознанія сказывается и въ рѣшительномъ перемѣщеніи познавательного интереса отъ антропологическихъ изслѣдований о «первобытной религіи» къ опытамъ психологического проникновенія въ глубины развитого религіознаго сознанія и къ вопросамъ о цѣнаности религіи во всей полнотѣ ея притязаній. Конечно, пока еще трудно характеризовать тѣ новые точки зрѣнія, которые пробиваются на поверхность религіозно-философскаго мышленія. Скорѣе, прежде всего замѣчается возвращающее недовѣріе къ старымъ рѣшеніямъ, *исканіе* новыхъ путей, и книга Джемса, вышедшая за короткое время уже двѣнадцатымъ изданіемъ, представляеть въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе интереса, что въ религіозно-философскихъ взглядахъ этого выдающагося американского психолога своеобразно переплетаются мотивы его личнаго мышленія и разнородныя вліянія, идущія извнѣ (неокритицизмъ Ренувье, теоріи современнаго оккультизма). Правда, большую половину книги занимаетъ чисто

психологическая обработка обширного эмпирического материала, но отчасти попутно и еще болѣе въ заключительныхъ главахъ Джемсъ переходитъ къ общимъ вопросамъ философіи религіи и, нужно думать, популярное и богатое намеками трактованіе этихъ вопросовъ не менѣе, чѣмъ крупное имя автора, обусловило выдающійся успѣхъ его книги въ широкой публикѣ.

Поставляя своей ближайшей задачей психологіческій анализъ религіознаго опыта во всемъ его индивидуальномъ многообразіи, Джемсъ оставляетъ въ сторонѣ, какъ нѣчто «вторичное», культь, церковь и догматику и сосредоточиваетъ свое вниманіе на непосредственныхъ религіозныхъ переживаніяхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ «въ ихъ одиночествѣ», на той сторонѣ религіи, которую онъ въ качествѣ «личной религіи» (personal religion) противопоставляетъ «религіи какъ учрежденію» (institutional religion).

И здѣсь опять-таки онъ обращается не къ тѣмъ проявленіямъ религіознаго сознанія, которые опираются на традиціи и укрепляются въ силу подражанія и привычки, а къ болѣе самостоятельнымъ опытомъ такихъ натуръ, у которыхъ пламенная и беспокойная религіозность охватываетъ все жизненное настроение. Джемсъ предпочитаетъ крайня, даже патологическія формы и не изъ однихъ методологическихъ-соображеній. Наставая на необходимости различать вопросы о природѣ и происхожденіи религіозныхъ переживаній отъ вопросовъ о цѣнности ихъ содержанія, онъ горячо возстаетъ (въ главѣ «Religion and Neurology») противъ опирающагося на авторитетъ врачей обыкновенія дискредитовывать тѣ или иные проявленія религіозности (да и религіозную жизнь вообще) указаніемъ на ихъ связь съ истеріей, эпилепсіей, вырожденіемъ, вообще съ патологической душевной организацией. Джемсъ идетъ даже дальше: онъ прямо оттѣняетъ наличность такой связи, но въ «психическомъ темпераментѣ», конечно, при сочетаніи съ высокимъ интеллектомъ, онъ готовъ видѣть естественное условіе для всякаго идущаго вглубь религіознаго развитія, и когда онъ задается вопросомъ, не вводить ли такой темпераментъ въ такія области религіозной истины, которая навсегда останутся скрытыми отъ самодовольнаго обладателя здоровой нервной системы, то въ совокупности мыслей Джемса это совсѣмъ не мимоходомъ брошенная догадка. Понятно, что различая затѣмъ два типа религіознаго

опыта, именно религію здоровыхъ духомъ (the religion of the healthy-minded) и религію больной души (the religion of the sick soul), онъ среди всѣхъ различій религіознаго сознанія усваиваетъ этой противоположности наибольшее значеніе.

Индивидуумы первого типа какъ бы въ изначальномъ для нихъ чувствѣ единенія съ общимъ ходомъ жизни не склонны останавливаться на трагическихъ сторонахъ ея, не чувствуютъ того жала, которое заключается въ проблемѣ зла, и безъ борьбы и потрясеній обрѣтаютъ свою вѣру. Напротивъ, вторые, терзаемые сомнѣніями и внутренней раздвоенностью души (the divided self), сознаніемъ собственной грѣховности или ужасомъ передъ трагизмомъ всякаго существованія, часто обнаруживаютъ въ своихъ переживаніяхъ признаки прямо патологической меланхоліи. Чтобы обрѣсти миръ и единство души, имъ нуженъ кризисъ, какъ бы второе рожденіе, и тотъ процессъ религіознаго возрожденія или «обращенія», въ которомъ они обрѣтаютъ спасающую ихъ вѣру, привлекаетъ вниманіе Джемса въ качествѣ центральнаго феномена развитой религіозной жизни. Въ изъясненіи психологического механизма этого процесса онъ въ значительной степени пользуется выводами, къ которымъ пришли американскіе психологи религіи (Leuba, Starbuck, Coe). Наиболѣе многозначительнымъ въ дальнѣйшемъ для его личной точки зрѣнія оказывается широкое примѣненіе понятія о «подсознательной» душевной жизни, особенно по отношенію къ случаямъ «внезапнаго» обращенія. Обращеніе наступаетъ или какъ результатъ сознательныхъ бореній души и тогда оно обыкновенно бываетъ «постепеннымъ», или, наоборотъ, нарастаніе мотивовъ душевной перемѣны протекаетъ въ подсознательной сферѣ, и когда результатъ процесса вступаетъ сразу въ сознаніе субъекта, обращеніе испытывается, какъ внезапный душевный кризисъ. И другія черты этого кризиса Джемсъ объясняетъ участіемъ «подсознательнаго я» (subconscious self). Если въ процессѣ внезапнаго обращенія субъектъ чувствуетъ себя пассивнымъ и перемѣна испытывается, какъ чудо, какъ воздействиѣ высшей силы, если обращеніе и всякаго рода религіозныя «вдохновенія» часто сопровождаются галлюцинаціями («видѣніями», «голосами»), непроизвольными вѣщаніями («даръ языковъ»), вообще явленіями автоматизма, то это потому, что въ религіозномъ опыте мы въ значительной степени

встрѣчаемся съ «вторженіями» (intrusions) въ обычное поле сознанія образовъ, чувствъ и импульсовъ, коренящихся подъ порогомъ его (subliminal self). Джемсъ не посягаетъ этимъ на устраненіе теологическихъ доктринъ «обращенія». Напротивъ, въ «подсознательномъ я» онъ готовъ видѣть посредствующее звено между психологіей и теологіей. Мыслимо, что подсознательная сфера души какъ разъ и является проводникомъ воздействиія трансцендентныхъ силъ, и въ дальнѣйшемъ Джемсъ серьезно останавливается на этой гипотезѣ.

Выдвиняя такимъ образомъ въ религіозномъ опытѣ на первый планъ подсознательное и непроизвольное, Джемсъ въ связи съ этимъ оттѣняетъ и его по преимуществу мистическій характеръ. То трансцендентное (будь это «Божество» или нѣкій невидимый міропорядокъ), что составляетъ объектъ религіозной вѣры, мистиками прямо какъ бы ощущается. Мистическая «откровенія» и «озаренія» представляютъ собою, по свидѣтельству мистиковъ, познаванія столь же непосредственные, какъ и воспріятія виѣшнихъ чувствъ, хотя они осуществляются безъ посредства послѣднихъ. Джемсъ заявляетъ, что самъ онъ почти совсѣмъ лишенъ способности къ «мистическимъ состояніямъ сознанія», но онъ настаиваетъ на ихъ реальности, какъ особаго типа сознанія, и пытается указать ихъ аналоги виѣхъ сферы собственно религіознаго опыта. При этомъ въ качествѣ приближеній къ мистическимъ состояніямъ сознанія приводятся первыя стадіи опьянѣнія отъ алкоголя и своеобразныя переживанія («анестетической откровенія»), порождаемыя иногда веселяшимъ газомъ, хлороформомъ и другими «анестезирующими». Джемсу пришлось самому испытать дѣйствіе веселящаго газа, и онъ не можетъ не приписать своимъ переживаніямъ «нѣкотораго метафизического значенія». Этотъ-то опытъ и породилъ въ немъ убѣжденіе, что обычное, нормальное, «раціональное» сознаніе, базирующее на виѣшнихъ чувствахъ и разсудкѣ, есть только специальный типъ сознанія на ряду съ потенциальными формами сознанія совершенно отличного. Во всякомъ случаѣ, (и это для Джемса самое важное) въ религіозной мистикѣ болѣе ярко обнаруживается то, что характеризуетъ религіозную жизнь вообще, именно—первенствующее значение непосредственнойувѣренности, кроются ли источники послѣдней въ мистическихъ опытахъ или въ эмоциональной жизни души, передъ моментомъ

разсудочнымъ. Чувство (*feeling*), говорить Джемсъ, разумѣя подъ этимъ терминомъ всякий непосредственный душевный опытъ, есть болѣе глубокій источникъ религіи, а философскія и теологическія формулы нѣчто вторично. Тщетно пытаются интеллектуально обосновать истинность религіи и противопоставить чувству аргументы, которымъ была бы присуща всеобщая обязательность. Эти попытки «абсолютно безнадежны». Джемсъ осмѣиваетъ старый теологическій рационализмъ съ его «доказательствами бытія Бога», но и современному идеализму (Джемсъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ весьма вліятельнос мынѣ въ Америкѣ и въ Англіи гегеліанско направленіе) не удалось преступить сферы чувства и непосредственныхъ переживаній индивидуума, а развѣ только придать имъ болѣе обобщенное словесное выражение.

Если Джемсъ склоненъ защищать «чувство на счетъ разума» то мотивы этой борьбы съ рационализмомъ кроются не только въ области психологическихъ и гносеологическихъ соображеній, но и въ томъ, что онъ рѣшительно отстаетъ индивидуализмъ въ религіи. Интеллектъ, какъ онъ находитъ свое послѣдовательное выражение въ естественно-научномъ мысленіи, склоненъ растворять частное и личное въ общемъ, универсальномъ, космическомъ. Напротивъ, «индивидуальность базируется на чувствѣ», а интересъ индивидуума къ его *частной*, личной судьбѣ, его личные запросы и нужды и есть та ось, вокругъ которой вращается религіозная жизнь, и «религія есть монументальная глава въ исторіи человѣческаго эзотеризма».

Но такъ какъ жизненные положенія и задачи индивидуумовъ различны, то ихъ религіи совсѣмъ не должны быть одинаковыми.

Общее въ индивидуальномъ многообразіи религіозныхъ вѣрованій сводится только къ тому факту, что въ религіозномъ опыте мы сознаемъ себя въ связи и общеніи съ чѣмъ-то болѣшимъ и высшимъ, чѣмъ наше обычное *«я»*. Психологическій анализъ приводитъ къ выводу, что это «большее» на той своей сторонѣ, которой оно непосредственно примыкаетъ къ нашему *«я»*, есть подсознательное продолженіе нашей сознательной личности. Но какъ только поднимаются вопросы о томъ, что такое это «большее» на своемъ дальнѣйшемъ протяженіи, что оно вообще такое, какъ оно дѣйствуетъ и каковъ характеръ нашего

«единенія» съ нимъ,—начинаются различія религіознаго сознанія, и мы вступаемъ въ область тѣхъ индивидуальныхъ восполненій основного религіознаго факта, который Джемсъ называетъ «сверхвѣрованіями» (over-beliefs) и въ которыхъ онъ видитъ «самое чѣнно и самое интересное въ человѣкѣ». Можетъ быть, многообразіе религіозныхъ типовъ, сектъ и вѣрованій ближе выражаетъ то, что составляетъ истину въ области религіи, чѣмъ философія съ ея «страстью къ единству», — вотъ мысль, къ которой Джемсъ подходитъ въ своемъ собственномъ «сверхвѣрованіи». «Философскій теизмъ всегда обнаруживалъ тенденцію становиться пантеистическимъ и монистическимъ и разсматривать міръ, какъ нѣкоторое абсолютное единство». Джемсъ, напротивъ, полагаетъ, что окончательная философія религіи должна будетъ болѣе серьезно посчитаться съ плюралистической гипотезой, чѣмъ она была склонна до сихъ поръ. Къ этому побудятъ ее и тѣ трудности, на которыхъ наталкивается монизмъ въ проблемѣ зла. Во всякомъ случаѣ, религіозное сознаніе совсѣмъ не такъ единодушно свидѣтельствуетъ въ пользу вѣрованія въ то, что Божество «едино» и «безконечно», и «популярный или практическій теизмъ всегда былъ болѣе ими менѣе откровенно плюралистическимъ, чтобы не сказать политеистическимъ». И религіозная потребность, и непосредственный религіозный опытъ вполнѣ покрываютъ вѣрованіемъ, что позади каждого человѣка въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ существуетъ болѣе значительная сила, дружественная ему и его идеаламъ. Вполнѣ допустимо даже, что эта сила есть только болѣе обширное и болѣе «богоподобное я» (godlike self), искаженнымъ выражениемъ коего является наша сознательная личность, а вся вселенная—собраніе такихъ «я», необъединенныхъ въ какое-либо абсолютное единство. Это возвращаетъ насъ къ «нѣкотораго рода политеизму», и къ защищать его отъ нападокъ монистической философіи Джемсъ обѣщаетъ обратиться въ послѣдующемъ трудаѣ, въ которомъ онъ намѣренъ болѣе обстоятельно развить свою личную точку зрења.

Еще и въ другомъ отношеніи стремится Джемсъ опереться на непосредственномъ религіозномъ сознаніи людей. Человѣку нуженъ Богъ, который могъ бы вмѣшиваться въ частный ходъ событий и приходить на помощь въ отвѣтъ на обращенные къ нему молитвы. Поэтому молитва въ широкомъ смыслѣ этого

слова, т.-е. внутреннее общеніе съ тѣми силами, которыя человѣкъ признаетъ божественными, есть «душа и сущность религіи», и въ молитвенномъ общеніи съ божествомъ человѣкъ прямо чувствуетъ, что энергія притекаетъ изъ высшей области, и проникается убѣжденіемъ, что благодаря молитвѣ нѣчто дѣйствительно совершается въ мірѣ такое, что иначе было бы невозможно.

Этотъ «болѣе грубый» супранатурализмъ живой религіозной вѣры Джемсъ защищаетъ противъ «болѣе утонченного» супранатурализма большинства философовъ. Ихъ супранатурализмъ — «универсалистической». Ихъ «абсолютъ» имѣетъ отношеніе къ міру опыта въ его цѣломъ, но не снисходитъ къ воздействиимъ на міръ опыта въ частностяхъ, и естественное теченіе событий феноменального міра не прерывается въ отдѣльныхъ пунктахъ, чтобы дать мѣсто воздействиимъ изъ идеальной сферы. Но это значитъ принимать законы жизни такъ, какъ ихъ устанавливаетъ натурализмъ, т.-е. безъ надежды на помошь свыше въ частныхъ случаяхъ, и если оттого, существуетъ ли Богъ или нѣть, ничто не измѣняется въ мірѣ фактovъ (а всѣ факты суть частные факты), то вопросъ о существованіи Бога утрачиваетъ свой интересъ.

Можно было бы думать, что Джемсъ будетъ настаивать на «индивидуальномъ бессмертії», какъ на самомъ важномъ фактѣ, вытекающемъ изъ существованія Бога, но какъ разъ это онъ считаетъ второстепеннымъ пунктомъ. «Если только о нашихъ идеалахъ заботятся въ вѣчности», говоритъ онъ, «то я не вижу, почему намъ не согласиться довѣрить заботу о нихъ другимъ, не нашимъ собственнымъ рукамъ». Такимъ пониманіемъ Джемсомъ вводится какъ разъ та универсалистическая тенденція, которая такъ мало привлекаетъ его во всемъ остальномъ.

Но и въ другихъ пунктахъ его трактованія проблемы религіи сказывается столкновеніе противоборствующихъ тенденцій, столь характерное для современного религіозно-философского мышленія. Онъ противопоставляетъ мистическое сознаніе, «источникъ и средоточіе личнаго религіознаго опыта», рациональному сознанію, видитъ въ послѣднемъ не путь, а помѣху къ познаванію той реальности, которая находится по ту сторону чувственного и только «постигаемаго» міра и которую прозрѣваетъ подсознательное, сумеречное (dreamy Subliminal), часто патологическое

«я», — и въ то же время возлагаетъ на «науку о религіяхъ», должностную заступить мѣсто философіи религіи, задачу согласованія религіознаго опыта съ естествознаніемъ, этимъ, по его же мнѣнію, продуктомъ «раціональнаго» сознанія. Конечно, можно только привѣтствовать сказывающееся въ этомъ стремленіе разсматривать религіозный опытъ въ болѣе широкой связи. Но тогда не слѣдовало бы рекомендовать философіи религіи «оставить метафизику для индукцій», не слѣдовало бы такъ скептически относиться къ метафизическімъ построеніямъ въ области религіи и сводить работу мышленія въ этой области только «къ переводу текста на другой языкъ».

На самомъ дѣлѣ и религія «подсознательного я» базируетъ не на одномъ только психологическомъ анализѣ механизма «обращеній» и молитвенныхъ экстазовъ, и врядъ ли можно сомнѣваться, что она въ значительной степени внушена Джемсу метафизикой оккультизма. Онъ не только все ученіе о весьма непредѣленной въ чисто психологическомъ отношеніи категоріи «подсознательного я» принимаетъ почти въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ разрабатывается въ оккультистическихъ кругахъ на основахъ довольно распространительнаго истолкованія явленій гипноза и раздвоенія личности, но и вообще отношеніе Джемса къ теоріямъ оккультизма весьма сочувственное, и, какъ онъ заявляетъ въ другомъ мѣстѣ («Human Immortality». London, 1906), нѣкоторая оккультическая явленія для него факты.

Это обращеніе къ оккультизму, какъ бы ни судить о немъ во всемъ остальномъ, есть выраженіе той потребности въ единствѣ знанія и религіозной вѣры, которая все болѣе настоятельно заявляетъ себя въ современномъ религіозно-философскомъ мышленіи.

А. Лазаревъ.

Б. Шмидъ. Философская хрестоматія. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Пер. съ нѣм. Ю. А. Говеѣва подъ редакціей и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 1907.

Необходимость изученія философскихъ произведеній по первоисточникамъ врядъ ли нуждается въ доказательствахъ: слишкомъ очевидно, что никакія изложенія не могутъ замѣнить подлинныхъ сочиненій Платона, Августина, Канта, Гегеля и др. Великіе умы дѣйствуютъ на насъ не только содержаніемъ своихъ

системъ, но и формой ихъ, не только, такъ сказать, основнымъ тономъ своей философіи, но и обертонами ея. «*Multa apud Platonicos Augustinumque praeclarar reperiuntur, sed quae arbitror ab ipsis met non satis intellecta, ei ex impetu magis et calore, quam luce nata*», говорить Лейбницъ. Но такъ какъ философскія произведенія—какъ по своему объему, такъ и по трудности изложенія не доступны тому, кто впервые приступаетъ къ изученію философіи, то естественно возникаетъ мысль о составленіи «философскихъ хрестоматій», которыхъ дали бы рядъ систематически подобранныхъ, наиболѣе яркихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе легкихъ отрывковъ изъ произведеній геніевъ философіи. Такую цѣль поставила себѣ и подлежащая моей рецензіи философская хрестоматія Б. Шмида, и, очевидно, опредѣниваема она должна быть, во-первыхъ, съ точки зрѣнія достоинства помѣщенныхъ въ ней отрывковъ, и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія доступности ихъ для тѣхъ, для кого она предназначена.

«Я стремился къ такому разнообразію статей, которое отвѣчало бы разнообразію изучаемыхъ предметовъ и возникающихъ при этомъ вопросовъ», заявляетъ въ предисловіи составитель хрестоматіи. Долженъ сознаться, что такая тенденція составителя для меня не совсѣмъ ясна. Что онъ хотѣлъ, собственно говоря, дать: пособіе для изученія философіи, какъ самостоятельно преподаваемой науки, или сборникъ статей, помогающихъ освѣтить съ философской точки зрѣнія тѣ понятія и основоположенія, съ которыми оперируютъ специальная науки, проходящія въ школѣ? Имѣлъ ли онъ въ виду ученика, изучающаго систематическую философію хотя бы какъ философскую пропедевтику, или же онъ хотѣлъ приспособить свою хрестоматію ко второй изъ указанныхъ цѣлей? Ясно, что это не совсѣмъ одно и то же, и ясно, что такая двойственность тенденціи должна отразиться и на достоинствѣ книги. Въ самомъ дѣлѣ, если бы преслѣдовалась вторая цѣль, то хрестоматія приблизилась бы къ типу сборника статей по философіи специальныхъ наукъ. Однако, съ одной стороны, большая часть книги отведена общимъ философскимъ проблемамъ, съ другой стороны, тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть при прохожденіи исторіи, теологии, языкознанія, вообще, всѣхъ гуманитарныхъ наукъ, въ этой книгѣ отыскала не находяться. Статьи по теоріи познанія, метафизикѣ и философіи естествознанія, психологіи и логикѣ, этикѣ и эстетикѣ — вотъ

содержаніе книги. Такимъ образомъ, хрестоматія подходитъ скорѣе подъ первый типъ—пособіе для изучающихъ философію какъ самостоятельный предметъ. Но все же вторая тенденція даетъ себя знать. Читаемъ мы хрестоматію, и она сразу подкупаєтъ настъ пестротой содерѣжанія: читатель узнаетъ вѣдь и о взглѣдѣ Пуанкаре на роль гипотезъ, и о принципахъ механическаго міровоззрѣнія, и о понятіяхъ силы и энергіи, и о витализмѣ, и о борьбѣ за существованіе, и о телевологіи, и о психо-физическомъ параллелизмѣ, и о психической причинности, и о понятіи числа, и о многомъ, многомъ другомъ, и все въ отдѣльныхъ статьяхъ, и все на протяженіи 170 стр.! Но, спрашиваю я, есть ли смыслъ давать *такіе* отвѣты и есть ли смыслъ, вообще, спѣшить съ отвѣтами? Не усыпляетъ ли такой методъ мысль вмѣсто того, чтобы возбуждать ее? Наконецъ, вводить ли это, дѣйствительно, въ философію, дѣлаетъ ли читателя філософъ въ истинномъ (Сократовскомъ) смыслѣ, не даетъ ли вмѣсто плодотворнаго философскаго настроенія суетную *сафіау*?

И что составитель книги, дѣйствительно, пошелъ по неправильному пути, доказываетъ слѣдующее: въ погонѣ за отвѣтами на «современные» вопросы онъ не нашелъ этихъ отвѣтовъ у гениевъ философіи и потому обратился къ современнымъ же философамъ. Въ его хрестоматіи мы встрѣчаемъ имена Геккеля, Дюбуа-Реймонда, Буссе, Паульсена, Оствальда, Либмана, Вундта, Зигварта, Вилла, Фолькмана и др., встрѣчаемъ 7 статей самого Б. Шмida и... только 29 стр. (изъ 170!), посвященныхъ отрывкамъ изъ Декарта, Локка, Юма и Канта. Конечно, Вундтъ, Зигвартъ, Паульсенъ крупные таланты, но все же не гenii; а, между тѣмъ, необходимость философской хрестоматіи вызвана именно потребностью въ непосредственномъ знакомствѣ съ отрывками изъ геніальныхъ философовъ. Платона, Августина пересказомъ не замѣнишь; каждая строчка, каждое слово «Пира», «Софиста», «Исповѣди» вдохновляетъ и волнуетъ, а Буссе и Оствальда, Фолькмана и Фолькельта стоитъ ли приводить въ подлинникѣ! Не лучше ли тогда вмѣсто «философской хрестоматіи» написать свое собственное «введеніе въ философію». Правда, отрывокъ изъ Августина не скажетъ ничего объ энергіи, но философомъ сдѣлать можетъ лучше, чѣмъ Оствальдъ.

Но станемъ на точку зрењія составителя и оцѣнимъ содерѣжаніе книги, стоя на его же позиціи. «Намъ кажется, что

г. Шмидъ сдѣлалъ свой подборъ искусно, если принять во вниманіе размѣры книжки и уровень читателей, для которыхъ она составлена», говоритъ редакторъ russk. пер. проф. Н. Ланге. Но для кого она составлена? «Я имѣлъ въ виду создать пособіе для учителя, но въ то же время я старался расположить материалъ такъ, чтобы тамъ, гдѣ философіи удѣляется больше вниманія, эта книга могла принести пользу и въ рукахъ ученика», заявляетъ г. Шмидъ. Удалось ли это? Что касается учениковъ, то г. Шмидъ самъ признаетъ, что «нѣкоторыя изъ избранныхъ мною статей являются весьма трудными». Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли отрывки изъ «Критики чистаго разума» о пространствѣ и времени, «Логики» Зигварта о законѣ логическаго основанія или о понятіи очислѣ, отрывокъ «причинность въ волнѣ» изъ Вундта и нѣкоторые др. могутъ быть доступны ученику хотя бы послѣдняго класса. Что же касается учителей, то, хотя хрестоматія и дастъ имъ много интереснаго, однако, для этой цѣли она должна принять и большій размѣръ, и болѣе усложненное содержаніе.

Содержаніе хрестоматіи таково: выяснивъ сущность и значеніе философіи въ отрывкѣ изъ Риля (Введеніе въ современную философію) и собственной статьей, Шмидъ даетъ представление о материализмѣ (2 собств. статьи и выдержки изъ Ламеттри и Геккеля), о взглядахъ Дюбуа-Реймонда и объ идеализмѣ (первыхъ 2 размышленія Декарта, Локкъ объ априорныхъ идеяхъ, Юмъ о причинности, Кантъ о метафизическомъ познаніи, пространствѣ и времени, критика Буссе скептицизма, Паульсенъ о проблемѣ реальности). Если исключить собственные статьи г. Шмida, нѣсколько неопределенные, какъ ихъ характеризуетъ редакторъ русского перевода и, пожалуй, отрывокъ о душѣ Геккеля, остальные отрывки очень интересны и удачны, хотя и кажется страннымъ, что среди статей, посвященныхъ проблемѣ реальности, нѣтъ отрывка изъ Беркли, классика легкаго для чтенія. Но за то этотъ отдѣль не производить впечатлѣнія полноты: монизмъ представленъ только Геккелемъ, и читатель ничего не узнаетъ ни о Спинозѣ, ни о новѣйшихъ монистахъ; далѣе, въ число статей о материализмѣ слѣдовало бы включить выдержку изъ Лукреція (изъ 1-ой или 3-ей пѣсни); кроме того, нѣтъ ничего о монадологіи, волюнтаризмѣ, позитивизмѣ и агностицизмѣ, а вѣдь все это необходимые отдѣлы филосо-

фіи, и притомъ въ яркихъ и легкихъ отрывкахъ здѣсь нѣтъ недостатка.

Второй отдѣлъ открывается выдержанной изъ Пуанкаре о гипотезахъ въ физикѣ, затѣмъ идутъ отрывки изъ Сталло, Оствальда, Пуанкаре и собственная статья о силѣ и энергіи; Ферворнъ о витализмѣ и Дарвинъ о борьбѣ за существованіе, Либманъ о реальной причинности, Шмидъ о развитіи понятій субстанціи и причинности, Вундтъ о свободѣ воли, Зигвартъ о законѣ логическаго основанія и Шмидъ о цѣли. Этотъ отдѣлъ наиболѣе систематизированъ, и нѣкоторые отрывки, напр. изъ Сталло и Вундта, весьма удачны. Однако, статья Шміда о понятіи силы очень слаба, отрывокъ изъ Ферворна блѣденъ, и читатель мало узнаетъ о причинахъ отвращенія естествоиспытателей къ витализму и ничего не узнаетъ о неовитализмѣ и его доводахъ. Статьи Либмана, Шміда, Вундта и Зигварта помѣщены не совсѣмъ въ послѣдовательности; наконецъ, вмѣсто скучной собственной статьи о понятіи цѣли Шмидъ могъ бы дать выдержку изъ Зигварта.

Отдѣлъ «психологія и логика» самый слабый: 2 статьи Вилла о психологіи и о сознаніи, Вундтъ о психофизическомъ параллелизмѣ, Пауль о психологическомъ и грамматическомъ подлежащемъ, Милль о логикѣ, Зигвартъ о числѣ, Фолькманъ объ индукціи и дедукції. Случайность подбора сразу бросается въ глаза, да и отрывки (за исключениемъ удачного изъ Вундта) неудачны. Первая статья могла бы быть замѣнена любымъ отрывкомъ изъ Вундта; далѣе, нѣтъ представителя спиритуалистической психологіи; отрывокъ о сознаніи блѣденъ для ученика, статья Пауля можетъ вызвать у него только недоумѣніе, наконецъ, какая необходимость была включать отрывокъ изъ Зигварта о числѣ? А сколько яркихъ отрывковъ и вопросовъ первой важности пропущено!

Въ 4-мъ отдѣлѣ («Этика и Эстетика») этика представлена очень удачно отрывками изъ Геффдинга и Паульсена, что же касается эстетики, то на ряду съ прекраснымъ отрывкомъ изъ Фолькельта и довольно яркимъ изъ Либмана объ эстетическомъ идеалѣ приведены 2 блѣдныхъ выдержки изъ Ратцеля о красотѣ въ природѣ, и, опять-таки, опущены рядъ первостепенныхъ вопросовъ о чувствѣ красоты, о понятіи прекраснаго и т. п.

Итакъ, недостатки книги: неопределеннность ея задачи, весьма малое количество отрывковъ изъ твореній геніевъ, пестрота и

поверхностность содержания, случайность въ подборѣ и систематизация отрывковъ; достоинства книги: аккуратное и тщательное отношение составителя къ дѣлу, сказавшееся въ бережномъ отношении къ приведеннымъ отрывкамъ, разнообразіе статей и современность ихъ. Философомъ эта хрестоматія не сдѣлается, быть пособіемъ для систематического изученія философской пропедевтики она не будетъ, но для человѣка, занятого самообразованіемъ и немногого знакомаго съ философіей и наукой, она дастъ разнообразный и интересный матеріалъ.

Русскій переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ и литературенъ. Впрочемъ, въ погонѣ за легкой литературной формой г. переводчикъ не стѣсняется близостью къ буквальному переводу и часто прибѣгааетъ къ перефразировкѣ. Правда, это небольшой грѣхъ по отношенію къ Буссе, Вилла, Либману etc., гдѣ нюансы фразы и точность терминологіи не такъ дороги и важны, но, все же, иногда ведетъ къ погрѣшностямъ. Напр., на стр. 59: «Внутреннее чувство... представлениа о самой душѣ...» (въ подлин.: *Der innere Sinn... gibt zwar keine Anschaung von der Seele selbst...* слѣд.: внутреннее чувство не даетъ, правда, *интуаций о самой душѣ*); на той же стр.: «Пространство не есть эмпирическое понятіе, отвлеченное изъ вѣнчшаго опыта (въ подлин.: *Der Raum ist kein empirischer Begriff, der von ausseren Erfahrungen abgezogen worden* слѣд.: пространство не есть эмпирическое понятіе, *извлеченное изъ вѣнчшихъ опыта*). Есть и несомнѣнныя ошибки. Напр., на стр. 60: «Въ пространствѣ должно видѣть условіе возможности явлений, а не зависящее отъ нихъ отношеніе» (въ подлин.: *Es wird also als die Bedingung der M glichkeit der Erscheinungen, und nicht als eine von ihnen abh angende Bestimmung angesehen* слѣд.: на пространство, слѣдовательно, надо смотрѣть какъ на условіе возможности явлений, а не какъ зависящее отъ нихъ *определение*); на стр. 78: «Масса и движеніе вполнѣ отличны одно отъ другого» (въ подлин.: *Masse und Bewegung sind disparat* слѣд.: масса и движеніе *раздѣльны*). Издана книга хорошо.

П. Блонскій.

M. Ettlinger. Untersuchungen über die Bedeutung der Deszendenztheorie für die Psychologie.

Этюдъ Эттлингера посвященъ одному изъ самыхъ очередныхъ вопросовъ психологического изслѣдованія—вопросу о значеніи

теорії розвитія для психології. Сжато, но очень содержательно трактуетъ онъ о главныхъ сторонахъ вопроса, останавливаясь больше всего на анализѣ и провѣркѣ тѣхъ понятій, которыя лежать въ основѣ конструкціи эволюціонной психології. Надо отдать автору справедливость, что онъ вполнѣ овладѣлъ духомъ современной психології: его анализы отличаются тонкостью и глубиной. И если даже не соглашаться съ выводами автора, нельзя не отнести съ вниманіемъ къ методологическимъ указаніямъ его.

Излагать содержаніе сжато написанного этюда Эттлингера не стоитъ; остановимся лишь на нѣкоторыхъ интересныхъ соображеніяхъ его.

Эттлингеръ справедливо подчеркиваетъ *психологический* составъ теорії розвитія: такія понятія, какъ понятія приспособленія, привычки им'ють чисто-психологическое содержаніе и въ то же время являются основными для теорії розвитія. Въ связи съ этимъ Эттлингеръ не безъ основанія жалуется на то, что въ значительной части зоопсихологическихъ работъ замѣчается полное отсутствіе ясныхъ и точныхъ психологическихъ понятій. Именно отсутствіемъ у изслѣдователей психологической школы слѣдуетъ объяснить ту разноголосицу, то крайнее разнообразіе мнѣній, часто противоположныхъ, которое господствуетъ въ современной зоопсихології относительно самыхъ основъ ея.

Интересны и полны глубокаго содержанія замѣчанія Эттлингера о роли «сознанія» въ сравнительно-психологическихъ изслѣдованіяхъ. Для русской публики, въ которой еще держатся преданія о пресловутой «объективной психології», было бы чрезвычайно полезно познакомиться съ указанной главой изъ этюда Эттлингера. Хотя на русскомъ языкѣ им'ется прекрасная работа Васманна («Итоги сравнительной психології»), но Эттлингеръ выгодно отличается отъ Васманна во-первыхъ, рельефностью своего изложенія, а главное—своимъ прекраснымъ знакомствомъ съ различными направленіями современной психології.

Любопытна и глава о «критеріяхъ сознанія». Эттлингеръ отвергаетъ цѣлесообразность дѣйствій животныхъ, какъ критерій сознанія, и самъ высказывается лишь за признаніе ученія критеріемъ сознанія. Развивая свои мысли по данному вопросу, Эттлингеръ проводитъ весьма важное разграничение между смежными физіологическими и психологическими понятіями. Онъ

категорически высказывается противъ того расширеннаго, физиологического толкованія памяти, которое связываетъ ее съ наследственностью; такъ же рѣзко проводитъ онъ различіе между активнымъ и пассивнымъ приспособленіемъ, между упражненіемъ и привычкой. Не можемъ не отмѣтить и того справедливаго замѣчанія Эттлингера, что на почвѣ психофизического параллелизма зоопсихология лишена принципіальной возможности решать свои проблемы.

Общій выводъ Эттлингера таковъ, что теорія развитія не столько помогаетъ, сколько затрудняетъ психологіи выполненіе ея задачь. «Пониманіе духовнаго развитія человѣка, говоритъ онъ, есть задача, которую психологія вполнѣ можетъ разрѣшить собственными средствами.»

В. Зѣньковскій.

А. Ярошъ. Происхожденіе души и элементы познанія. Опыты параллелистического міросозерцанія. Спб., 1906 г. Цѣна 1 руб.

Точка зреенія автора—реалистически понятый психофизической монизмъ Спинозы въ той его модификації, которая носитъ название панпсихизма. Въ этомъ отношеніи авторъ находится, повидимому, подъ вліяніемъ Фр. Паульсена. Давъ послѣдовательно критику материализма или, вѣрнѣе, наивнаго реализма и спиритуализма, А. Ярошъ развиваетъ возврѣнія Спинозы, называемыя имъ «универсальнымъ монизмомъ» и на основаніи факта невозможности установить логически какую-либо прочную и опредѣленную грань между органическимъ и неорганическимъ мірами въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ приходитъ къ признанію необходимости всеобщаго одушевленія. Проводя, далѣе, до конца неизбѣжно и тѣсно связанный съ его точкой зреенія параллелизмъ духовнаго и материальнаго начала, авторъ построяетъ понятіе «атомической души», надѣляя всякой материальной атомъ нѣкоторымъ атомическимъ и элементарнымъ сознаніемъ и рассматривая развитіе душевной индивидуальности и самую душу, какъ продуктъ эволюціи душевныхъ атомовъ.

Написанная яснымъ и живымъ языкомъ, книжка г. Яроша вполнѣ могла бы служить своей основной цѣли: «Дать ясное и удовлетворительное изложеніе теоріи психофизического монизма для средняго читателя» (стр. III),—если бы въ ней на ряду съ ея достоинствами не содержался, къ сожалѣнію, и цѣлый

рядъ серьезныхъ недостатковъ. Такъ, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что критика спиритуализма, которую мы находимъ въ третьей главѣ,—если только можно назвать критикой голословныя обвиненія спиритуалистовъ въ «непродуманности, ребячливости и безосновательности» (стр. 70), основывается едва ли не на странномъ смѣшніи спиритуализма съ субъективнымъ идеализмомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, понять такую, напримѣръ, фразу: «утверждать, какъ это дѣлаютъ спиритуалисты, что виѣшній міръ существуетъ лишь въ нашемъ воображеніи» и т. д. (стр. 71)? Какие спиритуалисты это дѣлаютъ и характерно ли это для спиритуализма?

Совершенное недоумѣніе вызываетъ, далѣе, у освѣдомленнаго читателя пониманіе и критика авторомъ теоріи пространства и времени Канта. Если по отношенію къ Канту въ современной философіи и продолжаетъ попрежнему царить полная разноголосица, то есть по крайней мѣрѣ одинъ пунктъ, на которомъ въ той или иной мѣрѣ сходятся всѣ изслѣдователи: никто не считаетъ методъ Канта генетико-психологическимъ. Между тѣмъ вотъ что мы читаемъ на стр. 56 разбираемаго сочиненія: «Мы несогласны, пишетъ авторъ, съ такимъ анализомъ *генезиса*¹⁾ представлений пространства и времени» (какъ у Канта), и это на томъ основаніи, что по Канту будто бы пространство и время обладаютъ по отношенію къ опыту временными пріусомъ (стр. 54 и 56).

Существенныя опредѣленія грѣшатъ у г. Яроша совершенной неопредѣленностью или даже спутанностью: такъ, на стр. 11 о философіи говорится, что она «является продуктомъ съ одной стороны познанія, а съ другой—мышленія»; на стр. 29 о реализмѣ (гносеологическомъ) утверждается, что онъ «видитъ въ познаніи точный отпечатокъ дѣйствительности», а объ идеализмѣ (гносеологическомъ же), что по нему «всѣ наши представления есть искаженное до неузнаваемости отраженіе дѣйствительности». Странное утвержденіе находимъ мы и на стр. 25, гдѣ о христіанствѣ говорится, что оно будто бы рассматривается дѣйствительность, какъ механическую смѣсь духовной и тѣлесной субстанцій.

Наконецъ, и въ области исторіи философіи авторъ проявляетъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

иногда нѣкоторую смѣлость, способную вызвать въ читателѣ прямое недоумѣніе: изъ примѣч. на стр. 81 мы узнаемъ, напримѣръ, что Оствальдъ, написавшій, какъ извѣстно, «Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus», есть не что иное, какъ «послѣдовательный материалистъ». Говоря о различныхъ пониманіяхъ задачи и метода философіи, г. Ярошъ замѣчаетъ на стр. 12, что Кантъ «выдѣляетъ для философіи совершенно особый предметъ... гносеологію», а на стр. 13, что по Канту «объектомъ философіи служитъ... фактъ человѣческаго познанія». Читателю, незнакомому съ исторіей философіи, повидимому, такъ и не доведется узнатъ, что кромѣ «Кр. ч. р.» Кантомъ были написаны «Основанія метафизики нравовъ», «Кр. практ. раз.», «Религія въ предѣлахъ чист. раз.» и т. д.

Всѣ эти болѣе или менѣе крупные промахи сочиненія г. Яроша породятъ, думается намъ, порядочную путаницу въ головахъ его читателей, и это обстоятельство врядъ ли можетъ искупаться тѣмъ, что изъ книжки можно почерпнуть и рядъ интересныхъ свѣдѣній и соображеній.

Г. Гордонъ.

Новыя книги и брошюры, присланнія въ редакцію.

Ананьинъ, С. А. Софистъ. Діалогъ Платона. Киевъ, 1907. Ст. 202.

Бернштейнъ, А. Н. Экспериментально-психологическая методика распознаванія душевныхъ болѣзней. Москва, 1908. Ст. 19. Ц. 35 к.

Бехтеревъ В. Объективная психологія. Вып. I. Спб. 1907. ст. 58.

Бирюковъ, П. Духоборцы. Изд. «Посредника». Ст. 236. Ц. 1 р. Москва, 1908 г.

Босма, Г. Нервныя дѣти. Перев. съ нѣм. Н. Кашина, подъ ред. А. Н. Королькова. Москва, 1908. Ст. 81. Ц. 50 к.

Вандаль, Альбертъ. Армяне и турецкія реформы. Перев. съ фр. М. Я. Альвердянцъ. Спб., 1908. Ст. 24.

Гершензонъ, М. П. Я. Чаадаевъ. Спб., 1908. Ст. IV+320. Ц. 1 р. 25 к.

Güntzberg, Benedikt. Die Gesellschafts—und Staatslehre der Physiokraten. Leipzig, 1907. Ст. XV+144. Ц. 4. Изд. Дункеръ и Гумблотъ.

Денисюкъ, Н. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. Москва, 1907. Ст. IV+112. Ц. 30 к.

Его же. Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Выпукъ первый. Москва, 1907. Ст. 175. Ц. 1 руб. Вып. втор. Ст. 212. Ц. 1 руб.

Джорджъ, Генри. Общественные задачи. Перев. съ англ. С. Н. Николаевъ съ предисл. Л. Н. Толстого. Ст. VIII+278. Ц. 40 к. Изд. «Посредника».

Зоргенфрей, Г. Вопросы современной школы. Спб. 1907. Ст. 83. Ц. 75 к.

Карпентэръ, Эдв. «Я есмъ». Перев. съ англ. И. Ф. Наживина. Москва, 1907. Ст. 46. Ц. 20 к. Изд. «Посредника».

Карцовъ, Н. С. Записки по педагогической психологіи. Спб., 1907. Ст. 161. Ц. 70 к.

Клингеръ, Максъ. Живопись и рисунокъ. Спб., 1908. Ст. 56. Ц. 50 к.

Lapie, R. La femme dans la famille. Ст. 350. Ц. 4 фр. Парижъ, 1908. Изд. O. Doin.

Leclerc A. La morale rationnelle dans ses relations avec la philosophie g n rale. Paris 1908. Ст. 539. Ц. 7 fr. 50 sm.

Лютгенау, Францъ. Естественная и соціальная религія. Спб., 1908. Ст. 289. Ц. 1 р.

Отчетъ о состояніи шестой С.-Петербургской гимназіи за 1906—1907 учебный годъ. Спб., 1907. Ст. 72.

Платоновъ, А. И. На зарѣ новой жизни. Тифлисъ, 1907. Ст. 16. Ц. 10 к.

Поланъ, Фр. Воля. Спб. 1907. Ст. 332+III. Ц. 1 р. Перев. съ фр. М. Васильевой.

Сорель, Жоржъ. Соціальные очерки современной экономіи. Перев. съ итальянск. Г. Кирдецова. Москва, 1908. Ст. VII+356. Ц. 1 р. 25 к.

Столица, З. К. Очерки по философіи идеализма. Спб. 1908. Ст. 95. Ц. 50 коп.

Изданія «Посредника»:

Толстой, Л. Н. Что же дѣлать? Ст. 12. Ц. 3 к.

Его же. Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій. Т. I. Ст. VI+298. Ц. 75 к.

Его же. Письмо къ китайцу. Ст. 43. Ц. 15 к.

Его же. Противъ толстовства. Ст. 15. Ц. 3 к.

Его же. О жизни. Ст. 196.—Ц. 35 к. Москва, 1907.

Тормазовъ, С. Загадка куренія. Спб., 1907. Ст. 48. Ц. 30 к.

Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданныя подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. I. Вѣрный, 1907. Ст. XII+731+III.

Хельчицкій, П. Сѣть вѣры. Съ чешскаго Ю. С. Анненкова. Съ предисл. Л. Н. Толстого. Москва, 1907. Ст. XXIX+101. Ц. 25 к. Изд. «Посредника».

Что такое „сектанты“ и чего они хотятъ? Съ предисл. Ив. Ф. Наживина. Москва, 1907. Ст. 95. Ц. 25 к.

Шейнъ-Фогель, А. Русская грамматика, обработанная на новыхъ началахъ старо-давняго происхожденія. Тифлисъ, 1907. Ц. 15 к. Ст. VI+26.

Его же. Къ реформѣ орѳографіи. Тифлисъ, 1904. Ст. 32. Ц. 30 к.

Ізвѣстія и замѣтки.

А. К. Шиманскій.

Въ октябрѣ этого года въ Вѣнѣ скончался Адамъ Карловичъ Шиманскій. Большинству читателей «Вопросовъ Философіи и Психологіи» это имя, вѣроятно, ничего не говоритъ. А. К. умеръ на зарѣ своей научной и философской дѣятельности, и немногія оставленныя имъ работы или напечатаны въ изданіяхъ, мало распространенныхъ среди широкой публики, или разбросаны въ видѣ мелкихъ замѣтокъ по различнымъ ежемѣсячнымъ журналаамъ, или, наконецъ, только начаты, но не доведены до конца. Казалось бы, незачѣмъ и упоминать о смерти человѣка, такъ мало сдѣлавшаго и такъ мало извѣстнаго... Но именно потому, что покойного знали только немногіе, и хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ онъ былъ и какъ много унесъ съ собой въ могилу.

А. К. былъ философомъ въ хорошемъ, глубокомъ смыслѣ этого слова: вся его непродолжительная и богатая страданіями жизнь была проникнута тѣмъ особымъ настроениемъ, которое является результатомъ постоянной и упорной работы духа надъ вѣчными загадками бытія и которое можно назвать философскимъ по преимуществу. Отъ природы одаренный тонкимъ поэтическимъ чутьемъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, для которыхъ «Мировая Гармонія» не голое понятіе, не абстракція, а реальный фактъ, съ силой воспринимаемый чувствомъ. И это отражалось на его міросозерцаніи, на всемъ его нравственномъ облике; онъ умѣлъ смотрѣть на жизнь съ той высоты, съ которой видны только свѣтлыя ея стороны, а темныя

отступають на задній планъ, пріобрѣтая значеніе случайныхъ и скоропреходящихъ явлений.

Глубокое врожденное пониманіе прекраснаго привело А. К. и къ занятіямъ философіей: онъ началъ съ изученія эстетики. Но «чистая мысль» заключаетъ въ себѣ такую же притягательную силу, какъ и «чистое искусство»: вопросы гносеологии и метафизики все больше и больше увлекали А. К.; философія съ ея стремленіемъ къ установлению единства, гармоніи въ разрозненныхъ знаніяхъ о мірѣ давала ему такое же удовлетвореніе, какъ и искусство. Кантіанство, имманентная школа, эмпіріокритицизмъ—вотъ тѣ этапы, которые постепенно проходила его мысль, ни въ одной изъ этихъ системъ не находя себѣ окончательного успокоенія. Особенно сильное вліяніе оказалъ на него Соловьевъ: въ свѣтѣ его философіи показались безплодными всѣ прежнія исканія истины, и съ мистическимъ настроениемъ, навѣяннымъ родственнымъ ему по духу философомъ-поэтомъ, А. К. жилъ весь послѣдній годъ, съ нимъ же онъ ушелъ и въ вѣчность.

Съ внѣшней стороны жизнь А. К. не богата событиями. По происхожденію полякъ, онъ выросъ и воспитался на русской почвѣ, подъ вліяніемъ русской культуры. По окончаніи курса въ одной изъ Кіевскихъ гімназій онъ поступилъ въ мѣстный университетъ сначала на естественный факультетъ, а затѣмъ на историко-филологической. Будучи студентомъ-филологомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ Психологической Семинаріи, основанной и руководимой проф. Челпановымъ. Тогда же онъ написалъ сочиненіе на тему «Ученіе Канта и Спенсера о пространствѣ», за которое былъ удостоенъ золотой медали. Студенческие годы были для А. К. временемъ жестокой материальной нужды, обостренной тяжелой болѣзнью (нефрить), которая постепенно подгачивала его силы. Но обычная ясность духа, спокойное философское отношеніе къ жизни не покидали его и въ самыя трудныя минуты. Въ крайне тяжелыхъ условіяхъ онъ продолжалъ упорно работать надъ тѣми вопросами, которые составляли главный интересъ его жизни. По окончаніи филологического факультета А. К. былъ оставленъ при каѳедрѣ философіи для подготовленія къ профессорскому званію. Необходимость искать заработка, однако, мѣшала ему всецѣло отдаваться научной дѣятельности; въ теченіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ онъ состоялъ преподавателемъ въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Кієва и, кромѣ того, читалъ логику на высшихъ курсахъ, основанныхъ проф. Довнаръ-Запольскимъ. Въ педагогическую работу А. К. вносила свое обычное воодушевленіе и серьезность: онъ усердно занимался вопросами воспитанія и незадолго до смерти приступилъ къ обработкѣ матеріаловъ для учебника по педагогической психологіи. Все усилившаяся болѣзнь скоро оторвала его и отъ этой дѣятельности; чтобы спасти остатки здоровья, онъ долженъ былъ уѣхать въ Каиръ. Но было уже поздно: нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тепломъ климатѣ, не помогли ему, и скоро его не стало.

Среди университетскихъ товарищѣй, какъ впослѣдствіи среди учениковъ и сослуживцевъ, А. К. пользовался самыми искренними симпатіями. Всѣхъ, кто зналъ его близко, невольно влекла къ нему его кристально-чистая душа, его свѣтлый взглядъ на жизнь, его безкорыстная любовь къ наукѣ и искусству.

А. К. вѣрилъ въ бессмертіе души. Можно быть скептикомъ и не соглашаться съ нимъ въ этомъ вопросѣ, но предъ смертью такихъ людей, какъ онъ, невольно задумаешься и спросишь себя: неужели природа такъ расточительна, что все то цѣнное, что было въ немъ, исчезнетъ безслѣдно и только увеличитъ собой количество «энтропіи», энергіи безвозвратно потерянной для жизни, которая составляетъ сущность и вѣнецъ мірового процесса? И хочется вѣрить, что не сказано еще послѣднее слово въ этой области, что правы не тѣ, кто строитъ свое міропониманіе исключительно на выводахъ холоднаго, ограниченаго опытомъ разума, а тѣ, кто, какъ А. К., отдаютъ право решающаго голоса проникновенной интуиціи.

Н. Холодный.

Московское Психологическое Общество.

ССХХVII. Протоколъ очередного засѣданія 31 марта 1907 года.

Засѣданіе было открыто въ залѣ Правленія Университета, въ 9 ч. веч., подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секре-тарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. Н. Бернштейна, Д. В. Викторова, П. Б. Ганнушкина, Н. П. Корелиной, М. К. Морозовой, Ф. П. Ланна, В. М. Хвостова и стороннихъ посѣтителей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

- 1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
- 2) Сторонній посѣтитель Общества д-ръ Ю. В. Каннабихъ про-челъ рефератъ подъ заглавиемъ: «Къ вопросу о свободѣ воли».
- 3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитан-наго доклада, въ которыхъ приняли участіе, кроме референта, В. М. Хвостовъ и Л. М. Лопатинъ.
- 4) По окончаніи преній Л. М. Лопатинъ отъ имени присут-ствующихъ выразилъ благодарность референту за интересное сообщеніе и предложилъ Ю. В. Каннабиха къ избранію въ дѣй-ствительные члены Общества. Къ предложенію Л. М. присоеди-нились А. Н. Бернштейнъ, Н. Д. Виноградовъ и Д. В. Викторовъ.

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₄ ч. ночи.

ССХХVIII. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 6 октября 1907 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. веч., въ залѣ Правленія Уни-верситета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секре-

тарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: А. Н. Бернштейна, П. В. Безобразова, Д. В. Викторова, Н. П. Корелиной, Г. И. Россолимо, О. Е. Рыбакова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, членовъ соревнователей Е. Д. Мошкиной, Н. П. Ферстеръ и посторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель Общества Г. Г. Шпеттъ прочелъ рефератъ подъ заглавиемъ: «Физиологическое объясненіе въ психологии».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитанаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кроме референта, слѣдующія лица: Г. И. Челпановъ, Л. М. Лопатинъ, В. М. Хвостовъ, А. Н. Бернштейнъ и Д. В. Викторовъ.

4) Послѣ преній предсѣдатель выразилъ, отъ имени присутствующихъ, благодарность референту за интересный, живо и остроумно написанный рефератъ.

5) Въ закрытой части засѣданія была произведена баллотировка предложенного въ дѣйствительные члены Общества д-ра Ю. В. Каннабиха. Баллотируемый оказался избраннымъ единогласно.

6) Г. И. Челпановъ и Л. М. Лопатинъ предложили къ избранию въ дѣйствительные члены Общества автора реферата Г. Г. Шпетта, зарекомендовавшаго себя нѣсколькими печатными работами въ области философіи и переводами философскихъ сочиненій. Къ этому предложенію присоединились: Н. Д. Виноградовъ, Д. В. Викторовъ и А. Н. Бернштейнъ.

Засѣданіе было закрыто въ 12 $\frac{1}{2}$ ч. ночи.

CCXXVIII. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 20 октября 1907 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 $\frac{1}{2}$ ч. вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ В. П. Сербскаго, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: К. А. Андреева, П. В. Безобразова, С. Н. Булгакова, Д. В. Викторова, В. Е. Гіацинты, Н. М.

Горбова, Н. П. Корелиной, Л. М. Лопатина, Б. К. Младзѣевскаго, А. Г. Петровскаго, П. П. Соколова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Л. М. Лопатинъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: «Физикъ-идеалистъ» (памяти Н. И. Шишкина).

3) По поводу прочитаннаго сообщенія происходилъ обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе, кромѣ референта, Б. К. Младзѣевскій и Г. И. Челпановъ.

4) Въ закрытой части засѣданія была произведена баллотировка предложеннаго въ дѣйствительные члены Общества Г. Г. Шпетта. Баллотируемый оказался избраннымъ единогласно.

Засѣданіе было закрыто въ 11 $\frac{1}{2}$ ч. вечера.

ССХХІХ. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 10 ноября 1907 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 час. веч., въ залѣ библіографическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: К. А. Андреева, Н. П. Корелиной, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, члена соревнователя Н. П. Ферстеръ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель Общества П. П. Блонскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Ученіе о цѣлесообразности у Канта».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: Г. И. Челпановъ, Н. Г. Городенскій, Г. Г. Шпеттъ, В. М. Хвостовъ и Л. М. Лопатинъ.

4) По окончаніи преній Л. М. Лопатинъ выразилъ отъ имени приступающихъ благодарность референту за интересный докладъ.

5) Въ закрытой части засѣданія были заслушаны предложения

г. Рубинштейна и издательства «Складчина». Оба предложенія были отклонены Обществомъ.

6) Были предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: проф. Моск. Унив. А. А. Грушка Л. М. Лопатинымъ и Н. Д. Виноградовымъ (къ этому предложенію присоединились Г. И. Челпановъ и Н. П. Корелина) и проф. Московск. Духовной Академіи, приватъ-доцентъ Москов. Универ. Н. Г. Городенскій Г. И. Челпановымъ и Н. Д. Виноградовымъ (къ этому предложенію присоединились Л. М. Лопатинъ и Г. Г. Шпеттъ).

Засѣданіе было закрыто въ 11 $\frac{1}{2}$ ч. вечера.

CCXXXI. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 1 декабря 1907 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 час. вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: С. Н. Булгакова, Д. В. Викторова, И. В. Попова, Г. А. Рачинскаго, Ф. Е. Рыбакова, А. А. Спасскаго, П. П. Соколова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Д. ч. Общества И. В. Поповъ прочелъ рефератъ подъ заглавиемъ: «Религіозный идеалъ древне-восточной церкви и его культурно-историческія предпосылки».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: А. А. Спасскій, С. Н. Булгаковъ и Л. М. Лопатинъ.

4) По окончаніи преній предсѣдатель выразилъ, отъ имени присутствующихъ, благодарность референту за глубоко-интересный докладъ.

5) Въ закрытой части засѣданія была произведена баллотировка предложенныхъ въ дѣйствительные члены Общества: А. А. Грушка и Н. Г. Городенскаго. Оба оказались избранными (А. А. Грушка—8 противъ 1, Н. Г. Городенскій—7 противъ 2).

Засѣданіе было закрыто въ 12 час. ночи.

Материалы для журнальной статистики.

Въ 1907 г. экземпляры журнала „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ и ПСИХОЛОГИИ“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

№	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	экз.	№	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	экз.
1	Киевская	38	47	Калужская	5
2	Херсонская	36	48	Кубанская	5
3	Тамбовская	21	49	Могилевская	5
4	Казанская	20	50	Ставропольская	5
5	Таврическая	20	51	Терская	5
6	Томская	20	52	Гродненская	4
7	Харьковская	20	53	Енисейская	4
8	Екатеринославская	19	54	Петроковская	4
9	Варшавская	17	55	Рязанская	4
10	Области Войска Донск.	17	56	Тобольская	4
11	Нижегородская	15	57	Уфимская	4
12	Пермская	15	58	Архангельская	3
13	Виленская	14	59	Бакинская	3
14	Владимирская	14	60	Закаспийская	3
15	Московская	14	61	Забайкальская	3
16	Полтавская	14	62	Кутаисская	3
17	Саратовская	13	63	Олонецкая	3
18	Бессарабская	12	64	Пензенская	3
19	Вятская	12	65	Семирѣченская	3
20	Лифляндская	13	66	Сырт-Дарьинская	3
21	Смоленская	12	67	Сѣдлецкая	3
22	Орловская	11	68	Эриванская	3
23	Приморская	11	69	Якутская	3
24	Самарская	11	70	Акмолинская	2
25	Тифлисская	11	71	Елизаветпольская	2
26	Тульская	11	72	Радомская	2
27	Тверская	11	73	Семипалатинская	2
28	Черниговская	11	74	Ферганская	2
29	Астраханская	10	75	Черноморская	2
30	Курская	10	76	Эстляндская	2
31	С.-Петербургская	10	77	Амурская	1
32	Воронежская	9	78	Батумская	1
33	Минская	9	79	Выборгская	1
34	Ярославская	9	80	Дагестанская	1
35	Ковенская	8	81	Ломжинская	1
36	Волынская	7			
37	Вологодская	7			
38	Новгородская	7			
39	Подольская	7	II		
40	Витебская	6	III		
41	Иркутская	6	VI		
42	Костромская	6			
43	Люблинская	6			
44	Оренбургская	6			
45	Псковская	6			
46	Симбирская	6			
	(Безпл. и обмѣнныхъ)				128
				Итого .	1078
				Итого по губерніямъ	692
				Москва	171
				С.-Петербургъ	176
				За границу	39

Философскія изслѣдованія, == == обозрѣнія и проч.,

издаваемыя подъ редакціей проф. Г. Челпанова.

СОДЕРЖАНИЕ.

- Т. I. Вып. 1-й. Шиманский, А. К. Ученіе Канта и Спенсера о пространствѣ.
 Челпановъ, Г. И. Объ имманентной философіи.
 Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинари за 1897—1902 г.
- Т. I. Вып. 2-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ.
 Вайнштейнъ, А. Э. Ученіе о реальности по Шуберть-Зольдерну.
 Челпановъ, Г. И. Авенаріусъ и его школа.
- Т. I. Вып. 3-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ (окончаніе).
 Зѣньковскій, В. В. Современное состояніе психо-физической проблемы.
 Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введеніе).
 Челпановъ, Г. И. Априоризмъ и эмпиризмъ (отвѣтъ проф. Гилярову).
- Т. I. Вып. 4-й. Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта.
 Челпановъ, Г. И. Рецензія на соч. И. С. Продана „О памяти“.
 Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинари за 1902—1906 г.
- Т. II. Вып. 5-й. Блонскій. Ученіе Беркли о реальности.

Цѣна за каждый выпускъ 1 р.

Складъ изданія въ редакції журнала „Вопросы Философіи и Психологии“ и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Москва, Моховая, противъ Университета.

Открыта подписка на 1908 годъ

XIX г.

на журналъ

XIX г.

„ВѢСТИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдить за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ и сстematicкіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кроме того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогические очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аири (Victor Henrі), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вишперъ, А. Ф. Гартвигъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Т. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. И. Лозинскій, проф. Т. В. Локоть, А. И. Лотоцкій, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсяніко-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанская, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанская, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль и многіе др.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписаная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбать, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородніхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Открыта подписка на 1908 годъ на журналы:

1) „Юная Россия“ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНИЕ“.

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к., безъ пересылки. 5 р. съ пересылкой.

Въ 1908 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 КНИЖЕКЪ ЖУРНАЛА.

БЕСПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: 1. Л. Н. Толстой.— Избранные разсказы для школы и семьи. 2. Бретъ-Гартъ.— Избранные разсказы для школы и семьи. 3. Оскаръ Уальдъ.— Сказки. 4. Проф. А. Л. Погодинъ.— Очеркъ истории Польши. Со многими рисунками.

„Юная Россія“ съ „Педагогическими Лиеткомъ“ (8 кн.). Безъ доставки на годъ 5 р. Съ доставкой перес., на годъ 6 р.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНИЕ“ за прежніе годы 1897—1907 гг. по 4 р. безъ пересылки.

2) „Педагогический Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено къ выпискѣ по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ,

1 р. 75 к. безъ пересылки. 2 р. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогический Листокъ“: За страницу 40 р. За $\frac{1}{2}$ страницы 20 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогический Листокъ“ организованъ книжный складъ изданий Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека, 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Открыта подписка на 1908 годъ
на журналѣ.

„Московский Ежедѣльник“.

Вступая въ третій годъ своего существованія, „Московскій Ежедѣльникъ“ сохраняетъ неизмѣнными тѣ начала, которыя опредѣляли его направление въ теченіе двухъ предшествовавшихъ годовъ. Не примыкая ни къ какой изъ существующихъ политическихъ партій, журналъ ставить себѣ задачей служить органомъ объединенія для тѣхъ конституціоналистовъ, которые сходятся на почвѣ общихъ возврѣній идеализма, какъ христіанскаго, такъ и гуманитарного, и стремятся освѣщать вопросы политики и культуры съ точкой зрѣнія незыблемыхъ нравственныхъ началъ.

Редакторами журнала состоятъ: { кн. Е. Н. Трубецкой,
кн. Г. Н. Трубецкой.

— Въ журналѣ принимаютъ участіе: —

Н. Н. Авиловъ, священникъ К. М. Аггеевъ, проф. А. С. Алексеевъ, В. П. Алексеевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунь, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, П. И. Вайнбергъ, И. Н. Вернеръ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, И. М. Гольдштейнъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А.-Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Даудовъ, Н. Н. Доброиразовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здѣховскій, М. А. Иванцовъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. А. В. Карташовъ, А. А. Кауфманъ, Н. Д. Кашкинъ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. М. М. Кавалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. Н. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левидкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Луцицкій, Н. Н. Льзовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголитъ, Б. М. Маркельсь, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Младзевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцевъ, проф. Л. И. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровскій, Т. И. Полонеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергій Глаголь, Л. З. Слонимскій, П. Б. Струве (бывш. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Геверницъ (Фрайбургъ въ Брейсгау), М. П. Шепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Ясномолскій и другіе.

Въ частности обѣщали рядъ статей по слѣдующимъ вопросамъ: А. Н. Бенуа — искусства, С. Н. Булгаковъ — церковному, Н. А. Бердяевъ — письма изъ Парижа, Н. В. Езерскій — общественной жизни, А. А. Кауфманъ — аграрной политики, С. А. Котляревскій — внутренней политики, П. Б. Струве — соціально-экономической политики.

Въ журналѣ будуть появляться слѣдующія періодическія обозрѣнія:

Дѣятельности Государственной Думы; мѣстнаго управлѣнія; иностранной политики; искусства и музыки.

Въ теченіе года подписчики получать 50 книжекъ въ 4 листа еженедѣльно, за исключеніемъ праздниковъ Рождества и Пасхи.

Условія подписки на 1908 г.:

За 5 за 6 мѣс. 3 р. за 3 мѣс. 1 р. 50 к. за 1 мѣс. 75 к.
ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ.

ГОДЪ РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ только годовымъ подписчикамъ по слѣдующимъ условіямъ: при подпискѣ — 2 р., 1 апрѣля — 1 р. и 1 юля — 2 р.

Объявленія принимаются въ конторѣ отъ 10—5 час. днія.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмаръ. Телеф. 127 19.

I-й годъ изданія.**ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.**II-й годъ изданія.

на большую политическую общественную финансово-экономическую и литературную газету

„ГОЛОСЬ МОСКВЫ“

Независимый органъ печати умѣренно-прогрессивнаго направлени¤.

„ГОЛОСЬ МОСКВЫ“ получаетъ по телефону и телеграфу отъ своихъ специальныхъ корреспондентовъ полные отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы и Государственного Совѣта и всѣ свѣдѣнія о работахъ комиссий, состоящихъ при этихъ учрежденіяхъ, о жизни парламентскихъ фракцій, политическихъ клубовъ, собраний и т. д.

„ГОЛОСЬ МОСКВЫ“ получаетъ по телеграфу отъ своихъ корреспондентовъ, находящихся во всѣхъ крупныхъ мѣстностяхъ Россіи, самыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ провинциальной жизни.

„ГОЛОСЬ МОСКВЫ“ имѣтъ своихъ специальныхъ представителей для телеграфныхъ сообщеній: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Константинопольѣ, Прагѣ, Мадридѣ, Сеулѣ, Пекинѣ, Вашингтонѣ, Нью-Йоркѣ и Чикаго. Специальные военные корреспонденты въ Берлинѣ, Шанхаѣ и Токіо. Особой задачей редакціи является широкая организація въ газетѣ финансово-экономического и торгово-промышленного отдѣловъ.

Въ газетѣ „ГОЛОСЬ МОСКВЫ“ принимаютъ ближайшее участіе: В. Авсѣнко, А. Арцишевскій, проф. Е. Берендей, А. Бобришевъ-Пушкинъ, Н. Брешко-Брешковскій, проф. В. Барнеке, Н. Виноградовъ, кн. Н. Волконскій, М. Галкинъ, проф. В. Герье, прив.-доц. В. Грибовскій, проф. И. Громогласовъ, Н. Демчинскій, прот. Л. Доброравозъ, П. Каменскій, проф. М. Капустинъ, Г. Качаловъ, проф. гр. Л. Комаровскій, А. Кондратьевъ, проф. П. Кутешовъ, Б. Куманинъ, проф. А. Михайлова, проф. Ю. Морозовъ, Н. Насакинъ-Симбирскій, М. Невѣжинъ, Д. Одинокій, А. Осиповъ, М. Петровъ, Ф. Плевако, А. Потемкинъ, Б. Поповъ, В. Преображенскій, В. Садовской, Илья Саль, А. Тимофеевъ, гр. Л. Л. Толстой.

Въ газетѣ обѣщали свое сотрудничество: Н. Авдаковъ, Афанасьевъ, проф. Е. Бергманъ, С. Богушевскій, Вальди, проф. А. Вульфертъ, проф. Н. Высотскій, проф. Д. Голованъ, проф. Доримедонтовъ, К. Дѣгилевъ, А. Ермоловъ, А. Ерошкинъ, проф. М. Красноженъ, проф. П. Кротовъ, П. Кутлеръ, прив.-доц. К. Кузьминскій, проф. Ф. Латкинъ, проф. Ю. Легра, проф. К. Линдеманъ, бар. Мейндорфъ, Ю. Милютинъ, Н. Петровская, Л. Половцевъ, А. Ремизовъ, проф. Б. Сергеевичъ, проф. В. Судейкинъ, М. Сухотинъ, В. Татариновъ, Тодоровъ-Петко, Н. Хомяковъ, П. Чистяковъ, проф. Н. Цитовичъ, акад. И. Янжухъ и другіе.

Подписанная цѣна: съ доставкою и пересыпкою на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. За границу вдвое. Для военныхъ, духовенства, учителей, студентовъ вѣщ. учебн. заведеній 50 коп. въ мѣс. Годовымъ подписчикамъ на 1908 г. газета будетъ высылаться до 1-го января бесплатно.

Редакція и главная контора газеты „Голосъ Москвы“ находится въ Москве, Леонтьевский пер., домъ № 5.

Редакторъ Ю. В. Вульфертъ.

Издатель: „Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

на ежемѣсячное литературно-политическое издание

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

подъ общимъ редакторствомъ А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи: Ю. И. Айхенвальда, Ф. К. Арнольда, В. И. Вервадскаго, И. М. Грэсса, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка и Л. Н. Яснопольскаго.

Въ ближайшихъ книгахъ 1908 г. появятся между прочимъ произведения слѣдующихъ авторовъ: А. П. Чехова — „Неизданныя письма“, Д. С. Мережковскаго — „Драма изъ новой русской исторіи“, П. Булыгина — пов. „Призраки“, Осипа Дымова — разск. „Островъ заката“, П. А. Кожевникова — „Луги“, К. Д. Носилова — пов. „Золотая рѣчка“, М. К. Первухина — пов. „Штрейхбрехер“, Н. И. Тимковскаго — пов. „На озерѣ“. Рассказы: И. Бунинна, Бориса Зайде-ва, Вадлава Сирошевскаго, Ф. Соллогуба, А. Федорова, И. С. Шмелева, Т. Л. Щепкиной-Куцерникъ и др. Статьи: Вальтера — „Рихардъ Венеръ“, Волжскаго — „Изъ міра современныхъ религіозно-общественныхъ исканій“, И. М. Грэсса — „Воспоминаніе о Драгомановѣ“, Н. А. Гредескула — „Этюды въ области теоріи одѣяній“, Ф. Ф. Зѣлинского — „Античная религія и христіанство“, Б. А. Кистяковскаго — „Объ украинскомъ вопросѣ“, И. М. Кулешера — „Экономическая исторія, какъ наука“, И. И. Лапшина — „Эд. Ф. Гартманъ“, Д. С. Мержковскаго — „О Леонидѣ Андреевѣ“, Н. М. Минскаго — „Рабочій классъ и рабочая партія“. А. С. Пругавина — „Суздалская крѣпость“, В. В. Розанова — „Объ Иисусѣ Сладчайшемъ и о горькихъ плодахъ міра сего“, А. М. Рыкачева — „Професіональные союзы въ Германіи“. П. Б. Струве — „Великая Россія“, „Русская интеллігенція“, „Философіе мотивы въ исторіи экономич. мысли“ и рядъ публицист. набросковъ по югъ общ. заг. „На разныя темы“. Д. И. Шаховскаго — „Земскіе вопросы“, Г. Швітау — „Организаціи работодателей въ борьбѣ съ рабочими“ и „Рабочая партія въ англ. парламентѣ“, Л. Яснопольскаго — Нашъ бюджетъ на 1908 г. Ю. Энгель — „О Григѣ“. Статьи: Н. Кутлерова, А. Кауфмана, С. Франка, С. Булгакова и др. Письма изъ Франціи — Н. А. Бердяева, письма изъ Германіи — К. Дверницкаго. Публицист. очерки А. С. Изгоева. Литер.-критич. очерки — Ю. Айхенвальда и Д. И. Философова. Законодательство и жизнь — В. Н. Линда. Иностр. обозр.—С. Котляревскаго. Жур. обозр. — Ф. Арнольда. Очерки изъ исторіи полит. ідей въ Россіи — А. А. Кизеветтера.

Въ библіогр. отблѣкѣ помѣщ. рецензіи по всѣмъ отраслямъ литер. и науки за подпись постоянн. сотрудниковъ журнала и другихъ специалистовъ.

Условія подписки (безъ герб. сбора):

Съ достав. и перес.	Годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.

За границу	14 „	10 „	50 к.	7 „	3 „	50 к.	1 „	25 к.
----------------------	------	------	-------	-----	-----	-------	-----	-------

За перемѣну адреса взим. 30 к. Книгопрод. уступ. 50 к. ст. год. экз.

Подпись принимается въ Москвѣ — контора журн. Воздвиженка, д. Куманина. Въ Петербургѣ, Вильнѣ, Баршавѣ — въ книжн.маг. Н. Карбасникова. Въ Киевѣ — въ книжн.маг. Оглоблина. Въ Одессѣ — въ книжн.маг. „Трудъ“.

Открыта подпишка на 1908 годъ
на ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКЪ“,

издаваемый при С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

„Церковный вѣстникъ“ — еженедѣльный журналъ, служащий органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

„Церковный вѣстникъ“ вступаетъ въ 1908 году въ тридцать четвертый годъ издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907—1908 годъ

(съ сентября по сентябрь)

НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ“

Издание А. Н. Коншина. Под редакціей И. Горбунова-Посадова.

Журналъ „Свободное Воспитаніе“ имѣть своюю цѣлью разработку вопросовъ о свободномъ воспитаніи и образованіи, т.-е. такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самодѣятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ труѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

Въ связи съ основной задачей журнала стоять слѣдующія задачи: 1) Содѣйствіе защищѣ дѣтей отъ жестокости и эксплоатации и 2) Разработка вопроса о реформѣ личной, семейной и общественной жизни въ смыслѣ измѣненія самыхъ условий воспитанія.

Всѣ эти задачи журнала предполагается разрабатывать по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, образованія и самообразованія. 2) Статьи, очерки и рассказы изъ семейной, школьнай и общественной жизни съ точки зреінія интересовъ воспитанія и образования. 3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы его жизни. 4) Статьи и очерки по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплоатации. 5) Статьи о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія. 6) Статьи и очерки по ручному труду (земледѣльческому, ремесленному и т. д.). 7) Очерки и статьи по природовѣданію, устройству экскурсій и т. д. 8) Очерки по вопросамъ гигиены и дѣтства и юношества. 9) „Изъ книги и жизни“—Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образования. 10) Переписка между родителями, воспитателями, учителями и вообще всѣми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образования. 11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей. 12) Библиографія.

„Свободное Воспитаніе“ стремится объединить учителей, родителей, воспитателей и вообще всѣхъ сочувствующихъ реформѣ воспитанія и образования и желающихъ совмѣстно для этого работать.

Въ журналѣ принимаются участіе: Е. М. Бемъ, И. А. Беневскій, д-ръ Г. М. Беркенгеймъ, Л. А. Бессель, П. И. Бирюковъ, П. Н. Бирюкова, Е. И. Булгакова, д-ръ А. С. Буткевичъ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, В. М. Величкина, К. Н. Вентцель, С. А. Венцель, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, А. М. Вихровъ, Е. Е. Горбунова, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, Н. Н. Гусевъ, Е. А. Дунаева, С. Н. Дурылинъ, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, А. А. Зубрилинъ, О. В. Кайданова, Е. А. Караваева, акад. Н. А. Касаткинъ, М. В. Кистяковская, М. М. Клечковскій, П. В. Кротковъ, А. Н. Коншинъ, С. А. Левицкій, В. И. Лукьянская, Ю. И. Менжинская, К. А. Михайловъ, д-ръ Д. В. Никитинъ, С. Д. Николаевъ, Сергей Орловскій, Е. И. Поповъ, В. В. Петровъ, А. Б. Петришевъ, С. А. Первухинъ, С. А. Порѣцкій, А. С. Пругавинъ, д-ръ В. В. Рахмановъ, Н. А. Рубакинъ, проф. И. Е. Рѣчинъ, И. М. Соловьевъ, В. М. Сухова, А. М. Хирьяковъ, С. Г. Чефрановъ, Е. И. Чижовъ, С. Т. Шацкій, д-ръ А. Шкаранъ, М. А. Эртель и другіе.

Въ первыхъ №№ журнала будуть, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи: Бѣсѣды съ дѣтьми о нравственныхъ вопросахъ Л. Н. Толстого.—Новая школа. Эльсландера.—О производительномъ труѣ въ школѣ и педагогѣ будущаго. К. Н. Вентцеля.—Опытъ семейной школы въ Москвѣ М. К.—Исторія одной свободной школы. С. Н. Дурылина.—Письма о воспитаніи. Е. И. Попова.—Сетlementы въ Америкѣ и Россіи. А. Н. Коншинъ и Горбунова-Посадова.—Мысли народного учителя Китаева и проч.

Подписанная цѣна: на 1 годъ съ доставкой и пересылкой **3** руб. Безъ доставки въ Москвѣ **2** р. **50** к. Для сельскихъ учителей съ доставкой и пересылкой на годъ **2** р. Подписанная плата можетъ вноситься въ два срока: первая половина при подпискѣ, вторая не позже февраля мѣсяца. Первый и второй выпускъ журнала выйдутъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Подпись принимается въ Москвѣ: 1) въ конторѣ редакціи „Свободного Воспитанія“, Дѣвичье поле, Трубецкой пер. № 10; 2) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Петровскія линіи); 3) въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи); 4) въ Петербургѣ, въ Подвижномъ музѣ Технич. общ. (Прилукская, 10) и во всѣхъ канторахъ для приема подписки и въ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

ЗАПИСКИ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНИЯ

Императорскаго Русскаго Техническаго Общества
(десять выпусковъ въ годъ).

За годъ съ пересылкой и доставкой 5 р., за полгода 3 р.; безъ пересылки и доставки за годъ 4 р. 50 к., за полгода 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Нечетные №№—оригинальныя работы и изслѣдованія по вопросамъ техническимъ и соціально-экономическимъ на почвѣ русской дѣйствительности, обзоры, библіографія (переводы
статьи не печатаются).

Четные №№—изъ внутренней жизни Общества, протоколы засѣданій, отчеты о дѣятельности Отдѣленія и отдѣловъ; приложения, состоящія изъ законченныхъ трудовъ членовъ Общества или отдѣловъ его.

Подписка принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ Н. Лидерть, Москва, Петровскія линіи и 2) въ редакціи „Записокъ“, Знаменка, М. Знаменскій пер., д. К. К. Мазинга.

Объявленія принимаются у С. С. Кальмансона, Москва, Мясницкая, 29, кв. 9, телеф. 109—12.

Редакціонный комитетъ: { Я. Ф. Каганъ-Шабшай.
П. И. Недровъ.
Я. И. Перельманъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный религіозно - философско - научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

Журналъ будетъ выходить съ 7-го января 1908 г., 7-го числа каждого мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской, при участіи Анны Безантъ, доктора Рудольфа Штейнера, Alba, H. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Н. Лихачевой, А. Миндовой, Е. Писаревой (Е. П.), Д. Страндэа и др.

Цѣна 4 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Российской Имперіи. Допускается разсрочка: за $1/2$ года—2 р. 20 к., за 3 мѣс.—1 р. 10 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Спб., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кроме субботъ и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Карбасникова (Гостинный дворъ) и „Доброе дѣло“ (Бассейная, 4).

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по понедѣльникамъ, вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. днѣа.

Открыта подписка на 1908 годъ
(XIII годъ издания)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

„ВСХОДЫ“.

Въ 1908 году „ВСХОДЫ“ будуть издаваться въ томъ же духѣ и направлении, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ 1908 г. подписчики на полное издание „Всходовъ“ получать:

12 №№ большого формата разнообразного содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянныя отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Обо всемъ.—Критический указатель дѣтской и народной литературы.

12 №№ „Библіотеки Всходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

И. Абрамовъ, А. Алтаевъ, В. Анучинъ, К. Баранцевичъ, А. Боане, В. Брусянинъ, И. Бунинъ, Л. Василевскій, М. Ватсонъ, Воротынскій, П. Вольногорскій, А. Галагай, Г. Галина, А. Доброхотовъ, С. Елдатьевскій, А. Заринъ, И. Игнатьевъ, В. Измайлова, С. Караскевичъ, В. Кафрикъ, П. Левашовъ, М. Лялина, Д. Маминъ-Сибирякъ, С. Минцловъ, В. Немировичъ-Данченко, А. Нечеевъ, А. Никольскій, Н. Новичъ, К. Носиловъ, Н. Носковъ, Д. Пахомовъ, В. Писнячевскій, С. Порѣцкій, И. Потанекпо, Н. Пружанскій, З. Рагозина, Б. Розовъ, А. Свирскій, В. Сѣрошевскій, Г. Тумимъ, А. Чеглокъ, А. Яцута и друг.

Въ 1908 году будетъ напечатано между прочими: „Къ сѣверному полюсу“. Полірная экспедиція герцога А. Абруцкаго.—„Переломъ“. Повѣсть А. Алтава—„По высотамъ Кавказа“. Бар. С. Врангель.—„Подъ шумъ дубовъ“. Ист. пов. С. Минцлова.—„Наши самоучки“. М. В. Ломоносовъ. Н. Носкова—„Изъ исторіи русской живописи“. Очерки Д. Пахомова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

Полное изданіе „Всходовъ“: На годъ въ Россіи 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к. За границу 8 р. „Всходы“ съ 12 карт., но безъ „Библіотеки Всходовъ“: На годъ въ Россіи 2 р. 75 к., на $\frac{1}{2}$ года 1 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 75 к., заграницу 4 р.

На „БИБЛІОТЕКУ ВСХОДОВЪ“ подписка отдельно не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ коат. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монтижъ-Монтивидъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

— пятый годъ изданія —

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И
ЛИТЕРАТУРЫ**„ВѢСЫ“.**

Вступая въ пятый годъ изданія „Вѣсы“ остаются вѣрны своей программѣ и будуть издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. „Вѣсы“ за недорогую подписанную плату (пять рублей въ годъ за 12 книгъ) даютъ художественное изданіе, печатаемое на лучшей бумагѣ верже, при чемъ въ каждомъ № помѣщаются художественно выполненные черные и красочные воспроизведения картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ журналѣ печатаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, биографіи писателей и художниковъ, статьи по общимъ вопросамъ и богатая библіографія, оцѣнивающая всѣ выдающіяся новыя книги, которые появляются на языкахъ: русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, норвежскомъ и др. Во всѣхъ главныхъ городахъ Европы у „Вѣсовъ“ есть собственные корреспонденты.

Въ 1908 году въ „Вѣсахъ“, между прочимъ, будетъ напечатано: „Огненный Ангель“, исторический романъ Валерія Брюсова, часть 2-я, главы XI—XVI. (Новые подписчики часть I этого романа, главы I—IX, могутъ получить бесплатно).— Неизданные отрывки (авторизованный переводъ съ англійской рукописи) изъ „Тюремныхъ Записокъ“ Оскара Уайльда— „Сизокрылый голубъ“, повѣсть изъ современной жизни Андрея Бѣлаго— „О Лермонтовѣ“, критическое исследованіе Д. Мережковскаго.— „Сказки“ Александра Блока.— „Куряты Любви“, лирическая поэма М. Кузмина.— Новые рассказы є. Соллогуба, С. Ауслендеря, З. Гиппиусъ и др.— Новые стихи К. Бальмонта, Валерія Брюсова, Вяч. Иванова и др.— Новые рисунки К. Сомова, С. Судейкина, Н. Милюти, Карла Вальзера, Н. Феофилактова и др.

Подписная цѣна на годъ (12 книгъ) **пять** рублей съ пересыпкой по всей Россіи; на полгода—**три** рубля. Допускается разсрочка.

Годовые подписчики, внесшіе сполна подписныя деньги до выхода № 1, получать премію: изданій к—ва „Скорпіонъ“, по ихъ выбору, изъ списка, который будетъ приложенъ къ № 1, на сумму до 3 рублей. Всѣ подписчики „Вѣсовъ“ при покупкѣ книгъ изданыхъ к—вомъ „Скорпіонъ“ (болѣе 50 изданій), пользуются скидкой отъ 15 до 50%.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“. Отдѣление: С.-Петербургъ, Садовая, 18, книжный складъ „Коміssіонеръ“.

Редакторъ-Издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

27 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 Г. 27 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно - научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медіумизма и мистики.

(Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медіумизма, гипноза, явленій спиритизма и другихъ оккультныхъ явленій и фактовъ.)

Независимое слово въ школѣ и партії о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и ответы редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующие направленію журнала.

За прошлые годы въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса— „О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова— „Статья по медіумизму“; А. Ансанова— „Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера— „Фотографія невидимой руки“; А. Дассье— „Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Ришель— „Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Ж. Максвелль— „Феномены психизма“; д-ра М. Принса— „Множественность личности“; проф. Ч. Ломброзо— „Непокойные дома“; А. Шопенгауера— „О духовидѣніи“; д-ра Дю-Преля— „Душа, какъ организующее начало“; М. Сабуровой— „Смерть только метаморфоза“; проф. Шарко— „О сомнамбулизмѣ и гипнозѣ“; д-ра Охоровича— „Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; А. Чоллеса— „Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Круска— „Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова— „Исторія волшебства и суевѣрій“; „Кантъ, какъ спиритуалистъ“; „Радѣ и ясновидѣніе“ и др.; затѣмъ Отчеты Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдований русского спиритуалистического общества и др.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
за границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдельный номеръ въ продажѣ 25 к. (можетъ высыпать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейлгарть, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, экономическую, общественную и литературную газету

С Л О В О .

Главная задача „СЛОВА“ служение дѣлу скорѣйшаго фактическаго осуществления новаго государственного строя—конституціонной монархіи въ Россіи и проведенія въ жизнь неотложныхъ для обновленія страны реформъ, начиная съ мѣстнаго самоуправлѣнія. Широкая освѣдомленность во всѣхъ областяхъ политической общественной и народно-хозяйственной жизни и знанія положены „СЛОВОМЪ“ въ основу изданія. Къ литературному и художественному отдѣламъ „СЛОВА“ привлекаются лучшія силы въ области публицистики, беллетристики, театра, музыки, художества и критики. Подробные отчеты специального корреспондента о засѣданіяхъ Государственной Думы.

Подписная цѣна: на 1 годъ 12 руб., 6 м. 6 руб., 3 м. 3 руб., 2 м. 2 р. 15 к.,
1 м. 1 р. 10 к.

За границу: на годъ 20 р., 6 м. 11 р., 3 м. 6 р., 1 м. 2 р.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, волостныхъ и сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ и фельдшеровъ на годъ 8 р., на 6 мѣс. 6 р., 3 м. 2 р. 25 к., 2 м. 1 р. 50 к., 1 м. 80 к. выходитъ въ С.-Петербургъ съ 19 ноября 1906 г. въ изданіи и подъ редакціей М. М. ФЕДОРОВА. При ближайшемъ участіи: Гр. К. Градовскаго, Макеима Ковалевскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, Н. Н. Львова, В. А. Маклакова, о. Григ. Сп. Петрова, П. Б. Струве, Н. А. Тверскаго, кн. Евг. Н. Трубецкаго и др.

Подписка принимается въ Главной конторѣ СПБ. Невскій 92, кв. 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Живая Жизнь“

Въ журналѣ принимаются участіе: свящ. К. М. Аггеевъ, С. А. Аскольдовъ, Н. А. Бердяевъ, свящ. И. Брикничевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, Андрей Бѣлый, А. С. Волжскій, З. Н. Гипшусъ, А. В. Ельчаниновъ, В. В. Зѣньковскій, А. В. Карташевъ, Д. С. Мережковскій, А. А. Мейеръ, Арх. Михаилъ, В. А. Никольскій, Г. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, В. П. Свенцицкій, проф. кн. Е. В. Трубецкой, Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, В. Ф. Эрнъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ. Первая книжка выйдетъ въ первыхъ числахъ ноября 1907 года.

Подписная цѣна 5 р. въ годъ съ пересыпкой, 2 р. 50 к., за полгода, 50 к. въ мѣсяцъ. Отдельный номеръ—25 к.

Сельскимъ священникамъ, учителямъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 10% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала въ книжномъ магазинѣ „Братство“, Москва, Тверская, д. Олсуфьевъ (противъ Брюсовскаго пер.).

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ

СЕРИЯ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ,

издаваемая при Комиссии по организации домашняго чтенія подъ редакціей:
прив.-доц. Н. Д. Виноградова (филос. отд.), М. О. Гершензона (литератур-
ный отдѣлъ), прив.-доц. П. П. Гензеля (эконом. отд.), Б. А. Кистяков-
скаго (юрид. отд.), прив.-доц. Н. К. Кольцова (ест.-науч. отд.), проф. Д. М.
Петрушевскаго (историч. отд.).

Цѣль изданій: — поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки теченій литературы.

Программа издания: 1. Систематические обзоры научно-популярной лите-
ратуры по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. Кри-
тические отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ
статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библио-
графическая свѣдѣнія. 4. Краткія ученыя и литературные извѣстія. 5. Почто-
вый ящикъ. Въ приложениі будуть печататься программы, составленныя комис-
сіей по организации домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ,
книжками отъ 4—6 печ. листовъ, цѣной отъ 25—50 коп. за книжку. Въ вышед-
шихъ четырехъ выпускахъ помѣщены 13 обзоровъ, 154 рецензіи. Ц. 40 к. за вып.
Вып. V выйдетъ 15 декабря.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

М. П. Авсаркисовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Асколь-
довъ, А. Д. Алферовъ, пр.-д. Е. В. Аничковъ, С. М. Баранъ, М. В. Бернацкій,
Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, пр.-д. М. П. Бобинъ, прив.-доц. М. И. Бого-
льцовъ, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив.-доц. А. А. Бо-
ровой, Н. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій,
проф. В. П. Бузескуль, проф. С. Н. Булгаковъ, М. И. Бѣлоруссовъ, Андрей
Бѣль, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н.
Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, С. Б. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викто-
ровъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынскій, прив.-доц. А. Э. Вормстъ, бар. Н. Н.
Врангель, проф. Г. Н. Вульфъ, Б. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ,
доц. В. М. Гессентъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. Б. Гольденштейртъ, Б. М.
Гольдштейнъ, Ф. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горячевъ,
прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М.
Гревесъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф.
В. Э. День, проф. Г. В. Демченко, В. К. Дмитріевъ, А. М. Долматовскій,
Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, доп. В. Б. Ельяшевичъ, прив.-доц.
Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, прив.-доц.
М. Д. Заграцковъ, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, прив.-
доц. А. А. Ивановскій, Вяч. И. Ивановъ, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-
Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, прив.-доц. В. Е.
Игнатьевъ, И. А. Ильинъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. И. Калишевскій, В. Я.
Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ,
В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизиветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій,
М. Н. Ковалевскій, П. С. Коганъ, А. П. Колтайевъ, проф. В. А. Косинскій,
А. Н. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, Т. П. Кра-
вецъ, прив.-доц. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крапивинъ, М. А. Креч-
маръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доц.
Н. О. Лосскій, проф. И. В. Луцицкій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій,
проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Meerovitchъ, Н. Мировичъ, Б. Л. Модзалевскій,
С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нечаевъ,
проф. П. И. Новгородцевъ, К. М. Оберечевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М.
Орженцкій, проф. Н. И. Паліенко, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета,
прив.-доц. С. В. Познышевъ, прив.-доц. Н. Н. Полянскій, проф. И. А. Покров-
скій, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, проф.

Э. Л. Радловъ, проф. А. А. Раевскій, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. Г. Сабининъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Ф. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. А. Савицкій, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Симененко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. П. П. Соколовъ, прив.-доц. Е. В. Спекторскій, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанская, В. Н. Сторожевъ, И. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, М. А. Таганскій, проф. Ф. В. Тараповскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. Л. Я. Тауберъ, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, прив.-доц. М. А. Фатѣевъ, прив.-доц. А. Ф. Флеровъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, С. Ф. Фортунатовъ, А. Л. Форштеттеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Чепановъ, К. И. Чуковскій, проф. А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалляндъ, Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Г. Н. Шмелевъ, Г. Г. Шпетъ, С. А. Шумаковъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, Л. Н. Яснопольскій, прив.-доц. А. С. Ященко.

Книгопродавцамъ 30% скидки.—Объявления (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

Складъ издания—въ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семенковича, кв. 56. Для Петербурга—въ кн. складѣ „Прометей“, Спб., Пушкинская, 15.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

IV годъ издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ

IV годъ издания

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ для дѣтей средняго возраста (10—12-ти лѣтъ), какъ учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

„Семья и Школа“ состоять изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдельныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подпischиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми бесплатными приложеніями, редакція „Семьи и Школы“ обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самого журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступного и занимательного для дѣтей и выдержанного въ педагогическомъ отношеніи,— а также и на его изящную вѣшность. Для послѣдней цѣли, текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно исполненными рисунками и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдельные картины.

Цѣнѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семье и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. В. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьевъ, Н. К. Колцовъ, М. А. Круковскій, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, В. Г. Рудневъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешевъ,

М. В. Тиличеева, В. Н. Харузина, С. А. Омичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р., безъ доставки 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Кармасникова. Пробный номеръ высылается изъ редакціи за три семикопеечныхъ барки. Иностраные подписчики могутъ обращаться въ редакцію журнала „Семья и Школа“. Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанского Университета
на 1908 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія, публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научные работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациіи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, библіографическія отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія распределеніе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники исторические и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученые Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложенийъ.

Подписанная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльные книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

1908 г.

Принимается подписка
на журналъ

Годъ II.

„Современная Психіатрія“,

издаваемый при ближайшемъ участії

— А. Н. Бернштейна, П. Б. Ганнушкина и М. Ю. Лахтина.
(Москва). (Москва). (Москва).

Б. А. Муратова и С. А. Суханова.
(Саратовъ). (Москва).

Журналъ „Современная Психіатрія“ посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатрии.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ каждая, приблизительно въ концѣ каждого мѣсяца.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересыпкой 6 р., за границу—8 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“
Москва, Краснопрудная, домъ № 27, кв. 46.

Авторы оригинальныхъ работъ получаютъ бесплатно
25 отдельныхъ оттисковъ.

ПЛАТА за ОБЪЯВЛЕНИЯ:

Впереди текста: Страница 20 р., $\frac{1}{2}$ страницы 10 р. $\frac{1}{4}$ страницы 5 р. Позади текста: Страница 10 р., $\frac{1}{2}$ страницы 5 р. $\frac{1}{4}$ страницы 2 р. 50 коп. Оставшиеся экземпляры журнала „Современная Психіатрія“ за 1907 г. высыпаются за 5 р. (10 книжекъ: мартъ—декабрь.,

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ТРЕТЬІЙ.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1908 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивного направленія, но независимая отъ какихъ либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразованія государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб.
1 мѣс.—1 руб.

„Астрах. Листокъ“ расходится больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятые вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Мало-Демидовской улицѣ, свой домъ.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

III годъ изд.
ВѢСТНИКъ Народной Свободы.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ К.-Д.

III годъ изд.

Еженедѣльникъ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи В. Д. Набокова и А. И. Каминка, по прежней программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ „ВѢстника Народной Свободы“ помѣстили, между прочимъ, статьи слѣдующие авторы: А. Ю. Блохъ, Н. А. Бородинъ, А. В. Вергежский, И. В. Гессенъ, профессоръ Н. А. Гредескуль, А. П. Грессеръ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, Н. М. Йорданскій, прив.-доц. А. И. Каминка, профессоръ Н. И. Караваевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Н. Н. Кутлеръ, А. Р. Ледницкій, П. Н. Милоковъ, М. М. Могиллянскій, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, И. И. Петрункевичъ, А. А. Прессъ, Д. Д. Протопоповъ, Ф. И. Родичевъ, Л. Родионовъ, А. В. Смирновъ, П. Б. Струве, Л. С. Таль, А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, прив.-доц. М. И. Фридманъ, Н. Н. Черновковъ, кн. Д. И. Шаховской, Г. Швиттау, А. И. Шингаревъ, Л. И. Шифтъ, профессоръ Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ, Л. Ясинопольскій и др.

Кромѣ статей въ „ВѢстника Народной Свободы“ отводится много места сообщеніямъ о текущей партійной жизни. Относящіяся сюда матеріалъ располагается по слѣдующимъ постояннымъ рубрикамъ:

Центральный комитетъ: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности ц. к., циркуляры ц. к. мѣстнымъ партійнымъ организаціямъ, отчеты о дѣятельности состоявшихъ при ц. к. аграрной, рабочей, церковной и т. д.

С.-Петербургская и Московская группы: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности городскихъ и губернскихъ комитетовъ, а также районныхъ комитетовъ к.-д. партіи въ столицахъ. Отчеты о собраніяхъ, рефератахъ и т. п.

Провинциальный отдѣлъ: Корреспонденціи, отчеты и хроника партійной жизни на мѣстахъ.

Изъ жизни другихъ партій: Сообщенія о выдающихся моментахъ жизни другихъ партій—левыхъ и правыхъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются, между прочимъ, отчеты о съѣздахъ и всѣ важнѣйшія постановленія и резолюціи партійныхъ организацій Россіи.

Особое вниманіе удѣлено Государственной Думѣ и дѣятельности парламентской фракціи партіи Народной Свободы. Въ „ВѢстнике“ печатаются, между прочимъ, всѣ законопроекты партіи, предназначенные для внесенія въ Государственную Думу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересыпкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Разсрочка: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая 2 р. Заграницу вдвое. Отдѣльные №№ продаются въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Дума“, Карбасникова, Мелье, Митюрникова, Попова и „Право“ и въ кiosкахъ Пташникова по 15 к. Перемѣна адреса 20 к.

Подписька принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала Кирочная, № 30, отѣлѣніе конторы для городскихъ подписчиковъ при конторѣ газеты „Рѣчь“, Невскій пр., № 13 (въ кв. маг. Вольфа); 2) въ Москвѣ: при книжномъ складѣ „Народное Право“, Б. Никитская, Чернышевскій пер., домъ Пустошкина, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціон.-демократ. партіи.

Пробный № высылается главной конторой за одну 7 коп. марку.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Кирочная, 30, кв. 34.

Издатель В. Д. НАБОКОВЪ.

Редакторъ А. Ю. БЛОХЪ.